

Е.Ю. Винокуров

ТЕОРИЯ АНКЛАВОВ

Калининград
Терра Балтика
2007

УДК 332.122
ББК 65.049
В 49

Винокуров Е.Ю.
В 49 Теория анклавов. — Калининград: Терра Балтика,
2007. — 342 с.
ISBN 978-5-98777-015-3

Анклавы вызывают особый интерес в контексте двусторонних отношений между материнским и окружающим государствами, влияя на их двусторонние отношения в степени, намного превышающей относительный вес анклава в показателях населения и территории. Монография представляет собой политико-экономическое исследование анклавных территорий по всему миру. В теории анклавов предпринимается попытка дать ответ на ряд вопросов, два из которых являются центральными: какие факторы определяют суверенную принадлежность анклавов и какая экономическая политика может обеспечить их успешное устойчивое экономическое развитие?

Монография адресована широкому кругу читателей, а также профессиональным географам, политологам и экономистам.

УДК 332.122
ББК 65.049

© Винокуров Е.Ю., 2007
© Издательство «Терра Балтика», 2007
ISBN 978-5-98777-015-3

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Глава 1. Введение	7
Зачем изучать анклавов?	7
Вопросы и методология	13
Глава 2. Что такое анклавов и эксклавов	16
Определения и критерии	16
Другие критерии классификации	23
Основная типология территориальных анклавов	26
Перечень анклавов по их типу	27
Морские анклавов	41
Парные анклавов	44
Типы анклавов, не рассматриваемые в данной теории	45
Дополнительные классификации	50
Анклавов и другие территориальные фрагменты	54
Сравнение типов: географическое положение и распределение населения	56
Глава 3. Обзор литературы	61
Основная литература	61
Юридические проблемы и изучение отдельных случаев	75
Интернет-источники, сообщество Интернет и популярные периодические издания	77
Глава 4. Концептуальная основа исследования: «треугольник материнское государство — анклав — окружающее государство»	79
Отношения в рамках треугольника «материнское государство — анклав — окружающее государство»	79

Сеута и Мелилья: четыре оси треугольника МАО на практике	84
Юридический статус анклавов	95
Глава 5. Возникновение анклава, его суверенитет и дезанклавирование	97
Разлитые чернила	97
Возникновение анклавов и эксклавов	98
Дезанклавирование	109
Суверенная принадлежность анклавов	115
Будет ли Сеута принадлежать Марокко, Гибралтар — Испании и станет ли независимой Калининградская область?	126
Идентичность анклавных сообществ	127
Глава 6. Исследование отдельных анклавов	135
Баарле, или игра с границами	135
Куч Бехар	151
Полуанклавы на побережье Китая	163
«Республика Ширгисвальде»	172
Восточная Пруссия как эксклав Германии в 1920–1939 годах	175
Западный Берлин: все свободные люди мира как граждане анклава	179
Глава 7. Проблема доступа	184
Проблема доступа	184
Создание сухопутного коридора в контексте проблемы транзита	193
Глава 8. Отношения «материнское государство — анклав — окружающее государство»	220
Анклавная политика в треугольнике МАО	220
Международные конфликты	224
Анклавы в национальной политике	244
Бюзингенская модель	248
Размывание анклавности и фактическое дезанклавирование	258
Глава 9. Экономика анклава: исследование отдельных случаев	263
Сеута и Мелилья	263
Гибралтар	265
Гонконг: модель прибрежного анклава?	274
Макао	277
Экономика Западного Берлина	279

Калининградская область: анклавные шоки	286
Глава 10. Анклавная экономика: вызовы и ответы	297
Экономическая характеристика анклавов	297
Экономическое развитие анклавов и эксклавов	310
Заключение	320
Аббревиатуры	327
Библиография	328
Предметный указатель	338

Благодарности

Я в долгу перед моими коллегами, читавшими и комментировавшими текст на разных стадиях написания. Я особенно благодарен Брендану Уайту, автору книг, посвященных анклавным комплексам Куч Бехара и Баарле, за многочисленные замечания и долгие дискуссии.

Работа над теорией анклавов была сильно облегчена изысканиями многих энтузиастов, сделавших анклавы своим хобби и поделившихся своими находками в интернете. К таким людям принадлежат Ян Крог, Руди Лонгвилль, Лен Надыбал, Ролф Палмберг, Крис Шульц и Петер Смаардийк.

Благодарю Елену Валитову за изготовление карт и схем.

Книга посвящается землякам-калининградцам.

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ

Зачем изучать анклавы?

Неоднократно говорилось о том, что Гибралтар снова будет принадлежать Испании «еще до наступления 1800 года», «после войны» (по отношению к нескольким войнам), «еще до наступления 2000 года» или просто «в течение ближайших двадцати лет». Время и сроки проходят, но Гибралтар по-прежнему остается под властью Великобритании и недавно отпраздновал 300-летнюю годовщину в качестве британского владения. В 2002 году в Гибралтаре состоялся знаменательный референдум, в ходе которого более чем 99% населения однозначно выразили свое желание остаться под властью Британии.

Неоднократно говорилось и о том, что Сеута и Мелилья должны перейти под суверенитет Марокко. Станут ли они однажды марокканскими? Сеута и Мелилья были испанскими базами с 1668 года. Испания готова за них бороться, как это показали события 2002 года, когда она послала свой флот для оказания поддержки крошечному, непригодному для жилья острову Перехиль, находящемуся всего лишь в 250 метрах от побережья Марокко, где марокканские крестьяне пасли свой скот.

Некоторые российские политики и эксперты утверждают, что Калининградская область может быть потеряна либо вследствие того, что станет независимой, либо вследствие своего поглощения Германией. Тем не менее, экономические, политические, социальные и культурные связи с основной частью России у Калининградской области крепки, и идеи сепаратизма популярностью в ней не пользуются.

С другой стороны, Гонконг и Макао были переданы Китайской Народной Республике в 1997 и 1999 годах соответственно.

Итак, почему же суверенитет над некоторыми анклавами передается другому государству, в то время как другие анклавы сохраняют прочные связи с материнским государством?

Под анклавом мы понимаем часть территории государства, окруженную территорией другого государства. На первый взгляд, может показаться, что анклавы — аномалия. Регион, оторванный от основной территории страны? Регион, куда можно добраться, только если пересечь другое государство? Регион, очевидно неудобный для управления и функционирования экономики? Регион, который явно противоречит самой идее территориально неразрывного национального государства? Казалось бы, государства были бы счастливы так или иначе избавиться от анклавов — обменять их, продать или просто отдать. Тем не менее, в большинстве случаев этого не происходит. Многие анклавы оказываются очень стойкими даже перед лицом войн, изменения границ или экономических систем. Кроме того, можно было бы предположить, что государства, по крайней мере, стремились бы предотвращать образование новых анклавов. Но даже это не так. Новые анклавы и эксклавы — включая достаточно большие — появились в 1990-х. Распад Советского Союза породил до двадцати новых анклавов в Европе и в Азии.

С экономической точки зрения, будучи оторванными от своего материнского государства, анклавы находятся в особой позиции относительно экономической политики, специализации и торговли. В таких условиях некоторым анклавам удастся процветать, а некоторые начинают приходить в упадок. Ко времени своей передачи под суверенитет КНР Гонконг стал образцом свободной торговли и мировой глобализации. Малые анклавы Западной Европы, такие, как бельгийский Баарле-Хертог, испанская Лливия, итальянский Кампионе или австрийский Юнгхольц, также как и анклав США Пойнт Робертс, процветают на основе развития туризма и трансграничной торговли. С другой стороны, почти 200 индо-бангладешских анклавов Куч Бехара лишены электричества и страдают от нищеты. Густонаселенные анклавы Ферганской долины, располагающие плодородными землями и чудесными ландшафтами, развиваются хуже, чем их непосредственные соседи. Промежуточную позицию занимают испанские Сеута и Мелилья и Калининградская область, для экономического благополучия которых жизненно важны федеральные льготы и субсидии. Эти и многие другие анклавы демонстрируют ряд общих тенденций, как благоприятных, так и неблагоприятных.

Теория анклавов, изложенная в данной книге, пытается ответить как на вопросы, заданные выше, так и на многие другие. Цельный ряд из них имеет практический характер. Рассмотрим Сох, узбекский анклав в Кыргызстане с населением около 40 тыс. человек, находящийся на расстоянии пяти километров от основной территории материнского государства. Всего за несколько лет эффект от жесткого и часто незаконного пограничного контроля, размещения неотмеченных минных полей и угроз бандитских атак привел к появлению у жителей анклава чувства осажденности. Какие меры следует применить для разрешения проблемы доступа из основной части страны в анклав? Что можно сделать для обеспечения мирной жизни анклава? Эти вопросы представляют огромную важность для анклавов, наряду с их способностью отрицательно воздействовать на двусторонние отношения между материнским и окружающими государствами.

С проблемой калининградского транзита пытались справиться — лишь с ограниченным успехом — Россия и Европейский Союз в 2002–2004 годах. Подобные проблемы разрешить непросто. Проблема транзита в Нахичевань, азербайджанский анклав с 200 тыс. жителей, так и не была разрешена, несмотря на всю свою важность для Азербайджана в целом и для Нахичевани в частности. Процесс принятия соглашения по так называемому коридору Тин Бигха, связавшему самый большой анклав в Куч Бехаре, Дахаграм-Ангарпота, с Бангладеш, тянулся в течение двадцати лет. Длина этого коридора — всего 178 м. За эти годы на границе погибли десятки людей, вынужденных пересекать ее нелегально.

К идее систематического изучения анклавов и эксклавов я пришел, начав исследовать экономическое развитие Калининградской области. Эта сложная тема включает в себя ряд взаимосвязанных экономических и политических проблем. Возможно, другие анклавов в каком-либо отношении сравнимы с Калининградской областью? Могут ли Россия и ее самый западный регион избежать ошибок, допущенных в отношении других анклавов много лет назад? Какие экономические модели могут быть применимы к Калининградской области? И каким может быть ее будущее? Вскоре выяснилось, что анклавов существует множество, в действительности их — сотни. Тема оказалась сложной и практически не исследованной в мировой научной литературе.

Есть две основные причины, по которым следует изучать анклавов: ради самих жителей анклавов и ради отношений между материнскими и окружающими государствами. Начнем с того,

что миллионы людей по всему миру живут в анклавах. Они часто сталкиваются с тяжелыми проблемами именно вследствие анклавности своего региона. Эти проблемы являются как политическими — плохое качество управления и охраны правопорядка — так и экономическими, вызванными изначальной уязвимостью анклава и его изолированностью от основной части страны. Во-вторых, анклавы влияют на двусторонние отношения между их материнскими и окружающими государствами в высокой степени, несоразмерно своей, как правило, небольшой территории и малой численности населения.

Важность анклавов в международной политике намного превышает их относительный вес в показателях населения и территории. Анклавы обладают способностью негативно влиять даже на самые конструктивные и мирные взаимоотношения между материнским и окружающим государствами. Эти небольшие «занызы», глубоко лежащие в плоти окружающего государства, могут стать помехой, какой Гибралтар стал для Испании или Сеута и Мелилья для Марокко. Значение Гибралтара (30 тыс. жителей, 6,5 км²) было несоразмерно большим для отношений между Великобританией и Испанией на протяжении последних трех веков. Крошечные Сеута и Мелилья (19,5 и 12,5 км², 72 тыс. и 62 тыс. жителей соответственно) стали причиной (и до сих пор ею являются) напряженности в отношениях между Испанией и Марокко в течение столетий. Немецкий Бюзинген (1500 жителей, 7,6 км²) — объект нескольких сложных международных договоров между Германией и Швейцарией. Нельзя забывать и о наиболее известном анклаве XX века, Западном Берлине, 45 лет бывшим одним из наиболее ярких символов Холодной войны. Даже крошечные анклавы, окружавшие Западный Берлин (их было двенадцать), послужили причиной возникновения некоторой напряженности, следствием которой одно время стало сопровождение западноберлинских детей на пути в школу британскими солдатами на бронетранспортерах. Этот список можно продолжать и далее.

Одним из вариантов для многих правительств является избавление от своих анклавов путем обмена территориями. Это, однако, не всегда осуществимо. Крупные анклавы со значительной численностью населения обменять практически невозможно. Даже передача небольших участков земли является непростой задачей, так как она может обострить вопросы суверенитета и другие связанные с этими проблемы. В конце концов, почти все анклавы являются населенными. Так как их жители обычно це-

нят свою принадлежность к родине, в условиях демократического общества сложно пренебречь их желаниями.

Тем не менее, даже если обмен — или, по крайней мере, создание коридора — трудноосуществимы, есть другие способы разрешения проблем анклавности. Западноевропейские анклавны больше не создают серьезных проблем ни для материнских, ни для окружающих государств. Хотя и не сразу, но многие спорные вопросы были разрешены в течение столетий. В Европейском Союзе малые анклавны процветают и, как правило, не оказывают негативного влияния на отношения между государствами, чего нельзя сказать о других регионах и континентах. Ярким примером является сравнение двух наиболее сложных анклавных комплексов мира. С одной стороны, существует Баарле, включающий в себя 22 бельгийских и 8 голландских анклавов. Несмотря на множество серьезных проблем, таких, как контрабанда и установление границ, преодоленных только недавно (окончательная демаркация границ затянулась до 1995 года), две нации в Баарле тесно сотрудничают. Они даже научились использовать границу как средство привлечения туристов. Вынужденное дублирование коммунальных служб в некоторой степени остаются проблемой даже теперь; однако жители анклава Баарле научились минимизировать издержки. С другой стороны, существует Куч Бехар, включающий в себя 106 индийских анклавов в Бангладеш и 92 бангладешских анклавны в Индии, где численность населения составляет 60–70 тыс. человек. Ситуация в этих анклавах остается ужасающей, несмотря на тот факт, что они существуют на международном уровне с 1947 года: отсутствие местного правительства; элементарного правопорядка; электричества (несмотря на то, что во многих случаях линии электропередач окружающего государства проходят прямо по территории того или иного анклава) и коммунальных услуг; общая экономическая слаборазвитость; многочисленные препятствия для нормальной экономической и социальной жизни.

Между двумя крайними случаями позитивного и негативного решения анклавных проблем лежат многие десятки промежуточных путей развития международных анклавов. Несмотря на все различия в ситуациях, у них существуют определенные общие черты. Их объединяют не только многочисленные сходные проблемы, но также и некоторые неординарные возможности, созданные их анклавностью, фактами оторванности от материнского государства и окруженности другим государством. Анклавны могут

и предоставить дополнительные возможности развития, и стать бедствием для своего населения.

Анклавы часто рассматриваются как аномальные объекты мировой политической географии, своего рода курьезы в сфере географии и международных отношений. Даже авторы, пишущие об отдельных анклавах, нередко рассматривают их как исключение из правила. П. Голд, автор книг по Гибралтару и по испанским анклавам Сеуте и Мелилье, называет последние два «аномальными», наряду с использованием того же самого термина для характеристики ситуации с анклавами в целом (Gold 2000, 150). П. Ратон написал в 1958 году, что «международные анклавы как пережитки прошлого находятся в процессе исчезновения» (Raton 1958, 193). Почти 50 лет спустя мы убеждаемся в том, что он ошибался. В действительности число анклавов, появившихся во второй половине XX века, превышает количество переставших существовать.

Возможна ли теория анклавов, при всем их многообразии, в принципе? Рудольф Шеррер, автор диссертации, посвященной Бюзингену, написал следующее:

«Наш обзор показывает то, что анклавы в значительной степени отличаются друг от друга по размеру, численности населения и географическому положению; при более глубоком рассмотрении современной политической ситуация и экономические структуры в них разительно отличаются друг от друга. Географическая характеристика исключенности и включенности, является общей для всех, следовательно, правомерно поднять анклавный вопрос в рамках международной юридической практики и научных исследований. Если принять во внимание различные уровни правовых норм, тогда можно добавить, что с существованием анклава связаны не только проблемы международного права, но также государственные и административные проблемы» (Scherrer 1973, 18–19).¹

Шеррер начинает с утверждения о несравнимости анклавов вследствие различий в размере, численности населения, географии, политических и экономических структурах. Однако, противореча отправному пункту своего высказывания, он заканчивает его замечанием об общности анклавов в сфере международного, государственного и административного права. Другие авторы также находят у анклавов общие черты. Например, Нис указывает четыре общих проблемных области: во-первых, доступ к анклаву; во-вторых, проблема политического управления им;

¹ Здесь и далее все переводы выполнены автором.

в-третьих, его экономическое развитие; и в-четвертых, несопадающая идентичность материнского государства со своим анклавом (Nies 2003a; 2003b).

Я рассматриваю анклав не как географические аномалии, а как независимый класс пространственно-политических объектов. Обычно на анклав существует две точки зрения. Начнем с того, что следует принимать во внимание административные трудности, которые могут возникнуть при рассмотрении проблемы анклава с точки зрения материнского государства. Во-вторых, другая сторона проблемы может быть отчетливо видна с точки зрения окружающего государства. Поразительно, но анклав крайне редко рассматриваются с точки зрения интересов их жителей; однако этот третий ракурс важен, и он будет присутствовать в данной монографии наряду с двумя первыми. Анклавы не являются просто ненаселенными участками суши, и, следовательно, как жители, так и их мнение по поводу проблем анклава заслуживают пристального внимания. Весьма вероятно, что как материнская, так и окружающая страны испытывают ряд проблем и неудобств политического, административного и экономического характера вследствие существования анклава. В то же время особенно глубокое воздействие феномен анклавности оказывает на самих жителей анклавов.

Вопросы и методология

Теория анклавов должна быть комплексной и всесторонней. Ее задачей является изучение, по крайней мере, трех граней существования анклава — их политической, экономической и социальной жизни. Она должна охватить широкий круг вопросов. Первый уровень — вопросы, связанные с самим феноменом анклавов и эксклавов. Действительно ли они являются специфическими? Имеют ли они какие-либо общие характеристики, позволяющие рассматривать их как единый класс пространственно-политических объектов? Ряд вопросов касается возникновения, развития и исчезновения анклавов. Почему и как они возникают? Как развиваются и строят свою внутреннюю политику и экономику, а также отношения с внешним миром, особенно с окружающими и материнскими государствами?

Значительная часть исследования посвящена экономике анклавов. В ней рассматривается ряд проблем, которые этим территориям приходится преодолевать. Их существование в особых условиях сильной внешней зависимости и недостаточности внут-

ренных ресурсов требует организовать их экономическую специализацию особым способом. Экономические проблемы анклавов и эксклавов отличаются от экономических проблем малых государств и островов вследствие их анклавного/эксклавного статуса. Далее мы перейдем к изучению анклавных социумов и возникающих демографических, социологических и культурных проблем.

В теории анклавов предпринимается попытка дать ответы на ряд вопросов политического и экономического характера. Два из них являются главными. Во-первых, вследствие того, что анклавов часто являются объектами возникновения напряжения в международных отношениях, как можно сохранить мир внутри и вокруг них? Во-вторых, какой общей экономической политике можно следовать в целях обеспечения успешного развития анклавных регионов?

Чтобы построить теорию анклавов и эксклавов, следует также коснуться следующих тем:

- Несуверенные анклавов как единый класс пространственно-политических объектов. Существуют ли особые политические и экономические модели, обусловленные понятиями анклавности и эксклавности? Если да, то каковы они?

- Жизненный цикл анклавов. Как возникают анклавов? Как они развиваются? Почему они исчезают? При каких условиях анклавов существуют в течение более или менее длительных периодов времени?

- Экономика анклавов. Действительно ли анклавов неспособны быть экономически устойчивыми, находиться в равных условиях с другими регионами той же страны? Каковы условия их экономического процветания? Какие факторы препятствуют или способствуют развитию?

- Анклавные сообщества. Как национальные, религиозные и лингвистические композиционные модели влияют на качество отношений с окружающим и материнским государством? Существуют ли «анклавные особенности» идентичности?

- Политические и экономические стратегии для анклавов. Во-первых, так как анклавов часто являются объектами возникновения напряженности в отношениях, как сохранить мир внутри и вокруг них? Во-вторых, каковы общие стратегии для успешного экономического развития анклавных регионов и государств?

- Анклавов в мире. Какое место занимают анклавов в двусторонних отношениях между окружающим и материнским госу-

дарством? Какое место занимают анклавов в мировой политике и экономике?

Теория описывает феномены анклавов и эксклавов и пытается объяснить их. Затем на основе дескриптивного анализа делаются прогнозы.

Как правило, в качестве базы будут использоваться статистические данные за 2003 год. Динамические данные по уровню ВВП и другим показателям привлекаются при необходимости. Что касается исторических случаев, берутся данные за последние полные годы существования анклавов. Например, в качестве справочной информации для Гонконга используются данные за 1996 год, для Макао — данные за 1998 год. При изучении данных случаев применяются динамические ряды.

В качестве расстояния между анклавом и основной частью страны берется кратчайшая дистанция. Когда анклав находится далеко, также берется расстояние до ближайшей точки материнского государства (а не до столицы или центра экономической гравитации).

Таблицы данных, на которых основан анализ, являются всесторонними, но не такими полными, как хотелось бы. Обширность и недостаточная исследованность данной области предопределяют случаи нехватки сведений. Их неполнота часто заставляет выбирать качественный анализ вместо традиционного для статистики количественного. Интенсивно использованы исследования конкретных случаев и бенчмаркинг. Количественные расчеты произведены по мере возможности.

ГЛАВА 2. ЧТО ТАКОЕ АНКЛАВЫ И ЭКСКЛАВЫ

Определения и критерии

Понятие анклавов существует в истории человечества в течение тысячелетий. В Библии несколько раз упоминается об образовании анклавов (без употребления самого термина). Мадридский Договор 1526 года, возможно, является первым документом, содержащим термин «анклав». В английский язык термин «анклав» вошел достаточно поздно, в 1868 году, будучи заимствованным из французского — языка дипломатов — со смыслом, выведенным из позднелатинского *inclavatus*, означающего «закрытый, запертый» и *clavis* — «ключ». Слово «экслав» является логическим расширением, созданным 30 лет спустя, соответствующим латинскому *exclavo*. В настоящее время эти слова можно найти в большинстве индоевропейских языков, например, в английском (*enclave, exclave*), немецком (*Enklave, Exklave*), французском, испанском и итальянском (*enclave, exclave*), шведском (*enclav, exclav*) и во многих других. В китайском языке нет особого термина, описывающего анклав, но используется выражение 被包圍領土 (*bèi bāo wéi lǐng tǔ*) или 被包圍的領土 (*bèi bāo wéi dì lǐng tǔ*), буквально означающее «окруженная территория».

Термин «анклав» используется достаточно широко. Обычно он употребляется для определения существования инородного фрагмента внутри определенной среды. Очень типично употребление термина в геологии для обозначения существования фрагмента породы. В действительности, просмотрев базы данных научных публикаций, можно обнаружить гораздо больше работ по анклавам в области геологии, нежели в сфере политики. В церковном праве термин традиционно определяет территории одной епархии, окру-

женные другой, что является далеко не редким случаем. В экономике данным термином называются отрасли промышленности с преобладанием иностранного капитала в рамках национальной экономики (такие, как, например, сахарная промышленность в странах Африки и Южной Америки). Он также широко используется в социологии и других общественных науках, означая компактное поселение, значительно отличающееся от окружающей его территории по национальным, политическим, социокультурным или другим характеристикам. Часто можно услышать термины «этнические» или «религиозные» анклавов для описания компактных поселений отдельных этнических или религиозных групп. Эти поселения, от китайских кварталов до гетто, являются важным объектом изучения структуры городов. Термин используется также в военном деле, в сельском хозяйстве и в процессе межевания земель, в промышленности. Закончим тем, что слово «анклав» широко используется в художественной литературе и в бытовой речи для характеристики состояния изолированности предмета, группы или какого-либо явления от окружающего мира.

Территориальные анклавов, а также анклавность и эксклавность территории как в политическом, так и в экономическом смысле представляют собой главные объекты исследования данной монографии. Именно поэтому я предпочитаю отход от узкого определения, принятого в международном праве, рассматривающем анклавов как окруженные сушей территории, отделенные от основной части страны, так как данное определение включает в себя только так называемые «полные анклавов», не принимая во внимание широкий ряд случаев со сходными политическими и экономическими характеристиками. Например, в рамки исследования включены полуанклавов (регионы, имеющие доступ к морю). Данное исследование анклавов скорее фокусируется на людях и их жизни, нежели на чисто правовых нормах и географических конфигурациях. Хотя ряд правовых проблем, конечно, обсуждается, главный интерес для исследования преимущественно составляют сферы экономики и политики.

Переходя к определению термина «анклав», следует помнить о том, что существует много типов территорий, которые можно классифицировать как таковые. Не признавать этого — значит сражаться с ветряными мельницами. Большую пользу принесет выработка подробной внутренней градации. Начну с некоторых основных определений.

Анклав является частью территории государства, окруженной территорией другого государства. Части государства, *полностью* окруженные другой страной, называются «полными анклавами».

Понятие территории включает в себя как сухопутную территорию, так и территориальные воды. В том случае, когда анклавы находятся в территориальных водах, они называются морскими (если окружены территориальным морем) или озерными (если окружены озером). В настоящее время существуют три таких островных анклава: два малавийских, находящихся в территориальных водах Мозамбика в озере Ньяса, и аргентинский остров Мартин Гарсия, находящийся в территориальных водах Уругвая в Рио де ла Плата. Французские острова Сен-Пьер и Микелон, отстоящие от Ньюфаундленда в 12-мильной зоне Канады, в 1992 году получили доступ к открытому морю по решению Международного арбитражного суда.

Представлены два дополнительных понятия. *Материнское государство* — государство, частью которого является анклав. В литературе также используются термины «центральное государство» (Raton 1958) и «домашнее государство» (Robinson 1959; Catudal 1979; White 2002, 2004). *Окружающее государство*, как видно из формулировки, это государство, которое окружает анклав, но которому анклав не принадлежит. В литературе используются и другие термины: «государство-хозяин» («*host state*» Catudal 1979; Whyte 2002, 2004) и «соседнее государство» (Robinson 1959).

Решающим критерием для отнесения к анклавам является суверенитет над определенной территорией. Именно поэтому территории, контролируемые международными организациями, не могут считаться анклавами. Данное явление, само по себе не новое, было широко распространено в 1990-х годах в рамках деятельности ООН, например, безопасные зоны в Боснии и Герцеговине (Бихач, Сребреница и Жепа), а также Косово. Хотя ООН управляло безопасными зонами временно, передачи суверенитета не происходило.

Если территория связана с остальной страной единственной точкой, она также будет считаться анклавом. Соединение в единственной точке не имеет никакого практического значения. Человек не может попасть в страну через эту единственную точку, также через нее невозможно транспортировать товары. Невозможно даже проложить там телефонную линию. Австрийский муниципалитет Юнгхольц, расположенный к юго-востоку от немецкого города Кемптена, является одним из примеров. Он поч-

ти полностью окружен немецкой территорией, за исключением единственной точки на вершине горы Зоргшрофенс, которой Юнгхольц связан с основной частью страны. Два других соединения такого рода существуют в Куч Бехаре. Кроме этого, один такой случай наблюдается в анклавных комплексах Баарле, где два анклава связаны друг с другом лишь единственной точкой. Они также будут рассматриваться как отдельные единицы.

Полуанклав — это часть государства, окруженная территорией другого государства на суше, но имеющая выход к морю. Анклавы такого типа также называют *прибрежными анклавами* для отличия их от полных анклавов.

Пенеанклавы — это территории, которые хотя и не отделены от основной территории государства, но практически достижимы только при пересечении окружающего государства. Префикс пене- происходит от латинского *paene*, означающего «почти». Пенеанклавы соединены с основной территорией практически непроходимой полосой. Большинство из них расположено в горах. В таких случаях попасть на территорию пенеанклава возможно только через территорию окружающего государства. Причиной для рассмотрения пенеанклавов, хотя они и не являются реальными анклавами, является схожесть их проблематики с другими типами анклавов. Соединение с материнским государством в принципе можно установить путем строительства горной дороги или туннеля, что может лишить территорию ее анклавноности, как это произошло в Испании (Валь Д'Аран) и Швейцарии (Самнаун).

Возможен вопрос: нужен ли термин «экслав» вообще, ведь уже есть более употребительный термин «анклав». Представляется, что этот термин необходим по нескольким причинам. Первое: существуют регионы, представляющие собой «чистые эксклады». *Чистый экслав* — это регион, который, будучи отделенным от основной территории, окружен более чем одним государством. Таким образом, чистый экслав не является анклавом относительно других государств, но является эксклавом относительно основной территории страны. Специфичных для анклавов проблем, исходящих из окруженности одним государством, в таких случаях может быть меньше (хотя это и не обязательно), но проблемы эксклавов из-за изоляции от материнского государства остаются. В этом отношении особенно интересна Калининградская область. Она технически подпадает под определение чистого эксклава, так как она граничит с двумя странами, Польшей и Литвой. С другой

стороны, оба государства — члены ЕС, так что о Калининградской области можно говорить как о полуанклаве ЕС. Эта точка зрения подкрепляется тем фактом, что специфичные для анклава проблемы передвижения людей и товаров находятся в компетенции ЕС. В целом этот термин логически обоснован, если смотреть со стороны материнского государства.

В большинстве случаев (полные анклав, прибрежные анклав, пенеанклав, за исключением чистых эксклавов) один и тот же регион представляет собой анклав относительно окружающего государства и эксклав относительно материнского государства. Употребление того или другого термина будет зависеть от того, какой аспект отношения анклава к внешнему миру рассматривается в данный момент. В случаях, когда такое разделение не является значительным, используется более употребительный термин «анклав».

Существует три типа эксклавов. Во-первых, большое количество эксклавов одновременно является анклавами по отношению к государству, окружающему их (тип 2-1 (см. типологию ниже), например, Бюзинген, Кампионе и тип 2-4, пенеанклав). Во-вторых, существуют эксклавы, которые одновременно являются полуанклавами (тип 2-2, например, Гибралтар, Гонконг). И, в-третьих, это чистые эксклавы, то есть территории, окруженные более чем одним иностранным государством и, следовательно, не являющиеся анклавами по отношению к ним (тип 2-3, например, Нахичевань, Кабинда). Чистые эксклавы могут иметь или не иметь доступа к морю. Решающим фактором в определении их статуса является отделенность от основной территории материнского государства на суше.

Нам также необходимо более глубоко рассмотреть взаимоотношения между материнским государством и эксклавом. Наличие таких отношений является очевидными в абсолютном большинстве случаев, так как определить, какая из двух частей является материнским государством, а какая — его эксклавом, не сложно. Однако есть несколько теоретических возможностей, которые делают ответ менее однозначным, чем он кажется на первый взгляд. Допустим, что часть, которую мы условно определяем как эксклав, может быть больше по территории или по численности населения, чем основная. Что тогда будет являться решающим критерием, чтобы определить, какая часть является материнским государством и какая — эксклавом? Существуют три теоретически возможных критерия: во-первых, расположе-

ние столицы, во-вторых, относительный размер территорий, и, в-третьих, относительная численность населения. Мы предпочитаем следовать конвенции международного права и определять ту часть, где расположена столица, в качестве материнского государства безотносительно к численности населения и протяженности территории. Основной причиной является концентрация государственной власти в столице. Как уже было отмечено, такие вызывающие сомнения случаи являются редкими. Однако они могут появляться. Например, Восточный Бенгал, где проживало более половины населения страны, являлся эксклавом Пакистана с момента создания государства в 1947 году и до объявления его независимости в 1971 году. Так как столица государства была расположена в западной части и властные полномочия сосредотачивались именно там, западная часть государства рассматривается как материнское государство по отношению к Восточному Бенгалу.

Анклавы, полуанклавы и эксклавы, о которых было написано выше, являются частью территории независимых государств. Также существуют независимые государства, окруженные другим независимым государством. Для того чтобы отличать такие государства от несuverенных анклавных регионов, они называются далее «анклавными государствами» и «государствами-полуанклавами». *Анклавное государство* — это государство, полностью окруженное территорией другого государства. В настоящее время насчитывается три таких государства: Лесото, Сан-Марино и Ватикан. Свободные порты с прямым доступом к международным водам не являются анклавами, потому что они не обладают характеристикой включенности. Образование свободных портов, однако, не влечет за собой передачи суверенитета, а только его частичное ограничение. Это также распространяется на экстерриториальную собственность, такую, как здания посольств. Дополнительная путаница является результатом того, что государства, не имеющие доступа к морю (*land-locked states*) иногда называют «анклавными странами». В настоящее время в мире существует 42 таких страны. Две из них, Узбекистан и Лихтенштейн, могут получить доступ к морю только при пересечении двух других государств в любом направлении.

Полуанклавное государство — это государство, окруженное сухопутной территорией другого государства, но имеющее морскую границу. В то время как ситуация относительно анклавного государства вполне ясна, статус полуанклавного государства может

быть противоречивым. Мы начинаем с качественного представления о том, что анклавы характеризуются окруженностью иностранной территорией. Понятие анклавности является ключевым для определения анклава. Оно означает то, что включенность в территорию другого государства — его определяющая характеристика. Далее я применяю понятие *анклавности* для объяснения сугубо анклавной включенности. Такие случаи, как Лесото или Сан-Марино, являются очевидными примерами этого, так как эти анклавы полностью окружены другим государством. Однако ситуация становится менее ясной в отношении полуанклавов. Устраняет ли обладание выходом к морю анклавность этих государств? Формально Португалия, Дания и Канада также граничат только с одним иностранным государством, но они не являются окруженными в географическом, политическом или экономическом плане и имеют обширный доступ к международным водам. Можно ли утверждать, что Канада «окружена» США, а Дания «окружена» ФРГ? Очевидно, нет. В то же время существуют государства, которые, обладая выходом к морю, все же являются окруженными территориями иностранного государства. В качестве примера этому может выступать Гамбия. Хотя она имеет береговую линию, ее протяженность является минимальной по сравнению с сухопутной границей с Сенегалом: 80 и 740 км соответственно. Достаточно очевидно, что такое географическое положение будет иметь глубокие экономические и политические последствия для двусторонних отношений этих стран, так же как и для внутреннего развития Гамбии. Если мы будем узко интерпретировать понятие анклавности, то такие государства, как Гамбия или Монако, не являются анклавами в буквальном смысле слова. В действительности, однако, они все же являются анклавными, инкапсулированными и окруженными государствами. Мы видим, что критерий окруженности инородной территорией является ключевым для определения анклава. Этот критерий — качественный. Как таковой, применять его сложно. Чтобы сделать его применение возможным, мы вводим количественный критерий: сухопутная граница должна быть протяженнее, чем береговая линия.

Количественный критерий для суверенных полуанклавов можно выразить в следующем соотношении:

$$L_c/L_m > 1,$$

где L_c — длина сухопутной границы, а L_m — длина морской границы.

Следовательно, государство классифицируется как суверенный полуанклав, если оно граничит только с одним государством, и его сухопутная граница является более протяженной, чем морская. Этот дополнительный критерий вполне соответствует интуитивному пониманию. В соответствии с этим принципом, Восточный Тимор, Ирландия, Португалия, Дания и Канада исключаются из перечня. С другой стороны, Монако, Бруней и Гамбия включены в него.

Никакого подобного количественного критерия не нужно для определения рамок несuverенных полуанклавов/эксклавов и чистых эксклавов. Для классификации будет достаточно только понятия эксклавности в буквальном смысле. Не касаясь отношения сухопутная граница/морская граница мы классифицируем территории как анклав/эксклавы определенного типа. Например, сухопутная граница Дубровника (Хорватия) значительно короче, чем его морская граница. Тем не менее, Дубровник определяется как чистый эксклав. Достаточно того факта, что такие территории отделены от соответствующих материнских государств.

Другие критерии классификации

В мировой истории было четыре крупных волны создания анклавов. Первая волна вызвана особенностями довестфальского государственного построения в Европе. Государственность определялась не территорией, а феодалом. Это сделало возможным формирование «лоскутных государств» посредством покупки, наследования, ведения войн, пожертвований церкви и т. д. Существовали сотни и тысячи территориальных анклавов и эксклавов, основанных на владениях определенного феодала или правящей династии/фамилии. В Европе национальные государства начали возникать вследствие консолидации территории. Этот процесс устранил большинство довестфальских анклавов. Некоторые, однако, сохранились либо как несuverенные анклав (Баарле, Бюзинген, Ливия и т. д.), либо как анклавные государства (Монако, Сан-Марино, Ватикан).

Вторая волна связана с формированием рядом европейских государств — Испанией, Португалией, Францией, Британией, Нидерландами, а позднее и Германией — колониальных империй. Формально большинство заморских колоний (те, которые не были расположены на острове или островах) с XVI по XX век могут рас-

смагиваться как эксклавы по отношению к своим *метрополиям*, центрам соответствующих империй. Большая часть второй волны анклавов исчезла с карты мира вместе с падением колониальной системы. Некоторые сохранились: Сеута и Мелилья представляют собой примеры таких анклавов.

Третья волна напрямую порождена процессом распада колониальных империй Европы. Во-первых, к ней относятся эксклавы европейских государств, возникшие на руинах этих империй. Во-вторых, это независимые анклавные государства и несuverенные анклавы, которые появились в процессе установления границ между бывшими колониями. Суверенные Лесото, Бруней и Гамбия и несuverенные Куч Бехар и Тембуронг — классические примеры данного типа.

Распад постсоциалистических многонациональных государств, главным образом Советского Союза, послужил причиной возникновения четвертой волны образования анклавов. Около двадцати из них появились на карте в 1990–1991 годах. Абсолютное большинство возникло в 1991 году; лишь Калининградская область и Погири стали эксклавами уже в 1990 году, когда Литва объявила о своей независимости. Распад другого постсоциалистического многонационального государства, Югославии, привел к появлению анклава Саставчи и эксклава Дубровник.

Анклавы третьей и четвертой волны, то есть современного постколониального мира национальных государств, находятся в фокусе данного исследования. Проводится грань между колониальными и постколониальными анклавами. Некоторые постколониальные анклавы возникли, как только были построены колониальные империи Европы. Однако с течением времени они потеряли свой колониальный статус (или никогда полностью не являлись колониями). По этой причине они рассматриваются как составная часть соответствующего государства, а не как зависимая территория. Часть из них не считалась колониями с самого начала, так как они были населены нациями материнского государства. Например, население Сеуты и Мелильи всегда было преимущественно испанским, а не марокканским.

В мировой истории существуют сотни анклавов. Собрать информацию обо всех не представляется возможным. Тем не менее, исторический анализ является важным и необходимым. История дает нам возможность рассмотреть законченные случаи, то есть изучить весь путь анклава от его возникновения до исчезновения. Это похоже на полную биографию человека, которая может быть

написана только после его смерти (с тем отличием, что у анклавов есть «жизнь после смерти»: переставая быть анклавами, они продолжают существовать как обычные регионы). История предоставляет нам бесценный материал для анализа, который впоследствии мы можем применить к существующим анклавам. В каждой категории я разбираю несколько исторических случаев, которые либо являются типичными, либо имеют значительную историческую важность. Теория анклавов и эксклавов не может считаться полной без рассмотрения Гонконга, Макао, Западного Берлина или Восточной Пруссии.

Другим важным критерием классификации является то, включает ли теория только анклав *де-юре* или также анклав *де-факто*. В нескольких случаях анклав не был признан формально, хотя *де-факто* он существовал на протяжении долгого периода времени. В таких случаях большое значение имеет фактическая сторона вопроса, заключающаяся в том, действовала ли эта территория как анклав/эксклав в политической и экономической жизни. Вместо того чтобы придерживаться формальных правил международного права, фокусом данного исследования сделаны жители анклава. С этой точки зрения фактическая анклавность в плане политических отношений с окружающим государством и основной частью страны является решающим фактором, ведущим к признанию региона анклавом. Это утверждение можно проиллюстрировать двумя следующими примерами. Макао никогда официально не признавался Китаем как территория Португалии, так как он был сдан ей в аренду. В последние десятилетия его существования Португалия также не настаивала на своей власти над анклавом. Однако *де-факто* Макао существовал как эксклав Португалии на побережье Китая более четырех столетий. Германская Демократическая Республика и Федеративная Республика Германия не признавались как государства до 1949 года. Даже после этого ФРГ не признавала ГДР до конца 1960-х годов и наоборот. Тем не менее, Западный Берлин являлся анклавом внутри советской оккупационной зоны с 1945 по 1949 годы. После 1949 года он был признан эксклавом ФРГ внутри ГДР, несмотря на отсутствие официального признания последнего ГДР.

Возможна и противоположная ситуация, когда анклав до сих пор признается *де-юре*, но перестал существовать *де-факто*. Таковым является случай с Нагорным Карабахом и несколькими небольшими анклавами Армении в Азербайджане и Азербайджане

на в Армении. Существование таких анклавов будет признано с той оговоркой, что эти анклав практически не функционируют как таковые. Это является, по крайней мере, одной из дополнительных причин в добавление к официальному международному праву для включения таких анклавов в сферу рассмотрения. Их уязвимый статус также может стать причиной возвращения их реального анклавного статуса в будущем.

Основная типология территориальных анклавов

Следующая типология анклавов и эксклавов объединяет в себе правовой критерий на первом уровне с географическим критерием на более низком уровне. Первый уровень типологии основан на правовом факторе: территории первично делятся на суверенные государства, международные анклав и субнациональные анклав. Потом мы переходим к более низкому уровню, рассматривая, в первую очередь, критерий практической (не)возможности доступа. Хотя книга посвящена несуверенным анклавам, в целях более полного освещения проблемы мы приводим данные по анклавным государствам.

Рис. 2.1. Основная типология территориальных анклавов, эксклавов и анклавных государств

Перечень анклавов по их типу

Сведения о территории и населении даны на 2003 год. Для исторических случаев в таблицах указаны последние годы существования анклава. Например, информация о Гонконге дана на 1996 год и о Макао на 1998 год.

Перечень существующих анклавов практически исчерпывающий. Напротив, перечень бывших анклавов весьма обширен, но не является исчерпывающим. Более того, возможны различные точки зрения на спорные вопросы, особенно по тем анклавам, которые уже перестали существовать.

В таблице и далее в тексте будут присутствовать следующие аббревиатуры (в скобках даны английские аббревиатуры в схемах и картах): А (E) — анклав и/или эксклав; АГ (ES) — анклавное государство; М (M) — материнское государство или основная территория страны; О (S) — окружающее государство.

Анклавные государства

Тип I-1: анклавное государство. В соответствии с международным правом, оно представляет собой государство, полностью окруженное другим государством.

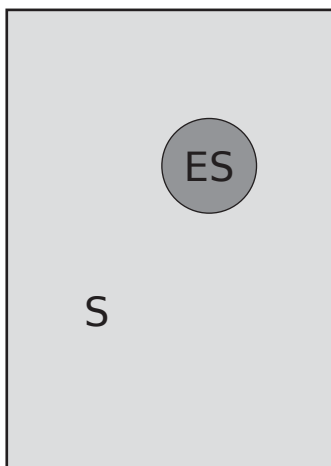

Рис. 2.2. Анклавное государство.
Тип I-1

Рис. 2.3. Лесото и Южная Африка

Таблица 2.1. Анклавные государства (тип 1-1)

Анклавные государства	Год создания	Население, тыс. чел.	Территория, км ²	Окружающее государство
Королевство Лесото	1996	1865	30555	Южная Африка
Сан-Марино	301	28,5	61,2	Италия
Ватикан	1929	0,92	0,44	Италия

Государства-полуанклав

Тип 1-2: государства-полуанклав. Суверенные государства, окруженные другим государством, но обладающие выходом к морю.

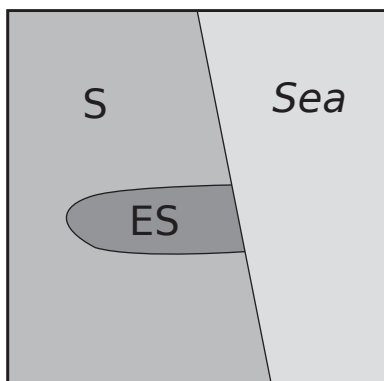

Рис. 2.4. Суверенные полуанклав.
Тип 1-2

Рис. 2.5. Гамбия и Сенегал

Таблица 2.2. Государства-полуанклав (тип 1-2)

Анклав	Год создания	Население, тыс. чел.	Территория, км ²	Окружающее государство
Бруней	1984	365,8	5570	Малайзия
Гамбия	1965	1546,8	11300	Сенегал
Монако ²	1419	32,3	1,96	Франция

² Монако стало суверенным полуанклавом после присоединения Савойи к Франции.

Полные анклав

Тип 2-1: полные анклав (несуверенные анклав/эксклавы). Часть территории государства, полностью окруженная территорией другого государства.

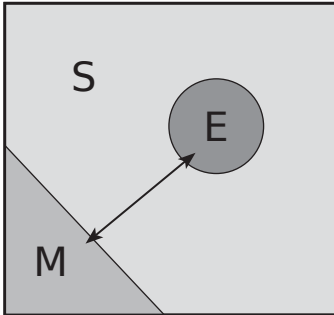

Рис. 2.6. Полные анклав.
Тип 2-1

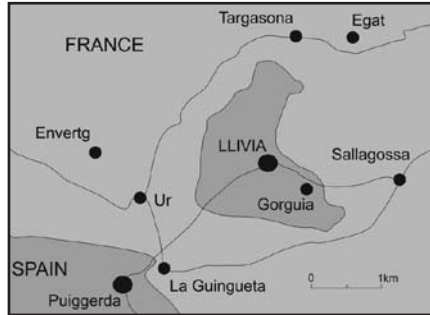

Рис. 2.7. Испанский анклав Лливия,
окруженный территорией Франции

Как уже было показано при описании анклава, если территория связана с остальной частью страны единственной точкой, эта часть будет рассматриваться как анклав. Кроме того, два анклава, соединенные друг с другом одной такой точкой, будут рассматриваться как отдельные объекты.

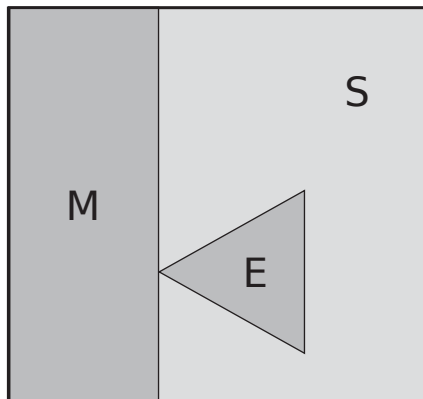

Рис. 2.8. Соединение в точке

Таблица 2.3. Полные анклав (несуверенные анклав/эксклав)

Анклав	Годы существования
Арцвашен	1991– аннексия Азербайджаном
5 азербайджанских анклавов в Армении (Бархударлы, Кьярки, два безымянных анклава к югу от Татлы ³ , Верхняя Аскипара).	1991– аннексия Арменией
Анклавный комплекс Баарле: 22 Баарле-Хертог, 8 Баарле-Нассау	1198
Барак	1991
Бюзинген	1465–1771 Австрия (1661–1698 Швейцария), с 1771 Германия
Кампионе	1512–
Острова Чисумулу и Ликома	1953–
Анклавный комплекс Куч Бехар: 106 индийских анклавов, 92 бангладешских анклава	1713–
Электростанция Декелия (2 анклава), Ормидия, Ксилотимбу ⁴	1960–
Джангайл	1991
о-в Мартин Гарсия	XIX век, соглашение 1973 года
Юнгхольц	1368 (пограничное соглашение 1844 года) (был присоединен к Германии в 1938–45)
Карагач	1991–
Ливия	1660– (1797–1815 Франция)
Мадха	1969–
Нагорный Карабах	1991– (де-факто независим)

³ Эти безымянные анклав расположены на расстоянии 750 м и 1500 м к юго-западу от азербайджанского города Татлы. Они расположены на западном берегу реки Акхумо и представляют собой участки земли примерно 300х400 и 300х200 м, отведенные под сельское хозяйство. Анклав были аннексированы Арменией так же, как Бархударлы, Кьярки и Верхняя Аскипара (Whyte 2002, 2nd print, addenda: 1).

Население, тыс. чел.	Территория, км ²	М	О
–	–	Армения	Азербайджан
–	0,06–0,12	Азербайджан	Армения
2,2 0,13	2,34 0,15	Бельгия Нидерланды	Нидерланды Бельгия
0,6	–	Кыргызстан	Узбекистан
1,5	7,6	Германия	Швейцария
3	1,7	Италия	Швейцария
8,1	18	Малави	Мозамбик
30 25	69,7 49,7	Индия Бангладеш	Бангладеш Индия
две деревни	–		
–	–	Узбекистан	Кыргызстан
0,2	2	Аргентина	Уругвай
–	–	Австрия	Германия
–	1	Таджикистан	Кыргызстан
1,2	12,84	Испания	Франция
	75	Оман	ОАЭ
200	4400	Армения	Азербайджан

⁴ Ормидия и Ксилотимбу являются киприотскими деревнями, окруженными территорией британской суверенной базы Декелия. Киприотская электростанция Декелия разделена британской дорогой на две части. Северная часть является чистым анклавом, а южная лежит у моря, поэтому является полуанклавом. Однако, южная часть выходит на море, представляющее собой территориальные воды британской суверенной базы.

Анклав	Годы существования
Нахва	1971–
Саньково-Медвежье	1991–
Сарваксой	1991–
Саставчи ⁵	1991–
Шахимардан	1991–
Сох	1991–
Ворух	1991–
6, затем 5 анклавов анклавного комплекса Феннбан	1922– (с 1956 только 5)

Бывшие:

Венессэн и Авиньон	1349–1791
Дархен и другие	1640–1959
Добта и Чумби	?–1959
Несколько анклавов Восточного Берлина в Западном Берлине	1945–1972, –1988, –1990
Французские анклавы в Индии	–1949, 1950, 1954
Коулун	1842–1993
Гора Скопус	1949–1967
5 португальских анклавов в Индии	Середина XVI века – 1954 (1961)
Погири	1990–1996
Сен-Пьер и Микелон	1763–1992
Сао Жоао Баптисто де Ахуда	1680–1960
6 анклавов Ширгисвальде	1635–1845
12 анклавов Западного Берлина в Восточном Берлине, в том числе Штайнштюкен	1945–1972, –1988, –1990
Ференахоф	?–1967
Западный Берлин	1945–1990

⁵ Анклав Саставчи расположен на южном берегу реки Лим. В переговорах насчет границ между Сербией и Боснией и Герцоговиной в 2001–2002 тема ан-

Перечень анклавов по их типу

Население, тыс. чел.	Территория, км ²	М	О
1	Несколько км ²	ОАЭ	Оман
0	4,5	Россия	Белоруссия
–	8	Таджикистан	Узбекистан
0,27	4	Босния и Герцеговина	Сербия
–	–	Узбекистан	Кыргызстан
40	236	Узбекистан	Кыргызстан
23–29	97	Таджикистан	Кыргызстан
–	–	Германия	Бельгия

–	–	Папский домен	Франция
1–10	–	Бутан	Тибет (Китай)
1	–	Сикким	Китай
		ГДР	ФРГ
526		Франция	Индия (до 1947 Британ- ская империя)
1,7 (1898) 50 (1980)	0,026	Китай	Великобрита- ния (Гонконг)
	1	Израиль	Иордания
40	480 (Дадра), 7,4 (Нагар Хавели)	Португалия	Индия
0,003	1,69	Литва	Белоруссия
7	242	Франция	Канада
маленький гарнизон	0,01	Португалия	Дагомея (Франция), Да- гомея (Бенин)
3 (деревня Ширгисвальде)	5 (деревня Шир- гисвальде)	Австрия	Саксония
от 0 до 0,19		ФРГ	ГДР
0,01	0,3	Германия	Швейцария
2200	480	ФРГ	ГДР

клава была затронута. Босния предложила создать коридор к анклаву, а Сербия — передать ей под контроль всю территорию южного берега реки Лим.

Прибрежные анклавы (полуанклавы). Тип 2-2

Таблица 2.4. Полуанклавы (прибрежные анклавы) (тип 2-2)

Полуанклавы	Годы существования
Аляска	1867–
Сеута	1668–
Эренкой/Коккина	1974–
Гибралтар	1713–
Мелилья	1497–
полуостров Мусандам	1969–
Окусси-Амбено	1999–
6 испанских микроанклавов	1508–
Тембуронг	1890–
2 британские суверенные базы (также тип 2-3)	1960–

Бывшие:

Колон	1903–1950
Гвадар	1784–1958
Гонконг	1841–1997
Ифни	1859–1969
Кванг-Чоу-Ванг	1898–1949
Квантунг	1895–1945
Макао	1557–1999
Зона Панамского канала	1903–1999
Чингдао	1897–1945
Уолвис Бэй	?1978–1994
Вейхайвей	1898–1930
Задар (Зара)	1920–1947 (de facto до 1944)

Население, тыс. чел.	Территория, км ²	М	О
643,8	1056393	США	Канада
72	19,5	Испания	Марокко (с 1956)
1	–	Турция	Кипр
28	6,5	Велико- британия	Испания
69	12,5	Испания	Марокко (с 1956)
35	1800	Оман	ОАЭ
50	17000	Восточный Тимор	Индонезия
0 или незначи- тельное	0,15, 0,04, 0,01, 0,06	Испания	Марокко (с XIX века)
9	1306	Бруней	Малайзия
7 киприотов + 7,8 британцев	250,9 (121,6+129,3)	Велико- британия	Кипр

–	–	Панама	США (зона Па- намского канала)
–	795	Оман	Брит. Индия, с 1947 Пакистан
6803,1	1102,2	Великобрита- ния	Китай
–	1502	Испания	Марокко
100	780	Франция	Китай
100	–	Россия, Япония	Китай
429,2	25,4	Португалия	Китай
44,2 (1989), включая 3 тыс. граждан США	1432	США	Панама
100	–	Германия, Япония	Китай
46	1124	Ю. Африка	Намибия
100	740	Велико- британия	Китай
		Италия	Хорватия

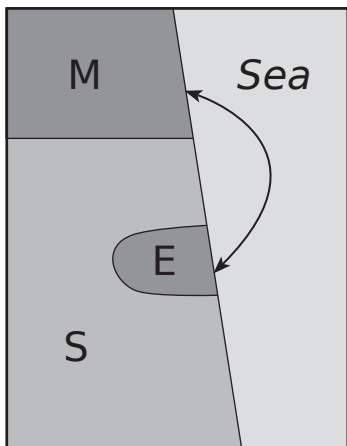

Рис. 2.9. Полуанклавы (прибрежные анклавы). Тип 2-2

Рис. 2.10. Окусси-Амбено, Восточный Тимор и Индонезия

Чистые эксклавы

Тип 2-3. Чистый эксклав — это несuverенный регион, отделенный от основной территории страны и окруженный более чем одним государством (то есть не являющийся анклавом).

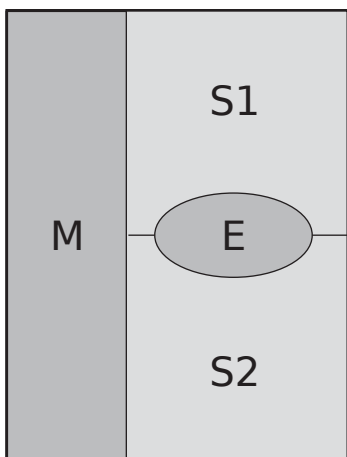

Рис. 2.11. Чистый эксклав. Тип 2-3. Вариант 1: чистый эксклав на суше

Рис. 2.12. Нахичевань (А), Азербайджан (М), Армения, Иран и Турция (О)

Таблица 2.5. Чистые эксклавы (тип 2-3)⁶

Эксклавы	Годы существования	Население, тыс. чел.	Территория, км ²	М	О
Кабинда	1885–	300	7283	с 1975 Ангола (до этого Португалия)	Заир и Конго
Дубровник ⁷	1991–	122,9	1782	Хорватия	Босния и Герцоговина, Сербия-Черногория
Калининградская область ⁸	1990–	946	15100	СССР, Россия	Польша, Литва
Нахичевань	1991–	310 (1990 год); 200 (2000 год)	5500	Азербайджан	Иран, Армения, Турция
Стровиля	1974	0,018	–	Кипр	Турецкий Кипр, британская суверенная база

Бывшие чистые эксклавы:

Восточный Пакистан	1947– 1971	67400 (1970 год)	144000	Пакистан	Индия, Французский Индокитай
Восточная Пруссия	1919– 1939	2300	40000	Германия	Польша, Литва
Сирия	1958– 1961	–	185180	Объединенная Арабская Республика	Турция, Ирак, Ливан, Израиль, Иордания

⁶ Сектор Газа, так же как анклавы в пределах Газы и Западного Берега, не рассматриваются в работе, так как Палестина официально не является государством. Когда Палестина станет государством де-юре, Газа станет самым населенным эксклавом в мире с населением более 1,3 миллиона человек.

⁷ Информация о Дубровнике-Неретве в целом.

⁸ Формально Калининградская область является чистым эксклавом, соответствующим типу 2-3. По-существу, область с 2004 года можно считать полуанклавом Европейского Союза (тип 2-2).

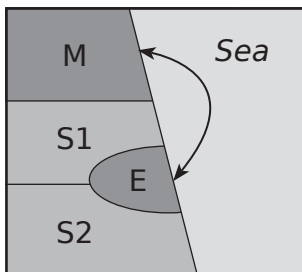

Рис. 2.13. Чистый эксклав.
Тип 2-3. Вариант 2:
чистый эксклав
с выходом к морю

Рис. 2.14. Калининградская область (А),
Польша и Литва (О)

Пенеанклавы. Тип 2-4

Пенеанклавы, как правило, возникают в горах (Альпы, Пиренеи) или в других труднодоступных районах. Пенеанклавы сходны с другими анклавами по своим характеристикам и проблемам, по этой причине мы и рассматриваем их в настоящей работе. Несмотря на то, что эти субъекты не являются настоящими анклавами, так как не полностью отделены от основной территории страны, достичь их можно только через территорию окружающего государства. Вместе с тем, пенеанклавы могут перестать существовать как таковые, если будет построена горная железная дорога или туннель, что обычно связано с большими затратами, особенно если принять во внимание малый размер пенеанклавов. Известно несколько таких случаев, например, строительство горной дороги в Самнаун в 1908–1912 годах и сооружение туннеля в Валь Д'Аран в 1947 году.

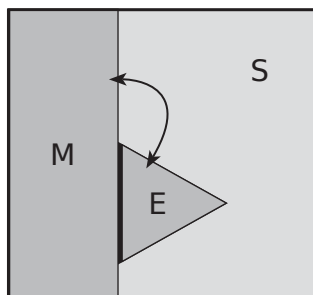

Рис. 2.15. Пенеанклав. Тип 2-4

Таблица 2.6. Пенанклавы

Пенанклавы	Годы существования	Население, тыс. чел	Территория, км ²	М	О	Примечания
Кляйнвальдсерталь	XIV век	4,9	96	Австрия	Германия	Можно добраться только дорогой из Германии
Ливиньо	–	–	–	Италия	Швейцария	В течение зимы доступен только по дороге через территорию Швейцарии
Пойнт Робертс	1846–	1,2	10,5	США	Канада	Отделен морем
Ос де Сивис	–	–	–	Испания	Андорра	Гора Конфлентг препятствует сообщению с материнским государством. Можно добраться только дорогой из Андорры

Бывшие:

Йештеттен				Германия	Швейцария	Соединен с Германией дорогой
Самнаун	–1912	0,3 (2003)	–	Швейцария	Австрия	Построена дорога
Валь Д'Аран	–1978	701 (1996)	620,5	Испания	Франция	Построен туннель
Канадский Юкон	–1940	–	–	Канада	США	Магистраль на Аляске

В Кляйнвальзертале в 2003 году насчитывалось 4947 жителей, живущих в горной долине площадью 96 км². В равнинную местность Австрийского Вораарльберга можно было добраться только дорогой из Оберхофа, Бавария. Отсутствие дорожного сообщения с Австрией стало причиной того, что Кляйнвальзерталь перестал быть австрийской приграничной территорией в 1891 году. Позже Кляйнвальзерталь стал частью немецкой таможенной территории. Такой анклав экономически более зависим от окружающего государства (Германии), чем от материнского государства (Австрии). В австрийском Кляйнвальзертале до введения евро в 2002 году использовались немецкие марки. Основным сектором экономики является туризм, вытеснивший сельское хозяйство.

Еще один пример существования пенеанклава в Альпах — Самнаун. В эту швейцарскую деревню можно было добраться только через территорию Австрии. В 1892 году Самнаун был исключен из швейцарской таможенной территории. Исключение осталось в силе даже после строительства дороги в долину Энгадин в 1907–1912 годах. Оно действительно и по сей день, несмотря на то, что имеется прямая дорога до Швейцарии. Интересен тот факт, что жители Самнауна говорят не на швейцарском немецком, а на баварско-тирольском диалекте.

Испанский Валь Д'Аран был оторван от территории материнского государства в течение нескольких месяцев в году до тех пор, пока в 1948 году не было завершено строительство горного туннеля. Валь Д'Аран является графством (комаркой) в Каталонии и представляет из себя горную долину территорией в 620,5 км² с населением более 7 тыс. человек. Изоляция Валь Д'Арана давала возможность испанским партизанам-республиканцам контролировать эту местность в конце Второй мировой войны в течение трех лет вплоть до открытия туннеля, позволившего перебросить войска.

Так же пенеанклавом является американский Пойнт Робертс, граничащий с Канадой. Пойнт Робертс — городок в штате Вашингтон — полуостров, отрезанный от основной территории США. Причина возникновения Пойнт Робертса как анклава состоит в том, что он лежит ниже 49-ой параллели — широты, по которой проходит граница Канады и США. Этот пенеанклав получил свой нынешний статус в 1846 году. Территориальные воды между материнской страной и Пойнт Робертсом находятся под суверенитетом США. Особенность расположения Пойнт Робертса в том, что он находится в непосредственной близости

от Ванкувера, дорога от пенеанклава до центра города занимает всего полчаса на машине. Чтобы добраться до ближайшего американского города с развитой инфраструктурой, требуется около часа езды.

Совсем не обязательно, чтобы пенеанклав был отделен от основной территории государства горами или водоемами. Существует исторический пример того, что пенеанклав может образоваться из-за сурового климата и огромных расстояний. До того, как в 1940-х годах на Аляске построили магистраль, канадская часть Юкона была доступна только через территорию Аляски. Все доступные пути (пешком через Чилкутский перевал, на лодке по реке Юкон или железнодорожными путями по Белому перевалу) создавались на территории США. Из 775 мужчин и женщин с 4 тыс. лошадей, первыми прошедших эту дорогу во время Золотой лихорадки, только 160 человек добрались живыми до Клондайка.

Большинство пенеанклавов могут быть соединены с основной территорией государства дорогой или туннелем, вопрос лишь в соотношении очень высоких затрат на такие проекты с относительно малой численностью населения. Самнаун перестал быть пенеанклавом, когда в начале XX века построили дорогу в долину Энгадин. Валь Д'Аран также перестал быть пенеанклавом в 1948 году, когда построили туннель, соединяющий долину и основную территорию Испании.

Список существующих в настоящее время пенеанклавов можно продолжать долго. Их достаточно много, например, область Драмалли, которая относится к Республике Ирландия, но до нее можно добраться только через Северную Ирландию. Другой пример — это территория северо-запада Конго, дорога к которой лежит через Буркина-Фасо. Отнесение той или иной территории к анклавам может быть спорным вопросом в зависимости от того, насколько она доступна с территории материнского государства.

Морские анклавы

Являются ли анклавы исключительно сухопутным явлением? Основываясь на критерии суверенитета, можно допустить, что существуют и морские анклавы. Они, конечно, менее значимы, чем сухопутные, так как вопрос доступа обычно менее проблематичен. Их анклавность может, тем не менее, вызвать определенные проблемы. В соответствии с международным правом (Морская

Конвенция 1982 года) государствам предоставляется право не только на 12-мильную суверенную зону, но также и на 200-мильную исключительную экономическую зону (ИЭЗ). Последняя во многих случаях более важна, чем первая, несмотря на тот факт, что ИЭЗ не подразумевает суверенитета.

Права на рыбную ловлю и на добычу нефти и газа на шельфе являются ключевыми. Рассмотрим французскую территорию Сен-Пьер и Микелон, находящуюся очень близко к побережью Канады. Она представляет собой два относительно небольших острова общей площадью 242 км². Общая численность населения обоих островов составляет 7 тыс. человек. МакДорман (McDogman 1990, 157) цитирует высокопоставленного канадского политика Джона Кросби, выступавшего в национальном парламенте в 1982 году со следующей речью: «Сен-Пьер и Микелон являются двумя очень маленькими островами. Площадь острова Сен-Пьер равна 10 квадратным милям, а острова Микелон — 83 квадратным милям... Вряд ли можно воспринимать всерьез то, что Франция потребует 22 тыс. квадратных миль или сделает что-либо подобное в соответствии с международным правом». По иронии судьбы, вскоре после этого Франция официально потребовала именно эту территорию на море, а Кросби стал министром канадского правительства, отвечающим за переговоры с Францией. Позиция Канады была такова, что Франции будет предоставлено право на 12-мильную зону, создающую французский анклав в канадских водах. Через несколько лет дело дошло до Международного Арбитражного Суда. В 1992 году им был разрешен спор о морской границе. Франция сохранила 12-мильные территориальные воды, окружающие острова. Кроме того, ей дополнительно была предоставлена 12-мильная смежная зона, дезанклавирующая остров внутри территориальных вод Канады. Франции также предоставили 10,5-мильный широкий коридор, распространяющийся на 200 миль на юг и проходящий сквозь эксклюзивную экономическую зону Канады. Этот морской «коридор», составляющий 375 км в длину и 20 км в ширину, был прозван «морским Чили» (Le Figaro 31.10.2005, 21). Общая площадь присужденной территории составила 18% от той, которую Франция оспаривала в суде (International Legal Materials 1992). Таким образом, присуждение этой территории дезанклавирувало острова и предоставило Франции территорию ИЭЗ, более чем в 40 раз превышающую площадь островов Сен-Пьер и Микелон. Проблема «морского Чили» стала особен-

но важной в контексте разведки нефтяных месторождений на морском шельфе.

Такие острова, как Сен-Пьер и Микелон, не являются единственным типом морского анклава, к которому может быть применен термин «анклав». Б. Уайт (Whyte 2002, 10–12) упоминает три подтипа: анклавные острова, анклавы открытого моря и гибридный сухопутно-морской тип анклава. Согласно Уайту, анклавными островами являются острова, принадлежащие одному государству, но окруженные территориальными водами или ИЭЗ другого государства.

Кроме анклавов в море, существуют и озерные острова, окруженные территориальными водами другого государства. Таковы, например, малавийские острова Ликома и Чисумулу в водах Мозамбика в озере Малави. Эти два острова представляют собой единственный известный случай озерного анклава. Возможно, точнее будет назвать этот подтип «морскими и озерными» анклавами вместо «морских».

Во множестве случаев анклавирирование применяется для установления морских границ там, где дело касается островов. Например, оно широко использовалось в договоре между Австралией и Папуа-Новой Гвинеей касательно морской границы для Торресова пролива (International Legal Materials 1979). Согласно ему, крошечным австралийским островам, близко прилежащим к побережью Папуа-Новой Гвинеи, дали трехмильную зону. В результате острова стали полуанклавами (термин, использованный МакДорманом (McDorman 1990, 177)), то есть им было разрешено иметь зону на одной стороне границы, но запрещено изменять расположение главной границы.

Анклавами открытого моря называются такие анклавы, которые находятся внутри ИЭЗ другого государства. Хотя они не населены, на них распространяются экономические права на рыболовство, на защиту и использование ресурсов морского шельфа. Таких анклавов шестнадцать (Prescott 1985, 100).

Если рассматривать проблему морских и озерных анклавов с точки зрения суверенитета, признание территорий, окруженных ИЭЗ, в качестве анклавов является спорным. Согласно положениям международного права, они не являются суверенной территорией, принадлежащей окружающему государству. ИЭЗ, согласно международному морскому праву, предусматривает только экономические права соответствующего государства над морской территорией. Права на пересечение данной террито-

рии не ограничиваются, что позволяет другому государству в полной мере получить доступ к ней вне зависимости от того, является ли она островом или зоной открытого моря. Только тогда, когда остров окружен территориальным морем другого государства, остров действительно является окруженным суверенной территорией другого государства. В этом случае может появиться ряд сугубо анклавных проблем, так как окружающее государство действительно может осложнить сообщение с основной частью страны.

Парные анклавы

Парные анклавы — это смежные государства или несuverенные территории, представляющие собой анклавы внутри одного и того же окружающего государства. В настоящее время таких примеров на международном уровне не существует. Венессэн и Оранж были парными анклавами внутри Франции до Великой французской революции. Они рассматриваются в сборнике статей под редакцией Дельсаля и Ферре (Delsalle and Ferrer 2000), в особенности в статье Феррьерера (Ferrière 2000). Одним современным случаем на субнациональном уровне являются два швейцарских кантона Аппенцеля (Внутренний Род и Внешний Род), окруженные кантоном Сент-Галлена.

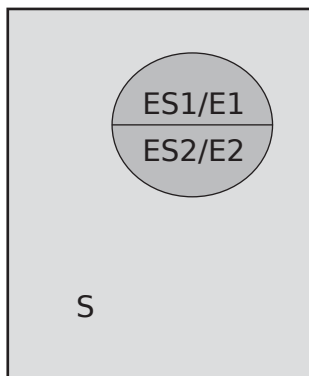

Рис. 2.16. Парные анклавы

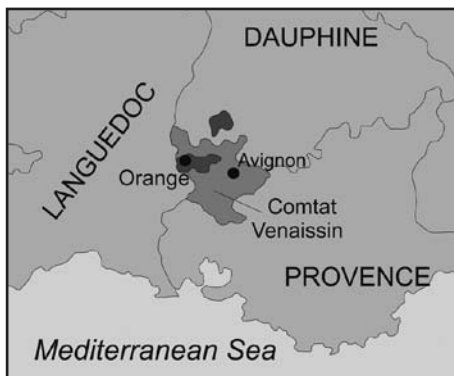

Рис. 2.17. Парные папские анклавы в конце XV века

⁹ Прованс был территорией Франции, став частью королевского владения в 1486 году.

Типы анклавов, не рассматриваемые в данной теории

Субнациональные анклавы

Определения, приведенные выше, описывают типы анклавов, которые могут рассматриваться как внешние. Они могут быть как суверенными государствами, так и несuverенными единицами, находящимися за пределами основной части государства, к которому они принадлежат. Однако существует множество анклавов политического происхождения на субнациональном уровне. Такие территории не являются ни политически независимыми, ни пространственно-внешними по отношению к государству, частью которого они являются.

Хотя они не рассматриваются в рамках данной книги, субнациональные анклавы могут быть релевантными для изучения международных анклавов. Существуют два положения, по которым они соотносятся с проблемами возникновения и исчезновения международных анклавов. Начнем с того, что международные анклавы часто возникают на основе субнациональных анклавов. Например, вокруг Западного Берлина было двенадцать анклавов (Штайнштюкен и т. д.). Все они существовали до этого на субнациональном уровне: располагаясь внутри Бранденбурга, административно они принадлежали Берлину. Еще одним примером является Калининградская область. Административно регион входил в РСФСР, хотя был отделен от нее Литовской и Белорусской ССР. Когда Литва в 1990 году провозгласила независимость, Калининградская область стала эксклавом Советского Союза и, после его распада годом позже, Российской Федерации. Второй момент заключается в том, что в случае прекращения существования анклава он часто остается анклавом на субнациональном уровне. После передачи Гонконга и Макао Китаю в 1997 и 1999 годах соответственно они стали особыми административными регионами. После поглощения Индией французские территории остались отдельными административными единицами, несмотря на их сравнительно небольшой размер. Возвращаясь к анклавам Западного Берлина, следует отметить, что даже после воссоединения Германии в 1990 году они продолжают принадлежать Берлину, а не земле Бранденбург.

Существует огромное количество субнациональных анклавов. Упомянем лишь некоторые из них. Во-первых, это административные субъекты, находящиеся в пределах других: Берлин внутри Бранденбурга в Германии, Москва в пределах Московской

области и Санкт-Петербург в пределах Ленинградской области в России, столичный округ Австралии, окруженный Новым Южным Уэльсом. Во-вторых, существуют случаи, когда небольшие части провинции отделены от своей главной части другой провинцией, например, восточная часть Тироля, отделенная землей Зальцбург в Австрии, или часть Лимбурга, отделенная Льежем в Бельгии. Количество внутренних административных анклавов и эксклавов особенно велико в Германии и Швейцарии, хотя и значительно уменьшилось в XX веке. Так, после Первой мировой войны в Германии существовало примерно 170 анклавов и эксклавов на уровне земель. Одна Тюрингия состояла примерно из 90 отдельных территорий: 66 анклавов принадлежали Пруссии, 14 из них были в Тюрингии. Одним из самых необычных был Блинтендорф во Франкенвальде, который, в свою очередь, включал в себя две части Тюрингии (Siedentop 1968, 12). Конференция земель (*Länderkonferenz*) 1928 года была посвящена решению проблемы огромного числа субнациональных анклавов в Германии. Значительное количество субнациональных анклавов существует и в Швейцарии. Самым большим из них является Эставайер де Лак, площадь которого равна 86,3 км². Он в свою очередь включает в себя небольшой анклав Нойере. Второй по величине анклав в Швейцарии — Энгельберг¹⁰.

Субнациональные анклавы не так заметны, как международные. Они не фигурируют на уровне проблематики региональных правительств и обычно не представляют проблемы для жителей. Это можно легко объяснить. Анклавность/эксклавность на субнациональном уровне находится на гораздо более низкой ступени. Такие анклавы меньше препятствуют нормальной жизни людей, чем международные. Как правило, регионы одного и того же государства не имеют между собой каких-либо барьеров. Люди, товары, капитал, рабочая сила и т. д. могут свободно перемещаться между границами регионов. Это размывает анклавность до такой степени, что она становится почти незаметной.

Некоторые сугубо анклавные проблемы, однако, проявляются и на субнациональном уровне. Они могут стать ощутимыми в связи с финансированием проектов инфраструктуры. Например, строительство дороги от «материнского региона» к эксклаву может потребовать совместного финансирования «материнским

¹⁰ Иллюстративный перечень субнациональных анклавов приведен в дополнительных материалах к данной монографии на www.vinokurov.info/enclaves.htm, гл. 2.

регионом» и регионом, через чью территорию будет проходить дорога. Более того, такой эксклав может быть присоединен к коммунальным системам другого региона (снабжение водой, электрическая сеть, уборка мусора, общественный транспорт и т.д.). Анклавность региона или его части внутри другого региона может стать причиной необходимости разделения инфраструктуры коммунальных услуг или некоторых больших общих проектов для отдыха, спорта и т.д. Такие ситуации требуют специальных решений и гибкого их принятия со стороны всех заинтересованных региональных органов управления.

В феодальные времена Индия очень напоминала Европу. Для сравнения, там существовало около 600 автономных образований, управляемых махараджами. Многие из них были невероятно раздробленными. Несмотря на сокращение количества основных административных единиц с 600 до 25 при обретении Индией независимости, многие административные анклавы сохранились. С этой проблемой столкнулись в самые первые годы существования независимой Индии. Только что созданные индийские штаты проявили упорство в сохранении своих анклавов, но центральное правительство настаивало на их обмене. В.П. Менон, участвовавший в процессе размежевания, отметил, что обмен территориями часто становился причиной «большого недовольства и политической горечи» (Menon 1985, 313). Многие межгосударственные и районные анклавы сохранились. В Куч Бехаре также было больше анклавов, чем существует на международном уровне в настоящее время. Ассам и Западная Бенгалия подразделялись примерно на 50 отдельных частей. Индийское правительство отложило решение проблемы анклавов Куч Бехара, возможно, по политическим причинам, связанным с его поздним вступлением в Индию. Проблема была урегулирована путем включения эксклавов Куч Бехара в Джальпайгури в 1955 и 1960-х годах. В настоящее время в регионе сохранилось только четыре субнациональных анклава, три ассамских в Куч Бехаре и один анклав Куч Бехара в Ассаме. Они существуют и сейчас, но, в отличие от международных анклавов на той же территории, не вызывают проблем. Проблема доступа к правительству сводится лишь к неудобству совершения длительных путешествий для того чтобы посетить тот или иной государственный орган. Это верно иллюстрирует главное различие в масштабе проблем субнациональных и международных анклавов.

Субнациональные анклав не исследуются в данной книге, хотя время от времени рассматриваются, особенно при изучении причин возникновения анклавов (развитие от субнационального до международного уровня). Это отдельная интересная сфера исследования, требующая политического, правового и экономического изучения. По данной проблеме было написано лишь незначительное количество диссертаций и других работ (например, Whyteford 1972). Более точные классификации субнациональных анклавов применимы для различения анклавов на уровне округа/общины или на уровне муниципалитета/провинции/штата.

Юрисдикционные анклав

Многие заокеанские базы морских и военно-воздушных сил являются юрисдикционными анклавами. Одна из самых известных — база США в заливе Гуантанамо на Кубе. В противоположность Гуантанаму, суверенные базы Великобритании на Кипре не являются юрисдикционными анклавами, так как они находятся под суверенитетом Великобритании. Территории посольств также представляют собой юрисдикционные анклав.

Существует несколько любопытных случаев, связанных с такими анклавами. Одним из наиболее ярких является случай с номером 212 в отеле Кларидж в центре Лондона. В 1945 году этот номер отеля на один день стал эксклавом Югославии: 17 июля 1945 года там родился прямой наследник югославского трона. Согласно югославской конституции того времени, наследник трона должен был быть обязательно рожден на югославской земле. Так как королевская семья находилась в изгнании в Лондоне, то особым решением британского правительства за подписью Черчилля этот номер на один день был провозглашен частью государственной территории Югославии.

Такие юрисдикционные анклав время от времени создают даже теперь в том случае, когда деликатная международная проблема не может быть разрешена традиционным путем. Камп Цейст, расположенный в Нидерландах, был объявлен территорией Соединенного Королевства в 1999–2002 годах, чтобы позволить британским властям арестовать двух ливийцев, обвиненных в бомбардировке Локерби в 1988 году, чтобы они предстали перед судом Шотландии. Ливия не хотела передавать их Великобритании, но их необходимо было осудить в соответствии с британскими законами вследствие того, что преступление было совершено на территории Соединенного Королевства.

Несомненно, значение и масштаб юрисдикционных анклавов гораздо важнее и не ограничиваются только курьезными случаями. В мире существуют тысячи таких анклавов. Особенно важную роль в мировой политике играют посольства и военные базы.

Экономические, этнические и религиозные анклавы

Эти типы территорий не обязательно имеют установленные административные границы. Решающими факторами их выделения будут социальная, экономическая, культурная или лингвистическая аутентичность определенной территории по сравнению с территорией, ее окружающей. Существуют многочисленные подкатегории социоэкономических анклавов. Упомянем четыре из них:

- **Экономические анклавы** — обособленная экономическая структура, окруженная другой структурой. Наиболее часто изучаемым случаем экономического анклава является отрасль с преобладанием иностранного капитала, изолированная в рамках национальной экономики. Анклавный сектор обычно принадлежит иностранному владельцу и взаимодействует с внешним миром интенсивнее, чем с другими секторами национальной экономики. По большей части это касается небольших развивающихся экономик, где иностранные инвестиции одной или нескольких иностранных компаний доминируют в важной экспортной промышленности (сахарная промышленность в Тринидаде и Тобаго, нефтяная отрасль в некоторых африканских странах и т. д.)

- Территории с особой экономической политикой, например, зоны свободной торговли.

- **Этнические анклавы.** Обычно (хотя и не всегда) представляют собой компактные городские поселения, значительно отличающиеся от окружающей их территории вследствие социокультурных, лингвистических и других характеристик. Этнические анклавы являются компактными сообществами этнической группы внутри территории, где доминирует другая этническая группа. Еврейские гетто, латиноамериканские районы и китайские кварталы — примеры таких поселений. Эти территории могут иметь отдельную языковую, культурную и экономическую системы.

- **Религиозные анклавы.** В мире существует много религиозных анклавов, представляющих собой территории компактного проживания людей, принадлежащих к одной религии, окруженные поселениями другой религиозной принадлежности. Особое внимание в прессе в течение десятилетий уделялось католическим анклавам в Северной Ирландии.

Дополнительные классификации

В нашем исследовании анклавов и эксклавов будет полезно провести рассмотрение нескольких вторичных классификаций. Во-первых, существует классификация по критерию населения; во-вторых, разделение анклавов на отдельные анклавы и анклавные комплексы; в-третьих, дихотомия анклавов согласно их порядку; и, в конце концов, классификация, основанная на их происхождении.

Классификация по критерию численности населения подразделяет анклавы на четыре группы: крупные, средние, малые и микроанклавы.

1. Крупные анклавы — от 100 тыс. жителей.
2. Средние анклавы — 10–99 тыс. жителей.
3. Малые анклавы — 1–9 тыс. жителей.
4. Микроанклавы — менее чем 1 тыс. жителей.

Несмотря на всю свою произвольность, данная классификация отражает несколько имеющих значение моментов. Во-первых, порядок важности в показателях численности населения. Во-вторых, степень проблем, поставленных перед материнским и окружающим государствами. Более того, она показывает масштаб проблем, вызванных неспособностью анклава удовлетворять определенным нуждам. Микро-анклав не может быть самодостаточным даже в снабжении продуктами питания, в то время как для более крупного анклава вполне возможно поддерживать себя в этом плане. Крупные анклавы с большей вероятностью будут услышаны на уровне государственной политики. Кроме того, крупные анклавы имеют лучшую возможность обеспечения внутреннего порядка и управления. Например, Дахаграм-Ангарпота, крупнейший анклав Бангладеш в Индии с населением, примерно равным десять тысяч человек, был способен обеспечить функционирование полицейских сил еще до открытия коридора Тин Бигха, в то время как другие, меньшие по размеру, анклавы не могли поддерживать правопорядок.

Анализируя анклавы, в особенности с помощью количественных данных, возможно обратиться к крупным и средним анклавам, для которых статистические данные более доступны по сравнению с микроанклавами. При этом по определенным причинам имеет смысл объединить население групп таких анклавов, как Куч Бехар или Баарле.

Далее, анклавы могут существовать не только как индивидуальные территории, но и в составе анклавного комплекса. Это

термин введен Уайтом (Whyte 2002a, 4) и подразумевает конгломерат, состоящий из нескольких анклавов. Наиболее показательными случаями анклавных комплексов являются Куч Бехар, состоящий из 92 эксклавов Бангладеш и 106 эксклавов Индии, и Баарле, состоящий из 22 бельгийских и 8 голландских эксклавов. Мы говорим о существовании анклавных комплексов и тогда, когда они включают меньшее количество анклавов, например, малавийские острова Чисумулу и Ликома, анклав Феннбан, 12 анклавов, существовавших вокруг Западного Берлина, и некоторые другие. Яркий пример из колониальных времен — французский Пондишерри в Индии, состоящий из 13 анклавов с общей численностью населения 300 тыс. человек.

Анклавные комплексы часто строятся по принципу «матрешки», когда анклав расположен внутри другого анклава, что, таким образом, еще более осложняет ситуацию. Я буду использовать термины «анклавы второго и третьего порядка».

- Первый порядок: «нормальные» анклавы;
- второй порядок: анклавы, находящиеся внутри других анклавов (*counter-enclaves*);
- третий порядок: анклавы внутри анклавов, находящихся, в свою очередь, внутри других анклавов (*counter-counter-enclaves*).

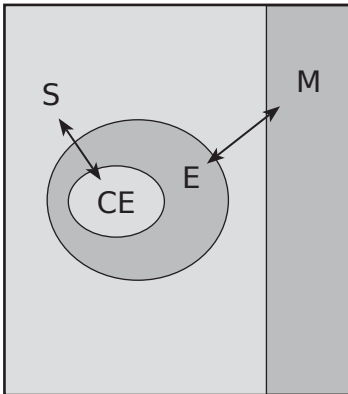

Рис. 2.18. Анклав второго порядка (C-E — *counter-enclave*)

Рис. 2.19. Мадха и Нахва

Нахва принадлежит Объединенным Арабским Эмиратам. Она расположена внутри Мадхи, которая сама является анклавом, принадлежащим Оману; таким образом, Нахва является анклавом второго порядка. Полуостров Мусандам является еще одним

анклавом на территории, находящейся в 40 км от Мадхи и примерно в 80 км от собственно Омана (полуанклав типа 2-2).

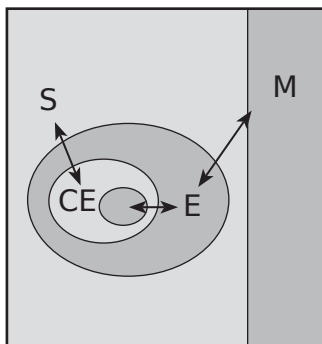

Рис. 2.20. Анклав третьего порядка

Подобные «анклавы-матрешки» — не просто забавные аномалии. Уайт обнаружил 32 анклава второго порядка (7 голландских анклавов в Баарле, 21 анклав Бангладеш и 3 индийских анклава в Куч Бехаре, а также Нахва ОАЭ внутри Мадхи Омана) и один анклав третьего порядка, принадлежащий Бангладеш. Единственным в мире трижды окруженным анклавом является участок Бангладеш внутри дважды окруженного анклава Индии Упанчовки Бхайни, который, в свою очередь, расположен внутри крупного анклава Бангладеш Дахала Хаграбари. Площадь трижды окруженного анклава составляет 0,69 га и представляет собой джутовое поле (Whyte 2002, 168). Наиболее известный анклав второго порядка уже стал историей. Это «огороженный город» Коулун — китайский анклав площадью в 2,6 га внутри Гонконга. Он был впечатляющим местом, как утверждают, с самой высокой плотностью населения в мире (50 тыс. жителей в начале 1990-х годов) и управлялся Триадами (китайской мафией) до 1970-х годов. Коулун представлял собой лабиринт зданий и жил своей жизнью по собственным неформальным законам. В конце концов в 1993 году он был снесен, и на его месте разбит парк.

По происхождению различают следующие основные типы анклавов:

1. Группа анклавных государств и территорий, которые сформировались в довестфальский период, по большей части в результате феодальной раздробленности в Западной Европе в Средние века. Их происхождение представляет собой комбинацию, с одной стороны, феодальной раздробленности в рамках довест-

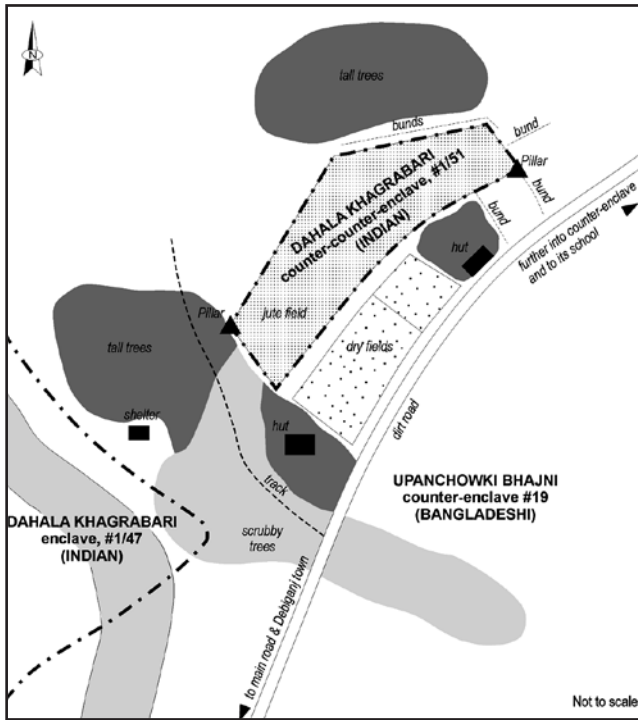

Рис. 2.21. Единственный в мире анклав третьего порядка (counter-counter-enclave)¹¹

фальской концепции суверенитета и, с другой стороны, консолидации государств в начале современной эпохи в Европе. В средневековый период протяженность королевства определялась не столько фиксированными внешними границами, отмечающими определенную территорию, сколько собственностью и вассальной зависимостью. Это вело к частому перечерчиванию границ. Малые феодальные государства, до определенной степени сохранившие свою независимость во времена консолидации, — Сан-Марино, Монако и Ватикан, также как и такие несuverенные анклавы как Бюзинген, Кампионе, Баарле и многие другие — принадлежат к этой группе. Перераспределение земельной собственности — завоевания новых территорий в ходе войны, дарение участков земли, наследование — привело к разрушению «естественных» границ и к возникновению многочисленных анклавных террито-

¹¹ Источник: Whyte (2002), с разрешения автора.

рий. Эти произвольные пограничные поселения образовывались без принятия во внимание интересов населения и традиционных экономических и политических связей.

2. Анклавы, возникшие в результате падения или преобразования колониальных империй Европы. Во-первых, к ним относятся эксклавы европейских государств, возникшие на руинах империй, такие как Гонконг, Макао, Сеута и Мелилья. Во-вторых, независимые анклавные государства и несuverенные анклавы, появившиеся в процессе установления границ между бывшими колониями.

3. Распад постсоциалистических многонациональных государств, главным образом Советского Союза, а также Югославии. Их происхождение можно проследить до первоначального добровольного административного деления и установления границ в Советском Союзе в 1920-х годах. После распада СССР в 1990–1991 годах возникли 20 анклавов, 8 из них в Ферганской долине. Несколько анклавов в Азербайджане и в Армении являются таковыми только де-юре, так как де-факто они были присоединены соответствующими окружающими государствами. Кроме этих двух групп в результате распада СССР российскими эксклавами стали Калининградская область и Саньково-Медвежье.

4. Анклавы, возникшие вследствие географических причин. Такое происхождение имеют все пенеанклавы.

Анклавы и другие территориальные фрагменты

Анклавы и эксклавы не являются единственным типом территории, оторванной от основной части страны (*non-contiguous territories*): они образуют подкласс категории внешних владений или территорий государства, или территориальных фрагментов. Наиболее многочисленным и важным подклассом являются острова. Более того, часть территории государства может оказаться оторванной от страны, которой она принадлежит, в других политико-географических конфигурациях, например, существует часть территории Боливии на побережье Перу вблизи озера Титикака, известная как полуостров Копакабана. Территориальные воды Боливии связывают полуостров с основной частью страны. Таким образом, он является продолжением территории государства, но, тем не менее, присутствует разрыв на суше. Столкнувшись с проблемой неопределенности и недостаточности исследований в данной области, Уайт (Whyte 2002, 196–197) ввел термин «политические фрагменты». Он предложил разработать классификацию,

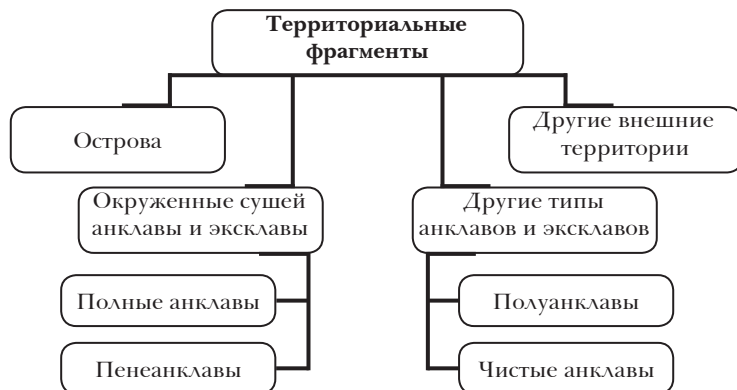

Рис. 2.22. Типология территориальных фрагментов

основанную на следующих переменных: (1) степень окруженности на суше; (2) количество соседних политических единиц; (3) количество политических единиц, включающих в себя фрагмент; (4) является ли фрагмент частью более крупной политической единицы или сам обладает внутренней подструктурой. Анклавы и эксклавы образуют отдельный подкласс территориальных фрагментов. Имея важные общие характеристики с островами, они также обладают собственными характерными чертами. Ключевыми понятиями являются оторванность, изолированность и малый размер. Во-первых, острова и анклавы оторваны от остальной части государства физически. Во-вторых, оторванность также может повлечь за собой изолированность, хотя и не всегда. В конце концов, внешние территории скорее всего будут небольшими, если не по площади, то по численности населения. Протяженные расстояния до основной части страны и малый размер, особенность, влекущая за собой более высокие расходы на транспортировку, меньшую экономию от масштаба и высокую уязвимость, может инициировать ряд экономических и политических проблем, общих для островов и анклавов. Наиболее очевидная разница между островами и анклавами заключается в том, что первые отделены от основной части страны морем, в то время как последние обычно отделены участком суши. Однако это не является решающим фактором. Важнее то, что анклавы являются окруженными другим государством; в то время как острова могут быть отделены от основной части своих государств протяженными расстояниями, анклавы отделены международными водами. Воды в данном контексте являются исключительно физическим

препятствием. В противоположность острову, анклав отделен от материнского государства территорией другого государства. Таким образом, ему приходится иметь дело с препятствиями как физического (расстояние), так и правового характера.

Окружающее государство, имеющее полную власть над территорией, которая отделяет анклав от основной части страны, может наложить различные ограничения на передвижение товаров и людей, такие, как таможенные пошлины, особые правила транзита, транзитные визы, фитосанитарные правила и др. Для острова не существует треугольника МАО («материнское государство — анклав — окружающее государство»): он напрямую связан с основной частью страны. Что касается анклава, окружающее государство является важной частью политического и экономического вызова, на который материнскому государству необходимо дать достойный ответ.

Сравнение типов: географическое положение и распределение населения

В настоящем исследовании рассматривается 282 анклава и эксклава, существующих в настоящее время во всем мире, с общей численностью населения приблизительно 2,67 млн человек по данным на 2003 год. Ниже приведены некоторые сравнения, основанные на данных по территории, населению и расстоянию до основной территории страны.

Таблица 2.7. Количество и общая численность населения анклавов и эксклавов в 2003 году

Тип	Кол-во	Население, тыс. человек
2-1. Полные анклав	256 (26 ¹²)	≈ 200 (включая Куч Бехар 60–70, Сох 40, Ворух 23–29)
2-2. Полуанклавы	15	≈ 930 (включая Аляску 644)
2-3. Чистые эксклавы	6	≈ 1530 (включая Калининградскую область 946, Нахичевань 310, Кабинду 150, Дубровник 123)
2-4. Пенеанклавы	5 ¹³	≈ 10
Всего:	282	≈ 2670

¹² Данные не включают анклав в Азербайджане и Армении, не существующие де-факто. Также, если рассматривать крупные анклавные комплексы (Куч Бехар, Баарле, Феннбан) как единичные случаи, то число анклавов этого типа сократится до 26.

¹³ Список пенеанклавов неполный.

Полные анклавные комплексы самые многочисленны (даже если считать анклавные комплексы единым целым), но имеют наименьшую численность населения, около 200 тыс. Эта цифра включает в себя приблизительно 60–70 тыс. в анклавном комплексе Куч Бехар, 40 тыс. в Сохе и 23–29 тыс. в Ворухе (оба последних анклава находятся в Ферганской долине). Одна из отличительных особенностей полных анклавов в том, что они складываются в анклавные комплексы, которые состоят из множества небольших анклавов, таких как Баарле-Хертог, Куч Бехар и Феннбан. Эта черта не просматривается в других видах анклавов и эксклавов. Интересно то, что пенеанклавы и полные анклавные комплексы схожи по размеру территорий, которые они занимают, и по численности населения, варьирующейся от 150 до 5 тыс.

Анклавы, имеющие выход к морю, немногочисленны, но более населены. Самый большой из них — Аляска, где проживает 643,8 тыс. жителей. Численность населения почти всех полуанклавов находится в пределах средних размеров (10–100 тыс.): Сеута (76,2 тыс.), Мелилья (69,2 тыс.), Окусси-Амбено (50 тыс.), полуостров Мусандам (35 тыс.), Гибралтар (27,8 тыс.), базы Великобритания на Кипре (в сумме 14,8 тыс.) и Тембуронг (9 тыс.). В действительности только Эренкой и шесть крошечных территорий на марокканском побережье, принадлежащих Испании, являются микроанклавами.

Наконец, чистые эксклавы немногочисленны, но наиболее населены, если сравнивать их с другими типами. На сегодняшний день существует всего шесть чистых эксклавов — Кабинда (150–200 тыс. жителей, в зависимости от источника данных), Дубровник (122,9 тыс. — сведения 2001 года для Дубровник-Неретвы), Калининградская область (955 тыс. по данным Всероссийской переписи населения 2002 года), Нахичевань (310 тыс. — сведения на 1990 год), Стровилия (18 человек) и Декелия на Кипре (данных нет). К этой группе принадлежит наиболее крупный по численности населения из современных эксклавов — Калининградская область. Крупнейшим эксклавом в истории был Восточный Пакистан, в котором в 1967 году проживало 67,4 млн жителей, или 54% всего населения Пакистана.

Сосредоточим внимание на расстоянии до основной территории страны. Политическая география может привести к серьезным политическим и экономическим последствиям. Экономически длинные расстояния означают длинное транспортное плечо и повышенные расходы на транспортировку грузов и пассажиров.

Расстояние может оказывать существенное воздействие на торговые потоки.

Определенные политические меры и обстоятельства (особые экономические режимы, напряженные отношения с окружающим государством) могут привести к искажениям «нормальной» логики торговли и, соответственно, экономической специализации. Политически большие расстояния до основной территории страны могут повлечь за собой трудности в коммуникации и управлении. Однако такой негативный фактор, как большое расстояние между анклавом и материнским государством, может быть смягчен наличием у анклава выхода к морю.

Стандартный метод измерения расстояния — от границы анклава до ближайшей границы основной территории страны. В таком случае, как Гонконг, было измерено расстояние от анклава до столицы материнского государства (Лондон).

Мы можем разделить анклав на четыре группы, в соответствии с расстоянием до их материковых государств:

1. 10 км и менее (расстояние, которое можно преодолеть пешком и на немоторизованных транспортных средствах).
2. 10–100 км.
3. 100–1000 км.
4. Более 1000 км.

Таблица 2.9. Анклавы и эксклавы в соответствии с расстоянием до их материковых государств

	10 км и менее	10–100 км	100–1000 км	более 1000 км	Итого:
Полные анклав (2-1)	253	3	0	0	256
Полуанклавы (2-2)	3	7	4	2	16
Чистые эксклавы (2-3)	0	4	1	1	6
Пенеанклавы (2-4)	5	0	0	0	5

Полные анклавы, как правило, расположены в непосредственной близости к основной территории страны. Абсолютное большинство из ныне существующих полных анклавов (253 из 256) расположены в 10 км и менее от материнского государства. Те анклавы, которые представляют собой острова и полностью окружены территориальными водами чужих государств, могут быть расположены намного дальше (например, малавийские ост-

рова Чисумулу и Ликома, или французские — Сен-Пьер и Микелон до 1992 года).

Такая тенденция противопоставляется тем видам анклавов и эксклавов, которые могут располагаться на больших (до нескольких тысяч километров) расстояниях. Доступ к морю является одним из основных факторов в этом отношении, так как он жизненно необходим для надежного сообщения с основной территорией страны. Доступ к морю позволяет полуанклавам и чистым эксклавам находиться как угодно далеко и сохранять при этом связь с материнским государством. То обстоятельство, что полные анклавы располагаются только на небольших расстояниях от основной территории их материнских государств, имеет два объяснения. Во-первых, это связано с историей возникновения их как анклавов в Средние века. Как в Европе, так и в Индии полные анклавы возникали как феодальные владения, формируемые путем дарения, наследования и т. д. Во-вторых, полные анклавы поддерживают отношения с основной территорией страны через небольшой отрезок территории окружающего государства. Небольшое расстояние до материнского государства, протяженностью всего несколько километров, позволяет жителям анклава передвигаться пешком или на велосипедах, перевозить грузы на тележках или при помощи других немоторизованных транспортных средств.

Плотность населения в анклавах варьируется от одного экстремума к другому. Полуанклавы обычно более населены, потому что по площади они больше полных анклавов, а также потому, что большинство из них являются портовыми городами. Однако наиболее густо населенным регионом в мире (1,9 млн жителей на км²) был полный анклав Коулун, располагавшийся в сердце Гонконга, но формально принадлежавший Китаю. С другой стороны, один из наименее заселенных регионов в мире — Аляска (0,4 жителя на км²) — тоже является анклавом.

В среднем население полного анклава составляет около тысячи человек, а территория — около 2,5 км². Такой анклав расположен всего в нескольких километрах от материнского государства. Типичный пенеанклав очень похож на полный анклав, кроме того обстоятельства, что путь, соединяющий пенеанклав с основной территорией страны, более длинный, так как идет в объезд. Однако существуют и довольно крупные полные анклавы. Самый крупный из современных — Сох, расположен на территории площадью 236 км², с численностью населения 40 тыс. человек. Наибо-

лее известный полный анклав всех времен и народов, Западный Берлин, насчитывал 2,2 млн жителей.

Полные анклав (как и пенеанклав) существенно отличаются от двух других видов, полуанклавов и абсолютных эксклавов. Последние два типа демонстрируют широкое разнообразие территориальных размеров, плотности населения и расстояний до материнских государств.

ГЛАВА 3. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Основная литература

Проблематика анклавов и эксклавов является недостаточно разработанной темой. В доступной научной литературе исследователи по большей части занимаются изучением отдельных анклавных регионов. Многие тщательно рассмотренные отдельные случаи помогают в написании теории анклавов. Однако обобщающие работы фактически отсутствуют, за исключением нескольких кратких обзорных статей. Данная книга призвана заполнить пробел. В исследовании использованы не только научные источники, но также сведения, предоставленные людьми, не являющимися профессиональными специалистами в области географии, политики или экономики. В данной главе приводится обзор основной теоретической литературы об анклавах и эксклавах, существующей на данный момент. Фокусом исследования станут проблема определений и общие представления об анклавах как о географическом и политическом феномене. Я также кратко коснусь некоторых интересных идей, связанных с более специфическими проблемами доступа, управления, экономики, возникновения и исчезновения анклавов и т. д., которые будут подробно разработаны в следующих главах.

В начале укажем на то обстоятельство, что несколько работ по политической географии общего плана содержат упоминания анклавов, например, Гласснер (Glassner 1996) и Прескотт (Prescott 1985, 1990). Можно выделить два отдельных периода в изучении анклавов как отдельной темы. Первый период относится к 1950–1960-м годам, когда были опубликованы статьи географов Робинсона, Меламида, Минги и Зидентопа, а также юристов д’Оливье

Фаррана и Ратона. Их интерес к анклавной проблематике был вызван реальными событиями, связанными с лавинообразным процессом распада колониальных империй. Решения международного суда ООН по доступу к португальским анклавам в Индии и по Баарле также обусловили появление некоторых юридических исследований. Нельзя не упомянуть и особое внимание к Западному Берлину и его блокаде Советским Союзом в 1948–1949 годах.

Исследование анклавов приостановилось в 1970–1980-х годах. За исключением работ О. Катудала, в эти два десятилетия по анклавной проблематике почти ничего не было опубликовано. Напротив, 1990-е, а особенно 2000-е годы были отмечены ростом интереса к проблеме. Я полагаю, что существуют две основные причины этой второй волны, к которой принадлежит и данная книга. Первая причина носит технический характер. Любой общий обзор анклавов требует наличия всесторонней информации, собирать которую нужно в сотнях и тысячах источников. До появления Интернета получить эту информацию было чрезвычайно сложно. К примеру, О. Катудалу, работавшему в 1970-х годах над своей небольшой книгой по эксклавам Западной Европы, пришлось потратить несколько лет на поиск информации только по четырем относительно известным и удобным для исследования анклавам: Баарле, Лливии, Кампионе и Бюзингену. Появление Интернета, мощного инструмента исследовательской работы, создало новую возможность сбора огромного количества информации по множеству анклавов во всем мире и упростило процесс обмена данными не только между исследователями, но и между энтузиастами, интересующимися анклавами.

Вторая причина не менее важна. Начало 1990-х годов было отмечено новой волной образования анклавов вследствие распада многонациональных социалистических государств. Тогда появилось почти двадцать анклавов, некоторые из них были сравнительно крупными и значимыми. Стало очевидно, что анклавы нельзя рассматривать лишь как пережитки прошлого. Некоторые из них, такие как Нагорный Карабах, анклавы Ферганской долины и Калининградская область, привлекли пристальное международное внимание как точки напряжения в межгосударственных отношениях или очаги конфликта. Новые попытки провести обзор анклавов были предприняты Ю. Рожковым-Юрьевским (1996), Ю. Зверевым (2003), А. Клемешевым (2005а, 2005б, 2005в), Б. Уайтом (Whyte 2002а, 2002б, 2004), С. Нис (Nies 2003а, 2003б) и Е. Винокуровым (Винокуров 2002, Vinokurov 2005, 2006).

В Британской энциклопедии статьи по анклавам и эксклавам отсутствуют. Оксфордский словарь определяет анклав как «участок территории, полностью окруженный иностранными владениями». Эксклав определяется как «участок территории, отделенный от страны, которой он принадлежит политически, и полностью окруженный иностранными владениями» (Oxford English Dictionary 1988, Vol. 5, 211, 508). Далее, в энциклопедии Гранд Ларюсс содержится всестороннее определение анклава как «местности или территории, расположенной внутри территории другого государства» (Grand Larousse Universel т. 6, 3729); словарной статьи, посвященной эксклавам, в Гранд Ларюсс нет.

Г.В.С. Робинсон написал своего рода программную статью в данной области исследования, «Эксклавы», опубликованную в *Annals of the Association of American Geographers* в 1959 году. Ей предшествовала другая работа по Западному Берлину, опубликованная в 1953 году в *Geographical Review*, послужившая в качестве отправной точки для работы Робинсона по феномену анклавов. Робинсон начинает с того, что «эксклавы не являются значимыми явлениями в политической географии», так как они встречаются редко и в основном небольшие. Однако их особый статус имеет ценность «для иллюстрации отношений между государствами в сложных географических условиях и для освещения вопроса важности непрерывности территории для современных государств». Главная ценность работы Робинсона состоит в его определениях и дихотомизации, которые используются в словарях и научной литературе. Он определяет эксклавы как «часть территории страны, полностью окруженную территорией другой страны» (Robinson 1959, 283). Следует подчеркнуть то, что данное определение является классическим для анклава, но не для эксклава. Робинсон вообще не использует термин «анклав» в своей статье. Данный подход является неординарным, но он, однако, может рассматриваться как утверждение, что все анклавов обязательно являются эксклавами, но не все эксклавы в то же время являются анклавов. Дальнейшие замечания связаны с тем фактом, что Робинсон рассматривает только европейские анклавов, не принимая во внимание другие части земного шара. Например, Куч Бехар вообще не упоминается в его исследовании.

Робинсон также делает несколько замечаний по общим проблемам исследования анклавов — их происхождению, условиям развития, проблеме доступа, управлению и экономике. Хотя анклавов, сохранившиеся в мире до 1950-х годов, имеют различное проис-

хождение, по большей части они возникли в эпоху средневековья. Когда дело касается таких анклавов, то объяснять скорее нужно то, как они сохранились до настоящего времени, а не причину, по которой они возникли в Средние века (Robinson 1959, 288). Анклавы могут образовываться вследствие неправильно принятых соглашений. Также возможен такой вариант, когда существующая административная граница или линия прекращения огня превращаются в международную границу. Робинсон верно отмечает то, что проблема сохранения и развития анклавов зависит от трех сторон: материнского государства, соседней страны и самого анклава. Ученый, однако, делает преждевременный вывод о том, что выживание эксклава зависит от согласия всех трех сторон. Несомненно то, что главная угроза исходит со стороны окружающего государства, которое может аннексировать или блокировать анклав. Но, скорее всего вопрос будет состоять в том, в состоянии ли сильная позиция материнского государства, возможно, вместе с предоставлением очевидных льгот по отношению к анклаву, преодолеть даже самое сильное желание окружающего государства поглотить анклав.

Робинсон утверждает, что обычно эксклав связан с материнским государством не только политически, но и экономически. Это требует эффективного и регулярного сообщения между ними либо посредством коридора, либо посредством соглашения. Робинсон отметил, что существовало несколько анклавов, последовавших противоположному пути развития и интегрировавших свою экономику с соседним государством (Robinson 1959, 291). Это может означать включение эксклава в таможенную территорию окружающего государства, а также использование его валюты. Прямые налоги продолжают идти в казну материнского государства, а косвенные — окружающему. Так, еще в XIX веке Кляйнвальзерталь и Юнгхольц были переданы под таможенный и валютный контроль Германии. Эти режимы остаются в силе до сегодняшнего дня, хотя они и потеряли большую часть своей практической значимости в рамках европейской интеграции, особенно вследствие создания Единого рынка в 1992 году и введения евро в 2002 году.

В заключительной части статьи Робинсон сравнивает анклавы с анклавными государствами. Он утверждает, что оба типа территорий имеют общие проблемы. Особые условия жизни в анклавах могут быть результатом трех обстоятельств:

- (1) особые отношения с материнским государством;
- (2) особые отношения с окружающим государством;
- (3) особая политика внутри самого анклава.

В то время как первый компонент не характерен для анклавного государства, второй и третий также могут повлиять и на развитие «крошечных государств», как называет их Робинсон. Данный термин является некорректным, так как он стирает различия между анклавными государствами и другими, неанклавными малыми государствами, такими как Лихтенштейн или Люксембург, или островными государствами. Робинсон делает вывод о том, что эксклав находится в невыгодном положении по сравнению с анклавными государствами. Эксклав, как и анклавное государство, по большей части не является самодостаточным. Различие заключается в том, что эксклавы, как правило, не обладают рядом преимуществ, присущих анклавным государствам, так как преимущества зависят от наличия некоторой степени суверенитета, которого обычно у эксклава нет (Robinson 1959, 295).

П. Ратон, работавший в 1950-е годы юристом в ООН, рассматривает проблему анклавов с правовой точки зрения. Он начинает свою работу со стандартного определения анклава как части территории одного государства, полностью окруженной территорией другого государства (Raton 1958, 186). По мнению Ратона, с подъемом современного национального государства и с консолидацией границ анклавы начали постепенно исчезать. Он указывает на различные способы исчезновения анклава:

- путем присоединения к окружающему государству;
- путем обмена землями;
- путем покупки;
- путем поглощения национальной территорией в процессе присоединения окружающих государств или провинций;
- путем отказа от части территории.

Самый важный элемент анализа Ратона касается юридической природы и статуса полных анклавов (Raton 1958, 188–191). Юридическую природу анклава следует рассматривать с позиций окружающего (анклавирующего), материнского (которое Ратон называет «центральным») и иных государств. Его работа посвящена анализу правового статуса анклава.

Ратон также разрабатывает проблему транзита, отмечая, что пассажирский и грузовой транзит является самой важной проблемой для анклава¹⁴. Наибольшая важность данной проблемы

¹⁴ Данное исследование правовых обязанностей и норм в особенности касается полных анклавов, то есть фрагментов, полностью окруженных иным государством. Эти правила могут быть отличными или вообще отсутствовать для полуанклавов.

вызвана малым размером некоторых анклавов, который не позволяет им быть самодостаточными. Блокада анклава окружающим государством может стать причиной серьезных сбоев в его повседневной жизни, а также управлении им. Она также может серьезно повредить экономике анклава. Признание права на транзит является, таким образом, логическим последствием признания анклава окружающим государством. Данное явление называется международным сервитутом. Транзит может быть урегулирован либо имплицитно, в соответствии с традицией (Кампионе), либо путем принятия конвенций (Бюзинген, Баарле-Хертог, Ливия, Дахаграм-Ангарпота и другие). Существует несколько общих правил такого транзита. Они включают в себя требования по осуществлению транзита кратчайшим путем, но при условии причинения наименьших неудобств окружающему государству (Raton 1958, 192). Ратон утверждает, что проблема транзита также существует и для окружающего государства, а именно, осуществление транзита через полный анклав (старейший пример — ст. XXI франко-испанской Конвенции 1660 года по Ливии). Ратон приходит к следующим выводам:

«Возможно, юрист пожалует об отсутствии общей теории анклавов, но изучение конкретного режима, соответствующего конкретному случаю, несомненно, в большей степени подходит для того, чтобы сохранить средневековую систему и позволить ей процветать далее, и, если заинтересованные государства находят эту систему удовлетворительной, не обязательно искать теоретического совершенства в случае, когда его бесполезность для данных государств очевидна» (Raton 1958, 195).

Еще один французский юрист, С. д'Оливье Фарран, развивает тему юридического положения международных анклавов в статье, опубликованной в 1955 году. Он говорит о том, что, несмотря на значительную историческую, теоретическую и порой практическую важность анклавов и то, что они в ряде случаев послужили поводом для объявления войны, анклавов в достаточной мере не изучались специалистами по международному праву (d'Olivier Farran 1955, 294). Д'Оливье Фарран определяет международный анклав как территорию одного государства, полностью окруженную территорией другого государства. Далее он проводит грань между анклавами и анклавными государствами, такими как Ватикан или Сан-Марино, так как термин «международный анклав» употребляется только по отношению к несuverенным фрагментам государства. Однако он утверждает (за че-

тыре года до Робинсона), что проблемы анклавных государств и международных анклавов могут совпадать по схожести их «островного» характера (d'Olivier Farran 1955, 295). Главным фактом анклавноности является отсутствие свободного сообщения с основной частью страны без пересечения территории окружающего государства. На основе этого д'Оливье Фарран не включает изолированные территории с доступом либо к морю, либо к международным водам в категорию международных анклавов. С другой стороны, любой анклав, достаточно крупный для того, чтобы содержать взлетно-посадочную полосу — или даже вертолетную площадку — не обязательно будет полностью изолированным. Пример Западного Берлина и его «воздушного моста» в 1948–1949 годах был даже более очевидным в 1955 году, нежели в настоящее время.

Международный анклав — это «аномалия, скорее всего созданная неумышленно» (d'Olivier Farran 1955, 296), так как очевидны неудобства управления им. Д'Оливье Фарран, не касаясь анклавов за пределами Европы, проводит обзор «нескольких пережитков» феодального периода на европейской почве. Затем он переходит к проблеме сугубо анклавных сервитутов¹⁵. Он говорит о существовании прав, вытекающих из феномена существования анклава, наиболее важными из которых являются свободный транзит и сообщение с основной территорией государства, или, в случае полного анклавного государства, с окружающим государством. Он рассуждает так:

«Закон не признает право государства А на отделенный участок территории, окруженный территорией государства Б, если государство А не пользовалось данным правом. Существование права подразумевает его использование: без права свободного сообщения осуществлять суверенитет государства в анклаве будет невозможно, следовательно, он станет недействительным. Отсюда следует то, что заключать срочное соглашение между двумя государствами, касающееся предоставления такого права, не обязательно: оно заложено в самом факте существования анклава. Если соглашение заключено, оно действительно может урегулировать применение данного международного порядка преимущественного проезда; но при его отсутствии право преимущественного проезда все же будет существовать, так как его необходимость сохранится в любом случае» (d'Olivier Farran 1955, 304).

¹⁵ Сервитут — право прохода и доступа.

Эта статья была опубликована через год после начала дела о Дадре и Нагар-Хавели, но до того, как дело перешло в Международный суд ООН. Отказ предоставить Индии права проезда через свою территорию и соответствующее решение Международного Суда показало то, что проблема доступа для анклавов является сложной. Проблема несет в себе огромный потенциал для появления осложнений и напряженности в международных отношениях.

Краткая статья А. Меламида «Анклавы и эксклавы», опубликованная в Международной энциклопедии общественных наук в 1968 году, в целом следует аргументации Робинсона, но также включает в себя рассмотрение анклавных территорий, имеющих доступ к морю¹⁶. Анклавами и эксклавами называются изолированные территории государств, расположенные внутри территории других государств. По отношению к государству, внутри которого расположена изолированная часть, она является анклавом, по отношению к государству, к которому она принадлежит — эксклавом. Анклавы могут иметь доступ к морю, примером этому служит Восточная Пруссия. Однако если изолированные территории доступны только с моря, они являются островами. Следовательно, по Меламиду, анклавы могут иметь выход к морю, но они должны быть также отделены от родины на суше. Меламид, исключая из своего определения такие единицы, как Гибралтар, Сеута и Мелилья, Гонконг и Макао, отмечает, что «за исключением уникальных случаев Восточного Пакистана и Западного Берлина, сегодня анклавы являются относительно незначительными с экономической точки зрения и занимают небольшие территории», и «... возможно, их политическая и стратегическая важность также невелика» (Melamid 1968, 60).

Меламид также сделал несколько замечаний относительно происхождения анклавов. Он говорит о том, что широкое распространение анклавов в Средние века можно объяснить с экономической точки зрения: они возникли вследствие высоких расходов на транспортировку и самодостаточности небольших поместий. «Вследствие отсутствия торговли не было необходимости целостности феодальных территорий» (Melamid 1968, 60–61). Территориальную разделенность можно найти на всех уровнях феодальной иерархии. Даже города с самоуправлением включали в себя анклавы и эксклавы. В Восточной Европе количество анклавов

¹⁶ Меламид также написал статьи «Анклавы в территориальных водах» (1965) и «Муниципальные квази-анклавы: примеры из Йонкерса» (1966).

было значительно меньшим вследствие меньшей укорененности феодальных структур.

Небольшая статья по географии анклавов и эксклавов была опубликована И. Зидентопом в 1968 году в Германии. Его заинтересовало большое разнообразие анклавов, существовавших на субнациональном уровне в Германии и Швейцарии. От субнациональных анклавов автор переходит к рассмотрению международных анклавов, фокусируясь на немецких Бюзингене и Ференахофе. Статья заканчивается утверждением, что анклавов могут послужить возможными моделями разрешения сложных пограничных проблем (по отношению к Бюзингену). Автор утверждает, что эксклавность (*Exklavendasein*) не является целесообразной, но к ней возможно адаптироваться и использовать ее возможные преимущества (Siedentop 1968).

Единственным автором, публиковавшим работы по анклавам между 1950–1960-ми и 1990–2000-ми годами, был О. Катудал. Он написал ряд статей, посвященных Западнему Берлину и его анклавам (Catudal 1971b, 1972, 1974a, 1974b), книгу по Штайнштюкену (1971a) и небольшую интересную книгу «Эксклавная проблема Западной Европы» (1979). Как и Робинсон, Катудал первоначально обратил внимание на данную проблему, рассматривая случай Западного Берлина. Его исследование в целом ограничивается изучением четырех сохранившихся в Западной Европе полных анклавов, а именно Баарле, Лливии, Бюзингена и Кампионе. Работы Катудала внесли двойной вклад в изучение анклавов. Во-первых, в них содержатся фактический анализ и обширная библиография. Во-вторых, в монографии (Catudal 1979) делается попытка систематического изучения анклавов и применен междисциплинарный подход. Автор сформулировал свою главную гипотезу как «проблему эксклавов»:

«Эксклавная проблема... заключается в следующем: наличие части одного государства внутри территории другого создает неминуемую напряженность в их отношениях вследствие желания окружающего государства включить изолированную территорию в сферу своего экономического и гражданского управления и вследствие конфликтного желания материнского государства сохранить нормальное сообщение со своими эксклавами и управлять ими так же, как оно управляет [другими — Е.В.] регионами страны» (Catudal 1979, 2).

Я вернусь к этой гипотезе в главах, посвященных отношениям «материнское государство — анклав — окружающее государство».

Катудал сформулировал шесть основных аспектов существования анклага и связал с ними соответствующие вопросы:

- (1) Форма. Что же такое эксклав?
- (2) Происхождение. Как появилась такая географическая структура?
- (3) Существование. Как им удается выжить?
- (4) Доступ. Действительно ли жители эксклава обладают свободными и беспрепятственными правами транзита в материнское государство?
- (5) Управление. Насколько успешно материнским государствам удалось преодолеть барьер изоляции и добиться соответствия своих эксклавов административным нормам?
- (6) Экономика. Способны ли эксклавы к независимому функционированию или они полностью зависимы от домашнего или материнского государства?

Катудал говорит о том, что четырем полным анклавом Европы неоднократно удавалось избежать поглощения соответствующими окружающими государствами по нескольким причинам:

- Они являются малыми по размеру и по численности населения.
- Они не имеют стратегического значения.
- Кроме того, материнское государство прилагает усилия для сохранения анклавов в силу стремления сохранить свой суверенитет.
- «Не менее важным является нежелание большинства жителей эксклава быть включенными в другое государство» (Catudal 1979, 53). Катудал отмечает, что только в единственном случае после Второй мировой войны (до 1970-х годов) анклав был поглощен окружающим государством — в случае Ференахофа — акт передачи суверенитета совпал с желанием населения, которое по национальности преимущественно было швейцарским. Он не упомянул о том факте, что, хотя жители Бюзингена твердо и неоднократно высказывали то же самое желание, они так и не были услышаны.

Что касается терминологии, то Катудал неуклонно следует определениям, введенным Робинсоном. Важным дополнением является создание более общей дихотомии изолированных территорий или «проекции одного государства в другое» (там же, 4). Он выделяет пять отдельных категорий: во-первых, эксклавы; во-вторых, территории, частично отделенные от материнского государства, такие, как «пене-», «виртуальные», «временные» или «квази-» эксклавы; в-третьих, этнические и экономические изоли-

рованные территории; в-четвертых, административные изолированные территории (соответствующие в данной книге субнациональным анклавам); и, в-пятых, протектораты.

Обзор литературы 1990–2000-х годов начнем со С. Рейда. В своей книге он предлагает создание эксклавов как неотъемлемую часть своего плана по разделению Квебека в случае его отделения от Канады. Книга не является теоретической; скорее ее следует рассматривать как смелую попытку сломать стереотипы и разработать концепцию анклавов для практического применения. Рейд предлагает свое собственное определение эксклава как «части территории, отделенной от своей материнской страны, но не окруженной территорией другой страны» (Reid 1992, 91), добавляя его к множеству существовавших ранее. Оно соответствует подтипу чистых эксклавов, то есть регионов, которые не представляют собой анклава по отношению к какой-либо стране, а являются лишь эксклавом по отношению к материнскому государству.

Создание анклавов рассматривается как потенциальный инструмент мирного деления территории. Рейд предлагает осуществить разделение Квебека на основе проведения местных референдумов. Проанализировав данные опроса, он пришел к выводу о том, что учет мнения населения приведет к созданию нескольких анклавов и эксклавов.

Б. Смит рассматривает проблему анклавов с более общей позиции политической философии. Он оперирует термином «разорванных» (*non-contiguous*) наций для описания государств, владеющих отделенными территориями, включая анклавы (Smith 1997, 394). Согласно Смицу, «анклавирирование» является одним из путей, который следует принимать во внимание. При этом автор предлагает использовать опыт «кантонизации», накопленный в Швейцарии.

Несколько работ по проблемам анклавов было написано калининградскими учеными и практиками. В своей работе Ю. Рожков-Юрьевский (1996) уделяет пристальное внимание природе отношений между анклавом, окружающим и материнским государствами. Моя типология была составлена под влиянием данного подхода. Фактический материал был сгруппирован Рожковым-Юрьевским в соответствии с критерием правовых отношений анклавов к окружающему и материнскому государствам. В результате было выделено пять групп: анклавы, полуанклавы, эксклавы/анклавы, эксклавы/полуанклавы и эксклавы. Таким образом, классификация Рожкова-Юрьевского представляет собой

результат рассмотрения проблемы одновременно как «изнутри», так и «снаружи» анклава. Позднее Ю. Зверев (2003) и А. Клемешев (2005а, б, в) разработали классификацию анклавов, основываясь на проблеме конфликтов, связанных с ними. А. Клемешев приходит к выводу, что эксклавность напрямую связана с конфликтным потенциалом. Условиями успешного и стабильного развития анклавной территории являются признание специфичности эксклава материнским государством, открытая экономика, более высокая степень автономности местных властей и развитие межрегионального сотрудничества (2005а, 108–113).

В 2000-х годах Б. Уайт и С. Нис ближе всех подошли к системному изучению анклавов и эксклавов. Уайт использует строгое определение международного права — анклав как фрагменты территории одной страны, находящиеся внутри другой. Формально он использует определения, данные в Оксфордском английском словаре, сводя их до территорий, окруженных только одним другим государством. Этот аспект является для Уайта ключевым:

«Значимость одного окружающего государства заключается в способности анклава вести переговоры о доступе, а также об экономических и политических правах. Если анклав окружен более чем одним государством, усилия, предпринимаемые для проведения таких переговоров, возрастут, и если найдется хотя бы одно государство, не желающее принимать в них участие, он полностью окажется во власти материнского государства. Относительная мощь домашнего или материнского государства является важной, но, при прочих равных условиях, сильное домашнее государство, эксклав которого находится на территории более слабого соседа, все же будет иметь меньшую степень свободы в договорах о доступе, чем слабое домашнее государство, внешний фрагмент которого окружен территорией двух или более соседей, которых оно может натравить друг против друга» (Whyte 2002а, 2). Данное объяснение равносильно следующей гипотезе: при прочих равных условиях, проблема доступа стоит более остро в полных анклавах, окруженных только одним государством, чем в других изолированных территориях. Данная гипотеза требует доказательства. Она будет проверена на данных, полученных по полным анклавам, полуанклавам и чистым эксклавам.

Согласно Уайту, анклавов образуют значимый класс более общей категории изолированных частей государства, которые он называет политическими фрагментами. Они могут включать в себя острова, архипелаги, прибрежные фрагменты (соответствуют по-

луанклавам в основной классификации данной книги), и окруженные сушей фрагменты, соседствующие более чем с одним государством (соответствуют чистым эксклавам в основной дихотомии). Систематическая классификация таких политических фрагментов на самом деле является необходимой, так как «топологические характеристики напрямую влияют на политические и помогают выявить возможные преимущества и издержки, с которым может столкнуться тот или иной тип территории» (Whyte 2002a, 196). Классификация может быть построена на таких возможных переменных, как степень изолированности на суше, количество соседних политических единиц, количество политических подклассов, включающих в себя анклав, и на том, является ли фрагмент частью более крупного политического подкласса или сам делится на такие подклассы. Уайт осуществил всесторонние исследования двух крупнейших анклавных комплексов, Куч Бехара (2002a) и Баарле (2004), а также их сравнение (2002b).

С. Нис утверждает, что каждый анклав является особым, но не уникальным (Nies 2003a, 394). Жители анклавов по всему миру уверены, что их ситуация единственная в своем роде. Однако систематическое изучение анклавов может выявить определенные общие черты. Нис формулирует типологию анклавов, их функции и характерные для них проблемы. Она выделяет следующие типы анклавов по их происхождению (Nies 2003a, 396–98, Nies 2003b, 113–114):

- Естественные анклавы («*naturräumliche Enklaven*», «*enclaves naturelles*») — регионы, труднодоступные из основной части страны.
- Довестфальские анклавы.
- Анклавы колониальных империй.
- Анклавы транснациональных компаний (Ост-Индская компания).
- Анклавы, созданные в результате распада империй (постсоветские анклавы).
- Анклавы международных организаций (защитные зоны ООН в Восточном Тиморе, Северном Ираке, в бывшей Югославии).
- Исключения. Во-первых, политико-религиозные анклавы (Венесуэла, Авиньон, Ватикан); во-вторых, Западный Берлин, уникальный своим управлением тремя оккупационными силами; в-третьих, палестинские территории.

Классификация, основанная на происхождении, несомненно, представляет ценность для нашего понимания специфики возникновения анклавов. Более того, особенности возникновения

анклавов могут оказать глубокое воздействие на их управление и экономику. Также, чтобы отнести анклав к одной из крупных волн их возникновения, несомненно, важно проследить его происхождение. Однако, по моему мнению, классификационная система, основанная на критерии происхождения, должна быть вторичной, а не первичной. Аргументация, предложенная Нис для поддержки критерия функции (например, согласно первичной функции, выполняемой анклавом), может быть перефразирована и дополнена критерием происхождения. Так как классификация, основанная на функции анклава, не является актуальной вследствие функциональных изменений с течением времени, классификационная система, основанная на критерии происхождения, подвержена временной динамике. Например, целый ряд анклавов, как ныне существующих, так и уже исчезнувших, возник, несомненно, как колониальные анклавы. В ходе своей истории они потеряли данную черту и преобразовались в постколониальные анклавы, а их колониальное прошлое потеряло свое определяющее значение. Примерами этому могут послужить такие анклавы, как Гонконг, Макао, Сеута и Мелилья, Гибралтар и другие.

С. Нис анализирует четыре случая анклавов — Гибралтар, Калининградскую область, Нагорный Карабах и Кабинду. Она сравнивает их с вулканами на различных стадиях их активности. Если Калининградскую область можно считать «потухшим вулканом», то Нагорный Карабах и Кабинда «активны». Из этого следует, что, вне зависимости от того, в каком государстве анклавы находятся сейчас, они являются потенциальными или действующими зонами конфликтов.

Выделяются четыре проблемы, общие для анклавов (Nies 2003a, 398–402; 2003b, 116–120):

- Доступ.
- Управление. Классические сферы внутренней политики, такие, как транспорт, почта, медицинское обслуживание или образование, в применении к анклавам часто преобразуются в проблемы внешней политики. Центральное правительство не всегда ясно осознает проблемы своей отделенной территории. Последней, однако, приходится сталкиваться с ними на уровне внешней политики. Постоянный страх потерять эксклав вследствие его перехода под власть окружающего государства или обретения им независимости еще больше усложняет управление эксклавом.
- Экономика. Нис пишет, что политическая и экономическая неопределенность, наряду с протяженными маршрутами транзи-

та, являются факторами, определяющими экономическую сложность ситуации анклава. Также наблюдается феномен переориентации торговых потоков из основной части страны в окружающие государства, что может вызвать политическую опасность ослабления связей между эксклавом и основной частью страны.

• Культурные факторы и идентичность. Согласно Нис, неопределенность будущих перспектив анклавов приводит к низкому уровню иммиграции и высокому уровню эмиграции. Таким образом, в анклаве остается стареющее население. Данная аргументация, несомненно, основана на опыте Западного Берлина в 1960–1980-х годах.

Две работы Нис представляют ценность как попытка рассмотрения анклавов с междисциплинарной точки зрения. В то же время их актуальность снижается вследствие того факта, что анализ основан на исследовании только четырех или пяти случаев. В них также содержится ряд фактических ошибок¹⁷. В статьях не использованы ни значимые исследования Робинсона и Катудала, ни труды французских юристов. Что касается определений, в работе они изложены нечетко, вследствие чего появляется путаница, ведущая к чрезмерному увеличению количества подклассов. Во-первых, признание территорий, временно контролируемых международными организациями как «международных анклавов», является неверным, так как в этих случаях передачи власти не происходит. Во-вторых, причисление островов к разряду «островных анклавов» (Nies 2003b, 112) является чрезмерным как с точки зрения критерия суверенитета, так и сути проблемы доступа.

Юридические проблемы и изучение отдельных случаев

Так как термины «анклав» и «экслав» с самого начала своего существования использовались в международном праве, будет логично рассмотреть международно-правовой подход к анклавной проблематике. Отношение эксклава к своему государству имеет юридическую природу. Жители эксклава являются гражданами материнского государства. Правовой порядок основной части страны в принципе действует и в эксclave, несмотря на то, что расположение эксклава и отсутствие прямого сообщения с основ-

¹⁷ Лихтенштейн называется анклавным государством, в то время как он окружен двумя государствами, Швейцарией и Австрией. Калининградская область рассматривается как «анклав Польши», что неверно, так как она окружена Польшей и Литвой и, таким образом, представляет собой чистый экслав.

ной частью страны влекут за собой необходимость создания особых правил и принятия поправок. Это можно сделать посредством национальных законов, посредством принятия международных соглашений или использовать и те и другие. Сложность таких специфических юридических поправок ведет к созданию особого правового статуса анклава, который отличается от основного правового порядка внутренних регионов страны. Также верно и то, что некоторые особые правила должны действовать и для окружающего государства вследствие наличия в рамках его границ территории, находящейся под властью иностранного государства. Отношения между окружающим и материнским государством касательно анклава/эксклава входят в юрисдикцию международного права.

В 1959, 1960 и 1992 годах в международных судах рассматривались дела, напрямую касавшиеся анклавов. Я кратко охарактеризую все три случая и вернусь к ним позднее, когда буду рассматривать проблемы юридического статуса анклавов, в особенности проблему доступа. Первый случай касался судебного решения по владению двумя анклавами в Баарле (ICJ 1959)¹⁸. Суд присудил владение этими землями Бельгии. Хотя сугубо анклавных юридических проблем в данном случае не поднималось, стороны аргументировали свои позиции в контексте очень сложного анклавного комплекса в Баарле. Второе дело, рассматривавшееся в Международном суде ООН, касалось португальских колониальных анклавов Дадра и Нагар Хавели в Индии: в 1954 году в анклавах поднялось восстание против колониальных властей, но индийское правительство, напрямую заинтересованное в успехе восстания, не позволило португальским войскам пройти в анклавы. Суд постановил, что, хотя существовало общее право пересечения территории Индии, оно не включало в себя права прохода войск и военной техники без согласия окружающего государства (ICJ 1960). Я вернусь к анализу этого случая в гл. 7. Третье дело слушалось Международным арбитражным судом и касалось конфликта между Канадой и Францией по установлению морской границы, окружающей французские острова Сен-Пьер и Микелон на побережье Канады (International Legal Materials 1992). Этот случай более подробно рассматривается ниже в разделе, посвященном морским анклавам.

¹⁸ См. также American Journal of International Law. 1959, Vol. 53(4), pp. 937–943, где содержится описание данного случая и решение, принятое судом по данному делу.

Множество научных работ и большое количество книг и статей были написаны по таким анклавам, как Западный Берлин, Гибралтар и Гонконг. Немало книг опубликовано по Сеуте и Мелилье, Макао, Калининградской области, Восточной Пруссии и по таким анклавным государствам, как Лесото, Монако и Ватикан. Я широко использую подобные работы, включая глубокие исследования П. Голда по Гибралтару (1995, 2005) и по Сеуте и Мелилье (2000), а также всесторонние исследования Б. Уайта по Куч Бехару (2002а) и по анклавам Баарле (2004).

Интернет-источники, сообщество Интернет и популярные периодические издания

Уже в течение нескольких лет Интернет служит мощным средством обмена информацией и идеями. Существует целое сообщество людей, сделавших своим хобби исследование границ, включая проблематику анклавов и эксклавов. Они провели большую работу по сбору информации. В число таких энтузиастов входят Ян Крог, Руди Лонгвилль, Лен Надыбал, Рольф Палмберг, Крис Шульц и Петер Смаардийк. Их веб-сайты полностью ориентированы на обзор анклавов, а также на сбор информации по их географии, политике и экономике. Кроме этих веб-сайтов, важное и интересное обсуждение сугубо анклавных проблем происходит на форумах Yahoo! «Border Point» и «Boundary Point».

Р. Лонгвилль (2006) скомпоновал материалы и карты по анклавной тематике. Его перечень включает в себя не только полные анклавы, но также и полуанклавы, чистые эксклавы и анклавные государства.

Р. Палмберг начинает с определения анклава как «географической территории, полностью окруженной иностранной территорией. Такая территория называется анклавом только по отношению к окружающей иностранной территории и эксклавом по отношению к территории, к которой он принадлежит политически»¹⁹. Автор приводит перечень существующих территорий, являющихся как анклавами, так и эксклавами в соответствии со страной, к которой они политически принадлежат, в алфавитном порядке.

Я. Крог начинает с предположения о том, что обычно анклавы представляют собой малые участки суши, находящиеся за пределами своих домашних стран, полностью окруженные соседней

¹⁹ www.vasa.abo.fi/users/rpalmber/enclaves.htm,

www.vasa.abo.fi/users/rpalmber/borders.htm, состояние на май 2007.

страной. Территории посольств, иностранных военных сил и т. д. не рассматриваются им как анклав²⁰. Он уделяет внимание последствиям анклавноности для повседневной жизни населения анклавов, отмечая, что жизнь внутри них обычно сопряжена с практическими неудобствами. Например, часто требуется двойной набор телефонных линий и валюты, а также людям приходится поддерживать ежедневный контакт с властями обеих стран. В то же время большинство жителей гордятся необычностью и историей своей территории.

К. Шульц выступает со своей собственной классификацией анклавов, выделяя три их категории. Он идет дальше Палмберга в плане масштабности определений анклавов и эксклавов и включает в классификацию не только полные анклав^ы, но также полуанклав^ы и анклавные государства.

1. Малые государства, полностью окруженные территорией другого государства. Следовательно, они рассматриваются как анклав^ы, а не как эксклав^ы.

2. Территории, не связанные напрямую со своим материнским государством, но не полностью окруженные сушей (то есть у них есть выход к морю). Такие единицы не являются анклав^{ами} в буквальном смысле слова, так как имеют доступ к морю, но, очевидно, они представляют собой эксклав^ы.

3. Территории, не связанные напрямую со своими материнскими государствами, но полностью окруженные территорией другого государства. Такие территории представляют собой как анклав^ы по отношению к окружающему государству, так и эксклав^ы по отношению к своему материнскому государству²¹.

Статьи, посвященные анклавам, можно встретить и в научно-популярных журналах. Г. Хатчинсон «путешествует» по анклавам мира в своей короткой статье, опубликованной в журнале *Wanderlust* (Hutchinson 2002). Он насчитывает 253 полных анклав^а, большую часть которых составляют анклавные группы Куч Бехара и Баарле. Журналистские подсчеты Хатчинсона менее точны и всеобъемлющи, чем профессиональные подсчеты Уайта. Такое же путешествие по миру сделано в статье «Переплетающиеся территории» (Hidden Europe 2005). Кроме того, перечень анклавов, разделенных на несколько категорий, приводится на www.nationmaster.com (Nationmaster 2002).

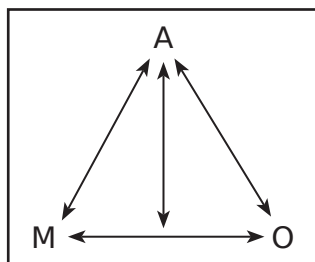
²⁰ <http://geosite.jankrogh.com/exclaves.htm>, состояние на май 2007.

²¹ www.enklave.de.vu, состояние на май 2007.

ГЛАВА 4.
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ:
«ТРЕУГОЛЬНИК МАТЕРИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО —
АНКЛАВ — ОКРУЖАЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО»

Отношения в рамках треугольника
«материнское государство — анклав —
окружающее государство»

Анклавы не существуют в пустоте, их окружают разные страны со своими, зачастую противоречивыми, интересами. Основными странами для анклава являются материнское и окружающее государства. Эти две стороны и анклав являются составляющими треугольника, который будет представлен как треугольник MAO («материнское государство — анклав — окружающее государство»). Он будет служить концептуальной основой изучения анклавов.

*Рис. 4.1. Треугольник
«материнское государство — анклав —
окружающее государство» (MAO)*

Треугольник МАО состоит из четырех векторов. Первый — отношения материнского государства и анклава; второй — отношения анклава и окружающего государства; третий — отношения материнского и окружающего государств; и четвертый — отношения материнского и окружающего государств по вопросам, касающимся непосредственно анклава. Векторы, образующие треугольник, направлены в обе стороны, что отражает взаимовлияние сторон.

Однако это влияние неравно по силе. Обычно материнское государство оказывает на анклав значительно большее влияние. Политика материнского государства и анклава в целом диктует ситуацию, к которой анклав должен адаптироваться. Экономическое и политическое влияние окружающего государства также существенно. Тем не менее, поразительным фактом является то, что, каким бы маленьким и незначительным не был анклав, он, тем не менее, оказывает определенное влияние как на материнское государство, так и на окружающее государство и на их двусторонние отношения.

Далее мы охарактеризуем все четыре вектора.

1. Отношения материнского государства и анклава (М–А).

С точки зрения анклава, этот вектор является самым важным. Он обычно определяет экономику и политику анклава. Являясь неотъемлемой частью материнского государства, анклав подчиняется его политической и правовой системе. Материнское государство оказывает на него огромное влияние. С экономической точки зрения, материнское государство может предоставить анклаву особый режим. С политической точки зрения, материнское государство часто озабочено вопросом суверенитета. Это нередко отражается на политических решениях и моделях. Например, прямое управление анклавом или некоторые ограничения местного самоуправления применяются для того, чтобы поддерживать полный контроль материнского государства над анклавом. Во-первых, центральное правительство озабочено возможной утратой анклава. Это негативный стимул для государства позаботиться о его сохранении. Во-вторых, существуют определенные стратегические, военно-стратегические и геополитические причины, придающие анклавам значительно большее значение в глазах центрального правительства, что создает положительные стимулы. Эти два совместных фактора имеют достаточный вес, как правило обуславливающий желание центрального правительства во что бы то ни стало сохранить анклав.

2. Отношения анклава и окружающего государства (А–О).

Несмотря на то, что материнское государство обладает решающим влиянием на анклав, окружающее государство тоже важно. Его влияние может быть активным или пассивным. В своих действиях окружающее государство ограничено тем, что анклав находится под суверенитетом материнского государства и обычно полагается на его поддержку. Анклав может восприниматься как раздражающая «заноза» или как «камешек в ботинке». Он может служить поводом для озабоченности в военно-стратегическом плане из-за географического положения. Также могут возникнуть некоторые экономические затруднения, основанные на различиях правовых режимов, возможностях заниматься контрабандой, затратах на поддержание границ и т. д.

3. Отношения материнского государства и окружающего государства (М–О) по общим вопросам.

Благосостояние и порядок в анклаве во многом зависят от отношений материнского и окружающего государств. Если эти взаимоотношения ухудшаются, даже по поводу вопросов, не имеющих прямого отношения к анклаву, негативное воздействие на анклав усиливается. И напротив, мирные и дружеские отношения между государствами создают благоприятные условия для анклава.

4. Отношения материнского государства и окружающего государства по вопросам, касающимся анклава.

Четвертый вектор, возможно, не так очевиден, как предыдущие. Тем не менее, он имеет особое значение. Внимание, уделяемое анклавам в национальной политике, непропорционально их населению и территориальному значению. Моя основная мысль заключается не столько в том, что анклавы «очень важны», сколько в том, что их значение в мировой экономике и особенно в политике является несоразмерным численности их населения и размеру территории.

Влияние анклава на отношения материнского и окружающего государств чаще отрицательное, чем положительное. Если возникают какие-либо территориальные притязания, связанные с анклавом (как, например, в случаях с Гибралтаром, Сеутой и Мелильей, Макао, Гонконгом, горой Скопус, а также армянскими и азербайджанскими анклавом), отношения между государствами могут значительно ухудшиться, вплоть до вооруженных столкновений. Если же право владения анклавом не вызывает разногласий, то возможны варианты. Но, тем не менее, положительное влияние анклава на отношения государств наблюдается редко.

Чтобы пояснить идею треугольника, рассмотрим отношения между окружающим государством и суверенным анклавным государством (таким, как Лесото или Сан-Марино). Отсутствие второй вершины в треугольнике — материнского государства — полностью меняет структуру и оказывает большое влияние на международную обстановку, в которой функционирует анклавное государство. Так как анклавное государство не имеет материковой части, то образуется не треугольник, а ось «анклавное государство — окружающее государство». Разница между анклавом и анклавным государством двойственна. С одной стороны, анклав принадлежит материнскому государству, которое может оказать давление на окружающее государство, в то время как у маленького анклавного государства нет «уравновешивающего материка» и оно почти всецело подчинено окружающему государству. С другой стороны, анклавное государство более свободно в проведении внешней политики, особенно что касается политики экономической. Несуверенный анклав, за редкими исключениями, не может проводить собственную внешнюю политику.

Рассмотрим два примера: Кампионе, итальянский эксклав в Швейцарии, и Сан-Марино, анклавное государство, полностью окруженное Италией. И Кампионе, и Сан-Марино в свое время собирались развивать игорный бизнес, который приносил бы большой доход благодаря наплыву клиентов из соседних государств. В обоих случаях окружающие государства не одобрили эту идею. Швейцария, где азартные игры запрещены законом, оказала давление на Кампионе. Однако это давление имело свои естественные границы, так как Кампионе всегда мог рассчитывать на поддержку Италии. В конечном счете, был достигнут компромисс, в соответствии с которым Швейцария разрешила игорный бизнес на территории Кампионе, но с некоторыми ограничениями для жителей Швейцарии. Когда же в Сан-Марино предприняли попытку открыть игорные дома, Италия оказала такое давление, которому крошечное анклавное государство не смогло противостоять и в итоге отказалось от своих амбиций.

Отсутствие материнского государства влечет серьезные последствия для анклавного государства. Оно попадает под экономическое и политическое влияние со стороны государства окружающего. Даже если анклавное государство имеет некоторые рычаги в международном политическом механизме, экономическая зависимость от добрососедских отношений с окружающим государством и его доброжелательности неизбежна. Сильнейшая зависимость

от окружающего государства, вплоть до потери суверенитета де-факто — естественное последствие логики оси анклавное государство — окружающее государство. Франция ответственна за безопасность Монако, законодательство которого основано на французских законах. Италия несет ответственность за безопасность и торговлю в Сан-Марино. Южная Африка фактически определяет политику Лесото.

Теперь посмотрим на обратную сторону медали. Анклав, в отличие от анклавного государства, имеет меньше возможностей в проведении собственной экономической политики. Обычно анклав не имеет права развивать внешние отношения и международные контакты. Это осуществляется материнским государством. Кроме того, материнское государство относится с большим подозрением к попыткам анклава общаться с внешним миром напрямую, так как это может подорвать авторитет и власть материнского государства над анклавом. Это большой вопрос в отношениях между государством и анклавом, вызванный обособленностью анклава. Развитие туризма — яркий тому пример. Анклавы вынуждены иметь дело с многочисленными обязательствами, касающимися их попыток заключить международные союзы и привлечь иностранных туристов. Анклавные государства в этом отношении более свободны и, обычно, более успешны в привлечении туристов и развитии туристических «козырных карт».

На этом месте можно задать вполне уместный вопрос: почему мы ограничиваем себя только материнским государством и окружающим государством в рамках треугольника МАО, не принимая во внимание весь остальной мир, его великие державы и супранациональные организации? Объяснение заключается в одной отличительной особенности анклавов. Влияние, которое материнское государство, окружающее государство и их двусторонние отношения оказывают на анклав, гораздо сильнее любых внешних влияний и факторов. Важность материнского и окружающего государств имеет решающее значение, тогда как степень влияния других государств и международных организаций не столь значительна. Даже если и оказывается какое-либо воздействие, то оно, как правило, осуществляется опосредованно либо через материнское, либо через окружающее государство. Деликатность вопросов, касающихся анклава, не допускает прямого вмешательства со стороны внешнего мира. Возьмем, например, Гибралтар. Его стратегическое местоположение и то обстоятельство, что Великобритания и Испания являются членами ЕС и НАТО,

привело к ситуации, когда несколько влиятельных организаций и государств (ЕС, НАТО, ООН, США) были озабочены судьбой Гибралтара. Тем не менее, никто из них открыто не вмешивался, предпочитая предоставить решение этого спорного вопроса Англии и Испании. Похожая ситуация складывается вокруг Сеуты и Мелильи. Так как Испания является членом как НАТО, так и ЕС, логично было бы предположить, что анклавов также будут «внутри» этих организаций. Но это так лишь отчасти. НАТО снял с себя ответственность за безопасность обоих анклавов, так как Североатлантический Союз не хочет брать на себя защиту территорий, расположенных на африканском континенте. Спорный вопрос по поводу владения анклавами также решается в рамках двусторонних отношений Испании и Марокко. Что касается ЕС, Сеута и Мелилья, также как и Гибралтар, исключены из его таможенной территории. На них не распространяется ни общая сельскохозяйственная политика, ни регулирование рыбного промысла Евросоюза. Из субъектов вне треугольника МАО только ООН принимает активное участие в спорах по Гибралтару, Сеуте и Мелилье, главным образом в плане постколониальных вопросов, но в большинстве случаев ее влияние невелико.

Сеута и Мелилья: четыре оси треугольника МАО на практике

Рассмотрим содержание каждого вектора на примере испанских эксклавов Сеуты и Мелильи. Несмотря на то, что эти два города расположены на расстоянии 250 км друг от друга, они часто рассматриваются Испанией и Марокко совместно как один случай, так как их объединяют общие проблемы.

Сеута и Мелилья расположены на побережье Марокко. Таким образом, они являются полуанклавами. Они широко известны по нескольким причинам. Одна из причин заключается в том, что это единственные территории ЕС на побережье Северной Африки. Кроме того, Сеута и Мелилья часто обсуждаются в средствах массовой информации, являясь объектами постоянного спора между Испанией и Марокко по вопросам суверенитета. Население Сеуты в 2002 году составляло примерно 76 тыс. жителей. Ее площадь равна 19,5 км², она расположена на побережье Северной Африки примерно в 25 км от континентальной Европы через Гибралтарский пролив. Полтора часа поездки на пароме связывает город с испанским портом Альхесирас. Мелилья находится примерно в 250 км к востоку от Сеуты. Ее площадь равна 12,5 км²;

численность ее населения в 2002 году составила более 62 тыс. человек. Кратчайшее прямое расстояние от основной части страны до анклава составляет примерно 160 км. Морской путь до Малаги, ближайшего крупного порта в основной части Испании, занимает восемь часов на пароме. Сеута принадлежала Португалии с 1415 года и формально была передана под власть Испании в 1668 году, вслед за разрывом союза между Испанией и Португалией. Мелилья находилась в руках Испании с 1497 года. Около 80% жителей анклава — испанцы, остальные, по большей части, марокканцы.

На побережье Марокко находится также шесть других владений Испании. Они представляют собой два маленьких полуострова и четыре крошечных полуострова внутри территории Марокко и его территориальных вод:

- остров Перехиль, находящихся в нескольких километрах к западу от Сеуты, 15 га;
- полуостров Пеньон де Велес де ла Гомера (в Марокко он называется Бадис де Неккор) в 125 км к востоку от Сеуты; принадлежит Испании с 1508 года, площадь 4 га;
- Пеньон де Альхусемас (Аль Хосейма), в 155 км к востоку от Сеуты и в 250 метрах от побережья, 1 га;
- острова Чафаринас (Мулуйя), группа из трех островов в четырех километрах от побережья и в сорока километрах к востоку от Сеуты, принадлежат Испании с XIX века, 61 га (Gold 2000, XVI).

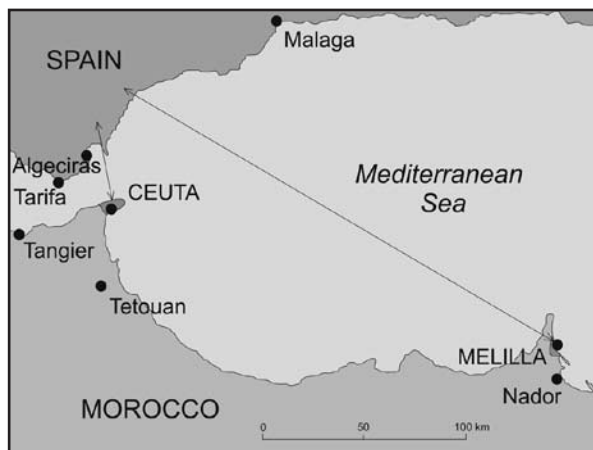

Рис. 4.2. Сеута и Мелилья

Хотя начало истории Сеуты и Мелильи в качестве испанских колоний относится к XV и XVII векам, формально их существование как анклавов началось с признания независимости Марокко в 1956 году. Северное побережье Марокко принадлежало Испании в течение нескольких столетий. Последнее разделение Марокко между Испанией и Францией закрепило побережье Средиземного моря за Испанией. Таким образом, Сеута и Мелилья наряду с шестью микроанклавами получили особый статус, только когда Марокко окончательно обрело независимость.

Первая ось: отношения материнское государство — анклав

Испанская внутренняя дискуссия по анклавам базируется на трех основных проблемах: во-первых, интеграция перед лицом территориальных притязаний Марокко; во-вторых, предоставление большей степени автономии для анклавов; и, в-третьих, новое испанское законодательство по иммиграции, оказывающее специфическое воздействие на Сеуту и Мелилью.

До последнего времени оба анклава являлись частью Андалусии. Новая испанская конституция, принятая в 1978 году, включает в себя статьи 144 и 151, в которых говорится о передаче полномочий власти в руки только что образованных автономных сообществ. Совет Сеуты уже в 1981 году принял резолюцию, обращенную к национальному парламенту и требующую предоставления автономного статуса. Мелилья поддержала резолюцию двумя неделями позже. Присвоение автономного статуса этим анклавам оказалось непростой проблемой для Мадрида, так как оно могло расстроить двусторонние отношения с Марокко. Необходимое законодательство вошло в силу спустя почти 15 лет.

Существовал ряд причин, по которым жители анклавов хотели получить большую степень автономности:

1. Неуверенность в будущем. Переговоры по Гибралтару вскоре должны были начаться, и власти опасались, что они могут привести к открытию переговоров, касающихся анклавов Северной Африки. Ожидалось, что автономный статус позволит центральному правительству Испании занять твердую позицию по проблеме владения анклавами.

2. Беспокойство за экономику. Жители анклавов надеялись, что прояснение проблемы автономии приведет к ее развитию.

Население анклавов решительно отстаивало свои политические требования. В 1980-х годах и в первой половине 1990-х годов произошло несколько маршей протеста и демонстраций, в

которых принимало участие огромное количество людей (в процентном соотношении к численности населения). Например, в 1994 году, узнав об отсрочке принятия решения по проблеме, 15–20 тыс. человек (7 тыс. — по данным полиции) приняли участие в демонстрации в Сеуте. Эту цифру следует сравнить с общей численностью населения, которая составляла 70 тыс. человек, включая детей. Плакаты гласили: «Мы должны быть равны. Автономное сообщество для Сеуты уже сегодня».

В конце концов 15 февраля 1995 года был принят законопроект, предоставивший Сеуте и Мелилье статус автономных городов, но не автономных сообществ. Это означало действительное расширение их прав, однако не законодательной власти. Голд (Gold 2000) отмечает, что обретение этого статуса не удовлетворило всех чаяний населения, зато оно не вызвало каких-либо долговременных волнений в Марокко. Реальная политика требовала, чтобы интересы Марокко имели больший вес в Мадриде, чем интересы маленьких анклавов.

Получили ли анклавные территории достаточную степень автономности? Сеута и Мелилья вряд ли приобретут те же полномочия, что и другие сообщества в Испании. С другой стороны, они гораздо меньше по размеру, чем другие автономии, и по сравнению с другими городами такого же размера где-нибудь в Европе имеют больше автономности. Тем не менее, остается открытым вопрос о том, достаточно ли ее для противодействия их анклавности.

Анклавные города рассматривались отдельно от остальной Испании не только экономически и административно, но также в сфере обороны. Когда в 1981 году Испания вступила в НАТО, анклавные территории остались за пределами оборонительной территории Североатлантического блока. Члены НАТО, в особенности США, не желали защищать территории, находящиеся в Северной Африке, так как это влекло за собой риск эскалации потенциального конфликта. Следовательно, Испании пришлось взять на себя ответственность за оборону Сеуты и Мелильи, что привело к размещению в обоих городах военных гарнизонов, численность которых составляет более 10% общей численности населения. У вооруженных сил Испании действительно есть план на случай непредвиденной атаки Марокко, если вдруг оно проявит агрессию против анклавов.

Расходы по содержанию Сеуты и Мелильи весомы для материнского государства не только в политическом плане, но и в прямых экономических показателях. Обобщим основные компоненты, со-

ставляющие расходы федерального центра и ЕС по содержанию анклавов:

- оба города исключены из таможенной территории;
- крупные субсидии от Испании и ЕС на инфраструктурные проекты;
- расходы на борьбу с контрабандой (наркотиков, алмазов и т. д.);
- 50 миллионов евро (при этом две трети финансирования осуществляется из фондов ЕС) на строительство так называемого Периметра (*Perimetro*) — пограничного ограждения вокруг каждого города; значительные расходы на охрану границ;
- до 40 % рабочей силы занято на государственной и гражданской службе, их труд по большей части оплачивается средствами из федерального бюджета;
- до семи тысяч военнослужащих в каждом анклаве;
- несоразмерно большая численность правоохранительных органов.

Таблица 4.1. Общее и мусульманское население Сеуты и Мелилья, 1875–1986 годы²²

Год	Сеута		Мелилья	
	Население всего	Мусульмане (в % от общего количества)	Население всего	Мусульмане (в % от общего количества)
1875	–	91 (0,9)	–	–
1877	9703	–	1517	–
1887	10744	–	3539	–
1888	–	204 (1,9)	–	–
1910	23907	–	39852	95 (0,2)
1930	50614	–	62614	932 (1,5)
1935	–	2717 (5,3)	–	–
1950	59936	–	81182	6277 (7,7)
1960	73182	7102 (9,7)	79.586	7626 (9,5)
1970	67187	–	64942	–
1975	–	–	–	14178 (21,8)
1981	70864	–	58449	11105 (19,0)
1986	65151	15002 (23,0)	52388	17824 (34,0)
2003	76152	–	69184	–

²² Источники: Голд (Gold 2000, 92), Карабаза и де Сантос (Carabaza and de Santos 1992, 50–51, 94–97), CIA World Fact Book 2004. Общая численность населения включает в себя численность заключенных и военнослужащих. Пробелы в таблице объясняются использованием данных из различных источников.

В таблице не отражены различия в правовом статусе и гражданстве между христианскими и мусульманскими сообществами. До того, как иммиграционное законодательство превратилось в проблему, в Сеуте проживало 15 тыс. мусульман (22,5% от общей численности населения). Только у 2400 из них было испанское гражданство. Остальные не имели его, включая большое количество жителей, родившихся и выросших в анклавах. Схожая ситуация была и в Мелилье: из 17800 мусульман, составляющих 34% общей численности населения, только 6 тыс. являлись гражданами Испании. Очевидно сходство ситуаций в анклавах, включая опасения христианской части населения по поводу увеличения доли мусульман.

В 2002 году в Сеуте официально существовало пять мечетей и десять мусульманских ассоциаций, а в Мелилье — три мечети и пять ассоциаций. Однако неофициальных мечетей гораздо больше. Когда испанское правительство попыталось их зарегистрировать, многие протестовали: мусульмане из магрибского сообщества Сеуты отметили, что на их территории было еще 24 небольших мечети, все из них, возможно, являются объектами новой регистрационной политики²³.

В Мелилье восемь католических церквей, но так же сильно водевствие исламских традиций и обычаев. Мелилья и Сеута представляют собой культурные и этнические перекрестки, хотя подавляющее большинство их населения остается «таким же европейским, как бельгийцы или немцы» (Gold 2000, XII).

Новое иммиграционное законодательство, принятое в 1985 году в связи с подготовкой к вступлению в Европейское Сообщество, стало важной проблемой для анклавов. В соответствии с законом, большинство мусульман, проживающих в них, могло получить испанское гражданство только после десяти лет проживания там. В качестве временной меры по закону устанавливалось удостоверение личности, позволяющее жить в анклаве, но не присуждающее гражданство. Мусульмане, рожденные в анклавах, не желали подавать заявление на получение удостоверения личности, так как не хотели, чтобы их классифицировали как «иностранцев в стране, где они были рождены». Кроме того, став обладателем этого удостоверения, они вынуждены были бы ждать еще десять лет для того, чтобы получить гражданство, причем без гарантии, что, в конце концов, это произойдет. С другой стороны, не имея

²³ http://www.fides.org/eng/dossier/2005/espana_islam05.html, состояние на май 2007.

данного документа, они будут подлежать депортации. Голд утверждает, что испанское правительство хотело избежать появления в анклавах все возрастающего количества мусульман, имеющих гражданские права, так как оно нарушило бы политическое равенство и потенциально могло привести к расколу (Gold 2000, 94). Реакция мусульманского населения, однако, стала неожиданной. Она проявилась в форме общественных беспорядков, маршей протеста, огромных демонстраций и всеобщих забастовок. В противовес им также организовывались контрдемонстрации испанского населения; в одной из них, в Мелилье, по оценкам организаторов участвовало 35–40 тыс. человек, то есть фактически все совершеннолетнее испанское население анклава. В результате этих событий усилился национальный и религиозный раскол в обоих анклавах. Однако конфликт, в конечном счете, закончился компромиссом: мусульманам в анклавах пообещали особое отношение и ускорение процесса принятия гражданства. Обещание было до определенной степени выполнено. За несколько лет большинство лиц, соответствующих требованиям закона, получило испанское гражданство. Так началась новая глава в политической жизни анклавов. К тому времени, как оба города получили автономию в 1995 году, в них уже было значительное количество мусульманского меньшинства, имеющего право голосовать. Следует отметить, что, несмотря на различие мнений мусульманского меньшинства и христианского большинства по многим политическим вопросам, сепаратизм или раскол до сих пор не стал большой проблемой.

История Дуду, харизматического лидера мусульманского населения в Мелилье, может послужить в качестве показательного примера. Начав как защитник равных прав для мусульман в анклавах, он постепенно стал выступать за присоединение Мелилье к Марокко. В течение нескольких лет Дуду потерял свою политическую базу в анклаве, и ему пришлось переехать в Марокко, где он постепенно исчез из поля зрения как политик. Позднее, когда Марокко обвинило Мадрид в «испанизации» анклавов, мусульманское население обоих городов не поддержало эту позицию. Напротив, оно постоянно заявляло о своей принадлежности к Испании. Несмотря на свою национальность и религиозную принадлежность и на то, что марокканские националисты осуждали их как предателей, мусульмане, проживающие в анклавах, продолжали настаивать на том, что они принадлежат к испанскому населению.

Вторая ось: отношения анклав — окружающее государство

Небольшие испанские анклавы имеют несоразмерно большую экономическую и политическую значимость для Марокко. Официальная позиция окружающего государства по отношению к Сеуте и Мелилье базируется на требовании передачи анклавов под управление Марокко. Это тормозит прогресс во многих сферах сотрудничества. Тем не менее, экономически анклавы весьма важны для Марокко, в том числе в показателях занятости населения и пограничной торговли.

Около 15 тыс. марокканцев каждый день прибывают в Сеуту и Мелилью (Gold 2000, 123), главным образом, с целью мелкой торговли. В конце 1980-х годов товары включали в себя одежду и обувь, продукты питания, духи, алкоголь, табак, цемент и бензин. Общий объем торговли составлял 87–100 млн долларов в год (Carabaza and de Santos 1992, 294). В теневой экономике эти показатели могут быть гораздо выше. Торговля на черных рынках в анклавах включает операции с краденными дорожными машинами, золотом, бриллиантами, и валютой. Теневая экономика включает в себя также отмывание денег. Только одна сеть, тайно действовавшая в Сеуте в июле 2002 года, отмыла деньги от продажи наркотиков на сумму 153 млн долларов за восемь месяцев (*El Mundo*, 06.07.2000). Торговля наркотиками также является проблемой в анклавах.

Другая серьезная проблема — нелегальная иммиграция. Основной причиной для нее служит экономическое неравенство. Средний доход в Испании (в показателях покупательной способности населения) в пять с половиной раз превышает аналогичный показатель Марокко (22 тыс. к 4 тыс. долларов США). Эмигранты из Северной Африки постоянно пытаются попасть в Сеуту, пересекая ее сухопутные границы. Большинство из них являются марокканцами, но в последние годы возрастает число иммигрантов из других стран, не только из Африки, таких как Сенегал и Камерун, но также из Азии, например, индийцев и пакистанцев (Wiedermann 2004).

В 1998 году вокруг Сеуты было возведено современное высокотехнологичное ограждение для предотвращения проникновения нелегальных мигрантов (*Perimetro*). Его стоимость составила 54 млн долларов (две трети этой суммы поступило из бюджета ЕС). Это составляет примерно 800 долларов на каждого жителя Сеуты.

**Третья и четвертая оси:
марокканское государство — окружающее государство**

Отношения между Испанией и Марокко в целом определяют территориальной близостью и важными экономическими контактами между двумя странами. В основном, они хорошие, особенно в контексте благоприятного политического климата между ЕС и странами Средиземноморья, вследствие чего Испания стала наиболее важным посредником Марокко внутри Евросоюза. Также Испания является вторым по важности инвестором Марокко. Оба государства заинтересованы в мире и сотрудничестве не только на двустороннем уровне, но также на уровне ЕС. Усилия Испании оказались решающими в контексте Барселонского процесса, который должен привести к созданию зоны свободной торговли в Средиземном море. Важным финансовым инструментом является программа Сотрудничества ЕС и средиземноморских стран (MEDA). В 1995–2003 годах в рамках данной программы в Марокко поступили 917 миллионов евро — больше, чем в любое другое североафриканское государство. На этом фоне анклав — негативный фактор, периодически осложняющий двусторонние отношения.

Территориальный спор по Сеуте и Мелилье оказал значительное влияние на дипломатические отношения между Испанией и Марокко. Вопрос территориальных притязаний Марокко на анклав поднимается при любом удобном случае. Король Хасан II, правивший с 1966 года до своей смерти в 1999 году, применял политику давления на Испанию по проблеме анклавов и использовал притязания на Сеуту и Мелилью в качестве козыря в своей политической игре. Хасан неоднократно предлагал организовать «экспертный комитет» по работе над проблемой. В том же духе в 1987 году 55 марокканскими интеллектуалами было послано письмо их 47 испанским коллегам, приглашающее их посетить семинар по обсуждению «безболезненного возвращения Сеуты и Мелильи под суверенитет Марокко». В письме, вне сомнения согласованном с марокканским правительством, приводились обычные доводы в пользу передачи суверенитета. В нем утверждалось, что «колониальное присутствие Испании в двух городах Марокко основано на устаревших правовых документах, которые потеряли свою ценность перед лицом географической логики и перед тем фактом, что международное сообщество выступает за прекращение существования последних остатков колониализма в мире»

(*El Pais*, 19.06.1987). Хотя семинар так и не состоялся, испанское правительство постоянно чувствовало необходимость предоставлять контраргументацию по проблеме колониализма. В тот же самый год премьер-министр Фелипе Гонсалес особо выделил население анклавов в своем обращении к нации. Он подчеркнул испанизированность анклавов и отметил то, что «в противоположность мнению некоторых людей, они никогда не были колонией или протекторатом» (*El Pais*, 25.02.1987).

В 1988 году было объявлено, что, согласно новой директиве ЕС, гражданам Марокко придется приобретать визы для того, чтобы попасть в Испанию. Это правило должно было применяться и по отношению к анклавам, за исключением оговорки о пограничном статусе. Пограничный статус позволял марокканцам, проживающим в провинциях Тетуан (смежная с Сеутой) и Надор (граничащей с Мелильей) регулярный доступ в анклав. Для того чтобы попасть в анклав без визы, им нужно было предъявить только паспорт, но они могли находиться там максимум 24 часа. Испанское правительство пыталось подсластить горькую пилюлю изменения визовой политики присвоением обоим анклавным городам автономного статуса. По согласованию обеих сторон был предоставлен крупнейший бессрочный кредитный пакет для Марокко на общую сумму в 830 млн долларов.

Одним из инструментов, примененных Марокко для оказания давления на Испанию по проблеме анклавов, была передача дела в юрисдикцию ООН в 1988 году. Тогда министр иностранных дел Марокко обратился к Генеральной Ассамблее со следующим заявлением:

«Необходимо разрешить спор, касающийся анклавов Сеуты и Мелильи и других небольших средиземноморских островов, оккупированных Испанией, чтобы помешать этой анахронической ситуации — последствию более ранних времен — разрушить неотъемлемую гармонию, которая должна превалировать в отношениях между двумя странами, расположенными по обеим сторонам Гибралтарского пролива» (*El Pais*, 08.10.1988).

Внутренняя позиция населения Испании по данной проблеме остается непоколебимой, хотя и не единогласной. В национальных опросах общественного мнения, проведенных в середине 1980-х годов, менее чем четверть участвовавших потенциально согласились бы с передачей анклавов под власть Марокко, в то время как более половины поддержали их сохранение под властью Испании. Около четверти населения были готовы поддержать

вооруженную защиту анклавов в случае необходимости (Carabaza и de Santos 1992, 294).

Правительство Марокко возвратилось к своему требованию в 1993 году, когда король Хасан снова заговорил об образовании «экспертного комитета». Он твердо настаивал на своем требовании и впоследствии. Премьер-министр Марокко Филали охарактеризовал анклавы как «марокканские города, оккупированные Испанией», и потребовал принять решение по ним, как по Гонконгу и Макао не позднее 1997 года. Власть над двумя городами должна была перейти к Марокко, позволяя Испании сохранить свои интересы (*El Pais*, 26.09.1987).

Как отмечает Голд (Gold 2000, 25), Испания использовала точно такой же довод против Британии, выдвигая территориальные притязания на Гибралтар. Это является примером того, как роль диктует действия. Будучи материнским государством по отношению к анклавам Северной Африки, Испания оказывается объектом таких претензий со стороны окружающего государства, какие она сама заявляла, будучи окружающим государством по отношению к Гибралтару.

Можно сделать вывод о том, что существование Сеуты и Мелильи как объектов территориальных притязаний Марокко осложняет двусторонние отношения заинтересованных государств, однако существование и превосходящая значимость других проблем безопасности и экономики, не касающихся анклавов, не позволяют негативному фактору анклавноности подвергать отношения между Испанией и Марокко своему разрушительному воздействию. Тем не менее, в конечном счете Сеута и Мелилья оказывают очевидное негативное влияние на отношения материнского и окружающего государств.

Одиннадцатого июля 2002 года остров Перехиль был оккупирован 12 марокканскими солдатами. Испания немедленно активизировала свои военно-морские силы и 20 июля была успешно и без кровопролития проведена операция, после чего испанский флот вернулся на базу. Девятидневный конфликт стал настолько серьезным, что посол Испании был отозван обратно в Мадрид, а посол Марокко — в Рабат. Марокко пыталось оправдать свой поступок тем, что остров, находящийся всего в 200 м от побережья и в 5 км от Сеуты, использовался контрабандистами и террористами. Соглашение по Перехилю, заключенное между государствами 22 июля 2002 года, сохранило испанский суверенитет и предусмотрело, что остров и впредь останется незаселенным.

Юридический статус анклавов

Ратон провел первое исследование юридического статуса анклавов и эксклавов (Raton 1958, 188–191). Наиболее важная часть его работы касается юридической природы и правового статуса полных анклавов. Отношение эксклава к своему государству носит государственно-правовой характер. Жители эксклава являются гражданами государства, и, в принципе, правовой порядок материнского государства действует в его эксклаве. Правовая природа анклава рассматривается с точек зрения окружающего, материнского и третьего государства или государств.

1. С точки зрения окружающего государства анклав является иностранной территорией. Его границы установлены (или по крайней мере должны быть установлены) соответствующим образом. Граждане окружающего государства имеют статус иностранцев в анклаве и наоборот. Он не является совладением при делении прав суверенитета между двумя государствами, хотя в отдельных случаях окружающее государство может иметь определенные властные полномочия в некоторых областях, основанные на соглашениях с материнским государством. Примерами этому могут послужить Бюзинген и Кампионе, включенные в таможенную территорию Швейцарии по соглашениям с Германией и Италией соответственно. Но анклавы являются не нейтральными землями, а скорее территориями, находящимися под полным суверенитетом материнского государства.

2. С точки зрения материнского государства, анклав — ни колония, ни протекторат. Он представляет собой неотъемлемую часть национальной территории. Жители анклава не являются ни иностранцами, ни апатридами. Они — граждане материнского государства и обладают гражданскими правами в полном объеме. Они обладают как пассивными, так и активными избирательными правами и несут те же обязанности, что и остальные граждане, включая воинскую обязанность. Решающей юридической особенностью анклава является то, что он рассматривается как неотъемлемая часть национальной территории, а его жители — как граждане материнского государства. Однако нередко появляются и некоторые ограничения в осуществлении власти материнского государства в анклаве. Такие ограничения — прямое следствие географических особенностей анклава. Так, они могут касаться программ обороны и военной службы. Окружающее государство может запретить военный транзит через свою территорию,

что, следовательно, делает невозможной оборону полного анклава. Более того, двустороннее соглашение может вовсе запретить военную фортификацию в анклаве, как это было в случае соглашения между Испанией и Францией по Ливии в 1660 году, которое хотя и потеряло свою практическую важность, но остается в силе до сегодняшнего дня.

3. Суверенитет материнского государства над анклавом является неоспоримым с точки зрения окружающих государств. Однако проблема может возникнуть в том случае, если либо материнское, либо окружающее государство оккупировано в ходе военных действий. Первая и Вторая мировые войны подняли данную проблему в отношении нескольких европейских анклавов. Германия соблюдала нейтралитет Голландии в ходе Первой мировой войны и по этой причине не смогла оккупировать бельгийский Баарле-Хертог, несмотря на предпринятые попытки сделать это. Твердая позиция Голландии по проблеме прохода войск через ее территорию осталась непоколебимой. Баарле-Хертог был свободным в ходе войны и, таким образом, использовался для транзита почты. Строительство и введение в действие радиостанции для шпионажа за сообщениями Германии в 1915–1918 годах — славная страница в истории анклава. В ходе Второй мировой войны немцы оккупировали Францию (а также Монако), но не захватывали Ливию. С другой стороны, в то время как Германия в конце войны была оккупирована войсками союзников, Бюзинген был взят в окружение французскими войсками только после переговоров со Швейцарией и на ограниченное время. Что касается Кампионе, то он вообще избежал оккупации.

ГЛАВА 5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНКЛАВА, ЕГО СУВЕРЕНИТЕТ И ДЕЗАНКЛАВИРОВАНИЕ

Разлитые чернила

Существование анклавов в той или иной точке земного шара обычно вызывает у людей недоверие и любопытство. Как могли возникнуть эти «аномальные» географические явления? Люди, заинтригованные этим феноменом, зачастую выдумывают невообразимые объяснения.

Таковы легенды, объясняющие создание почти 200 анклавов Куч Бехара, расположенных по обе стороны границы. Несмотря на известный факт договора 1713 года между империей Моголов и Куч Бехаром, послужившего источником происхождения этих анклавов, существует множество других популярных объяснений. Среди индийского населения данных территорий бытует легенда, что когда махараджа Куч Бехара и принц Рангпура играли в шахматы, они ставили на кон свои деревни. Именно поэтому каждый из них приобрел деревни, принадлежавшие другому. Эту точку зрения также разделяет премьер-министр Западного Бенгала. Еще одно народное предание гласит, что пьяный британский офицер разлил чернила, когда рисовал главную линию границы на карте. Уайт отмечает, однако, что эта история не объясняет существование многочисленных анклавов второго порядка (Whyte 2002, 33).

В данной главе центральными станут три вопроса. Как на самом деле возникают анклавы? Что определяет прочность их связей с основной частью страны? И как они перестают существовать?

Многократно заявлялось, что появление новых анклавов после окончания колониального периода маловероятно. Однако

они возникли и продолжают возникать. Как Робинсону (Robinson 1959), так и Катудалу (Catudal 1979) не удалось предсказать дальнейшее образование международных анклавов. Согласно Уайту (Whyte 2002), возможной причиной этого может быть тот факт, что они не принимали во внимание существование субнациональных анклавов, которые потенциально могли превратиться в международные. Эта идея подкрепляется тем, что на субнациональном уровне существует гораздо больше анклавов, чем на международном. Если государство по тем или иным причинам распадается, статус субнациональных границ часто поднимается до уровня международных, вследствие чего и появляются международные анклавы.

Именно это произошло в Советском Союзе и в бывшей Югославии, вследствие чего почти 20 анклавов, часть которых достаточно крупные, неожиданно возникли на международной арене. Другим случаем является Окусси Амбено, эксклав Восточного Тимора, отделившегося от Индонезии в 1999 году. Существуют и другие причины рождения международного анклава, например, линия перемирия может превратиться в международную границу. Кроме того, анклавы могут создаваться преднамеренно в качестве средства мирного разделения государства, что также будет рассмотрено в данной главе.

Возникновение анклавов и эксклавов

Возникновение анклавов

Анклавы можно разделить на пять крупных групп в соответствии с их происхождением²⁴:

1. Группа анклавных государств и территорий, образовавшихся в довестфальский период, в большинстве своем в результате феодальной раздробленности Западной Европы в Средние века. Их происхождение представляет собой сочетание, с одной стороны, феодальной раздробленности и довестфальского понимания государственности, а, с другой стороны, государственной консолидации в начале современной эпохи в Европе.

В средневековый период протяженность королевства определялась не фиксированными линиями внешней границы, а правами собственности и вассальной зависимостью. Территории, полученные вследствие прав вассальной зависимости, были неустой-

²⁴ Полные данные приводятся в таблице, приведенной в дополнительных материалах к гл. 5 на www.vinokurov.info/enclaves.htm

чивыми во времени. Это вело к постоянному перераспределению границ.

К данной группе относятся небольшие феодальные государства, до определенной степени сохранившие свою независимость в период консолидации — Сан-Марино, Монако, Ватикан наряду с несuverенными анклавами, такими как Бюзинген, Кампионе, Баарле и многими другими. Перераспределение земельной собственности путем завоевания новых территорий в ходе войны, дарения участков земли, права наследования — все это приводило к нарушению «естественных» границ и к последующему возникновению многочисленных анклавных территорий. Данное произвольное установление границ осуществлялось без учета интересов населения и вне зависимости от традиционных моделей экономических и политических связей.

2. Анклавы, возникшие в результате распада или преобразования колониальных империй Европы. Во-первых, к ним относятся эксклавы европейских государств, возникшие на руинах империй. Во-вторых, независимые анклавные государства и несuverенные анклавы, возникшие сразу же после установления границ, зачастую произвольного, между территориями бывших колоний.

3. Анклавы, образовавшиеся в результате распада государств. Большинство таких анклавов было создано после распада двух социалистических многонациональных государств, Советского Союза и Югославии. Их происхождение можно проследить до первоначального произвольного административного деления и установления границ на территории Советского Союза в 1920-х годах. Вследствие раскола Германии на два государства после Второй мировой войны образовался анклав Западного Берлина и десяток микроанклавов вокруг него. Наконец, в 1999 году образовался Окусси-Амбено после того, как Восточный Тимор, его материнское государство, получил независимость от Индонезии.

4. Анклавы, возникшие в результате перераспределения земель вследствие войны и специфики послевоенного пограничного урегулирования. Анклав/эксклав мог образоваться не только в результате приобретения земель, но также вследствие потерь территорий в соответствии с послевоенным урегулированием и соглашениями (к данной группе относятся, например, анклавы Феннбана, Восточная Пруссия и Тембуронг).

5. Природные анклавы, то есть те, которые образовались вследствие физических причин. К данному типу принадлежат все европейские пенеанклавы.

Бюзинген, источник «вечного раздражения» для Швейцарии

Развитие Бюзингена в Средние века повторяло типичный путь существования территории в условиях феодальной Европы: им торговали, передавали в дар церкви, наследовали, в нем менялась власть вместе с приходом нового феодала и т. д. Бюзинген впервые упоминается уже в 1090 году как «Бозинга», владение, переданное в дар графом Буркхардтом фон Нелленбургом Аллерхайлигенскому аббатству в Шаффхаузене. После этого Бюзингеном владело несколько династий. В 1465 году он был продан Габсбургам. Власти Шаффхаузена неоднократно пытались выкупить Бюзинген у Габсбургов и, в конце концов, в 1651 году им удалось сделать это: Бюзинген был продан за 20 тыс. гульденов. Вследствие территориального спора между властями Шаффхаузена и феодалом Бюзингена Эберхартом фон Турном первые потеряли деревню в 1698 году. В 1723 году властям Шаффхаузена удалось приобрести территории, но Бюзинген остался под властью фон Турна как источник «вечного раздражения» для Шаффхаузена.

В результате многочисленных продаж и наследований в период европейского феодализма в 1770 году Бюзинген находился под властью Австрии, полностью окруженный территорией Швейцарии. Затем вместе с графством Нелленбург он стал частью сначала Вюртемберга, а впоследствии Бадена. С 1871 года Бюзинген являлся частью объединенной Германии. Наконец, власти кантона Шаффхаузен попытались купить Бюзинген во время Венского Конгресса 1814–15 годов, но их попытка не увенчалась успехом. В 1835 году Бюзинген был исключен из таможенной территории Германии. За этим последовало его включение в 1964 году в таможенную территорию Швейцарии по специальному соглашению между Германией и Швейцарией. В 1967 году Ференахоф был передан Швейцарии, но Бюзинген остался под властью Германии. Принятие эффективного соглашения 1964 года создало действенную модель управления анклавом, как для материнского, так и для окружающего государства. Бюзинген больше не «раздражает» Шаффхаузен.

Некоторые анклавовы возникли вследствие ошибок и неточностей, допущенных в ходе делимитации и установления границ. Например, Пойнт Робертс — результат недостаточности географических знаний ко времени делимитации границы между США и Канадой по 49-ой параллели. Анклавовы также могут возникать в результате необдуманно заключенных соглашений. В случае Ливии, согласно Пиренейскому договору к Франции отошли 33 деревни в Серданье. Однако Ливии среди них не было, так как она имела статус города, а не деревни. Можно ли утверждать, что анклавовы, чей международный статус развивается от субнационального уровня, на самом деле не возникают как таковые, а

просто становятся более заметными? В действительности, постсоветские анклавы существовали на субнациональном уровне и до распада Советского Союза. Достаточно ли сказать, что они просто стали заметны после того, как на постсоветской карте возникло 15 независимых государств? После перехода от субнационального уровня к национальному эти анклавы приобрели ряд качественно новых характеристик по сравнению с теми, которые они имели ранее. Таким образом, в процессе построения независимых государств есть уровень анклавноности качественно возрастает.

Саньково-Медвежье, российский эксклав в Белоруссии

Две деревни, Саньково и Медвежье, являются частью Брянской области (Россия) внутри Гомельской области (Белоруссия) и, таким образом, представляют собой полный анклав. В начале XX века крестьяне Добродеевки, небольшого села в Брянской области, бедствовали от недорода на бесплодных землях. Они приняли решение отправиться в США, чтобы поработать в угольных шахтах в штате Пенсильвания. Вернувшись домой через три года (незадолго до начала Первой мировой войны), они купили землю у белорусского землевладельца и переехали в Медвежье Дубраву и в Санину Поляну. Именно так возникли две небольшие деревушки (в каждой из них было по 10–15 крестьянских хозяйств). После того, как Российская империя стала Советским Союзом, а Россия и Белоруссия — социалистическими республиками, объединенный комитет, организованный Центральным Исполнительным комитетом (ЦИК) и состоявший из представителей обеих республик, урегулировал проблемы административных границ. Саньково и Медвежье были оставлены в рамках РСФСР.

В 1943 году нацисты сожгли обе деревни дотла. После войны они были восстановлены. Все шло своим чередом без особых проблем до аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году. Была заражена вся Гомельская область; Саньково и Медвежье стали непригодными для жилья. Жители были эвакуированы, и им запретили возвращаться в собственные дома. Деревни больше не существуют в качестве поселений. Однако необитаемая и заброшенная территория остается анклавом (Vorobyev 2002).

Переход субнациональных анклавов на международный уровень: анклав Ферганской долины

На территории Центральной Азии расположены восемь анклавов, принадлежащих трем бывшим советским республикам: Киргизии, Узбекистану и Таджикистану. Фактически процесс делимитации между этими республиками происходил в 1924–1927 годах. Деление границ лишь частично основывалось на национальном

Рис. 5.1. Анклавы Ферганской долины²⁵

принципе, вследствие чего на межнациональном уровне союзных республик возникли анклавы. Весьма вероятно, что дополнительной целью Москвы было создать почву для межреспубликанских конфликтов в Центральной Азии, чтобы иметь возможность постоянно вмешиваться во внутренние дела республик на правах верховного судьи. Так как некоторые разногласия по поводу границ остались, то в 1955 году была учреждена Комиссия по установлению демаркационной линии между территорией Узбекской и Киргизской ССР, в обязанности которой входило урегулирование неразрешенных межреспубликанских споров. Комиссии так и не удалось выполнить поставленную перед ней задачу (Megogan 2002, 39).

Вследствие того, что после распада Советского Союза республики Центральной Азии обрели независимость, в 1990-х годах были снова предприняты попытки решить проблемы анклавов. Например, Узбекистан в ходе переговоров предпринял безуспешную попытку присоединить к своей территории Сох и Калачу и предложил обменяться землями с Кыргызстаном (Megogan 2002, 110). Специфические анклавные черты не проявлялись четко до тех пор, пока государственность среднеазиатских республик не стала реальностью. Только ближе к концу 1990-х годов в государствах

²⁵ Источник: Whyte (2002), с разрешения автора.

Центральной Азии закончился переходный период и произошло окончательное урегулирование границ. Межгосударственные отношения в Ферганской долине, в особенности Узбекистана и Кыргызстана, значительно ухудшились, так как вместе с обретением государственной независимости возникли националистические настроения. Несомненно, это оказывало негативное влияние на жизнь всего приграничного населения, но гораздо в большей степени — на жителей анклавов. Примеры Джангайла, Соха и Барака иллюстрируют сильное влияние, которое имела на анклавы Ферганской долины «кристаллизация» границ.

Мегоран описывает свои впечатления от контактов с населением некоторых анклавов в 1995 и 2000 годах, то есть до и после того, как ситуация начала ухудшаться. Джангайл — небольшой эксклав Узбекистана, окруженный территорией Кыргызстана. В 1995 году «было трудно установить, к какому государству принадлежала та или иная территория, так как в процессе раздела само население не могло определить, где точно должна проходить граница. При повторном визите в 2000 году стало очевидно, что территориальное деление района уже проведено Узбекистаном, о чем можно было судить по новому ландшафту границы: изгородям из колючей проволоки, заблокированным дорогам и военизированным пограничным контрольным постам. Жители анклава жаловались на тяжелые экономические последствия. Удобрения теперь пришлось провозить контрабандой, они подорожали в три раза, в то время как цены на продукты питания возросли, а прибыль от продажи продукции значительно снизилась вследствие взяток, проволочек и более высоких транспортных расходов, неминуемых при доступе на региональный рынок в Карадамджое. Один кыргызский узбек показал на ограждение и сказал: „Мой брат живет всего в ста метрах отсюда, но мы отрезаны друг от друга этой колючей проволокой“» (Megoran 2002, 181).

В Ферганской долине расположен самый большой в мире полный анклав, Сох. Более 40 тыс. человек проживает в этом анклаве Узбекистана в пределах территории Кыргызстана на 236 км² плодородной земли в горной долине. В большинстве своем жители Соха — этнические таджики, так что по национальному составу анклав не совпадает ни с материнским, ни с окружающим государством. Такое бывает редко, но все же это не исключительный случай. Открытость границ ушла в прошлое в 1999 году. Туристы неоднократно подвергались обыску на контрольно-пропускных пунктах Узбекистана. Совместный эффект от активного погранич-

ного контроля и угроз вторжения военизированных банд привели к ощущению постоянной осады (Megogan 2002, 183).

Напряженность в регионе усугубляется запутанностью политической географии. Напомним, что речь идет о гористой местности, где действующие дороги (и потенциальные места для строительства новых) встречаются крайне редко. Сох отделяет часть Баткенского района Кыргызстана от остального региона, так как дороги проходят по территории анклава. В 2005 году в связи с усилением конфронтации население Соха заблокировало дороги, проходящие через анклав. Некоторые кыргызские деревни Баткенского района оказались в изоляции (Posdnyzkova, Chernogauev 2005). С похожей ситуацией столкнулись в Куч Бехаре, когда сильная волна протестов поднялась в ответ на сдачу в аренду коридора Тин Бигха, что означало бы полную изоляцию от индийского региона Кучлибари.

Взаключение рассмотрим Барак, кыргызский эксклав на территории Узбекистана, расположенный в 4 км от основной территории Кыргызстана и населенный 620 кыргызами. В августе 1999 года окружающее государство перекрыло дорожное сообщение с анклавом, объявив это временной мерой. Все сообщение было приостановлено. Так как в мире нет ничего более постоянного, чем временные меры, границы остались закрытыми на неопределенный период.

С тех пор в Барак можно было добраться только на лошади или пешком. Автобусы из Кыргызстана как можно ближе подъезжали к границе с Узбекистаном, но четыре километра все же нужно было пройти пешком. Вследствие этого для сельских жителей стало невозможным поставлять свой хлопок на рынок. Власти Узбекистана настояли, чтобы продукция поставлялась через Дошукский пограничный пост около Оша, что делало затраты на перевозку товаров непомерно высокими для населения анклава. Таким образом, население анклава, будучи теперь изолированным еще и в экономическом плане, оказалось загнанным в угол. В Бараке есть своя школа, но нет почтового отделения, телефон — один на всю деревню. Изоляция не только подорвала устои закона и порядка в регионе, но у населения вдобавок ко всему не осталось средств к существованию. Совсем не осуществляется полицейский надзор, периодически отключается электричество. Это поразительно напоминает ситуацию в анклавах Куч Бехара, где напряженность отношений между Индией и Бангладеш привела к процветанию беззакония и экономическому бедствию.

В отчаянии больше половины всего населения поселка Барак в феврале 2003 года выехали в Ош, чтобы обратиться с протестом по поводу пограничных ограничений, установленных Узбекистаном. Через неделю в Оше произошел стихийный митинг, после которого часть пограничных постов была снята, и дорога Барак — Ак Таш снова открыта. Положительно повлияло на облегчение ситуации в Бараке и согласие Узбекистана пропускать на свою территорию транспорт, зарегистрированный в Бараке (что не распространялось на транспорт из Кыргызстана). Многочисленные препоны, в особенности экономические, все же остались, так как Узбекистан продолжает настаивать на том, чтобы хлопок ввозился через отдаленный пограничный пост (Blua 2004). Воодушевленные положительными переменами, жители Барака начали новую массовую кампанию в поддержку открытия таможенного коридора в Кыргызстан, что обеспечит населению анклава беспрепятственный доступ из Узбекистана в материнское государство (Megoran 2004).

Дезинтеграция государств: целенаправленное создание анклавов как мирное и демократическое решение проблемы сепаратизма

Д'Оливье Фарран назвал международный анклав «аномалией, скорее всего созданной непредумышленно» (Farran 1955, 296). На мой взгляд, в мире существует слишком много анклавов, чтобы называть их аномалией. Однако можно согласиться с Д'Оливье Фарраном в том, что они не создаются преднамеренно. Чаще всего анклавы возникают как неожиданный и нежеланный побочный эффект международной или внутренней политики. Но верно ли утверждение о том, что «эксклавность не может быть целесообразной» (Siedentop 1968, 14)?

В XX веке проблема анклавов неоднократно возникала, когда распадалось государство или субнациональные регионы или когда они стояли перед угрозой распада. Позднее, в 1990-е годы, некоторые ученые, а именно Рейд (Reid 1992) и Смит (Smith 1997), предложили анклавиrowание в качестве эффективного, хотя и нетрадиционного, средства мирного и демократического разделения государства. Очевидным примером этого подхода является случай Квебека и Канады.

Идея преднамеренного создания анклавов впервые серьезно обсуждалась при рассмотрении вопроса разделения Ирландии в 1920-х годах (в некоторой степени она проявилась и в случае

Феннбана в 1920–22 годах). Ирландская комиссия по размежеванию границ была создана в 1925 году. После многочисленных споров комиссия провозгласила, что создание анклавов будет идти в разрез с волей местного большинства. Временная линия границы 1921 года превратилась в современную постоянную границу. За этим последовали десятилетия войн.

Наиболее содержательная — и наиболее успешная — модель разделения государства была использована на уровне кантонов в Швейцарии. Теперь это называется швейцарской «моделью Юры». В 1970-х годах франкоговорящий анклав отделился от кантона Берн, где преобладало немецкое население. Франкоговорящие части кантона выражали желание отделиться на протяжении более чем двух десятилетий. В 1970 году было принято законодательство кантонов для проведения референдума о сецессии. Голосование проходило в три раунда. В течение первого раунда всех голосовавших просили выбрать, хотят ли они отделения кантона Юра от кантона Берн. В последующих раундах голосования отдельным общинам был предоставлен выбор отделиться от независимой Юры, чтобы остаться под властью Берна. В результате образовался новый автономный кантон Юра, окруживший несколько немецкоязычных анклавов, принадлежащих кантону Берн.

Данный случай был не первым примером успешного разделения в Швейцарии. Задолго до него в 1597 году там успешно осуществили разделение кантона Аппенцель по религиозным соображениям. Хотя референдума в XVI веке не проводилось, желания местного большинства были взяты за основу разделения, осуществленного независимым комитетом (состоявшим из людей, выбранных из населения других кантонов Швейцарии). В ходе разделения было создано три анклава: Оберегг, Гримменштайн и Вонненштайн. Они существуют и по сей день, уже более 400 лет. Однако следует отметить, что разделение на субнациональном уровне является гораздо менее сложным, чем на международном, когда создается новое независимое государство. Когда разделение осуществляется на субнациональном уровне, не возникает проблемы доступа со всеми ее политическими и экономическими последствиями. Следовательно, сначала необходимо обеспечить право доступа, и только потом применять «модель Юры» на международном уровне.

Право доступа является неотъемлемой частью мирного плана Вэнса-Оуэна для Югославии и нескольких предложений по разделению Квебека. Идея «кантонизации» вслед за «моделью Юры»

послужила основой «аккуратного лобзика» (*accurate jigsaw*) мирного плана Вэнса-Оуэна, разработанного в 1992 году. Смит (Smith 1997) утверждает, что данный план был отклонен президентом Клинтоном именно из-за создания вследствие его реализации анклавов. Если бы план Вэнса-Оуэна был приведен в исполнение в Боснии в 1992 году (и выполнил поставленные цели), то, возможно, удалось бы спасти 200 тыс. жизней.

Рейд разработал программу отделения Квебека, основанную на проведении местного референдума. Проанализировав данные опроса, он приходит к выводу о том, что учет мнения населения приведет к созданию нескольких анклавов, причем более крупные из них будут расположены вдоль границы с США. Рейд утверждает, что если доктрина местного референдума будет тщательно спланирована в соответствии с положениями швейцарской «модели Юрь», то это поможет преодолеть опасность превращения Квебека в «швейцарский сыр», чего так боятся его жители. Кроме того, только анклавам, граничащим с США или находящимся на побережье, будет позволено остаться в Канаде. Все другие небольшие анклавны, вне зависимости от того, будут ли они после размежевания принадлежать Канаде или Квебеку, возвратят соответствующей окружающей стране (Reid 1992, 101–107). Самый крупный анклав на острове Монреаль придется связать с материнским государством Канадой посредством суверенного коридора двадцати пяти миль в длину, следуя модели Колонского коридора в Панаме. Рейд утверждает, что данный эксклав с численностью населения в 700 тыс. человек будет административно и экономически жизнеспособным. Он даже предлагает предоставить жителям анклава выбор проведения референдума о том, принимать ли им структуру тарифных ставок Квебека, приводя в качестве примера Бюзинген.

Возможно, Рейд не подозревает об оборотной стороне медали: будучи включенным в таможенную территорию Швейцарии, Бюзинген был одновременно исключен из таможенной территории Германии. Иначе анклав превратился бы в серую зону для обмена товарами, понижая, таким образом, эффективность таможенной защиты обеих стран. Весьма сомнительно, что такой выбор осуществим для потенциального анклава на острове Монреаль, численность населения которого в 600 раз превышает население Бюзингена.

Смит подходит к проблеме анклавов с более общей позиции политической философии. Он оперирует термином «разорван-

ных наций» (*non-contiguous nations*) для характеристики государств, владеющих отделенными от него территориями (не только экклавами, но также и островами), и термином «перфорированных наций» (*perforated nations*) для характеристики государств, чья целостность нарушена включенными в них анклавами (Smith 1997, 394). Первый термин соответствует понятию «материнское государство», использованному в данной монографии, а второй — термину «окружающее государство». Смит разрабатывает свое «скромное предложение» разрешения межэтнических конфликтов, основываясь на ряде геометрических альтернатив. Права автономии следует предоставить тем, кто не желает перемещаться. В соответствии с таким предложением «анклавирование» является одним из вариантов, который должен приниматься во внимание. Далее Смит утверждает, что его предложение имеет много общего с «кантонизацией» Швейцарии. Швейцарцы осознали, что нестандартные подходы к делимитации границ могут содействовать мирному решению проблем, вызванных изначальными религиозными, этническими и династическими барьерами (Smith 1997, 400). Таким образом, преднамеренное образование анклавов рассматривается как инструмент для разрешения национальных и других конфликтов. Относительно конфликта в Квебеке Смит указывает на пример Аляски: как Аляска может без проблем сообщаться с остальной территорией США, так и англоязычная часть Канады, окруженная независимым Квебеком, сможет без проблем сообщаться с остальной частью Канады.

На мой взгляд, данные предложения, которые я назвал бы политикой анклавирования, логичны. Годы этнической чистки и несколько сотен тысяч смертей в бывшей Югославии последовали за отказом от применения «аккуратного лобзика» мирного плана Вэнса-Оуэна. За неправильным установлением границ последовали десятилетия насилия в Ирландии, в то время как анклавирование в соответствии с пожеланиями местного населения могло бы способствовать созданию внешне странной, но по существу мирной границы. При наличии строгого деления по национальным, религиозным или лингвистическим признакам мирное разделение возможно только путем создания анклавов, основанном на воле населения.

В предложениях, описанных выше, есть ряд недостатков. Так, на мой взгляд, Рейд недооценивает экономические трудности, с которыми может столкнуться монреальский анклав. Не следует ожидать того, что дезинтеграция государства пройдет без каких-

либо проблем. Однако концепция является разумной, и создание анклавов не стоит исключать априори. Если дезинтеграции избежать нельзя, образование анклавов может стать инструментом мирного и демократического разделения, как на субнациональном, так и на международном уровне.

Дезанклавирование

Анклавы могут дезанклавироваться и, таким образом, потерять свой анклавный статус различными путями:

1. Посредством безвозмездной передачи анклава окружающему государству (добровольный отказ) (1а), по окончании срока аренды (1б), путем купли-продажи (1в) или путем обмена землями (1г).

2. Посредством одностороннего поглощения окружающим государством.

3. Посредством аннексии материнским государством территории, отделяющей его от эксклава.

4. Посредством создания физического территориального коридора, причем суверенитет над ним должен быть передан от окружающего государства материнскому.

5. Посредством объединения материнского и окружающего государства.

6. Посредством обретения анклавом независимости.

7. Посредством связи пенеанклава с материнским государством дорогой, тоннелем и т. д.

На сегодняшний день наиболее типичным методом дезанклавирования является передача анклава от материнского государства окружающему. Ее можно осуществить различными путями в соответствии с интересами государства, балансом власти и эффективностью уравнивания анклавных преимуществ и недостатков в сложном контексте международной политики. Анклав может быть передан безвозмездно. Этот путь был наиболее типичным для преодоления проблем колониальных анклавов в 1950–1960-х годах. Анклав также может быть возвращен окружающему государству по окончании срока аренды. Так было в случае Вейхайвея, основной части Гонконга, зоны Панамского канала и т. д.

Анклав также может быть продан материнским государством окружающему, как Гвадар был продан Пакистану. Оман, арабское морское государство, владел Гвадаром с 1784 года. Анклав состоял из крепости и небольшого городка на полуострове общей площадью 795 км². В сентябре 1958 года после нескольких лет

переговоров Гвадар был продан Пакистану за 3 млн фунтов стерлингов. Купля-продажа является разумным способом дезанклавирования и последующей консолидации территории окружающего государства, если анклав имеет не колониальное происхождение и государства желают достигнуть дружественного урегулирования ситуации.

Достаточно распространенным путем разрешения проблем многочисленных микроанклавов является обмен землями. Это наиболее приемлемый метод в свете чувствительности вопроса суверенитета. Именно таким образом Литве и Белоруссии удалось дезанклавировать Погири, небольшой литовский анклав, расположенный вблизи их общей границы, где проживало всего несколько человек. Вместе с тем, несмотря на то что как размер территории, так и численность населения в данном случае были очень маленькими, переговоры были длительными и непростыми.

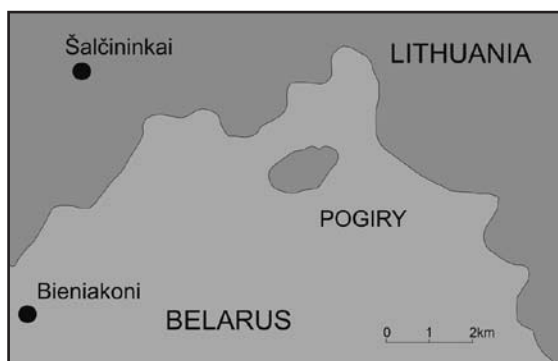

Рис. 5.2. Погири

Анклав Погири (Пагирай, Pagiriai) появился на международном уровне после того, как Литва провозгласила свою независимость в 1990 году. Погири обменяли в 1996 году на эквивалентную территорию, прилегающую к границе. Несмотря на крошечный размер обмениваемых территорий, обмен проходил тяжело.

Анклав может быть обменен на другой анклав(ы), если таковые существуют, или, чаще, на часть территории, прилегающую к границе. Как правило, государства настаивают на равнозначной ценности обмениваемых территорий. Произвести обмен землями непросто, так как этому препятствуют многочисленные трудности, вытекающие из самого понятия равенства обмена. Равенство в данном случае должно рассматриваться в соответствии с раз-

нообразными критериями. Дипломатам и политикам придется измерить не только площадь территории, подлежащей обмену, но также и ее национальную ценность и, в конце концов, численность ее населения.

Данные проблемы зачастую оказываются настолько сложными, что переговоры по обмену землями могут затягиваться на много лет, но договоренность все равно может не быть достигнута. Кроме того, иногда материнское государство с самого начала совершенно не желает обменивать земли вследствие того, что могут быть задеты, чувствительные для нации струны. Также возможно то, что соглашения по обмену земель, заключенные поспешно и без учета общественного мнения и желаний местного населения, могут натолкнуться на массовое сопротивление.

Чем больше площадь, национальная ценность и численность населения анклава, тем сложнее прийти к соглашению и найти подходящую компенсацию. Показательным примером является сравнение Бюзингена и Ференахофа, немецких эксклавов в Швейцарии. Обмен землями возможно произвести (хотя и не без трудностей) в случае микро-анклавов площадью в несколько гектаров, где численность населения не превышает нескольких семей (как это было в случае Ференахофа), но этот путь является неприемлемым и неосуществимым для более крупных анклавов, таких как Бюзинген, даже если учесть, что последний не так уж велик: его площадь равна 7,6 км², а численность населения составляет 1500 человек. Фактически обмен землями наиболее приемлем для микро-анклавов. Когда территория небольшая и практически не населена, обмен — подходящий и осуществимый выбор. И напротив, обмен крупных анклавов фактически невозможен в условиях сегодняшнего политического мира.

Следующим способом дезанклавирования является поглощение окружающим государством (Гоа; азербайджанские анклавы в Армении и наоборот). Эти два пути — передача и одностороннее поглощение — были применены в абсолютном большинстве случаев дезанклавирования.

Третий, четвертый, пятый и шестой способы, а именно аннексия разделяющей территории, создание коридора, объединение материнского и окружающего государства и обретение анклавом независимости, встречаются достаточно редко. Если материнское государство захватит территорию окружающего государства, отделяющую анклав, то последний будет дезанклавирован, так как территория материнского государства перестанет быть раз-

рывной. Примером этого может послужить немецкая оккупация Польши в 1939 году, которая привела к дезанклавированию Восточной Пруссии, а также аннексия Арменией территорий, отделяющих от нее Нагорный Карабах.

Анклав может быть связан с основной частью страны посредством коридора. На практике передача суверенитета при создании коридора встречается относительно редко. Один из примеров тому — Штайнштюкен, микроанклав за пределами Западного Берлина (который тоже, в свою очередь, являлся анклавом). Коридор, соединяющий анклав с Западным Берлином, был построен в 1972 году. Размеры его — 1200 м в длину и 100 м в ширину. Коридор обеспечил прямой доступ к анклаву, а также поставки воды и электроэнергии из Западного Берлина. Другим случаем, когда произошло дезанклавирование с передачей власти, стал Колон, второй по величине город Панамы. От материнского государства город отделялся шестимильной зоной Панамского канала, находящейся под властью США. Конвенция по Колонскому коридору, подписанная в 1950 году, обеспечивала создание коридора длиной в 10 миль. Он составлял только 30 метров в ширину в одной половине и 60 метров — во второй. Хотя Колонский коридор находился под полной властью Республики Панама, его использование согласно конвенции сводилось к транспортировке и сообщению. В целом создание суверенных коридоров скорее является исключением, нежели правилом, так как зачастую передачи суверенитета над коридором не происходит.

Пятый путь — объединение материнского и окружающего государства, вследствие чего анклав автоматически перестает быть таковым. Когда Западная Германия объединилась с Восточной, Западный Берлин и другие небольшие анклавы были автоматически дезанклавированы.

Шестым способом дезанклавирования является обретение анклавом независимости от материнского государства. Важно то, что случаи, когда анклавы перестали существовать как таковые вследствие обретения независимости, являются крайне редкими. На сегодняшний день известно лишь два таких случая, оба в отношении чистых эксклавов. В 1961 году Сирия вышла из состава Объединенной Арабской Республики и стала независимым государством после трех лет политического союза с Египтом. В 1971 году Восточный Пакистан превратился в независимое государство Бангладеш. Такая перемена статуса привела к кровопролитной гражданской войне. Кроме Сирии и Бангладеш, такой

путь прошел Нагорный Карабах. Однако его попытки обрести независимость не были признаны на международном уровне за исключением Армении, несмотря на то, что де-факто Нагорный Карабах функционирует как независимое государство.

Восточный Пакистан как эксклав Пакистана, 1947–1971 годы

Восточный Пакистан (или Восточный Бенгал) был самым большим эксклавом в мире в показателях численности населения: к 1970 году там проживало 67 млн человек. Данный эксклав выделялся в связи с тем, что в нем проживало 54% населения всего государства Пакистан (хотя его площадь составляла только 15% от его территории). Необычным был и способ его дезанклавирования. В 1971 году после кровопролитной гражданской войны Восточный Пакистан стал независимым государством Бангладеш.

Государство, образованное британцами на основе религиозной общности его западной и восточной частей, все же распалось, так как не совпадали ни национальности, ни язык людей, населявших его. Общей религии оказалось недостаточно для того, чтобы препятствовать отделению огромного эксклава от материнского государства.

В 1930-х годах среди мусульман Индии стала приобретать все большую популярность идея отдельного мусульманского государства. В 1940 году Мусульманская лига потребовала создать независимое государство в регионах с преобладанием мусульман. Избираясь на этой платформе на выборах в провинции в 1946 году, Лига завоевала большинство мусульманских мест, представленных в Бенгале. Когда британская часть Индии была разделена и в 1947 году созданы независимые доминионы Индия и Пакистан, Бенгал разделили по религиозным соображениям. Преимущественно мусульманская восточная половина была названа Восточным Пакистаном, а часть с преобладанием индусов стала индийским штатом Западный Бенгал.

История Пакистана с 1947 по 1971 годы была отмечена политической нестабильностью и экономическими трудностями. В 1956 году Пакистан отказался от статуса доминиона в пользу Исламской республики в рамках Содружества. Попытки создать гражданское правовое общество провалились; военное положение устанавливалось в 1958–1962 годах и в 1969–1972 годах.

Сразу же после провозглашения независимости Пакистана в 1947 году начались конфликты между восточной и западной частью страны, отделенными друг от друга двумя тысячами километров территории Индии. Жители Восточного Пакистана эксплуатировались центральным правительством Западного Пакистана. Отчуждению Восточного Пакистана от Западного способствовали лингвистические, культурные и этнические различия. Бенгальцы упорно противостояли попыткам ввести урду в качестве единственного

официального языка Пакистана. В ответ на недовольство населения Маджибур Рахман, более известный как шейх Муджиб, сформировал в 1949 году Лигу Авами (ЛА), образованную в основном для содействия продвижению интересов Бенгала. Муджиб стал президентом Лиги Авами и лидером бенгальского движения за автономию. В 1966 году он был арестован за свою политическую деятельность.

После того, как Лига Авами завоевала все места Восточного Пакистана в национальном собрании Пакистана на выборах 1970–1971 годов, Западный Пакистан открыл переговоры с восточной частью страны по конституционным вопросам о разделении власти между центральным правительством и провинциями, а также об образовании национального правительства, возглавляемого Лигой Авами. Переговоры прошли безрезультатно, и 1 марта 1971 года президент Пакистана отложил ближайшую сессию национального собрания на неопределенный срок, тем самым ускорив начало массовых гражданских волнений в Восточном Пакистане. Муджиб был снова арестован, а его партия запрещена. Большинство его соратников бежало в Индию, где они организовали временное правительство. В ответ на кровопролитное подавление восстания армией Пакистана бенгальские националисты провозгласили 26 марта 1971 года независимость Народной Республики Бангладеш. Так как борьба между армией центрального правительства и бенгальскими «мукти бахини» («борцы за свободу») не прекращалась, 10 млн бенгальцев, главным образом индусам, пришлось искать убежища в индийских штатах Ассам и Западный Бенгал.

Кризис в Восточном Пакистане привел к возрастанию напряженности в и так нестабильных отношениях между Пакистаном и Индией. Две этих нации в 1965 году воевали главным образом на Западе, но приток беженцев в Индию осенью 1971 года привел к осложнению отношений на востоке. Индия была на стороне Восточного Пакистана и в ноябре примкнула к Бангладеш. Армия Пакистана капитулировала 16 декабря 1971 года и Бангладеш — что означало «бенгальская нация» — стал независимой страной.

Робинсон (Robinson 1959, 287) ввел категорию «временных анклавов». Они создаются тогда, когда одно государство разделяется посредством временной или условной границы, такой как линия прекращения огня, или границей оккупированной территории, вследствие чего изолированные участки одной территории остаются внутри другой.

Примерами этого являются гора Скопус и Западный Берлин, пожалуй, самый значимый эксклав в мире на то время. Так как Западный Берлин не входил в состав Западной Германии в юридическом смысле, он не соответствует основному определению, используемому в данной монографии. Однако понятие «вре-

менности» весьма условно; нет ничего более постоянного, чем временное. Таким образом, Западный Берлин просуществовал 45 лет, а созданный по договору аренды Гонконг — 156 лет.

В некотором отношении верным можно считать то, что «временные» анклавы с большой вероятностью перестают существовать в долгосрочном плане. Возможно, причиной этому является то, что юридически «временная» природа делает их более уязвимыми перед притязаниями окружающего государства, что можно наблюдать в случае Гонконга. Однако Макао был передан Китаю всего двумя годами позже Гонконга. Это объясняется существованием других факторов, главным образом, фактора национального состава, который, в отличие от правового, является ключевым для развития будущего анклава.

Суверенная принадлежность анклавов

В 1989 году, по окончании официального визита короля Марокко Хасана II в Испанию, в ведущей испанской газете «*El Pais*» была опубликована статья, посвященная результатам визита. Ее автор проводил параллели между Сеутой и Мелильей, с одной стороны, и Гибралтаром — с другой. В статье говорилось о том, что текущий статус-кво не является долгосрочным решением ни для Гибралтара, ни для Сеуты и Мелильи: «наиболее возможным его результатом станет то, что однажды Великобритания придется отказаться от Гибралтара, а Испании — от Сеуты и Мелильи. Однажды: возможно, через двадцать лет, а возможно, и раньше» (*El Pais* 01.10.1989). С момента написания этой статьи прошло более пятнадцати лет, но ничего подобного ни с одним из трех анклавов не произошло.

Еще один крупный анклав, Калининградская область, с 1990 года стала объектом таких же прогнозов. Нередко слышны утверждения, что в будущем она, возможно, получит независимость или будет управляться как кондоминиум европейских государств. Прогнозируемое отделение области — одна из излюбленных «страшилок» российских политиков.

Таким политическим спекуляциям подвержены не только крупные территории. Распространено мнение о том, что микроанклавы с легкостью исчезают в процессе установления границ. В общем, существует предположение, что в конце концов анклавов должны исчезнуть. Несомненно, многие из них действительно со временем перестали существовать. Тем не менее, большое количество анклавов сохранилось. Каковы факторы, определяющие,

останется ли анклав/эксклав в составе своего нынешнего материнского государства или будет дезанклавирован? Попытка ответить на этот центральный для политической теории анклавов вопрос делается ниже.

В данной и последующих главах книги проанализирован следующий ряд факторов:

1. Национальный (этнический) состав (в рамках треугольника МАО).

2. Религиозный состав (в рамках треугольника МАО).

3. Лингвистический состав (в рамках треугольника МАО).

4. Относительная военная мощь материнского и окружающего государств.

5. Качество отношений между материнским и окружающим государствами.

6. Относительный уровень экономического благосостояния.

7. Показатели численности населения.

8. Площадь территории.

9. Расстояние от основной части страны.

10. Доступ к морю и качество морского сообщения с материнским государством.

11. Степень экономической открытости по четырем свободам (передвижение людей, товаров и услуг, капитала, труда).

Я начну с рассмотрения пяти факторов: национального, лингвистического и религиозного состава, а также относительного экономического благосостояния и военной мощи²⁶.

Следует сделать несколько предварительных замечаний. В процессе рассмотрения относительного экономического процветания подразумевается, что присоединение к экономически процветающему государству обычно является выгодным для анклага. Более богатое государство имеет больше возможностей для обеспечения анклага экономическими преференциями, такими, как субсидии или особый экономический режим. Оценка относительного уровня дохода на душу населения может быть приблизительна: важно выявить качественные различия.

Аналогичный подход был выбран при оценке относительной военной мощи. Когда оценка касается выявления способности окружающего государства присоединять к себе анклав и способнос-

²⁶ Общие данные представлены в таблице «Национальный, языковой и религиозный состав; относительная военная мощь и экономическое благосостояние» в дополнительных материалах, размещенных на www.vinokurov.info/enclaves.htm

ти материнского государства защищать его, то следует учитывать и другие факторы.

Наилучшей иллюстрацией является пример Гонконга. Несмотря на то, что Великобритания осталась сильной военной державой, было понятно, что она неспособна эффективно защищать Гонконг от военного нападения со стороны Китая. Военная мощь Китайской Народной Республики в отношении Гонконга по оценкам превышает аналогичный показатель Великобритании. Тот же самый подход применяется при оценке ряда случаев колониальных анклавов, среди которых французские и португальские анклавы в Индии, а также португальский Сао Жоао Баптисто де Ахуда в Дагомее/Бенине.

Еще одним особым случаем является Западный Берлин и анклавы вокруг него. Здесь следует учитывать не относительную военную мощь Западной и Восточной Германии, а, скорее, мощь Западного и Восточного блоков. Оценка действительно является приблизительной, вследствие того, что во внимание не принималось, например, существование военных блоков, таких, как НАТО, или поддержка международного сообщества и ведущих мировых держав.

Анализ данных указывает на устойчивую тенденцию: национальный состав большинства существующих ныне анклавов, безотносительно их типа, совпадает с национальным составом материнского государства. Напротив, такой тенденции не наблюдается по языку и религии. Языковая и религиозная общность анклава с материнским или окружающим государством, при отсутствии общей национальности, не является определяющим фактором суверенной принадлежности анклава.

Затем были отобраны все анклавы, которые просуществовали на 2003 год более 50 лет. Пятидесятилетний период «жизни» анклавов был выбран согласно предположению о том, что анклавы этого «возраста» имеют хорошо налаженное сообщение с материнским государством. Они уже преодолели первоначальный период, за который анклавы могли так или иначе исчезнуть в результате обмена, добровольного отказа или продажи. Анклавы, просуществовавшие пятьдесят лет, характеризуются определенной степенью долговечности и стабильности. В рамках данной группы все анклавы, за исключением одного, имеют национальный состав, совпадающий с аналогичными показателями материнского государства. Даже единственное исключение, а именно Гибралтар, можно охарактеризовать как «дитя» британской нации.

Таблица 5.1. Национальный состав существующих на сегодняшний день анклавов (в %)

Национальный состав анклавов совпадает с	Общее количество анклавов и эксклавов, существующих на сегодняшний день	Общее количество анклавов и эксклавов, существующих на сегодняшний день более пятидесяти лет
М	76,7	93,8
О	0,0	0,0
Как с М, так и с О	6,7	0,0
Ни с М, ни с О	16,7	6,2

Рассмотрим исчезнувшие анклавы и эксклавы. Все анклавы, национальный состав которых совпадает с аналогичным показателем окружающего государства, были, в конечном счете, дезанклавированы, причем большинство из них — путем включения в территорию окружающего государства, либо посредством заключения соглашения материнского и окружающего государств, либо вследствие одностороннего поглощения окружающим государством. Это касается подавляющего большинства колониальных анклавов. В качестве примера приведем семнадцать анклавов, являвшихся частью французских колоний в Индии.

В октябре 1947 года Франция отказалась от своих прав на двенадцать из них и в июне 1948 года провозгласила, что суверенитет оставшихся пяти единиц перейдет в руки их населения. После того, как Индия приняла эти решения, в марте 1949 года в Чандернагоре был проведен референдум; 95,5% проголосовали за объединение с Индией, и власть над городом была передана ей в 1950 году. На остальных территориях референдума не проводилось. После демонстраций в Пондишерри между Индией и Францией был достигнут компромисс, в соответствии с которым вместо референдума было проведено голосование местного Собрания. За присоединение к Индии проголосовали сто семьдесят депутатов, восемь — против. Территории были переданы под власть Индии через две недели после проведения голосования, 1 ноября 1954 года.

В португальских колониях в Индии дело обстояло иначе. Португалии принадлежали пять анклавов в нижней континентальной части Индии: три полуанклава на побережье (Гоа, наиболее крупный из них, на западном побережье Индии; Даман и остров

Диу, оба на побережье штата Гуджарат) и два анклава во внутренней части страны, Дадра и Нагар Хавели (оба находились вблизи Дамана). Нагар Хавели является анклавом второго порядка. Португалия отказалась последовать примеру Франции и передать эти территории под власть Индии мирным путем, утверждая, что они по праву являются частью Португалии, а не колониями как таковыми, однако население анклавов изъявляло свое желание присоединиться к только что образованному независимому государству Индия.

В июле 1954 года местное восстание свергло португальское правительство в анклаве Дадра. Сразу же после этого Индия запретила португальским властям доступ в Нагар Хавели. Португалия направила иск в Международный суд ООН. Независимо от решения суда обе территории так и остались под властью Индии. Попытка переговоров касательно Гоа, Дамана и Диу не принесла успеха; Индия аннексировала их в декабре 1961 года и официально присоединила к себе эти территории в марте 1962 года, чего Португалия не признавала до 1974 года.

В отличие от колониальных анклавов 1940–1960-х годов, в которых большая часть населения была идентична национальному составу окружающего государства, анклавов, чей национальный состав совпадает с материнским государством, как правило, не переходят под суверенитет окружающего государства. Это не означает, что в них не может проживать крупное меньшинство, совпадающее по национальному составу с окружающим государством. Однако наличие такого меньшинства не способствует передаче власти в руки окружающего государства.

Меньшинство может быть удовлетворено существующим положением дел; оно может даже поддерживать статус-кво по экономическим причинам. Такая ситуация имеет место в отношении крупных меньшинств в Баарле, Кампионе, Юнгхольце, Сеуте и Мелилье. К 1986 году марокканцы, оставаясь этническим меньшинством, составляли 23% населения в Сеуте и 34% в Мелилье (Gold 2000, 92). Значительное меньшинство, совпадающее по национальному составу с окружающим государством, проживающее в анклаве, не влечет за собой смены суверенитета, но если оно превратится в большинство, то сценарий действий может измениться.

Оказывают ли относительная военная мощь и уровень экономического благосостояния материнского и окружающего государств влияние на смену суверенитета анклава?

Таблица 5.2. Анклавы и эксклавы²⁷, существующие на сегодняшний день: анализ случаев в соответствии с показателями относительной военной мощи и экономического благосостояния на душу населения (в %)

	Общее количество анклавов и эксклавов	Полные анклавы (2-1)	Полуанклавы (2-2)	Чистые эксклавы (2-3)	Пенеанклавы (2-4)
Экономическое благосостояние на душу населения					
M>O	20,1	7,7	54,5	33,3	0,0
M<O	23,3	14,4	36,4	66,6	0,0
M≈O	56,6	76,9	9,1	0,0	100,0
Относительная военная мощь					
M>O	42,5	26,1	70,0	25,0	80,0
M<O	15,0	8,7	20,0	25,0	20,0
M≈O	42,5	65,2	10,0	50,0	0,0

Окружающее государство сильнее материнского в показателях военной мощи только в 15% случаев. В остальных материнское государство либо обладает сравнимой военной силой, либо превосходит окружающее государство в этом плане. Анклав, скорее всего, будет устойчивее, если материнское государство является более сильным в военном плане, чем окружающее, или, по крайней мере, они равны. Если материнское государство сильнее в показателях военной мощи, то возможна только добровольная передача власти над анклавом. В противном случае материнское государство будет способно эффективно отстаивать свою территориальную целостность. Следовательно, хотя относительная военная мощь не представляет собой значимого критерия, она способствует сохранению анклавов.

Что касается относительного экономического благосостояния, действие этого фактора различно для полных и пенеанклавов, с одной стороны, и полуанклавов и чистых эксклавов, с другой. Среди полных анклавов (и пенеанклавов, поразительно сходных с полными анклавами) случаи, где граждане материнского государства имеют более низкие доходы по сравнению с населением окружающего, являются исключениями (7,7% против 76,9% приблизительно равного дохода и 14,4% более высоких доходов в

²⁷ Анклавные комплексы, такие как Куч Бехар или Баарле, рассматриваются в каждом случае как единый анклав.

материнском государстве). И наоборот, подобной тенденции не наблюдается в отношении полуанклавов и чистых эксклавов. Окружающее государство может быть богаче материнского, но это не имеет никаких значимых последствий для суверенитета анклава. Следует сделать вывод о том, что экономическое благосостояние как таковое не представляет собой значимого критерия. Оно не является значимым фактором для полуанклавов и чистых эксклавов, для регионов, имеющих доступ к морю и/или к границам нескольких государств. Однако оно имеет важное значение для полных и пенеанклавов, то есть анклавов, полностью окруженных сухопутной территорией другого государства. Экономическое благосостояние или относительное экономическое процветание материнского и окружающего государств может быть второстепенным фактором в том случае, когда население анклава является смешанным (М/О) или уникальным по национальному составу. Если количественное соотношение национального состава близко к 50/50, то экономическая привлекательность может стать той силой, которая удерживает анклав за материнским государством или способствует его переходу под власть государства окружающего. Если материнское государство экономически более привлекательно, анклав останется с ним. Если же богаче окажется окружающее государство, то экономическая гравитация может стать решающим фактором для изменения суверенной принадлежности.

В современных условиях неколониальных анклавов решающим фактором для их существования является национальная (этническая) принадлежность населения, а именно совпадает ли национальный состав анклава с материнским или с окружающим государством. В первом случае анклав сохранится под властью материнского государства вне зависимости от влияния других факторов. Если национальный состав анклава совпадает с окружающим государством, то повысится вероятность отделения от материнского государства и присоединения к окружающему.

Национальная принадлежность оказывает решающее воздействие на предпочтения населения анклава и определяет их желание остаться под властью материнского государства. Население материнского государства всегда выступает за сохранение эксклава, даже если его существование связано с высокими издержками для последующего экономического развития или для внешней политики. Кроме того, если доминирующая национальность населения анклава совпадает с материнским государством, это в некоторой степени препятствует установлению более близких свя-

зей с окружающей страной по всем направлениям. Национальная принадлежность анклава, совпадающая с его материнским или окружающим государством, влечет за собой возникновение глубоких политических, социальных и культурных связей. Эти связи взаимны, что означает не только то, что анклав притягивается либо к материнскому, либо к окружающему государству, но также и то, что другая сторона также ощущает сопричастность, чувство родства с анклавом, не имеющее ничего общего с чисто утилитарным подсчетом преимуществ и недостатков обладания им.

Почему Ференахоф обменяли, а Бюзинген нет?

Кроме Бюзингена, недалеко от него существовал еще один немецкий анклав в Швейцарии, Ференахоф. В отличие от Бюзингена, Ференахоф был дезанклавирован в 1967 году в процессе обмена землями. Почему же Ференахоф обменяли, а Бюзинген нет?

К 1967 году в Ференахофе, крошечном анклаве площадью в 43 гектара, проживало всего три фермерских семьи. Возникнув еще в Средние века, в 1522 году анклав был предложен для продажи графством Тенген швейцарскому городу Шаффхаузену за 8300 гульденов. Шаффхаузен не воспользовался этим предложением. Позже Швейцария пыталась приобрести деревню в 1815 году, на Венском конгрессе, но безуспешно. Еще одна попытка, также безуспешная, была предпринята в 1839 году. В конце концов, в 1967 году Ференахоф был передан Швейцарии. Жители анклава, швейцарцы по национальности, приветствовали решение.

Бюзинген еще чаще пытался изменить свой статус. Шаффхаузен предпринял несколько не увенчавшихся успехом попыток купить анклав. После Первой мировой войны, когда в Бюзингене действовала швейцарская система распределения продуктов, сообщество анклава открыто выражало свое желание присоединиться к окружающему государству. В ходе местного референдума в 1918 году 96% населения Бюзингена выступили за объединение со Швейцарией. Начались переговоры, но подходящего объекта для обмена землями так и не нашли. Шесть лет спустя, в 1924 году, жители Бюзингена снова обратились с петицией к материнскому государству. Местные власти (Баден) угрожали тем, что члены местной администрации, поддерживающие подобные предложения, будут подвергнуты административному наказанию. В 1925 году последовала еще одна петиция. На этот раз ответили так: «Касаться вопроса политического суверенитета Бюзингена от Бадена запрещается; все попытки отобрать Бюзинген у Германии безнадежны»²⁸. Жители Бюзингена снова обратились с петицией в 1931 году, но на этот раз

²⁸ «Warum Büsingen nicht zur Schweiz gekommen ist», www.buesingen.de, состояние на май 2007.

ответа со стороны правительства не последовало вовсе. Швейцария, со своей стороны, всегда проявляла чрезвычайную осторожность в отношении данной проблемы. Она не пожелала использовать временную слабость Германии, так как это могло создать почву для будущих конфликтов. Длительные традиции швейцарского нейтралитета стали причиной общей осторожности страны в вопросе отвода земель. Кроме того, переговоры, состоявшиеся в 1920-х годах и в начале 1930-х годов между Швейцарией и Германией по вопросу необходимости обмена землями, провалились в связи с той же самой проблемой отсутствия эквивалентной территории для обмена, приемлемой для обеих сторон (Bolli 1954, 253).

Сразу после окончания Второй мировой войны член британского парламента внес предложение о том, что Бюзинген и Ференахоф следует передать Швейцарии. Швейцарский Бундесрат без долгих раздумий отказался от предложения. Причиной снова послужил нейтралитет Швейцарии и ее нежелание использовать временную слабость своего северного соседа из-за опасений возникновения конфликтов в будущем.

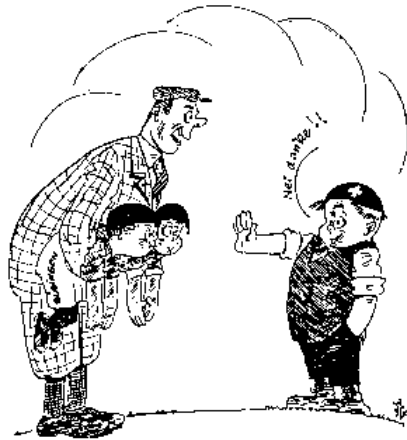

Рис. 5.3. «Спасибо, не надо!» Рисунок 1945 года²⁹

Жители анклава снова попытались объединиться со Швейцарией после Второй мировой войны. Для этих целей был учрежден Комитет по воссоединению Бюзингена со Швейцарией.

Случаи этих двух немецких анклавов в Швейцарии полностью подтверждают вывод по проблеме национального состава как пер-

²⁹ Источник: www.buesingen.de. Британец предлагает двух детей, у одного из них на брюках написано «Бюзинген» (второй, очевидно, — это Ференахоф). Швейцарец с жизнеутверждающей улыбкой на лице отвечает: «Спасибо, не надо!». Воспроизводится с разрешения архивной службы магистрата Бюзингена.

востепенного фактора суверенитета анклава. Тогда как население Ференахофа все без исключения было швейцарским, подавляющее большинство населения Бюзингена — немцы (хотя там проживает крупное швейцарское меньшинство и велика доля немецко-швейцарских браков). Совпадение национального состава приводит к установлению прочных связей между материнским государством и эксклавом. Несмотря на надежды населения анклава и его сильную экономическую зависимость от Швейцарии, материнское государство не пожелало отдавать анклав, как любое национальное государство, не желая терять часть своей территории, даже если есть перспектива равноценного обмена землями. Кроме того, поиск подходящей территории для обмена — задача непростая. Это стало серьезным препятствием для успешного проведения переговоров после Первой мировой войны, когда обмен землями мог бы стать наиболее приемлемым выбором. Бюзинген — относительно крупный анклав, и швейцарским властям не удалось найти участка земли равной ценности. Еще более значимой была численность населения. Тогда как Ференахоф (три семьи) и Погири (одна семья) не представляли особых проблем, обменять анклав с численностью населения более тысячи человек гораздо сложнее. В конце концов, важно и то, что Швейцария постоянно демонстрировала свое нежелание присоединять к себе анклав ввиду вековой традиции нейтралитета и желания сохранить хорошие отношения с северным соседом.

Что произойдет, если в анклаве проживает смешанное или уникальное население (т. е. не совпадающее по национальному составу ни с М, ни с О)? В таких случаях — менее четверти всех современных анклавов — результат сложно предсказать. В самом начале исследования я выдвинул гипотезу о том, что существует второстепенный фактор суверенитета анклава, то есть относительное экономическое благосостояние материнского и окружающего государства. Если население анклава является смешанным (М/О) или уникальным, тогда его суверенитет в долгосрочном плане будет определяться относительным экономическим благосостоянием М/О. Если более экономически привлекательным является материнское государство, то анклав сохранится за ним. Если же окружающее государство богаче материнского, то анклав будет ориентироваться на него. Однако данная гипотеза опровергается данными, приведенными ниже. Рассмотрим анклавы с совпадающим, смешанным или уникальным национальным составом.

В действительности все анклавы, в которых национальный состав совпадал как с материнским, так и с окружающим государством, были дезанклавированы в процессе объединения соответ-

ствующего материнского и окружающего государств (Западный Берлин, анклав вокруг Западного Берлина и т. д.; также Коулун, чье дезанклавирование напрямую связано с тем, что Гонконг вскоре должен был быть передан Китаю).

Существует только три анклава со смешанным населением, то есть таких, в которых состав населения совпадает (соотношение близко к 50/50) с аналогичным показателем как материнского, так и окружающего государства. Во-первых, к ним относятся две суверенные базы Великобритании на Кипре. Во-вторых, это боснийский анклав Саставчи. Боснийцы составляют 50% его населения, а сербы — большую часть другой половины. Переговоры об установлении границ ведутся с 2001 года, при этом Босния стремится сохранить анклав, а Сербия хотела бы присоединить его, возможно в обмен на участок пограничной территории.

Большой интерес представляют анклавы с населением, не совпадающим по национальному признаку ни с материнским, ни с окружающим государством. Достаточно распространено мнение, что чем крупнее анклав, тем он скорее обретет независимость. В частности, нередки высказывания о вероятности подобного развития событий в случае Калининградской области. Предсказывают и получение независимости Гибралтаром. В действительности анклавы крайне редко становятся независимыми. На данный момент двумя исключениями из этого правила являются Сирия и Восточный Пакистан (в 1961 году Сирия вышла из политического союза с Египтом). Население Восточного Пакистана по этническому признаку не совпадало с западной частью государства (размежевание британских владений в Южной Азии было осуществлено по религиозному признаку).

Если население не совпадает по национальному признаку ни с материнским, ни с окружающим государством, то сепаратизм в принципе возможен. Но этого явно недостаточно для развития сепаратизма в анклаве. Население Гибралтара, превратившееся в уникальную нацию, не высказывает желания быть независимым. Наоборот, жители анклава используют все возможные средства, чтобы примкнуть к Великобритании. Тремя другими современными анклавами, население которых не совпадает ни с материнским, ни с окружающим государствами являются Шахимардан, Сох и Калача. Все три этих анклава Узбекистана в Кыргызстане образовались в Ферганской долине в 1991 году. Их особенность заключается в том, что они населены таджиками, национальностью третьего близлежащего государства.

**Будет ли Сеута принадлежать Марокко,
Гибралтар — Испании и станет ли независимой
Калининградская область?**

Определяющее значение национальной общности М–А является одним из краеугольных камней теории анклавов. Это положение может иметь практическое применение, так как на его основе можно прогнозировать суверенную принадлежность анклавов и эксклавов в будущем. Что касается случаев Сеуты, Мелильи, Гибралтара и Калининградской области, то по каждому из данных случаев можно сделать определенные выводы. В соответствии с положением о первостепенной важности национального фактора можно с уверенностью говорить о том, что Калининградская область и в долгосрочной перспективе останется российским регионом, а Сеута и Мелилья будут принадлежать Испании, по крайней мере, в обозримом будущем, несмотря на то, что в них проживает крупное марокканское меньшинство. Ситуация не изменится даже в том случае, если численность марокканского населения сравняется с численностью испанского. Вследствие того, что между материнским и окружающим государством лежит экономическая пропасть, Испания способна сохранить анклав с помощью привлекательной экономической политики, предоставления субсидий и т. д. Таким образом, Сеута и Мелилья будут ориентироваться на Испанию, даже если соотношение национального состава приблизится к 50/50. Говорить о передаче власти можно будет только в том случае, если марокканская часть населения станет большинством.

Что касается Гибралтара, экономическая привлекательность быть частью Соединенного Королевства также играет важную роль. Если бы Гибралтар был передан под власть испанской короны, это означало бы окончание политики, сделавшей его гораздо более благополучным экономически, чем Испания. Жители Гибралтара представляют собой уникальную нацию, тесно связанную с Великобританией в культурном, экономическом и политическом плане. Родственное чувство сопричастности сильно в отношении обеих сторон. При таких условиях Гибралтар, скорее всего, не перейдет под суверенитет Испании.

До некоторой степени верно то, что теория анклавов может «убаюкать» материнские государства в отношении проблем, связанных с существованием анклага: снять беспокойство Испании по поводу Сеуты и Мелильи, опасения России по поводу Кали-

нинградской области и помочь преодолеть чувство неопределенности, которое испытывают жители Гибралтара по поводу своего будущего. Это, однако, не означает разрешения анклавных проблем. Во-первых, существование анклавов может повлечь за собой возникновение сильной напряженности в отношениях между материнским и окружающим государством; и наоборот, в случае негативного развития отношений между материнским и окружающим государством анклавны могут столкнуться с проблемами, несоразмерными по масштабу в сравнении с другими регионами государства. Во-вторых, серьезные проблемы лежат в сфере экономики. России нет причин беспокоиться о развитии сепаратизма в Калининградской области, но ей следует принять меры для борьбы с серьезными экономическими проблемами, связанными с ее эксклавностью. Более низкий, чем в метрополии, уровень жизни и нездоровая экономика при несоразмерной доле государственного сектора в Сеуте и Мелилье являются сложными проблемами для Испании. Азербайджану не следует переживать за будущее Нахичевани, но решение проблем экономической отсталости и доступа через территорию Армении является непростой задачей. Индия и Бангладеш могут не так сильно беспокоиться о сохранении власти над анклавами в Куч Бехаре, но, в конце концов, им придется бороться с плачевным состоянием управления и экономики анклавов. Создание здоровой и динамичной экономики на основе устойчивых отношений между материнским и окружающим государствами, очевидно, является главной проблемой, с которой ежедневно сталкиваются анклавны и их материнские государства.

Идентичность анклавных сообществ

Хотя целью данной работы не является осуществление всестороннего социологического исследования анклавных сообществ и их идентичности, я сделаю несколько кратких замечаний, более подробно раскрывающих проблемы отношений в треугольнике МАО в целом и особенностей отношений М–А — в частности.

Население анклава — не обязательно весомый политический фактор сложной политической игры в треугольнике МАО. С. Нис (Nies 2003, 409) подчеркивает, что население как Гибралтара, так и Нагорного Карабаха представляет собой такой фактор. В противоположность Гибралтару и Нагорному Карабаху, население Калининградской области само по себе не является политическим фактором. С. Нис объясняет этот феномен историческим эф-

фектом советского прошлого анклага, безразличием населения к активной политике и наличием среди жителей большой доли военнослужащих.

Материнское государство обычно заинтересовано в укреплении социальных и культурных связей между основной частью страны и анклавом. Случаи целенаправленной поддержки государством этих связей встречаются, однако, довольно редко. ФРГ субсидировала туристические программы по посещению Западного Берлина. В Калининградской области предпринимаются попытки содействовать посещению местными школьниками Москвы и других городов центральной России во время летних каникул, так как растет беспокойство по поводу того, что большинство калининградской молодежи никогда не ездило в основную часть страны (при том, что они бывали в Польше, Литве или в Германии). Так, например, в рамках программы «Мы — россияне» только за 2006 год «большую» Россию посетили 18 тыс. молодых калининградцев. Маршруты включают Москву, города Золотого Кольца, Псков, Новгород и Санкт-Петербург.

Еще одним стабилизирующим фактором является наличие в анклаве воинского контингента. Оно может послужить в качестве силы, связывающей анклав с материнским государством, сразу по нескольким направлениям:

- Во-первых, военное присутствие в анклаве как таковое обеспечивает его территориальную целостность и связи с основной частью государства.

- Во-вторых, оно обеспечивает безопасность анклага вне зависимости от изменений в составе общества. Это относится как к военнослужащим, так и к членам их семей. Численность населения анклага зачастую является незначительной; следовательно, наличие относительно небольшого гарнизона может действительно привести к качественным изменениям в его составе. Например, испанские гарнизоны численностью от 6 до 7 тыс. человек размещены как в Сеуте, так и в Мелилье, население которых колеблется от 60 до 70 тыс. человек. Таким образом, жители военных гарнизонов составляют 10% населения этих городов. В начале 1990-х годов в Калининградской области количество военнослужащих было сокращено со 100 до 25–30 тыс. человек. Отметим также значительную долю военных пенсионеров, проживающих в Калининградской области.

- В-третьих, работа военных оплачивается из бюджета материнского государства. Их зарплаты вливаются в местную сферу

услуг и образуют значительную часть доходов региона, являясь важным фактором региональной экономики. Значительная часть населения анклава экономически заинтересована в сохранении военного присутствия вследствие финансовой зависимости.

В результате анализа выявлено три особенности анклавов в отношении множественной идентичности:

- Аспект локальной идентичности (человек ассоциирует себя скорее с отдельной местностью, с территорией, а не со страной в целом) сильнее в анклаве по сравнению с материнским и окружающим государством.

- Отношения М–О оказывают глубокое воздействие на идентичность в анклавах. Если они напряженные, то национальный компонент сильнее, чем компонент местной идентичности, так как население анклава начинает ассоциировать себя с населением материнского государства. Окружающее государство становится «чужим» как для анклава, так и для материнского государства.

- Возможна дифференциация чувства политической и культурной принадлежности. Например, для Гонконга было характерно различие между чувством «культурной» принадлежности к Китаю и «экономической» и «политической» принадлежности к материнскому государству (и к Западу в целом).

Рассмотрим случаи Гонконга, Гибралтара и Калининградской области более подробно.

Гонконг

Чен (Chen 1972, 2–5) отмечает, что с начала 1960-х годов молодые люди в Гонконге начали воспринимать его не как место временного проживания, а скорее как свою родину, как территорию, с которой они себя идентифицировали. Вместе со смешанным использованием языков в Гонконге новая идентичность все более и более становилась продуктом гибридной культуры. Чен утверждает (Chen 1992), что английский стал основным языком преподавания в послевоенных средних школах в Гонконге не в результате колониальной политики, а вследствие изменения торговых потребностей и контактов анклава. Правительство даже поддерживало распространение китайского образования, но, несмотря на это, количество школ, в которых преподавание велось на китайском языке, за 1970–1980-е годы значительно сократилось, тогда как число англо-китайских школ выросло с 55% до 92% за период 1950–1990-х годов. К 1970 году преподавание на английском языке велось в 80% средних школ Гонконга (Там 1998).

Вместе с этим правительство содействовало обучению китайской культуре в школах Гонконга. Лук (Luk 1991, 667) характеризует этот феномен как «доктрину сосуществования китайской культуры и британского колониализма в тени коммунистической угрозы». В историю китайской культуры, которая преподавалась в Гонконге в 1950-х годах, вообще не входили события, произошедшие после Второй мировой войны; «поколения учеников из Гонконга выросли, зная о китайской культуре только то, что требовалось для их самоидентификации с китайцами, но их знания не соответствовали текущему положению дел как в Китае, так и в Гонконге. Таким образом, дети Гонконга росли в рамках концепции гонконгского общества, находящегося на периферии двух своих центров, Китая и Великобритании, в то время как сам Гонконг рассматривался в качестве столицы китайской диаспоры и центра синоязычного мира» (Hong Kong Education Commission 1995, 7). В 1990-х годах властями Гонконга была сформулирована четкая языковая политика, касающаяся государственной гражданской службы. Конечная цель заключалась в создании бикультурной (культура Китая и Великобритании) и трехязычной (кантонский диалект китайского языка, путунгхуа и английский) государственной гражданской службы.

Главной особенностью развития идентичности жителей Гонконга в 1980–90-х годах являлся ее двойственный характер в силу смешения идентичностей «гонконгца» и этнического китайца (с преобладанием китайской идентичности как в материнском государстве, так и в Гонконге). Считается, что развитие такой двойственной идентичности способствовало как включенности в китайскую культуру, так и отделенности от нее (Brewer 1999, 192). В то же время, по словам Бонда (Bond 1987), китайская идентичность имела скорее культурный, нежели политический характер.

Гибралтар

Символы принадлежности Британии — празднование английских фестивалей, полицейские в британской форме, красные телефонные будки, двухэтажные автобусы, пабы и улицы с английскими названиями — можно встретить на всей территории Гибралтара наряду с магазинами с испанскими, еврейскими и индийскими названиями (Haller 2000, 147–148, 162–163). Несмотря на смешанный характер происхождения населения, образ жизни большинства жителей по преимуществу британский, но со средиземноморским колоритом. О проявлениях английских традиций

уже говорилось. Если же рассматривать другой наиболее типичный культурный определитель — язык — большинство жителей Гибралтара свободно говорит как по-испански, так и по-английски (Gold 2005, 1). Отличительные черты британской культуры сосуществуют с ежедневным использованием испанского языка и «спэнглиша», испанского варианта английского языка, также известного под названием лланито.

Сэр Джошуа Хасан, важный политический деятель Гибралтара, сказал в 1986 году: «...мы образовали сообщество, собранное из множества кусочков Европы, сегодня имеющее идентичность нации; мы не являемся ни англичанами, ни андалузцами, а гибралтарцами... Мы представляем собой сочетание средиземноморской и англо-саксонской культур, что в результате дает гибралтарцев». Он утверждал, что если бы Гибралтар не был так мал, он бы уже давно стал независимым: «Мы — жертвы географии, а не истории» (*El País*, 21.09.1986; цит. по Gold 2005, 81). Джо Боссано, один из мэров Гибралтара, отметил: «Я — результат 300-летнего британского влияния. Это превращает меня в британского гибралтарца. Испанец — вот кем бы я хотел быть в последнюю очередь» (*Guardian*, 09.11.1991). Другой мэр, Питер Каруана, сказал: «Мы являемся британцами по политическим убеждениям и гибралтарцами по географическим и антропологическим причинам» (*Efe*, 29.05.2002). Наконец, Том Финлейсон, государственный архивариус Гибралтара, охарактеризовал жителей Гибралтара как «латинских, средиземноморских людей, имеющих сильные связи с Андалусией, но на которых лежит отпечаток британской системы управления, судопроизводства и образования» (*Independent*, 04.02.2002).

Выделяют три уровня гибралтарской идентичности: во-первых, гибралтарскую; во-вторых, британскую; и, в-третьих, европейскую. Голд (Gold 2000, 57) сообщает, что когда два лидера местных партий в Сеуте и Мелилье посетили Гибралтар в 1985 году, они были поражены как степенью автономности, так и сильным чувством идентичности гибралтарцев, отметив, что именно этого недостает в их родных городах. Подавляющее большинство жителей Гибралтара в первую очередь ощущало свою принадлежность к Гибралтару и только потом к Великобритании, тогда как население Сеуты и Мелильи в первую очередь чувствовали свою принадлежность к Испании, а только потом — к Сеуте и Мелилье. В то же время принадлежность к Британии является неотъемлемым элементом идентичности Гибралтара.

Калининградская область

Калининградская область — уникальный случай вследствие того, что все прежнее немецкое население покинуло область после Второй мировой войны. Люди, оставшиеся в регионе и пережившие две суровые послевоенные зимы, были депортированы в Германию в 1947–1948 годах; самые последние жители Восточной Пруссии, удерживаемые в лагерях, покинули территорию СССР в 1951 году. Регион заселили новые жители. Переселенцы приехали из 20 областей РСФСР, семи — Белорусской ССР и из трех автономных республик. Переселенцы из Советского Союза, прибывшие в Кёнигсберг/Калининград во второй половине 1940-х годов, оказались в совершенно новом для себя мире, который казался им чужим. Люди ощущали себя «за границей», они понимали, что до них на этой территории жили «чужаки». В результате у нового населения региона формировался комплекс временщика с превалирующим чувством «непостоянства» нахождения на этой территории. Эти сложные чувства привели к двум последствиям. Во-первых, они стали причиной сильного потока обратной миграции, когда люди уезжали из Калининградской области и возвращались в свои родные города или селились в других областях на территории Советского Союза. В 1948–1950-х годах почти 40% первых поселенцев покинули область (Костяшов 1996, 83). Во-вторых, они повлекли за собой последствия для экономического развития региона, так как люди не решались поселиться там «насовсем». В течение первых двадцати лет своей советской истории Калининградская область также не испытывала экономической поддержки со стороны правительства. Только в 1960-х годах она получила приток инвестиций в экономику, городскую инфраструктуру, жилищное строительство и т. д.

В результате анклавности в области сформировалась идентичность, отклоняющаяся от российской нормы. Региональная и локальная составляющая идентичности значительно выше, чем в России в целом: 32,2% населения Калининграда характеризует свою идентичность как преимущественно местную, и 28% говорят о своей региональной идентичности как о наиболее важной («Я — калининградец»). В целом это 60,2% на местном и региональном уровне. И, наоборот, только 24,6% жителей Калининграда говорят об идентичности с Россией, как о своей первостепенной идентичности в сравнении с 49% россиян, живущих в основной части страны. Структура идентичности калининградцев

(преобладание региональной идентичности над ощероссийской) более характерна для западноевропейских стран, чем для России, что подтверждается таблицей 5.3.

Таблица 5.3. Структура идентичностей (в %) ³⁰

	Регион, государство	Местное сообщество	Регион	Страна (государство)	Европа	Мир в целом	Затруднились ответить
А	Калининградская область	32,2	28,0	24,6	2,6	6,6	5,5
М	Россия	17,0	17,0	49,0	2,0	11,0	4,0
Дополнительные данные для сравнения:							
	США	36,7	12,8	30,2	–	15,4	1,9
	Канада	30,2	15,9	38,9	–	9,2	2,5
	Великобритания	38,8	16,1	30,9	2,5	9,2	2,5
	Франция	40,0	13,6	27,5	7,8	9,8	1,3
	Италия	40,6	11,0	27,5	4,8	14,5	1,5

В другом исследовании приводятся результаты опроса населения Калининградской области относительно будущего региона. На вопрос «Какой выбор кажется вам наилучшим?» отвечали так:

- 21% — область будет иметь равные права с остальными регионами России.
- 38% — область останется в составе России, но будет иметь особый статус.
- 19% — область останется регионом России, но в ней будет действовать собственное законодательство (модель Гонконг — Китай).
- 5% — область станет независимым государством.
- 3% — область будет возвращена Германии.
- 14% — затруднились ответить (Калининградский социологический центр 2002, 10).

Исследования начала 1990-х годов показали, что порядка 10% населения выступают за независимость, тогда как более поздние выявили более низкое процентное соотношение (данные остаются неизменными и по сей день). Результаты опроса 2002 года, приведенные выше, свидетельствуют о том, что 8% населения выступает за выход Калининградской области из состава России либо

³⁰ Источник: Чабанова (2002).

посредством обретения независимости, либо посредством его «возвращения» Германии. Подавляющее большинство — за то, что лучший выбор для области — остаться российским регионом, хотя это должно сопровождаться наделением ее особым статусом, прежде всего экономического характера. Из результатов опроса можно сделать два основных вывода. Во-первых, поддержка сепаратистских устремлений в любой форме является минимальной. Во-вторых, преобладающая часть населения, считая Калининградскую область неотъемлемой частью Российской Федерации, все же выступает за предоставление региону особого статуса. Это может быть либо особый экономический статус (ОЭЗ), либо более высокий политический статус (например, статус республики в рамках Российской Федерации вместо обычного статуса области). Тем не менее, очевидно, что население голосует за сохранение Калининградской области в составе России. Жители региона высказываются за военное присутствие России в нем в целях обеспечения безопасности российского суверенитета над областью.

Таблица 5.4. Результаты опроса общественного мнения в Калининградской области по вопросу присутствия в регионе вооруженных сил России³¹

Присутствие вооруженных сил и стратегического вооружения в области:	1993	1994	1996	2000	2002
Следует увеличить	–	–	13	18	19
Следует оставить как есть	32	55	70	62	56
Следует уменьшить	41	24	13	10	8
Регион должен быть полностью демилитаризирован	20	16	1	2	1
Затруднились ответить	7	5	3	9	16

Рассмотрение проблемы военного присутствия в регионе соотносится с общественным обсуждением переименования города. Несмотря на некоторое недовольство тем фактом, что город назван в честь Михаила Ивановича Калинина, одного из соратников Сталина, 70–80% населения высказывается против возвращения старого немецкого названия, Кёнигсберг, ввиду опасности регерманизации региона (Винокуров 2003).

³¹ Источник: Калининградский социологический центр (2002, 7).

ГЛАВА 6.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АНКЛАВОВ

В данной главе содержится исследование нескольких анклавов, как существующих на сегодняшний день, так и исторических: анклавных комплексов Баарле и Куч Бехара, бывших анклавов на побережье Китая, немецкого Ширгисвальде, Западного Берлина и Восточной Пруссии. В других главах подробно рассматриваются также Сеута и Мелилья в аспекте действующих в треугольнике МАО (гл. 4), Гибралтар с точки зрения конфликтов (гл. 8), анклавов Ферганской долины в качестве иллюстрации того, как анклав переходит с субнационального уровня на международный и какие последствия может иметь данный процесс (гл. 5). Кроме того, модель Бюзингена дает богатый материал для исследования проблемы управления анклавом (гл. 8), а транзитные правила Западного Берлина рассматриваются в главе о доступе к основной территории страны и коридорах между материнским государством и его эксклавом (гл. 7). Большинство этих анклавов также рассматриваются в главе, посвященной экономическим проблемам (гл. 10).

Баарле, или игра с границами

На территории Нидерландов находится 22 бельгийских анклавов, в которые включены, в свою очередь, семь голландских анклавов второго порядка. Особняком стоит еще один голландский анклав первого порядка на бельгийской территории. Эти 30 анклавов образуют анклавный комплекс Баарле. Точнее, бельгийское сообщество называется Баарле-Хертог, а голландское — Баарле-Нассау. Бельгийскую часть Баарле было бы сложно отличить от голландской, если бы не стилизованная демаркация границы.

Баарле можно считать анклавной «историей успеха». Сложная граница и взаимопроникновение бельгийских и голландских территорий в этом комплексе не мешают населению создавать процветающее и во многом единое сообщество. Голландцы и бельгийцы мирно живут бок о бок друг с другом. Это не означает, что в прошлом население Баарле не испытывало трудностей вследствие того факта, что они оказались в анклаве. Однако за прошедшие столетия им удалось преодолеть большинство сугубо анклавных проблем и трудностей. Большую роль как для Бельгии, так и для Голландии сыграла интеграция в Европейский Союз, членами-основателями которого были эти страны. Представители общин Баарле научились сотрудничать по вопросам обеспечения коммунальных услуг и достигать компромисса в решении трансграничных проблем. Более того, жители Баарле умело используют возможности, вытекающие из самого факта анклавности их территории. Сегодня благосостояние городка зависит от анклавности — не только потому, что это привлекает туристов, но также вследствие преимуществ, вытекающих из возможности воспользоваться различиями в национальных законодательствах или в налоговой политике.

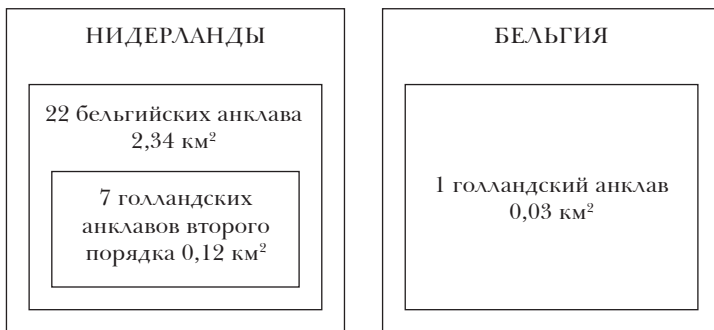

Рис. 6.1. Анклавы и анклавы второго порядка в Баарле

В 1998 году сообщество отпраздновало 800-ую годовщину Баарле. По этому случаю Баарле (Хертог и Нассау) предложили сделать «общеевропейским» муниципалитетом, то есть объединить два муниципалитета, принадлежащие Бельгии и Нидерландам, в один. Предложение основывалось на том, что Баарле уже был «тестовой площадкой» в сфере международного сотрудничества в течение столетий, и на его примере европейское сообщество за прошедшее время могло узнать многое о проблемах, возни-

кающих вследствие национальных различий (Gemeenten Vaarle-Hertog, Vaarle-Nassau 1999, 13). Общая численность населения всех 22 бельгийских анклавов составляет 2340 человек. Численность населения голландских анклавов второго порядка — приблизительно 150 человек (более точных данных нет, так как голландские анклавы не выделены в отдельный муниципалитет). Однако около 40% жителей Баарле-Хертог являются голландцами по национальности! Линии границ анклавного комплекса невероятно запутаны; их можно сравнить только с границами анклавов Куч Бехара. При окончательной демаркации границ в Баарле в 1995 году было установлено 959 межевых камней на общем периметре в 35,2 км. В среднем приходилось по 32 межевых камня на анклав и 27,4 межевых камня на километр границы, или один межевой камень на каждые 36,5 м (Whyte 2004, 46). В 2000 году ЕС профинансировало стилизованную «демаркацию» границы в Баарле для туристических целей. Начало существования анклавов Баарле относится к 1198 году. Они возникли в феодальную эпоху, что типично для Западной Европы, и были созданы в результате подписания двух хартий: между Годфри, лордом Бреды, и Генри,

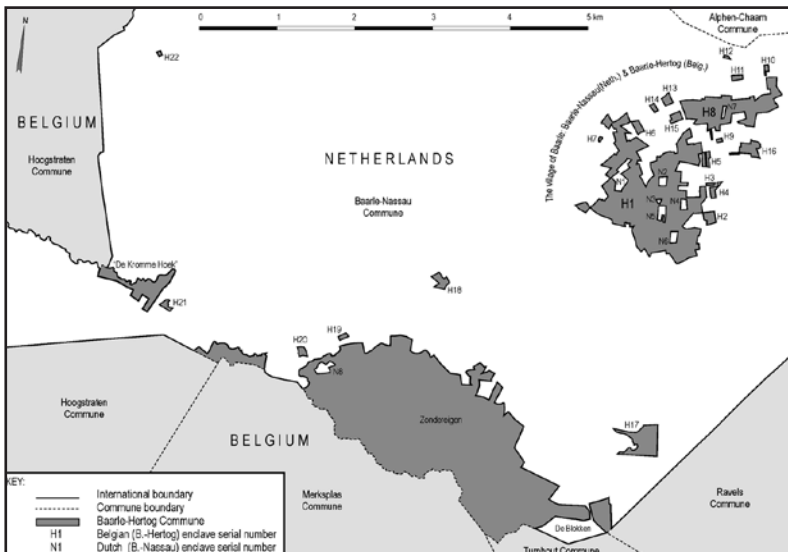

Рис. 6.2. Анклавный комплекс Баарле³²

³² Источник: Whyte 2004, 182, с разрешения автора.

графом Лёвенским и герцогом Брабантским. Генри отписал Годфри дополнительные земли, но сохранил определенных вассалов под своей властью. Затем анклавов еще несколько раз меняли хозяев. Например, в XVIII веке они принадлежали Австрии, хотя их анклавный статус вследствие этого не изменился. В данной работе я ограничусь лишь несколькими замечаниями по истории Баарле. Существует несколько подробных работ по Баарле, в частности, Уайта (Whyte 2004) на английском языке, Брекельманса (Brekelmans 1965) на голландском и Мальвоза (Malvoz 1986) на французском языке, а также сборник «Gemeenten Baarle-Hertog, Baarle-Nassau» (Gemeenten Baarle-Hertog, Baarle-Nassau 1999).

В течение 800-летнего существования анклавов неоднократно предпринимались попытки по их устранению. Рассмотрим некоторые из них:

- В 1327–1339 годах феодальные поместья, которыми владел лорд Бреды, управлялись непосредственно герцогом Брюсселя. В 1334 году ряд деревень, в том числе и Баарле-Бреда, были отданы в залог ван Лидекерке. В течение короткого периода 1327–1334 годов существовала возможность устранить анклавов во всех этих деревнях, но этого не произошло.

- В 1388 году герцогиня Брабантская нуждалась в деньгах для оплаты военных расходов. С целью получения денег она продавала или сдавала в аренду некоторые герцогские владения. Ее власть над анклавами земли Бреды в 1388 году была передана лорду Бреды. Аренда так и не была выкуплена. Однако с 1356 года власть над Баарле перешла к ее сестре, Марии Брабантской (земля Турнхоут) и, следовательно, сделка была автоматически расторгнута. Несколько анклавов, образовавшихся в 1198 году, потеряли свой анклавный статус, но Баарле так и остался анклавным комплексом.

- Когда в 1648 году был провозглашен Вестфальский мир, постановили, что часть Баарле, находящаяся под властью графства Нассау, должна войти в состав Объединенных провинций («*Generaliteitslanden*») как принадлежащая Бреде. И, наоборот, часть Баарле, принадлежащая земле Турнхоут, была объединена с испанской Южной Голландией (современная Бельгия). Таким образом, анклавов не перестали существовать и после заключения Вестфальского мира.

- В соответствии с договором 1785 года, заключенным между Голландской республикой и австрийским императором Иосифом II в Фонтенбло, был создан комитет по обмену территория-

ми, в том числе и с целью ликвидации анклавов. Комитет внес свои предложения по этому вопросу, но время для их осуществления было неподходящим, так как началась Французская революция 1789 года, и вследствие этого у государств появилось много других забот.

- За всю историю своего существования Баарле дважды терял анклавный статус в общей сложности на 35 лет — только для того, чтобы приобрести его снова. Во-первых, с 1795 по 1815 годы (де-факто до 1813 года) и Бельгия, и Нидерланды были частью Французской империи. Затем до 1830 года обе страны являлись частями Королевства Нидерланды. В 1810–1832 годах вся территория Нидерландов (Северная и Южная) была измерена и занесена на карты вследствие того, что Французской империей были установлены поземельные налоги, а затем это было сделано и Нидерландским королевством. Все «деревни» стали кадастровыми муниципалитетами. В то время было принято решение о создании единого кадастрового муниципалитета «Баарле», на этой основе изготовили соответствующие карты и реестры. Однако Баарле-Хертог входил в состав провинции Антверпен, а Баарле-Нассау — в состав провинции Северный Брабант; следовательно, требовалась официальная коррекция границ между провинциями. На неформальном уровне все уже было готово и согласовано. Правительство провинции Северный Брабант согласилось с предложениями 5 июля 1830 года, а правительство провинции Антверпен собиралось сделать то же самое в сентябре следующего года. Однако летом 1830 года началась Бельгийская революция, и объединенный кадастровый муниципалитет распался. В конце концов независимость Бельгии, обретенная ею в 1830 году, послужила причиной повторного возникновения анклавов Баарле на международном уровне.

- Маастрихтский договор 1843 года устанавливал границу между Нидерландами и Бельгией, но даже тогда невозможно было достичь компромисса по вопросу территории Баарле. Вместо этого было решено оставить все как есть.

- В 1875 году новый комитет, организованный Бельгией, начал поиск возможностей для обмена территориями. Наконец в 1892 году было подготовлено соглашение по дезанклавированию. Было достигнуто почти полное равенство обмена: 1355,3065 га бельгийской территории в обмен на 1355,0592 га голландской. Жители Баарле-Хертога высказались против данного соглашения и развили бурную агитацию в масштабах всей Бельгии. Они вы-

разили свое недовольство по поводу обмена землями и привели несколько аргументов, в том числе то, что этот процесс нарушал волю людей, а также разрушал их исторические, национальные и религиозные связи с Бельгией. Другой аргумент касался того факта, что, хотя в показателях площади было достигнуто равенство территорий, подлежащих обмену, они были неравны в показателях численности населения. Общебельгийская кампания в поддержку сохранения целостности Баарле подействовала: законопроект был почти единогласно отклонен бельгийским парламентом.

- Дебаты по вопросу ликвидации анклавов снова возобновились в 1909–1911 годах, когда было предложено предоставить Баарле-Хертог коридор, связывающий его с Бельгией. Несомненно, это было вызвано установлением новой границы и принятием таможенного законодательства, что осложняло жизнь населению анклава. Начиная с 1906 года бельгийские товары, направляемые в Баарле-Хертог, стали облагаться голландскими транзитными таможенными пошлинами. Освобождение от пошлин было возможно, но для этого требовалось доказательство того, что конечным пунктом прибытия является Баарле, а также осмотр бельгийских товарных складов голландскими таможенниками. Голландия контролировала также пассажирский транзит. Предложение создать коридор не было принято, так как в нем ничего не говорилось о приемлемой компенсации для Нидерландов (Malvoz 1986, 24).

Почему же анклав Баарле, несмотря на все попытки, так и не были обменены, в отличие от многих других анклавов феодального происхождения в Европе? С одной стороны, это можно объяснить историческими случайностями (например, работа двух комитетов была оборвана революциями во Франции и Бельгии). Трудности, с которыми государства столкнулись при поиске соразмерной компенсации для обмена землями, в нескольких случаях также помешали процессу дезанклавирования. Это можно объяснить и волей населения, настойчиво противостоявшего перекраиванию границ. Оно не только высказалось против обмена землями, но также смогло организовать успешную общебельгийскую кампанию для предотвращения этого. Чувство общности, связывающее анклав с материнским государством, было основано на национальной (бельгийцы) и религиозной (католики) принадлежности.

Важной предпосылкой для чувства общности между анклавом и материнским государством является совпадение национально-

го состава. Значительное количество нидерландских граждан в Баарле-Хертог, составляющее на сегодняшний день 40%, является совсем новым феноменом, связанным с процессами европейской интеграции.

На всем протяжении существования анклава население Баарле-Хертога имело бельгийское гражданство, несмотря на сильные социальные и семейные связи, существовавшие на его территории вследствие отсутствия языковых барьеров. Чувство общности является взаимным, то есть не только анклав чувствует свою связь с материнским государством, но и население основной части страны чувствует свою нераздельность с анклавом. Не исчезнув в Средние века, анклавный статус Баарле-Хертога укрепился, и устранить его стало гораздо сложнее.

Чтобы глубже понять причину существования хороших отношений между населением обоих Баарле, важно знать о том, что до 1860 года они образовывали единый католический приход. Только когда епископ Бреды посчитал неприемлемым то, что некоторые «его» души ходят в бельгийскую церковь, он создал отдельный приход для верующих Баарле-Нассау.

Другой важной точкой соприкосновения между обоими сообществами было совместное использование пустошей, документально закрепленное с 1479 года. В средневековой системе сельского хозяйства экстенсивное использование пустоши играло важную роль. Вследствие существования общего прихода и совместного использования вересковой пустоши Баарле стал единым сообществом для местного населения. Разъединяло сообщество только внешнее управление лордов, герцогов и королей и весьма ощутимые различия в правовой и налоговой системах Нидерландов и Бельгии.

Б. Уайт приходит к выводу, что современное принятие статус-кво основывается на следующих факторах: во-первых, тесные и дружеские отношения между Бельгией и Нидерландами в рамках европейской интеграции; во-вторых, схожие экономические структуры; в-третьих, культурное и языковое единство; в-четвертых, длительный период существования анклавов; и, в-пятых, крайне запутанный рисунок границы, приведший к взаимопроникновению общин и затрудняющий разделение территории на «нашу» и «чужую» (Whyte 2004, 79–81). Не умаляя роли всех этих факторов, подчеркнем важность политической интеграции. Несмотря на столетия мирного сосуществования, справиться с некоторыми проблемами, действительно способными испортить даже

лучшие добрососедские отношения, удалось только в процессе создания Европейского Союза. В течение столетий одной из таких проблем являлась контрабанда, до 1990-х годов мешавшая развитию межгосударственных отношений.

Жизнь в анклаве: проблемы и возможности

Жизнь в крайне фрагментированном городке, таком как Баарле, несет в себе как проблемы, связанные с анклавностью, так и уникальные возможности. Приведем несколько примеров. Типичной незначительной проблемой, с которой сталкивались и сталкиваются жители анклавов, являются правила дорожного движения. Еще не так давно ограничение предельной скорости в Нидерландах составляло 60 км/ч, а в Бельгии — 50 км/ч. Достаточно одного взгляда на карту Баарле, чтобы понять, почему местным водителям приходилось пересекать границу несколько раз в минуту, что приводило к проблемам и неприятностям с дорожной полицией. Проблема была разрешена только тогда, когда предельная скорость в Нидерландах была снижена до 50 км/ч. Проблема, незначительная сама по себе, а именно, различие в предельных скоростях, показывает, как жизнь в анклаве может быть осложнена неприятными неожиданностями. Паутина границ, к сожалению, может привести к некоторым гораздо более тяжелым последствиям. Однажды перед зданием Культурного центра Баарле разбился мотоцикл. Это произошло на территории Баарле-Хертога, но настолько близко к границе Баарле-Нассау, проходящей через улицу, по которой ехал человек, что он оказался на «чужой» территорию. Скорая помощь, приехавшая из Баарле-Хертога, не стала помогать истекавшему кровью мотоциклисту.

Однако анклавность создавала не только проблемы, которые нужно было разрешать, но также и возможности, преимуществами которых можно было воспользоваться. Вследствие того, что каждый дом обязан платить налоги той стране, на территории которой расположен его парадный вход, в Баарле стало традицией передвигать вход на несколько метров для того, чтобы снизить сумму налога (в сторону более выгодной в этом отношении страны). Известно, что не только многие магазины, но и некоторые семьи делали это неоднократно. Возникновение проблем подобного характера повлекло за собой окончательное установление границ 1995 года. По крайней мере в одном случае оказалось, что дом находится на территории Нидерландов, а не Бельгии, как

считали его обитатели на протяжении поколений. Семья, жившая в этом доме, нашла решение: парадный вход дома был перемещен на бельгийскую сторону. Одним из многих домов, расположенных поперек границы, является дом, которому его обитатели дали имя «Grensegeval» («Пограничный вопрос»). Его парадный вход расположен на Таксандриястраат (Баарле-Хертог), тогда как черный — на Мейерийстраат (в Баарле-Нассау)³³.

Баарле привлекает много туристов. В течение многих лет магазины в Бельгии работали по воскресеньям, а в Нидерландах — нет, за исключением Баарле. Налоговые системы в Бельгии и Нидерландах значительно отличались друг от друга поэтому жители могли порадовать себя трансграничным шоппингом и при этом сэкономить от различий в налоговой политике, находясь на одной и той же улице. Интеграция ЕС устранила многие такие различия, но некоторые из них, к примеру, разница в ставках НДС, сохранились.

Жителям нравится избирательное применение национальных законов, выгодное для них даже в мелочах. Именно это Франс Ван Роой, директор Культурного Центра в Баарле, называет «игрой с границами» (Van Rooij 2004). Курение в общественных местах было запрещено в Бельгии примерно в 2000 году, но, тем не менее, оно позволялось в Нидерландах. Здание Культурного центра расположено на территории двух государств; поэтому его посетители сочли возможным «распространить» действие голландского законодательства на все здание. Также в прошлом в Бельгии запрещалось подавать крепкие алкогольные напитки в общественных местах. И снова люди воспользовались «избирательным применением» более либерального голландского законодательства.

В Баарле проживает значительное количество семей, где один родитель является голландцем, а другой — бельгийцем. Обычно до 18 лет детям выдают оба паспорта, а затем они обязаны сделать выбор, так как между Бельгией и Нидерландами нет соглашения о двойном гражданстве. Однако многие просто игнорируют требование выбора и живут с двумя паспортами. Кроме того, жители Баарле предпочитают, чтобы их сыновья служили в голландской армии, так как там срок военной службы короче. С этой целью спальня для юношей, проживающих в домах, через которые проходит граница, обычно делается на голландской стороне.

³³ Карта-схема анклавов, а также несколько фотографий Баарле-Хертог размещены в дополнительных материалах к данной монографии по адресу www.vinokurov.info/enclaves.htm

Экономика: использование возможностей границы

С 1906 года бельгийские товары, направляющиеся в Баарле-Хертог, стали облагаться голландскими таможенными пошлинами. Можно было освободиться от них, но это требовало доказательства того, что пункт назначения — территория анклава, а также предоставления голландским таможенникам права досматривать бельгийские товарные склады. До этого Баарле-Хертог фактически был свободной таможенной территорией вследствие практической невозможности усиления контроля, так как таможенные посты были экономически нерентабельны, как в случае Бюзингена и некоторых других небольших анклавов.

Контрабанда — важный экономический феномен и неотъемлемый источник дохода на протяжении долгой истории существования Баарле. Ее развитие было вызвано не только различиями в национальных правилах относительно таможенных пошлин и налогов, но также и колебаниями валютных ставок. Анклавы с их запутанной и неразмеченной границей, проходящей через частные дома — превосходное место для контрабанды. Поток товаров направлялся главным образом из Бельгии в Нидерланды. Таможенные и пограничные служащие были начеку, но они физически не могли остановить деятельность, связанную с контрабандой: пока ловили одного, сотни других убегали.

Местные преступники прекрасно знали, где границы были спорными. Роль контрабанды в истории Баарле запечатлена в существовании там единственного в мире памятника этому своеобразному и увлекательному «бизнесу» в виде человека с мешком за плечами, известного как «Контрабандист». Контрабанда дожила до 1990-х годов, несмотря на глубокую интеграцию материнского и окружающего государства сначала в рамках таможенного союза стран Бенилюкса, а позднее в рамках Европейского Сообщества. Договор стран Бенилюкса был подписан 5 сентября 1944 года и вступил в силу 1 января 1948 года. Сохранившиеся различия в национальном законодательстве способствовали процветанию контрабанды вплоть до создания Единого европейского рынка в 1995 году.

В настоящее время жители Баарле и соседних голландских регионов все же выигрывают от существования многочисленных различий в национальных законодательствах, включая различия в ставке налога на добавленную стоимость, хотя они делают это в соответствии с законом.

Неудивительно, что владельцы промышленных предприятий и магазинов, расположенных в сообществе, иногда преступали черту закона, чтобы воспользоваться возможностями, предоставляемыми границами. Был случай, когда птицефабрика, расположенная в Баарле-Нассау, была незаконно зарегистрирована через дорогу, в Баарле-Хертог, и, следовательно, ее владелец платил более низкие налоги. Это нарушение удавалось скрывать в течение двадцати лет; правда вышла наружу только после того, как рабочие фабрики, не удовлетворенные своими зарплатами, рассказали об этом властям.

В Нидерландах законодательство о земельном зонировании более строгое, вот почему Баарле-Хертог — выгодное место проживания и расположения промышленных предприятий. Строгость голландского законодательства привела к некоторым забавным последствиям. Один из голландских анклавов второго порядка площадью около 0,8 га представляет собой луг, полностью окруженный жилым районом Бельгии. Голландское законодательство предписывает исключительно сельскохозяйственное использование этого участка земли, так как он формально расположен за пределами города. Вот почему, бельгийские коровы мирно пасутся на голландском лугу в сердце жилого квартала, придавая ему идиллический вид.

Случай Фемисбанка: финансовые махинации в анклаве

В 1971 году житель Голландии Хенрик Якобус Оуэл основал Фемисбанк. Здание банка было расположено в Баарле на территории анклава Н1 Баарле-Хертога и в Баарле-Нассау. Граница проходила через парадный вход. Оуэл, возможно, участвовавший в финансировании попыток Южной Молукки приобрести независимость от Индонезии, использовал уникальное расположение банка для финансовых махинаций и защиты от властей обоих государств. Налоговый департамент Бельгии не имел доступа к сейфу, так как проход к нему находился на голландской территории, а голландские власти хотя и могли войти в сейфовый зал, но не имели права приблизиться к находящемуся на территории Бельгии сейфу. В конце концов была проведена совместная операция. Следователи из обеих стран обыскали «свои» части здания. В мае 1992 года Фемисбанк был объявлен банкротом после проведения расследования по делу об отмывании денег от продажи наркотиков (Malvoz 1986, 41; Whyte 2004, 44–45).

Позднее в здании разместилось театральное агентство, использовавшее преимущества как бельгийского, так и голландского адресов.

Местные магазины по-своему применяли возможности границы. Некоторые из них расположены непосредственно на границе, что нередко случается в сообществах, где линии границы являются чрезвычайно сложными и запутанными. Парадный вход и главный выставочный зал одного из магазинов в Баарле, специализирующегося на продаже велосипедов и мотоциклов, расположены в Нидерландах, а задний двор — на территории Бельгии. Покупатели заходят в магазин в Нидерландах, а затем следуют на задний двор, где осуществляется покупка при более низкой ставке НДС. Единственным неудобством для магазина является то, что ему приходится нанимать двух бухгалтеров: одного — для Бельгии, а другого — для Нидерландов. Жители также научились использовать различия в ставках НДС, например, чтобы купить бензин подешевле.

Одним из основных средств привлечения туристов в Баарле является различие в национальных законодательствах двух стран. В Нидерландах все магазины в воскресенье закрыты, но они могут работать при определенных условиях в Бельгии. Сначала это вызвало ухудшение отношений в анклаве, так как магазины Баарле-Нассау не могли конкурировать с магазинами Баарле-Хертога. Поскольку последствия для голландского сообщества могли быть очень серьезными (концентрация всех магазинов в Баарле-Хертог в ущерб Баарле-Нассау), голландское правительство освободило его от применения этого закона в течение всего года.

Туризм и трансграничная торговля стали основным экономическим активом анклава. Большой приток туристов в Баарле обусловлен необычностью городка. Владельцы магазинов и рестораторы сделали все возможное для привлечения и сохранения покупателей из обеих стран. Например, до того, как в 2002 году было введено евро, покупатели могли платить за продукцию как в бельгийских франках, так и в голландских гульденах. Несмотря на сомнительную законность, этот подход разрешался властями, предпочитавшими закрывать глаза на некоторые особенности правоприменения законов в анклавах. Даже муниципальный совет Баарле-Хертога принимал обе валюты.

Трансграничная торговля не является единственным средством привлечения туристов в анклав. Все большее количество людей приезжает в Баарле, ставший уникальным памятником границам. Анклавные сообщества признали этот факт и приняли меры для того, чтобы сделать границы более заметными. Например, таблички с номерами домов были сделаны с разным дизайном: в фор-

ме овала с цветами бельгийского флага и в форме прямоугольника с цветами голландского флага. В 2000 году ЕС профинансировало стилизованную «демаркацию» границы в Баарле с целью развития туризма — нечто совершенно необычное для Европейского Союза, который, в сущности, призван размывать границы, а не подчеркивать их. Были установлены металлические диски, образующие пунктирную линию на дорогах. На тротуарах границы размечены с помощью серых камней с вставленными в них белыми крестами. Все эти меры делают их заметнее для туристов.

Баарле-Хертог и Баарле-Нассау: путь к сотрудничеству

Достойная жизнь в таких анклавных комплексах невозможна без тесного сотрудничества между анклавом, материнским и окружающим государством. В Куч Бехаре, речь о котором пойдет в следующем разделе, такого сотрудничества не существует. Люди выживают и там, но в анклавах, например, нет электричества, даже несмотря на то, что линии электропередач проходят в непосредственной близости от анклавов или даже через их территорию. В лучшем случае, когда отношения между материнским и окружающим государством являются напряженными и/или сотрудничество между ними недостаточно налажено, электричество, вода или газ обычно поставляются в анклавы из материнского государства несмотря на высокие расходы на их доставку. Каждодневное сотрудничество по вопросам обеспечения коммунальных и других услуг обосновано с точки зрения экономической рентабельности. Сотрудничество снижает издержки до обычного уровня и создает основу для нормальной жизни. Жители Баарле строили такое сотрудничество столетиями, и в настоящее время они могут послужить примером для анклавов и других пограничных регионов по всему миру.

Типичной анклавной проблемой, с которой научились справляться жители Баарле, является коммунальная сфера. Для обеспечения высококачественных коммунальных услуг для жителей обеих общин необходим высокий уровень сотрудничества между Баарле-Нассау и Баарле-Хертог. Они «не способны функционировать без помощи друг друга» (Whyte 2004, 49). Многие коммунальные услуги предоставляются совместными предприятиями. Другие обеспечиваются раздельно, но в рамках сотрудничества. Например, в Баарле функционируют две отдельные энергетические системы. И, наоборот, газ поставляется исключительно голландской компанией, однако оптом закупается бельгийской

компанией, которая затем реализует его в розницу бельгийским потребителям. Вода поставляется компанией из Нидерландов. Существуют две отдельные телефонные сети. Однако согласно договоренности между ними жители одной общины могут звонить в другую по цене местной, а не международной связи.

Раньше в анклавах были две отдельные полицейские службы. С 1997 года обе службы находятся в одном офисе в новом здании муниципалитета Баарле-Хертог. Их столы стоят бок о бок, и офицеры для большего удобства чередуют часы приема граждан. Национальное законодательство обоих государств запрещает нахождение вооруженной полиции другого государства на своей суверенной территории без получения разрешения в каждом конкретном случае. Очевидно, что это правило неприменимо для Баарле, где голландский полицейский сидит на территории Бельгии. В целях эффективности его работы бельгийские власти закрывают глаза на присутствие у полицейского огнестрельного оружия. Стимулы сотрудничества и совместной работы привнесли необходимость «играть» не только с границами, но также, до определенной степени, с законами.

Каждая община имеет свою собственную пожарную команду. Несмотря на это, им удавалось тесно сотрудничать во время пожаров в течение последних 80 лет. Одной из основных проблем в прошлом было использование разных шланговых переходников в каждой из стран. В конце концов был внедрен единый шланговый переходник в целях совместного пожаротушения.

Расходы по содержанию дорог делятся между двумя сообществами на пропорциональной основе, при этом учет расходов на освещение улиц основан на длине дороги.

С 1857 года в каждой общине есть своя собственная школа. В настоящее время работают две начальные школы, одна бельгийская и одна голландская, а также одна голландская средняя школа. Жители обоих Баарле имеют право посылать своих детей учиться в любую школу, так как национальное законодательство обоих государств гарантирует бесплатное образование для детей до 16 лет. Бельгийская школа считается более строгой, голландская рассматривается как более либеральная. Родители могут выбрать любую из них в соответствии со своими взглядами на образование.

В Баарле есть две католические церкви и два прихода, мирно сосуществующие бок о бок друг с другом. Священники одной церкви выполняют свои обязанности по вечерам каждую субботу,

а другие — по воскресеньям утром, чтобы избежать конкуренции. Люди свободны выбирать, какую церковь они предпочтут для проведения свадеб, похорон и других обрядов, и это не вызовет приходского порицания (Whyte 2004, 73–74).

Здание культурного центра Баарле символически расположено на границе. Парадный вход находится в Баарле-Хертог. Граница проходит через один из залов, находящихся в здании. Несколько раз в год полиция использует зал для проведения допроса. Офицер полиции и человек, которого будут допрашивать, садятся в противоположных углах зала; следовательно, полицейский не может арестовать подозреваемого, сидящего на стороне другой страны. Этот зал иногда использовался и для других целей. В 1947 году фильм «Турецкий фрукт» вызвал неоднозначную реакцию вследствие своего легкого эротического содержания. В Бельгии выпустили на экраны только отредактированную цензурой версию этого фильма, в то время как в Нидерландах такой проблемы не было. Жители анклава творчески использовали разделенный границей зал, чтобы посмотреть фильм полностью. Обычно экран был расположен на голландской стороне зала, а кинопроектор — на бельгийской. Помянув их местами, фильм можно было показывать полностью на территории Голландии. Это происходило под надзором бельгийского полицейского, следящего за тем, чтобы во время сеанса никто не пересек разграничительную линию.

Бюджет культурного центра формируется из отчислений обоих сообществ. Такая же финансовая схема применяется для финансирования общественной библиотеки. Эта достаточно неплохая библиотека финансируется совместно, при том, что $\frac{1}{4}$ суммы выплачивается из доходов Баарле-Хертог, а $\frac{3}{4}$ — из Баарле-Нассау, что пропорционально численности населения. Библиотека выписывает как бельгийские, так и голландские периодические издания. В этой же пропорции обе общины совместно финансируют справочно-информационное бюро для туристов.

Таким образом, несмотря на то, что некоторые службы до сих пор управляются отдельно, коммунальные предприятия в общинах Баарле стремятся к сотрудничеству. Жители Баарле сделали большой шаг вперед в овладении искусством поиска компромиссов. Несомненно, оно основано на экономическом и политическом сотрудничестве материнского и окружающего государств. Отсутствие интеграции делает даже лучшие намерения сложными для осуществления, а зачастую и практически невозможными. Кроме того, созидательное искусство сосуществования в анклав-

ном комплексе упрощается и другими факторами. К ним относятся 800-летняя история, общий язык, а также тесные семейные и социальные связи.

**Пиратская радиостанция ВаНеНа,
или 22 года игры в прятки с полицией обоих государств**

Расшифровать название этой радиостанции достаточно просто: это всего лишь акроним от Баарле-Хертог-Нассау (BaHeNa). Пиратской радиостанции удалось просуществовать без получения лицензии на радиовещание в течение 22 лет, с 1981 года по ноябрь 2003 года. Антенна была установлена в Баарле-Нассау, всего в нескольких метрах от границы с одним из бельгийских анклавов. Радиостанция транслировала музыку и местные новости для жителей городка. Ее владелец (бельгиец из Баарле-Хертога) утверждает, что им побиты все рекорды длительности существования подобных нелегальных учреждений, и в это действительно легко поверить. Обои государствами было проведено несколько полицейских рейдов, но все они оказались безрезультатными. Вести о грядущем рейде распространяются в маленьком городке очень быстро, так что владельцу удавалось поспешно переместить радиопередатчик с одной стороны границы на другую, в зависимости от того, откуда должны были прийти полицейские. В конце концов, радиостанция была арестована в ходе рейда, организованного совместно обоими государствами (так же, как и в случае с Фемисбанком).

Бельгийские власти конфисковали радиопередатчик, а владелец был оштрафован голландскими властями на 1100 евро. Отказавшись платить штраф, изобретательный бельгиец обратился к властям своей страны с просьбой о том, чтобы они сами его оштрафовали, потому что именно они конфисковали радиопередатчик. Бельгийские власти согласились на его предложение и установили более низкую величину штрафа, 500 евро. Уплатив штраф, легендарный радиопират успешно отстоял свою позицию в голландском суде, заявив, что он уже выплатил штраф и не может быть дважды оштрафован за одно и то же правонарушение.

Жители Баарле могут охарактеризовать себя как голландцы или бельгийцы, но чаще всего они называют себя «баарленарцами» («Baarlennaars») (Gemeenten Baarle-Hertog, Baarle-Nassau 1999, 21). Исследование Баарле, предпринятое Уайтом (Whyte 2004) в 2000–2001 годах, подтверждает этот вывод. Местная идентичность оказывается наиболее важной, чем национальная или европейская. Сила такой местной идентичности связана с историей, а также с особыми обстоятельствами существования анклавов, которые сформировали чувство «отличия» от остальной Европы и от основной части своих государств.

Анклавность и границы — очень важные факторы, определяющие как самобытность, так и образ жизни населения Баарле. «Игра с границами» стала его неотъемлемой частью. Жители Баарле живут на границе и пытаются избежать издержек такого положения и использовать возможности, которое оно предоставляет. Как отметил один из баарленарцев, люди, населяющие анклав, предпочитают пить пиво по-бельгийски, так как голландские стаканы меньше, но работать и получать зарплату по-голландски.

Даже теперь, в начале XXI века, ситуация в Баарле, по мнению некоторых, заслуживает сожаления. Но местное население думает иначе. Оно не хочет терять особую обстановку, в которой живет. Баарленарцы хотят сохранить статус-кво: Баарле-Нассау и Баарле-Хертог являются особыми населенными пунктами с исторической, географической и политической точки зрения. Они вполне довольны своим анклавным статусом после того, как в течение столетий боролись за такой мирный, добрососедский и благополучный образ жизни. Три ключевых фактора делают Баарле образцовым анклавным комплексом. Во-первых, как материнское, так и окружающее государство являются — членами ЕС. Во-вторых, жители Баарле как на бельгийской, так и на голландской стороне научились сотрудничать ради установления нормального порядка жизни. В-третьих, они умеют избежать большинства сугубо анклавных издержек, присутствующих во всех анклавах, и использовать большинство важных сугубо анклавных возможностей.

Куч Бехар

Я начал эту главу с рассмотрения «идеальной модели» анклавного комплекса, а именно Баарле. Пережду теперь к еще одному анклавному комплексу, Куч Бехару³⁴, расположенному на границе Индии и Бангладеш. На сегодняшний день он является самым крупным анклавным комплексом в мире. Анклавы Куч Бехара сильно отличаются от Баарле не только с географической точки зрения, но и по политическому и экономическому состоянию. Работ по анклавам Куч Бехара очень мало, что отражает факт их относительной неизвестности. К счастью, существует всестороннее исследование, проведенное Б. Уайтом (Whyte 2002a).

³⁴ В действительности, Куч Бехар является штатом Индии и древним королевством. В данной работе я называю анклавный комплекс Куч Бехаром для краткости, хотя более правильно было бы называть его «анклавы Куч Бехара» или «анклавный комплекс Куч Бехара».

В Бангладеш расположено 106 эксклавов индийского штата Куч Бехар, в том числе три анклава второго порядка и один третьего порядка. В Индии — 92 эксклава Бангладеш, в том числе 21 анклав второго порядка. В общей сложности площадь эксклавов Бангладеш составляет 49,7 км², тогда как площадь эксклавов Индии — 69,6 км². Крупнейшим индийским эксклавом является Балапара Хаграбари площадью в 25,95 км², бангладешским — Дахаграм-Ангарпота, площадью в 18,7 км²; он составляет 38% территории, которую занимают все эксклавы Бангладеш. Площадь самого маленького индийского эксклава Панисала 1093 м², тогда как площадь самого маленького эксклава Бангладеш, анклава второго порядка Упанчовки Бхайни всего лишь 53 м². Он является самым маленьким анклавом в мире и представляет собой джутовое поле³⁵.

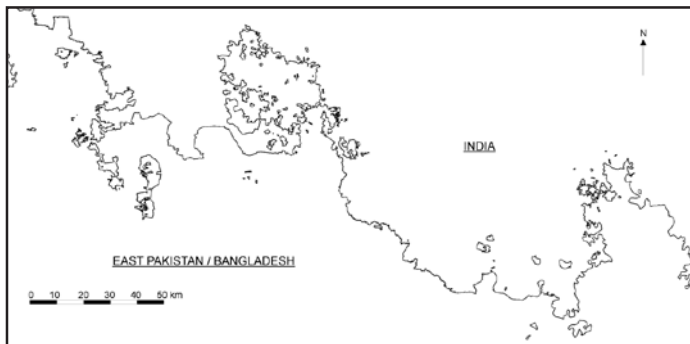

Рис. 6.3. Анклавный комплекс Куч Бехар³⁶

Измерение площадей анклавов уже является сложной задачей, а предоставление точных данных по численности их населения на данный момент и вовсе невозможно. Доступны только приблизительные данные. Причина этого «сугубо анклавная». Общее отсутствие государственной власти в анклавах и трудности доступа в них уполномоченных лиц помешали проведению всех переписей населения, проводившихся в Индии и Бангладеш. Последняя из них, охватившая анклавы, состоялась в 1951 году, и

³⁵ Площадь самого маленького анклава в анклавном комплексе Баарле, сравнимого с аналогичным анклавом Куч Бехара, составляет 0,2469 га, или 2469 м². В нем находится бельгийская половина дома, парадный вход которого разделен границей на две части, и еще один дом, чьи хозяйственные постройки также разделены на две части (Whyte 2004, 52).

³⁶ Источник: Whyte (2002), с разрешения автора.

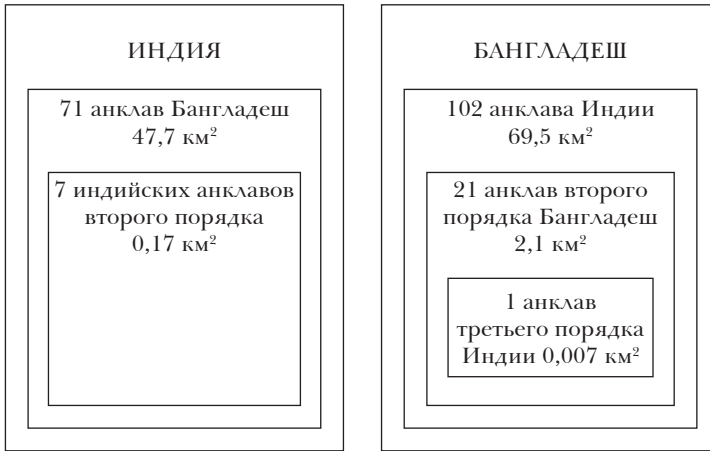

Рис. 6.4. Анклавы первого, второго и третьего порядка в Куч Бехаре

это единственные более или менее точные данные, которые есть у нас в распоряжении. В течение более чем пятидесяти лет никакой информации не собиралось. Различие в оценках огромно: от 24 тыс. жителей в анклавном комплексе в целом до 1,5 млн человек только в индийских эксклавах. Тогда как последняя цифра является совершенно фантастической, первая отражает результаты переписи населения 1951 года. Уайт (Whyte 2002, 434–436) использовал два метода оценки уровня численности населения. Во-первых, он взял за основу уровень роста численности населения в близлежащих к анклавам районах в соотношении 2:3 через сорок лет после переписи населения в 1951 году. Я согласен с Уайтом, что применение более низкого мультипликатора роста населения для анклавов является обоснованным, так как за все эти годы жизнь в них отмечалась отсутствием правопорядка, негативным сальдо миграции и более высокой смертностью вследствие отсутствия квалифицированной медицинской помощи. В результате мы получаем следующие приблизительные данные: на 1991 год численность населения в индийских эксклавах составляет 30 тыс. человек, а в эксклавах Бангладеш — 25 тыс. Во-вторых, Уайт делает вывод о том, что плотность населения в анклавах была сравнима с аналогичным показателем соседних районов, и умножает плотность населения на общую площадь. Вследствие тягот жизни в анклавах, следует взять нижний предел характеристики плотности населения в 400–800 человек на км². Этот метод подтверждает

данные, приведенные выше в качестве приблизительных цифр на 1991 год. Умножая их на средний темп роста в 1,45–1,6% (свойственные как Индии, так и Бангладеш) и используя более низкие показатели, мы получаем численность населения всего анклавного комплекса в 65–70 тыс. человек на начало 2000-х годов.

Национальный состав анклавов постепенно изменяется, особенно на стороне Бангладеш. Большинство индийских жителей эксклавов мигрировали в основную часть Индии после всех пережитых ими бед и оскорблений. Вместо них на этой территории поселились мусульмане из Бангладеш.

История этих анклавов началась еще в XVII веке. Договор, ответственный за образование множества анклавов, датируется 1713 годом. Несмотря на сокращение королевства Куч Бехар до одной трети его бывшей территории, Моголы, мусульманские правители Индии, не могли выселить некоторых из вождей Куч Бехара с их земель. Когда эти районы перешли под власть Моголов по соглашению 1713 года, земли, до сих пор находившиеся во власти правителей Куч Бехара, остались их частью. Анклавы были обычным явлением и не рассматривались как проблема (Whyte 2002, 32). Более того, соглашение только подняло эти анклавы до квази-международного уровня, притом что Куч Бехар номинально стал придатком империи Моголов. Позднее, в 1765 году, империя Моголов была заменена Ост-Индской компанией.

Некоторые проблемы, связанные с существованием анклавов, начали возникать достаточно рано. В 1814 году Ост-Индская компания выяснила, что эти части Куч Бехара возникли «вследствие какого-то необъяснимого происшествия» в пределах территорий, управляемых компанией. Упоминались случаи, когда «государственные преступники ускользали от преследования полиции, прячась в таких убежищах» (Cooch Behar Select Records 1882; цит. по Whyte 2002, 40).

В течение 300 лет анклавы Куч Бехара пережили пять успешных периодов передачи суверенитета той или иной стороне. Во-первых, она состоялась между империей Моголов и Королевством Куч Бехар, вследствие чего анклавы поднялись с административного на международный уровень. Затем в 1765 году империя Моголов была вытеснена Великобританией в лице Ост-Индской компании. Позднее, в 1947 году, Индия и Пакистан получили независимость. Куч Бехар стал частью Индии двумя годами позже, вслед за подписанием «Соглашения о вступлении Куч Бехара в состав Индии» (*Cooch Behar Merger Agreement*). В конце концов Вос-

точный Пакистан получил независимость от западной части государства и начал свое существование как Бангладеш в 1971 году. Государства сменяют друг друга, но анклавов сохраняются уже на протяжении трехсот лет.

Таблица 6.1. Суверенитет над анклавами Куч Бехара

Временной период	Государства
1713–1765	Империя Моголов — Куч Бехар
1765–1947	Великобритания (Ост-Индская компания) — Куч Бехар
1947–1949 (переходный период)	Пакистан — Куч Бехар
1949–1971	Пакистан — Индия
с 1971 до настоящего времени	Бангладеш — Индия

Анклавы Куч Бехара получили международный статус с 1949 года, когда Куч Бехар объединился с Индией, причем в то время там было даже больше анклавов, чем сейчас. Куч Бехар имел анклавов не только на территории, которая впоследствии стала Восточным Пакистаном, но также около пятидесяти отдельных фрагментов территории в Ассаме и Западном Бенгале. Последние стали внутренним делом Индии на субнациональном уровне. В эпоху феодальной раздробленности Индия очень походила на средневековую Европу. Она разделялась на более чем 600 королевств, управляемых махараджами. Многие из этих королевств были территориально раздроблены до такой степени, что их вполне можно сравнить с немецкими государствами до объединения Германии Бисмарком. Несмотря на укрупнение административных единиц и снижение их числа до 25 в годы становления Индии как независимого государства многие административные анклавов сохранились. Только что созданные индийские штаты проявили упорство в сохранении своих анклавов. В.П. Менон, участвовавший в процессе территориального размежевания, отметил, что обмен территориями часто влек за собой «много недовольства и политической горечи» (Менон 1985, 313). Этот процесс не захватил анклавов Куч Бехара, возможно, по причине его позднего вступления в состав Индии. Проблема была урегулирована путем включения анклавов Куч Бехара в штат Джальпайгури в 1952 году (14 анклавов) и в 1955 году (остальные 39 анклавов).

Попытки произвести обмен анклавами

Впервые предложение об анклавном урегулировании — еще до обретения Индией независимости — исходило со стороны Великобритании в 1910-х годах. При разработке предложений было принято во внимание мнение населения. Так как жители с обеих сторон выразили желание сохранить статус-кво, дело не довели до конца (Whyte 2002, 49, 75).

Решение по обмену анклавами без требования компенсации за территории, отходящие Пакистану, было принято в 1958 году. Ратификации договора препятствовала по юридическим соображениям индийская сторона. Дело было передано в Верховный суд, который постановил, что территории не могут быть переданы без внесения изменений в Конституцию. Когда индийской стороной были, в конце концов, преодолены все правовые препоны в 1971 году получил независимость Бангладеш, и проблему пришлось решать заново.

Еще одна попытка обмена была предпринята в 1974 году. Анклавы должны были быть обменены без требования компенсации, как и по предыдущему соглашению 1958 года. Южная часть Берубари сохранялась за Индией, а анклав Дахаграм-Ангарпота — за Бангладеш. В соглашении оговаривалась бессрочная аренда коридора через территорию Индии размером 178 м в длину и 85 м в ширину, чтобы связать анклав с материнским государством. По соглашению 1974 года анклавы второго порядка по обеим сторонам границы не подлежали обмену. Следуя той же логике, должен был быть обменен только один анклав третьего порядка. Крупнейший эксклав Бангладеш, Дахаграм-Ангарпота, связанный с основной частью Бангладеш коридором Тин Бигха и составляющий 38% общей территории эксклавов Бангладеш в Индии, не подлежал обмену. Таким образом, если бы соглашение Индиры и Муджиба было бы ратифицировано в Индии, 173 из 198 анклавов были бы сразу же обменены. В показателях территории Бангладеш должен был передать Индии 70 анклавов общей площадью в 29 км², а Индия — передать 69,5 км². Таким образом общая потеря при обмене для Индии составила бы 40,5 км². В показателях численности населения — 11 тыс. человек, проживающих на индийских территориях, в обмен на 9 тыс. человек в эксклавах Бангладеш. Бангладеш поспешно принял поправку к национальной конституции и ратифицировал соглашение, но Индия так и не сделала этого.

Уайт (Whyte 2002, 434) обращает внимание на тот факт, что совместная территория двух крупнейших эксклавов Индии приближается к 40 км², что почти равно по размеру территориальной потере Индии, принятой в соглашении. Таким образом, если бы Индия сохранила эти два эксклава, мог быть достигнут почти равный обмен. Член индийского парламента Амар Рой Прадхан предложил связать Шалбари с основной частью страны коротким коридором, таким, как, к примеру, Тин Бигха, так как расстояние от Шалбари до основной части Индии не превышает несколько сотен метров. Связь второго крупнейшего эксклава, Балапара Хаграбати, могла оказаться более сложной, так как расстояние составляло около четырех километров. Уайт (Whyte 2002, 190) пишет, что: «жестокая ирония такова, что Индия теряет территорию на бумаге, так как то, что она теряет [в соответствии с договором — Е.В.], а именно административный контроль над ней, она никогда не имела. Следовательно, Индия, как и Бангладеш, лишится земли, которой она в действительности никогда не владела, получив взамен суверенитет и контроль над анклавными территориями, ... и создающими каждодневные административные неудобства. Сами хнитмахали, возможно, теоретически потеряют гражданство, но получают доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, помощи в развитии и полицейскую защиту. Если посмотреть с этой точки зрения, то каждая из сторон при таком обмене ничего не теряет, а приобретает многое. Но если принять во внимание размах выступлений против коридора Тин Бигха, занимавшего всего 1,5 га ненаселенной земли в отдаленном уголке Индии, в результате чего было убито, по крайней мере, три человека, то оппозиционные партии Индии вряд ли позволили бы правительству того времени мирно передать 40 км² анклавной территории даже при условии равного обмена».

Упрощение пограничной торговли и передвижения людей

Как Индия, так и Пакистан, а позднее Бангладеш, всегда признавали суверенитет соседнего государства над соответствующими анклавами. Они не пытались захватить анклав своего соседа или расширить сферу своего управления так, чтобы она распространялась на анклав другого государства. Однако территориальные проблемы являются чрезвычайно чувствительными для обеих сторон, в особенности для Индии. Даже кажущиеся незначительными случаи разрешить порой очень сложно. Ответственность за

пятидесятилетнее промедление по урегулированию анклавной проблемы лежит преимущественно на Индии, так как соглашения как 1954, так и 1974 годов были своевременно ратифицированы Бангладеш. Соглашение 1974 года до сих пор дожидается ратификации со стороны Индии. Для этого необходимо внести поправки в Конституцию, а это, в свою очередь, требует окончательной демаркации границ с Бангладеш.

Незавершенная демаркация привела к созданию благодатной почвы для процветания коррупции. С другой стороны, верно и то, что именно коррупция позволила жителям анклава выжить. Другими словами, она уменьшила трудности жизни, вызванные формальным существованием пограничной полиции. В условиях, когда противозаконно пойти в ближайшую больницу или на рынок (для этого надо пересечь границу), у жителей анклава нет другого выбора, как преступать закон.

Первое соглашение, касающееся доступа в анклав, было подписано в 1950 году. Оно касалось только чиновников и вообще не принимало во внимание интересы обычных жителей. Местные чиновники обоих государств могли посещать анклав сроком до 15 дней. Перечень товаров, которой можно было ввозить в анклав один раз в месяц, был определен соглашением и включал в себя масло, керосин, сахар, спички, одежду, лекарства и медицинские приборы (van Schendel 2002, 123).

Первоначально жителям анклавов обеих стран предоставлялись визы на неограниченное количество поездок в рамках территории полицейского участка или участков, прилежащих анклав, а также на неограниченное количество поездок при осуществлении транзита между анклавом и соответствующим материнским государством (Indo-Pakistan Passport Conference agreement 1953; цит. по Whyte 2005, 323). В соответствии с торговым соглашением 1957 года пограничная торговля осуществлялась по особому расписанию. Пересечение границы в целях мелкой торговли разрешалось только один раз в день два дня в неделю по санкционированным маршрутам. Это и последующие соглашения были замещены торговым соглашением Индии и Бангладеш 1972 года. В нем предусматривалось создание «пограничного пояса» длиной 16 км, жителям которого было разрешено вести пограничную торговлю также один раз в день два дня в неделю по особому расписанию³⁷.

³⁷ См. дополнительные материалы к главе 6 на www.vinokurov.info/enclaves.htm

Несмотря на введение этих правил для пограничного передвижения и торговли серьезные проблемы все же сохранились. Чтобы пересечь границу, человеку нужны загранпаспорт и виза. Жителям анклавов сложно, а зачастую практически невозможно получить оба документа. К примеру, рассмотрим процедуру выдачи визы. Чтобы получить ее, житель анклава должен пойти в консульство. В анклавах консульств нет, следовательно, жителям приходится ехать в материнское государство, в котором находятся консульства. Население анклавов по большей части слишком бедно, чтобы позволить себе такую протяженную поездку, многие неграмотны, что ведет к сложностям при заполнении необходимых бумаг. Если даже не принимать во внимание эти обстоятельства, попасть в материнское государство практически невозможно, потому что по пути туда человеку придется пересекать территорию другого государства, а чтобы сделать это, ему нужна виза. Этот случай является классическим примером безнадежного замкнутого круга, вынуждающего жителей анклава нарушать пограничный режим. То, что являлось законным до 1949 года, впоследствии стало правонарушением. Проблему уменьшало широкое распространение коррупции, но, тем не менее, в течение более чем пятидесяти лет существования анклавов все же происходили многочисленные инциденты, во время которых пограничники стреляли в нарушителей границы. Анклавы остались раем для преступников, использовавших их в качестве базы или убежища, имеющего иммунитет от законов обоих государств.

Первоначально данное соглашение было принято для рынков домашнего государства, чтобы позволить фермерам удовлетворять свои нужды и покупать или продавать небольшое количество товаров, но в то же время оно предохраняло государство от исключительно коммерческого использования границ крупными торговцами, нанимающими фермеров для поставки своих товаров. Огораживание границы в 1980–1990-х годах укрепило действие соглашения, так как действовало гораздо эффективнее, чем соглашение, часто нарушаемое жителями. Были обустроены три погранперехода, и, таким образом, любой человек, пересекающий границу, подвергался досмотру на таможне. Вследствие протяженных расстояний жителям анклава приходилось долго ехать до этих переходов, следовательно, они больше не совершали коротких однодневных поездок на ближайший рынок. Соглашение, принятое ранее (с целью стандартизации товаров, разрешенных для провоза через границу, как предметов для ведения незначи-

тельной местной жизненно необходимой торговли) по сути автоматически перестало действовать. Вряд ли кто захочет ехать за 40–50 км и проходить через все препоны на пунктах пересечения границ для такой незначительной продажи продуктов ежедневного потребления. Чтобы сделать эти поездки выгодными, нужно иметь возможность провозить больше товаров за один раз, что, однако, противоречит соглашению.

Ограничения доступа имели и имеют многосторонние негативные последствия. С точки зрения экономики, существовавшие ранее экономические связи разорваны, так как крестьяне, проживавшие в анклавах, были отрезаны от ближайших рынков сбыта, расположенных теперь в другом государстве. Протяженные расстояния и трудности доступа мешали им попасть на рынки материнского государства. В таких условиях крестьяне были вынуждены переключиться на услуги посредников, что, в свою очередь, привело к установлению гораздо более низких цен на продаваемую ими сельскохозяйственную продукцию. Администрирование анклавов также серьезно пострадало. В 1951–1952 годах правительства обоих государств фактически перестали управлять анклавами (van Schendel 2002, 125). Ограничение доступа касалось не только жителей анклавов, но также и чиновников из материнского государства. Полиция, налоговая служба, государственное социальное обеспечение в анклавах перестали существовать как таковые. Без полицейской защиты, они превратились в пристанище для бандитов. Жители одного из индийских анклавов из-за засилья преступников были вынуждены покинуть свои поселения и бежать в основную часть Индии, оставив свои дома, поля и скот.

Существовал и другой замкнутый круг, правда, меньшего масштаба. В 1952 году жители анклавов потеряли свои избирательные права, что было связано с физической невозможностью для чиновников достигнуть анклавов. Система доступа 1950 года стала недействительной; ни кандидаты, ни соответствующие службы не могли добраться электората. Не имея избирательных прав де-факто, жители анклавов лишились политического представительства, без которого они не могли повлиять на принятие решений или пролоббировать свои требования. Только крупнейшему в регионе анклаву Дахаграм-Ангарпота удалось сохранить некоторую степень законности и порядка, не столько из-за размера и численности населения (несколько тысяч жителей в 1950–1960-х годах), сколько из-за того, что он находился всего в 200 м от материнско-

го государства, и, следовательно, Пакистану удалось сохранить в нем полицейское присутствие.

Соотношение ВВП на душу населения по покупательной способности составляет 2900 долларов США для Индии и 1900 долларов для Бангладеш (данные на 2003 год). В целом стандарты жизни в Индии выше. Несмотря на это, по многим причинам жители индийских анклавов в Бангладеш имеют более низкие стандарты жизни, чем жители окружающих территорий. Не могут они достичь стандарта жизни и основной части Индии, так как экономически привязаны к Бангладеш. Более того, им часто приходится продавать сельскохозяйственную продукцию по более низким ценам вследствие издержек анклавного статуса.

Экономические трудности вместе с сугубо анклавными проблемами отсутствия доступа могут привести к тяжелым социальным последствиям. Так как с экономической точки зрения анклавы предоставляют гораздо меньше возможностей и являются более слабыми по сравнению как с материнским, так и с окружающим государством, определенный процент населения переезжает в основную часть страны, чтобы получить жилье и работу. Особенно это касается мужчин — более мобильной части населения. В результате нарушается соотношение между полами. Так, в Карале 1500 женщин при общей численности населения 2500 человек. Жительницы анклавов не могут найти ни работы, ни мужей. Мужчины извне настаивают на большом приданом, компенсирующем проживание в неблагоприятной местности. В результате женщины из анклавов либо остаются незамужними, либо становятся вторыми женами (Whyte 2002, 2-е изд., прил., 4–5).

Строительство коридора Тин Бигха в некоторой степени облегчило жизнь населения крупнейшего эксклава Бангладеш, Дахаграм-Ангарпота. Теперь фермеры могут получить ссуды под урожай, технику, а также поддержку таких организаций, как Международный центр улучшения сортов пшеницы и кукурузы. Но коридор является и источником проблем. В 2004 году Индия отказалась разрешить строительство как воздушных, так и подземных линий электропередач через коридор в анклав. Без электроэнергетики остались 10 тыс. человек. Ни в одном из других анклавов также нет электричества. Нередко линии электропередач, принадлежащие окружающему государству, проходят прямо через анклав по кратчайшему пути от одного места в окружающей стране до другого, но для анклавов это ничего не меняет. Отсутствие электроэнергетики влечет за собой тяжелые последствия для

экономики и социальной сферы. В анклавах нет телефонной связи. Отсутствие снабжения электроэнергией приводит к крайне низкой эффективности сельского хозяйства и абсолютной невозможности развития любой промышленности. Социальное развитие также сильно страдает. В 1995 году в Дахаграме была построена больница на десять коек; однако в 1997 году она пострадала от кризиса финансирования и с тех пор так и не возобновила работу.

Наблюдались также косвенные отрицательные последствия строительства коридора для жителей анклава. Индийская полиция начала часто патрулировать границу анклава, что сделало доступ к ближайшему рынку в Индии невозможным. До 1992 года жители Дахаграм имели разрешение, позволяющее им посещать ближайший индийский город Мехлихандж, где они могли купить до 5 кг продуктов питания и других товаров. После июня 1992 года это право не действует.

Другие анклавы находятся в еще более прискорбном состоянии. Открытие коридора Тин Бигха усилило враждебность населения. Через два месяца после этого события 67 жителей безымянного анклава были убиты, а их дома сожжены бангладешцами. Выжившие сбежали в основную часть Индии, оставшись без гроша в кармане и без земли (Whyte 2002, 148).

Условия, сложившиеся вследствие отсутствия управления и окончательной демаркации границы, вынуждают жителей анклавов и окружающих регионов справляться с проблемами самостоятельно или адаптироваться к ним. Небольшой размер территории анклавов и небольшая численность их населения часто приводит к тому, что они остаются «незаметными». Будучи де-юре частью другого государства, анклав интегрируется в рынок и социальные структуры соседнего региона. Например, анклав Бангладеш Дха-бальсати Миргипур площадью 0,7 км (данных о численности населения нет) лежит в непосредственной близости от индийского городка Мехлихандж. Жители анклава имеют свободный доступ к индийскому рынку, больницам, почтам и школам. Во многих других случаях жители анклавов имеют возможность посылать своих детей в школы окружающего государства (так как в анклавах по обеим сторонам границы, за исключением Дахаграм-Ангартота, школ нет). В целом, это не приветствуется, но жители привыкают к такому положению дел. Однако в таких условиях возможность посещать школу может исчезнуть в любой момент.

Анклавы — большой вопрос как для Индии, так и для Бангладеш, что мешает осуществлению значительного прогресса по

проблеме доступа и пограничного сотрудничества. Единственное исключение — сооружение коридора Тин Бигха. От подписания договора до его открытия прошло двадцать лет, оно сопровождалось сильным сопротивлением населения и стоило многих жизней. Положение дел в анклавах препятствует развитию любой экономической деятельности, кроме сельскохозяйственной. Однако и фермеры испытывают серьезные проблемы. Вследствие того, что зачастую они не могут добраться до рынков, им приходится прибегать к помощи посредников и довольствоваться продажей своего урожая по более низким ценам. Причины такого положения в анклавах имеют двусторонний характер. Во-первых, что типично для подобных территорий, это следствия изолированности и отделенности. Во-вторых, национальное правительство не предпринимает должных мер для преодоления такого положения. Это можно объяснить несколькими факторами: «чувствительностью» пограничных проблем как для Индии, так и для Бангладеш; небольшим размером анклавов, а также фактом, что они не имеют политического представительства на уровне национальной политики; нестабильностью двусторонних отношений между государствами.

Несмотря на некоторые улучшения в отношениях между Индией и Бангладеш, наступивших в 1990-е годы, анклавы Куч Бехара до сих пор являются «не столько местом проживания, сколько злой судьбой» (Whyte 2005, 436).

Полуанклавы на побережье Китая

Общий обзор

В ходе исследования бывших полуанклавов на побережье Китая следует ответить на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, почему все они перестали существовать? И во-вторых, почему Гонконг и Макао прекратили свое существование только в 1990-х годах (в 1997 и 1999 соответственно), в то время как другие были возвращены Китаю в 1940-е годы и ранее?

Ведущие нации мира имели множество законных форм представительства в Китае: порты, открытые по договору для внешней торговли, международные концессии и колонии. Решающим фактором для признания территории анклавом служит ответ на вопрос о том, находилась ли территория под суверенитетом Китая или другого государства. Официальных полуанклавов, принадлежавшие различным государствам, существовало в об-

щей сложности шесть: Гонконг, Кванг-Чоу-Ванг, Квантунг, Макао, Чингдао и Вейхайвей. Их следует отличать от свободных портов, где иностранцам было разрешено торговать и вести бизнес. В 1920 году имелось 49 таких городов (Abbey 2005). Были также и другие типы городов, где иностранцам было разрешено владеть собственностью или арендовать ее, а также вести бизнес.

Таблица 6.2. Полуанклавы на побережье Китая

Полуан-клав	Период существования	Площадь, км ²	Население, тыс. человек	Основная функция	Материнское государство
Гонконг	1841–1997	1102	7 (1841) 6,5 (1997)	Порт, торговая и военная	Великобритания
Коулун	1842–1997 (1993)	0,026	0,7 (1898), 50 (1980-е)	Жилой район, сфера услуг	Китай
Кванг-Чоу-Ванг	1898–1949	780	> 100 тыс.	Военная, торговая	Франция
Квантунг	1895–1945		100 тыс. японцев, значительно больше китайцев	Военная, торговая	(Россия 1895–1905) Япония 1905–1945
Макао	1557–1999	25,4	429 (1998)	Торговля, порт, игровой бизнес	Португалия
Чингдао	1897–1945		> 100 тыс.	Военная	Германия 1897–1914, Япония 1914–1922; 1930–1945
Вейхайвей	1898–1930			Торговля, порт; первоначально: военная	Великобритания

Кванг-Чоу-Ванг — небольшая территория на южном побережье Китая в провинции Гуандун, аннексированная Францией в 1898 году. Приобретая ее, Франция ставила целью найти противовес растущей силе Гонконга и Макао. Кванг-Чоу-Ванг площадью в 780 км², расположенный в устье реки Ма-Цзы, включал в себя город Ли Чоу, служивший столицей данной территории, а

также ряд островов, находящихся недалеко от материка. Вслед за аннексией между Францией и Китаем был подписан договор об аренде территории на 99 лет. В январе 1900 года Кванг-Чоу-Ванг перешел под власть генерал-губернатора Индокитая. Территория была возвращена Китаю в 1949 году после победы коммунистов в гражданской войне.

Чингдао стал концессией Германии в 1897 году в результате захвата. Он использовался как немецкая морская база на Дальнем Востоке и для расширения влияния Германии над всей провинцией Шандонг. Япония оккупировала анклав в 1914 году после объявления войны Германии. В 1922 году город перешел под управление Гоминьдана. В 1930 году он стал особой административной зоной. В 1938 году Япония снова оккупировала Чингдао, исполняя часть своих планов по территориальной экспансии вдоль побережья Китая. После Второй мировой войны Гомиьдан отдал Чингдао под штаб-квартиру Западного Тихоокеанского флота ВМС США. Второго июня 1949 года в Чингдао вошла китайская Красная Армия.

Квантунг — южная часть полуострова Ляодун — был арендован Россией в 1895 году (современные Далянь и Люшунь; российские Дальний и Порт-Артур соответственно). Оба порта были построены в качестве военных и торговых баз. Вследствие заключения Портсмутского мира 1905 года, подписанного по окончании русско-японской войны 1904–1905 годов, аренда Квантунга перешла от России к Японии. К 1930 году в городе проживало примерно 100 тыс. японцев. В 1932 году Япония согласовала передачу суверенитета над арендованной территорией от Китая к марионеточному маньчжурскому государству, с которым ею был подписан договор аренды. Япония сохраняла власть над этой территорией вплоть до поражения во Второй мировой войне в 1945 году.

Вейхайвей (площадь — 740 км²) являлся территорией, арендуемой Великобританией с 1898 по 1930 год. В 1898 году Великобритания заключила договор аренды прибрежного региона Вейхайвей в китайской провинции Шаньтун (теперь — Шандонг) на период в 25 лет (позднее он был продлен до 32 лет). На арендованной территории находились город Вейхайвей (теперь Вейхай), остров Люкунь, а также небольшие острова. Полуанклав был разделен на две зоны: город Вейхайвей, управляемый совместной британско-китайской администрацией, и остальная часть территории, находящаяся исключительно под управлением Великобритании. Первоначально она планировала сделать Вейхайвей

основной базой ВМС, и потому он управлялся военной администрацией. Позднее от этой идеи отказались, так как место расположения оказалось неподходящим, и в 1901 году территория была передана в руки гражданской администрации.

Гонконг

Почему Гонконг и Макао в конце 1990-х годов вошли в состав Китая, и почему Китай не настоял на этом раньше? Необходимо рассмотреть проблему с точки зрения структуры треугольника МАО. В целом «положение Гонконга зависело от системы неофициальных отношений между Великобританией и Китаем, Великобританией и населением Гонконга, а также населением Гонконга и Китаем. Из всех вышеперечисленных взаимоотношения Великобритании и Китая являлись наиболее важными, так как остальные вытекали из них» (Yehuda 1996, 44). В этой цитате четко очерчен треугольник МАО. Йехуда указывает, что вектор «материнское государство — окружающее государство» являлся ключевым, то есть взаимоотношения Великобритании и Китая играли определяющую роль в процветании Гонконга на протяжении всего его существования.

Что касается взаимоотношений «материнское государство — анклав», Йехуда определяет их как разновидность общественного договора. Великобритания, точнее британская администрация, не допускала коммунистического вмешательства и обеспечивала развитие стабильной и свободной экономики. Китайское население Гонконга, в свою очередь, не должно было оспаривать власть правительства (Yehuda 1996, 49).

В самом начале англо-китайских переговоров относительно Гонконга подавляющее большинство населения анклава предпочло оставаться под властью Великобритании (85% в 1982 году в сравнении с 4% в пользу Китая, хотя это меньшинство и было крайне шумным, особенно среди студентов). Коренные изменения произошли несколько лет спустя, когда был готов проект соглашения. В Гонконге не было ни референдума, так как этому противостояло правительство Китая, ни всенародно избранного представительного органа, который мог бы ратифицировать соглашение. Точка зрения жителей узнавалась опосредованно путем опросов общественного мнения, проходивших после массового распространения официального издания проекта соглашения. Опросы выявили широкую поддержку передачи власти Китаю: 79% согласились, что суверенитет должен перейти к Китаю, и

77% были уверены в том, что соглашение лучше всего отражает сложившуюся обстановку (Welsh 1997, 509, 516).

Концепция «одна страна — две системы» была создана для Гонконга, но с прицелом на Макао и Тайвань. Этот фактор сыграл свою роль в убеждении Великобритании в том, что Китай не будет нарушать режим Особой административной зоны Гонконга, чтобы сохранить открытым путь к схожему решению тайваньской проблемы.

Китай никогда не позволял Гонконгу независимое участие в китайско-британских переговорах в качестве третьей стороны. Любые попытки Великобритании включить жителей Гонконга в процесс переговоров немедленно отклонялись китайской стороной как неприемлемый «трехногий табурет» (Yehuda 1966, 14).

Главной причиной перехода Гонконга и Макао под власть Китая послужило национальное единство населения анклава с окружающим государством, то есть с КНР. В обоих анклавах доля китайского населения составляла около 95%. В первые послевоенные десятилетия китайское население Гонконга не воспринимало его как родное государство, считая «большой» Китай своей отчизной. Ситуация начала меняться в 1970–1980-х годах, когда выросли дети иммигрантов, для которых Гонконг был единственной родиной. Это поколение образовало средний класс квалифицированных специалистов. Наряду с высоким уровнем образования в соответствии с британским стандартом обучения и постоянно растущим доходом это послужило началом процесса формирования новой нации — или, по крайней мере, общности, — «гонконгцев». С точки зрения ментальности, выбранный момент передачи власти был наиболее благоприятным как для Китая, так и для Великобритании. Еще два-три десятилетия, и процесс формирования новой нации был бы наверняка завершен. Забыв о своем происхождении, эти люди уже вряд ли отождествляли бы себя с населением континентального Китая, что превратило бы их в истинную третью сторону в треугольнике МАО. По сути, игнорирование населения Гонконга при переговорах стало проблематичным уже в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда в Гонконге начал свою работу полудемократический Законодательный Совет. Заключение соглашения было отложено, и в конце концов пришлось подписывать другое соглашение между Великобританией и КНР в 1995 году. Обе стороны, даже Китай, признали Гонконг как формирующуюся третью сторону переговоров. Это было первым знаком превращения Гонконга в полноправную третью вершину

треугольника МАО (Великобритания — Гонконг — КНР). Китайско-британские переговоры по вопросам управления Гонконгом ускорили формирование нового сообщества. В результате выборов, проведенных в 1982 году, более 60% коренного населения Гонконга определили себя как «китайцы» и только треть всех проголосовавших назвала себя «гонконгцами». Уже в 1988 году меньше трети определили свою нацию как «китайскую» и около двух третей заявили о своей принадлежности к нации Гонконга (Lau, Kuan 1988, 178–187).

Другим важным элементом, обусловившим мирную и сравнительно спокойную передачу суверенитета, было то, что Великобритания не прилагала особых усилий к удержанию Гонконга³⁸. В самом начале колониальной истории Гонконга британцы были бы счастливы продать его или обменять на любую другую колонию на побережье, более подходящую для создания торгово-промышленной базы. Впоследствии, после окончания Первой мировой войны, многие высокопоставленные чиновники Министерства иностранных дел рассматривали Гонконг как препятствие установлению хороших отношений с Китаем и настаивали на том, что колония должна вернуться под его суверенитет (Welsh 1993, 6). Эта история снова повторилась после окончания Второй мировой войны.

Таким образом, тот факт, что население анклава было преимущественно китайским (следовательно, совпадало по национальному составу с Китаем, а не с Великобританией), стал основополагающей причиной того, что Гонконг, также как Макао и другие полуанклавы, в конце концов был возвращен Китаю. Таким образом, на мирный и относительно спокойный процесс передачи власти повлияло несколько факторов. Во-первых, относительная сбалансированность власти и невозможность настроить Гонконг и Макао против власти КНР. Во-вторых, согласие китайцев на пятидесятилетний переходный период. В-третьих, нежелание как Великобритании, так и Португалии продолжать владеть бывшими колониями.

³⁸ Несмотря на определенное чувство привязанности и ответственности. Джереми Хенли, младший министр в кабинете Джона Мейджора, высказался следующим образом в ходе парламентских дебатов 14 ноября 1996 года: «Я люблю Гонконг. Палата представителей любит Гонконг. Мы всегда будем любить Гонконг и заботиться о нем» (цитируется в Welsh 1997, 560). Пафос этого заявления несколько смазывается тем фактом, что дебаты состоялись за семь с половиной месяцев до передачи суверенитета Китаю.

Разнообразные политические факторы помогают объяснить, почему другие полуанклавы были еще в 1930-е годы или сразу после окончания Второй мировой войны возвращены Китаю. Квантунг и Чингдао вернулись потому, что Япония проиграла Вторую мировую войну. Кванг-Чоу-Ванг потерял статус анклава, так как Франция избавлялась от своей колониальной империи и в любом случае была слишком слабой для того, чтобы сохранять ее.

Коулун

Коулун (Kowloon Walled City) — крошечный эксклав Китая в центре британского Гонконга. Знаменитый исторический объект, Коулун жил собственной яркой жизнью до тех пор, пока в 1993 году его не снесли. После передачи острова Гонконг под власть Великобритании в 1842 году китайские власти посчитали необходимым установить военно-административный пост, чтобы поддерживать контроль над своей территорией. По Пекинской Конвенции 1898 года (содержавшей дополнительные положения по передаче Гонконга Британии на 99 лет) «Огороженный город» был исключен из территории, передаваемой в аренду Британии. Численность его населения составляла около 700 человек. В договоре также говорилось о том, что Китай сможет держать там свои войска при условии, что они не будут вмешиваться в дела временного правительства Великобритании. Великобритания сразу же отказалась от выполнения обязательств, прописанных в неофициальном параграфе соглашения, и напала на Коулун в 1899 году, но город оказался безлюдным. Легальная сторона вопроса о принадлежности Коулуна повисла в воздухе. Формально он остался китайской территорией внутри Гонконга, представляя собой, таким образом, анклав второго порядка.

До 1940 года «Огороженный город» был аномалией и местом паломничества туристов, где британцы и путешественники могли почувствовать «вкус старого Китая». Когда во время Второй мировой войны Гонконг оккупировала Япония, людей из города выселили, а затем разрушили его основную часть — и стену в том числе — чтобы получить строительные материалы для возводимого неподалеку аэродрома. После войны Коулун населили новые жители, которым пришлось противостоять нескольким попыткам Великобритании выселить их. «Огороженный город» стал раем для преступности и курильщиков опиума, так как полиция Гонконга не имела права входить в него (а материнское государство Китай отказалось обеспечивать там правопорядок).

Образование Китайской Народной Республики в 1949 году добавило к населению Коулуна тысячи беженцев. Город управлялся Триадами до середины 1970-х годов; справиться с ними удалось только в результате проведения трех тысяч полицейских рейдов в 1973–1974 годах.

Коулун застраивался подобно живому организму, здания переходили одно в другое, дороги образовывали лабиринты в монолите соединенных зданий, а некоторые проходили по их верхним этажам. Правил было всего два: электричество должно было быть подведено так, чтобы избежать пожара, и нельзя было строить здания выше, чем в сорок этажей, потому что вблизи находился аэропорт.

Всего восемь муниципальных трубопроводов снабжали водой весь город (часть воды поступала из колодцев). К началу 1980-х годов численность населения Коулуна по приблизительным оценкам составляла 35 тыс. человек, а к 1993 году — 50 тыс. Официальной переписи населения никогда не проводилось³⁹.

Двустороннее решение Великобритании и Китая о сносе «Огороженного города» было принято в 1987 году. На тот момент в нем на территории в 0,026 км² проживало 50 тыс. человек. Как утверждают, город являлся самой плотно населенной точкой планеты. Сейчас на этом месте красивый парк.

Макао

Таблица 6.3. Численность населения послевоенного Макао, тыс. человек

	1950	1960	1970	1980	1990	1998
Макао	205,4	186,1	261,4	255,8	351,8	429,2

Макао столетиями находился под властью Португалии⁴⁰. Соглашение, заключенное с Китаем в 1887 году, формально закрепляло власть над этой территорией за Португалией. Китай объявил этот договор недействительным спустя 40 лет, в 1928 году. С этого момента и далее позиция Китая осталась прежней: Макао является частью Китая и должен вернуться под его крыло. Однако факти-

³⁹ http://en.wikipedia.org/wiki/Kowloon_Walled_City

⁴⁰ В этом отношении следует сделать небольшое замечание. Китайское название анклава — Ломынь. В тексте работы я постоянно использую название Макао, так как анклав получил общую известность именно под этим именем. В широком смысле к маканезцам (Macanese) относятся все постоянные жители Макао. В узком смысле — это этническая группа, произошедшая от португальцев, обычно с примесью китайской крови.

ческая политика не была такой прямолинейной. Несмотря на то, что Китай поддерживал революционеров в Макао в ходе Культурной революции в 1966–1967 годах, он не хотел возвращать себе Макао. В 1974 году Португалия добровольно предложила передать Макао КНР, но даже тогда КНР не дала на это согласия, так как Макао под властью Португалии экономически был более выгоден Китаю. Кроме того, Китай боялся начала реакции в Гонконге и на Тайване. Двусторонние переговоры по передаче Макао начались в 1979 году. Первоначально Макао был провозглашен «китайской территорией под управлением Португалии», а в 1999 году, двумя годами позже Гонконга, был передан КНР.

Китай всегда рассматривал Макао как часть китайской территории, управляемой Португалией. В ходе столетий Макао выплачивал Китаю арендную плату. Почему же полуанклав так долго оставался под суверенитетом Португалии? Вот лишь несколько причин тому:

- Первоначально основной причиной являлось экономическое значение Макао. Оно значительно ослабло к XIX веку, но вновь стало играть важную роль для КНР в 1960–1970-х годах.

- В течение XIX века Китай был слишком слабым по сравнению с колониальными империями Европы. На побережье Китая возникли и другие европейские полуанклавы.

- Гонконг был гораздо важнее для Китая, чем Макао. Так как Китай, особенно после 1945 года, был заинтересован в экономической стабильности Гонконга, он не хотел создавать неопределенность, которая неизбежно бы возникла после передачи Макао КНР.

В то же время Макао сильно зависел от Китая в плане выживания и экономического благосостояния. Окружающее государство имело мощные инструменты, с помощью которых оно легко могло оказать давление на анклав. Китай всегда отдавал себе в этом отчет. В начале XVII века официальный правитель смежной провинции заявил: «Население Макао зависит от нас в пропитании. Если у них появится хоть какой-либо злой умысел, мы сможем тут же приставить нож к их глоткам» (Ptak, Haberzettl 1990, 13). Зависимость Макао от Китая была многосторонней:

1. Электроэнергия. С 1982 года Макао зависел от поставок электроэнергии из КНР. Объем электроэнергии, поставляемой из Китая, составлял 25–30% энергопотребления в 1990-е годы.

2. Вода. Ввоз водопроводной воды начался в 1960 году и в 1980–1990 годах составлял примерно 50% потребления.

3. Снабжение продуктами питания. Несмотря на то, что Китай являлся только четвертым по важности торговым партнером Макао (после ЕС, Гонконга и США), он был главным источником продуктов питания.

4. Азартные игры. История азартных игр и казино удивительным образом зависела от политики, проводимой в основной части Китая. В 1966 году вследствие Культурной революции в Китае индустрия азартных игр в Макао вступила в эпоху кризиса. С другой стороны, индустрия получила крупные доходы в начале 1980-х годов вследствие постепенного открытия КНР, так как наблюдался рост количества туристов, как посещавших Макао в связи с путешествием в Китай, так и путешествовавших с целью бизнеса (Ptak, Haberzettl 1990, 94).

«Республика Ширгисвальде»

С 1635 по 1845 годы Ширгисвальде являлся анклавом Австрии в Саксонии. Он был одним из множества средневековых анклавов, существовавших в Западной Европе. Я бы не уделил Ширгисвальде столько внимания, если бы его история с 1809 по 1845 годы не была бы столь знаменательной. Основным источником данного описания Ширгисвальде является диссертация Вивега (Vieweg 1999)⁴¹.

Ширгисвальде и пять небольших анклавов вокруг него возникли в 1635 году при заключении Пражского мирного договора, в соответствии с которым Обер- и Нидерлаузиц были переданы Саксонии императором Австрии Фердинандом II. Несмотря на это, некоторые анклавы были сохранены вследствие своей религиозной общности с Австрией. В отличие от саксонцев (которые в большинстве своем были протестантами), их жители оставались католиками. Такое территориальное решение было обычным для того времени, особенно в Германии. Венский мирный договор, заключенный 14 октября 1809 года, был призван разрешить эти проблемы, что предопределило передачу анклавов от Австрии к Саксонии. Передача касалась анклавов Гюнтерсдорф, Герлахсхайм, Винкель, Таубентранке (в соглашении упоминается как Таубентраубе), Нойлейтерсдорф (в соглашении упоминается как

⁴¹ Это захватывающее диссертационное исследование было написано восьмидесятилетним человеком. Рольф Вивег намеревался заняться наукой в юности, но не смог исполнить свою мечту вследствие начала Второй мировой войны. Данная диссертация могла быть написана пятьюдесятью годами ранее.

Ленкерсдорф) и Ширгисвальде — крупнейшего из них. Сразу же после заключения договора Австрия символически передала Ширгисвальде Саксонии. Однако фактической передачи не произошло, потому что она зависела от окончательного решения, которое еще предстояло принять по всем касающимся территориям. «Междущарствие» продолжалось тридцать шесть лет. Одной из причин промедления были ошибки, допущенные в договоре относительно названий анклавированных деревень.

Не меньшее значение имела незаинтересованность Австрии в окончательном урегулировании проблемы. Австрия настаивала на недостаточности только обмена землями и требовала адекватной компенсации за ценную территорию. В итоге теперь уже Саксония была заинтересована закончить обмен землями и избавиться от анклавов. Австрия уже забыла об анклавах вследствие практических причин, Саксония также не заботилась о правопорядке в них, так что они оказались предоставленными самим себе.

Тридцать шесть лет самоуправления не могли пройти без экономических и политических последствий для Ширгисвальде и небольших деревень, прилежащих к нему. Вивег отмечает, что в то время де-факто Ширгисвальде являлся независимой республикой (Vieweg 1999, 157–160). Жители сообщества избирали совет из двадцати человек, которые, в свою очередь, избирали своего председателя. В компетенцию совета входили практически все сферы жизни города, включая заключение соглашений с Саксонией. Более того, совет учредил суд, который принимал решения в соответствии с порядками прихода Св. Петра в Будиссене (современный Баутцен, Саксония), к которому принадлежал Ширгисвальде. Таким образом, решения, выносимые судом, регулировались саксонским законодательством. Тем не менее вследствие отсутствия правового принуждения жители Ширгисвальде сами выбирали масштаб применения законов. Такой гибкий подход способствовал, например, процветанию контрабанды. Кроме того, анклав превратился в убежище для разбойников. Несмотря на это, сам Ширгисвальде был достаточно безопасным, так как разбойники предпочитали «не сорить в собственном гнезде».

С экономической точки зрения эти тридцать шесть лет характеризовались колебаниями от процветания до экономического кризиса вследствие внешних причин, ни в малейшей степени не зависевших от анклава или его жителей. В течение первого периода, длившегося с 1809 по 1834 годы, жители анклава были изобретательны в получении экономической выгоды от анклав-

ного статуса. Во-первых, они платили только местные налоги, а государственных не платили вовсе, так как было неясно, кому они должны их платить и никто их к этому не принуждал. Во-вторых, Ширгисвальде был освобожден от обязанности поставлять рекрутов в какое-либо государство. Более того, его жители подрабатывали, пряча молодых людей из близлежащих саксонских деревень и городов, чтобы они избежали призыва. В-третьих, Ширгисвальде служил основным местом реализации билетов богемского лото, очень популярного, хотя и запрещенного среди саксонцев и пруссаков. В-четвертых, жители анклавов на широкую ногу занимались контрабандой. В Ширгисвальде товары могли поставляться без уплаты таможенных пошлин. Затем они переправлялись в другое государство через леса, окружавшие город. Ни одного саксонского таможенного поста вокруг анклава не существовало с момента его «официальной» передачи. Контрабанда разрасталась в обоих направлениях, но по большей части из Саксонии в Австрию, находившуюся всего в трех километрах от Ширгисвальде. Ввозимые товары, иронически называемые «*Transitgut*» (транзитные товары), хранились в деревне с прибытия до дальнейшей транспортировки через лес в пункт их назначения. Дома, дворы, городские рынки создавали впечатление торговой ярмарки. Вследствие такого жизнерадостного и процветающего вида люди прозвали деревню «*Klein-Leipzig*» (Малый Лейпциг): последний был крупнейшим торгово-ярмарочным городом в регионе.

В 1834 году этот славный период несколько незаконного процветания неожиданно закончился. Так как Саксония стала членом Немецкого таможенного союза, связи с Австрией (которой она принадлежала ранее) были разорваны. Таможенный контроль на границе стал гораздо жестче. Несколько контрабандистов были застрелены пограничниками. Чтобы избежать ситуации полной экономической изоляции как от Саксонии, так и от Австрии, совет Ширгисвальде официально подал прошение Саксонии о присоединении анклава к саксонскому таможенному союзу. Это соглашение было заключено 1 января 1835 года. Экономике анклава пришлось переориентировать на Саксонию и Пруссию. Времена процветания закончились, и начался новый период экономического кризиса, причем состояние дел в пяти небольших анклавных деревнях, которые не смогли присоединиться к таможенному союзу, было еще хуже, чем в Ширгисвальде. Ситуация стала критической, так как теперь эти деревни оказались полностью окруженными границами с таможенными постами. Кроме

фермерства, основным ремеслом в деревнях было ткачество для саксонских фабрикантов и торговцев. С наложением пошлин ткачество сразу же стало экономически невыгодным. Анклавные деревни неоднократно подавали петиции по этому вопросу саксонскому правительству, но проблема была разрешена только через девять лет, когда все анклавы перешли под власть Саксонии.

Восточная Пруссия как эксклав Германии в 1920–1939 годах

Калининградская область — российский эксклав с 1991 года — имела предшественника в лице Восточной Пруссии, находившейся на той же территории и являвшейся эксклавом Германии с 1920 по 1939 годы. Несмотря на то, что оба эксклава принадлежали к разным государствам и их разделяет более чем пятьдесят лет, у них очень много общего в сфере экономических отношений с материнским государством. Пример Восточной Пруссии показывает врожденные эксклавные издержки безотносительно к тому, каким материнским государством эксклав управляется и в какую историческую эпоху он существует.

В одном из «четырнадцати пунктов» Вудро Вильсона говорилось о создании независимого польского государства путем объединения всех регионов с преобладанием польского населения. Будущее государство обеспечивалось выходом к Балтийскому морю. Версальский договор был подписан 4 октября 1919 года и вступил в силу 10 января 1920 года.

Согласно договору, территория Восточной Пруссии сокращалась до 40 тыс. км² с населением в 2,3 млн человек. Территория Польского коридора составляла 16 тыс. км², на которых проживал 1 млн жителей. В то время как коридор предоставлял Польше выход к Балтийскому морю, он создал проблему транзита между Восточной Пруссией и остальной частью Германии. Передвижение товаров и людей между материнским государством и эксклавом было затруднено. Точно так же, как в случае Западного Берлина, поезда могли использоваться только для транзита. В целях закрепления их исключительно транзитного использования вагоны опечатывались таможенными службами.

Глубокая озабоченность жителей Восточной Пруссии будущим своей страны побудила их с энтузиазмом проголосовать за национал-социалистов в 1933 году. Оказавшись отделенными от материнского государства Польским коридором, они имели причины волноваться и проголосовали за партию Гитлера в надежде

на большую безопасность. Действительность превзошла самые худшие опасения. В 1945 году население Восточной Пруссии потеряло родную землю. Многие погибли, а те, кто выжил, превратились в беженцев, ищущих пристанища.

Как утверждает Бокман (Voockmann 1992, 403), качественно и количественно установить пределы ограничений и экономических трудностей, вытекающих из анклавного положения Восточной Пруссии, очень сложно. С одной стороны, статистика и многочисленные памфлеты из исторических архивов представляют ситуацию 1920-х годов в мрачных тонах. С другой стороны, следует учесть, что подобная интерпретация статистики стала одним из инструментов, используемых Восточной Пруссией для того, чтобы подтолкнуть материнское государство на более крупные субсидии. Рассмотрим надежные данные, показывающие экономическое положение Восточной Пруссии по сравнению с другими регионами Германии.

Таблица 6.4. Доходы на душу населения, в процентах к среднему уровню по Германии⁴²

Регион	1913	1928	1936	1913–1936
<i>Восток в целом:</i>	101	102	102	+1
Берлин-Бранденбург	138	132	136	-2
Померания	75	78	82	+7
Восточная Пруссия	64	69	73	+9
Познань/Западная Пруссия	62	71	66	+4
Силезия	79	84	76	-3
<i>Другие регионы:</i>				
Саксония	117	120	108	-9
Вестфалия	96	91	89	-7
Шлезвиг-Гольштейн	100	98	101	+1

Восточная Пруссия всегда являлась одной из наименее развитых германских провинций. Она сохранила такое же положение в 1920–1930-е годы. Уровень доходов ее жителей был значительно ниже аналогичного показателя в Германии, находясь в пределах от 64 до 73%. Только один регион, Западная Пруссия, был на таком же низком уровне. Значительный разрыв в показателях указывает на то, что Восточная Пруссия являлась периферийной

⁴² Источник: Petzina D. (ed.) (1978) Sozialgeschichtliches Arbeitbuch 3, 79. Цит. по Voockmann (1992, 404).

провинцией не только в географическом, но и в экономическом плане. В то же время, несмотря на то, что доходы на душу населения Восточной Пруссии находились на более низком уровне по сравнению с Германией, за два десятилетия эксклавности ситуация не только не ухудшилась, а даже наоборот, несколько улучшилась. Регион показал самый высокий уровень относительного роста среди всех регионов Германии, поднявшись с отметки в 64% в 1913 году до 69% в 1928 году и 73% в конце 1936 года.

Экономическое развитие Восточной Пруссии в 1919–1939 году определили шесть важных внешних обстоятельств.

1. Изменения в общеевропейской экономической ситуации после Первой мировой войны. Для Восточной Пруссии это выразилось в разрушении традиционных торговых связей и потере России как крупнейшего внешнеторгового партнера.

2. Территориальные потери Германии, включая Познань и Западную Пруссию, привели к потере ряда важных для Восточной Пруссии рынков.

3. Отделение Польским коридором от материнского государства вызвало дополнительные издержки на транзит.

4. Материнским государством осуществлялась программа помощи Восточной Пруссии (*Ostpreußenprogramm*).

5. Мировой экономической кризис 1929–1933 годов.

6. Правление национал-социалистов с 1933 года.

Только два из этих шести факторов, а именно отделение от материнского государства и программа помощи, были сугубо эксклавными. Первый из них, то есть отделение Польским коридором от основной территории Германии, осложнил экономическое взаимодействие эксклава с другими германскими регионами. Вторым специфически анклавным фактором являлась программа помощи, принятая с целью компенсировать эксклавность Восточной Пруссии и ликвидировать ее отставание от общегерманского уровня.

Программа помощи Восточной Пруссии вступила в действие в 1922 году. В следующие десять лет она была нацелена на поддержку промышленности и поощрение торговли. Серьезной проблемой оставалось также сельское хозяйство, ставшее неконкурентоспособным вследствие оторванности провинции от Германии и потери основных рынков. Вплоть до Первой мировой войны Восточная Пруссия была преимущественно аграрной провинцией, хотя развитие промышленности стремительно набирало обороты в последние десятилетия перед 1914 годом, по большей

части благодаря быстрому развитию транспортной инфраструктуры и торговле между Востоком (Российской империей) и Западом (Европой). Восточная Пруссия считалась житницей Германии, хотя эта характеристика сильно преувеличивает объемы сельскохозяйственного производства (в действительности она поставляла на германские рынки около полумиллиона тонн зерна в год, что не так уж и много). Тем не менее, состояние и эффективность сельского хозяйства находились на высоком уровне. Даже после военных разрушений советские переселенцы, приехавшие в Пруссию в 1945 году и позднее, были поражены сложностью и высокой эффективностью дренажной системы.

В эпоху Третьего Рейха Восточная Пруссия играла незначительную экономическую роль. В 1936 году чистая стоимость ее продукции составила 350,2 млн немецких марок, или примерно 1,2% общего производства Германии. Экономика Восточной Пруссии не являлась экспортоориентированной: ее экспортные потоки за те же годы составили лишь 16,9 млн марок, или 0,4% суммы всего экспорта Германии. На экспорт, объем которого и так был небольшим, шла продукция в основном целлюлозно-бумажной отрасли — на 12,1 млн марок, что составляло 71,9% всех экспортных потоков из Восточной Пруссии. Какие же причины определили превалирующую ориентацию на внутренние рынки Германии, несмотря на более протяженные транспортные маршруты? С одной стороны, возрастающий протекционизм мировой экономики в 1920–1930-х годах не способствовал увеличению экспортных потоков. Помимо этого, бывший основной партнер Восточной Пруссии, Россия, переживал период экономического и торгового упадка. Кроме того, другой бывший важный рынок, Западная Пруссия и Познань, стал частью польской территории, что естественно привело к ухудшению торгового режима. С другой стороны, экономическая политика государства с обширной программой помощи и субсидий обеспечила экономические связи с материнским государством. Такие меры, как снижение грузовых и почтовых тарифов, ослабили негативное воздействие от отделения эксклава.

Таким образом, можно сделать вывод, что эксклавность Восточной Пруссии в 1919–1939 годах стала важным фактором экономического развития в сторону переориентации экономики, наряду с влиянием международной и внутренней политики, сформировав экономическую систему провинции на два межвоенных десятилетия.

Западный Берлин: все свободные люди мира как граждане анклава

Западным Берлином называлась западная часть Берлина с 1949 по 1990 год. Однако история существования анклава начинается с 1945 года, когда город был разделен на четыре оккупационные зоны. Западный Берлин состоял из американского, британского и французского союзнических секторов, где проживало приблизительно 2,2 млн человек. Советский сектор стал частью Восточной Германии.

Западный Берлин был окружен советским сектором и позднее ГДР. Поэтому он являлся полным анклавом, хотя имел особый международный статус. Общая длина границы вокруг Западного Берлина составляла 160,5 км, из них 45,9 — с Восточным Берлином, а 114,6 км — с землей Бранденбург.

Тринадцатого августа 1961 года правительство Восточной Германии закончило срочное строительство Берлинской стены, физически отделив Западный Берлин от Восточной Германии. Из Западного Берлина стало возможным ездить только в Западную Германию. Двадцать шестого июня 1963 года Западный Берлин посетил Джон Кеннеди и произнес публичную речь, фраза из которой «Я — берлинец» стала частью истории. Согласно Кеннеди, быть гражданином Берлина так же важно, как носить почетное звание. «Все свободные люди, где бы они не жили, — граждане Берлина, и, следовательно, будучи свободным человеком, я с гордостью произношу слова: „Я — берлинец!“» Западная и Восточная Германия объединились 3 октября 1990 года. Западный Берлин перестал быть анклавом.

Как только не называли Западный Берлин: «фронтовой город», «свободный город», «остров Берлин», «разделенный город», «город из четырех секторов», «политическая единица Западный Берлин», «города Берлин», «место происшествий», «сейсмограф»⁴³. Прозвища являются ярким примером общественного восприятия сложности политической ситуации внутри и вокруг анклава. Последнее из них — «сейсмограф» — имеет непосредственное отношение к уязвимости Западного Берлина и к его характерной особенности остро реагировать на возникновение малейшего напряжения в ходе Холодной войны.

⁴³ *Frontstadt, freie Stadt, Insel Berlin, geteilte Stadt, Viersektorenstadt, politische Einheit Westberlin, Schaufenster der freien Welt, Agentennest, die Städte Berlin, ein Ort für Zufälle, ein Horchposten für seismographische Veränderungen* (Hörning 1992, VIII).

Западный Берлин обладал особым политическим и экономическим статусом. Несмотря на то, что де-факто анклав являлся частью Западной Германии, он не рассматривался ни как федеральная земля (*Bundesland*), ни как ее часть. Конституция ФРГ как таковая не применялась там напрямую. Вместо этого город управлялся Сенатом Западного Берлина, власть которому была передана оккупационными силами. Законодательство ФРГ, принятое Бундестагом, не распространялось на анклав. Федеральные законы вступали в силу только после одобрения Берлинским парламентом (*Abgeordnetenhaus*). Вместо прямого выбора депутатов в федеральные органы представительной власти жители Западного Берлина имели не прямое представительство в Бундестаге и Бундесрате делегатами с правом совещательного голоса, выбранными Палатой представителей и Сенатом Западного Берлина.

Другими особенностями применения законодательства в анклав были освобождение мужского населения Западного Берлина от военной службы, запрет полетов компании «Люфтваганза» в город и существование почтовой администрации Западного Берлина, действовавшей автономно от западногерманской и выпускавшей свои собственные почтовые марки до 1990 года.

Экономические особенности Западного Берлина рассматриваются в гл. 9. В шестой главе мы ограничимся рассмотрением социальных и политических проблем.

«Невротическое» общество Западного Берлина

В Берлине, изолированном от ФРГ, «сформировалось невротическое общество» (Delius, Lapp 1999, 36). Уве Тимм, один из выдающихся немецких писателей «поколения шестьдесят восьмого года», охарактеризовал общество Западного Берлина устами одного из героев своих книг как «поселение аутсайдеров и других чудаков. Социальный биотоп за каменной стеной под охраной» (Timm 1998).

Основная причина этого — постоянное ощущение ненадежности и гнетущей угрозы со стороны враждебного окружения. Чувство «заключения» — как будто в тюрьме — стало дополнительным фактором. Так как Западный Берлин был городским анклавом почти без зеленого пространства, у населения отсутствовала возможность выезжать на природу. Особенно тяжело приходилось старшему поколению, тосковавшему по тем дням, когда можно было свободно выехать из города на выходные. Люди страдали от отсутствия свободы передвижения, от потери надлежащего ка-

чества жизни. Чтобы «попасть на природу», любителям кемпинга, проживавшим в Берлине, приходилось пересекать сотни километров по территории ГДР через один из коридоров (см. гл. 7 о коридорах, соединявших Западный Берлин с основной частью ФРГ).

При поездках в основную часть страны жители Берлина часто воспринимались не как равноправные жители бывшей столицы, а скорее как социальная, экономическая и политическая проблема. Это проявилось в таких общественных действиях, как, например, кампании продажи почтовых марок «Пожертвования для Берлина» (Hörning 1992, 93).

Анклавы вокруг и внутри Западного Берлина

Административно эти анклавы являлись частью Берлина с 1920 года. Они располагались на северо- и на юго-западе города. Так как в 1945 году Берлин был разделен между государствами союзников, небольшие участки территории автоматически перешли к трем западным секторам. Таким образом, данный процесс является классическим примером перехода субнациональных анклавов на международный уровень. Помимо Западного Берлина как такового, вблизи него существовало еще одиннадцать анклавов, окруженных территорией Восточной Германии:

1. Штайнштюкен (площадь — 12,67 га, численность населения — 500 человек в 1951 году, снизилась до 190 человек к началу 1970-х).

2. Финкенкруг (площадь — 3,45 га) в Фалькензее.

3–4. Фихтенвизе (площадь — 3,51 га) и Эрленгрунд (площадь — 0,51 га), расположенные всего в нескольких метрах от границы Западного Берлина. Там находилось около 35 дачных домиков и два футбольных поля, использовавшихся соскучившимися по природе жителями Берлина.

5. Вюсте Марк (площадь — 21,82 га).

6. Фалькенхагенер Ласцинсвизен (площадь — 45,44 га).

7. Шпандауэр Ласцинсвизен (площадь — 13,49 га). Оба Ласцинсвизена использовались в сельскохозяйственных целях.

8. Гроссе Кулаке (площадь — 8,03 га), болотистая территория.

9. Древитцер Нутгевизен (площадь — 3,64 га)

10–11. Анклавы Боттхерберг (общая площадь — 0,3 га)⁴⁴.

Особо интересным случаем является не упомянутый выше Айскеллер. Формально он не был полным анклавом, так как его связывала с Берлином тропа 800 м в длину и 3–4 м в ширину. Однако вследствие напряженности на границе Айскеллер имел схожие

⁴⁴ <http://www.arminweist.de/36020exe.htm>, последний просмотр 11. 2004.

черты с другими анклавами и столкнулся со многими из типично анклавных проблем. Кроме того, внутри Айскеллера находился анклав ГДР второго порядка, административно подчинявшийся Бранденбургу. Два обмена землями (в 1972 и 1988 году) устранили большую часть микроанклавов вокруг Западного Берлина. По первому обмену ФРГ заплатила ГДР 111 млн немецких марок в качестве компенсации за неравный обмен землями.

Таблица 6.5. Обмен землями между ГДР и ФРГ⁴⁵

Год	К ФРГ (Западный Берлин)	площадь	К ГДР	площадь
1972	Коридор в Штайнштюкен	2,3 га	Шесть участков земли в городе	15,6 га 111 млн немецких марок
	Северная часть кладбища Фронауэр Тойфельсбрух/ Айскеллер	4,1 га		
	Станция метро на Потсдамер-платц	10,7 га	Итого: Плюс денежная компенсация:	
	Итого:	10,0 га		
		27,1 га		
1988	14 участков земли	54,2 га	4 участка земли, включая остальные эксклавы, за исключением Штайнштюкена	87,3 га
	Итого:	96,7 га		

Штайнштюкен был самым известным анклавом из всех двенадцати. Доступ к нему осуществлялся только посредством дороги, принадлежавшей ГДР. Как только из Штайнштюкена вышла в 1951 году советская армия, туда вошла полиция ГДР. В официальном сообщении говорилось о том, что «Штайнштюкен включен в структуру города Потсдам, чтобы покончить с неестественным статусом этого поселения». Комендант США немедленно выступил с нотой протеста, и полиция была отозвана через пять дней. После строительства Стены, армия США символически разместила в Штайнштюкене трех человек, сменить которых приходилось вертолетом. Любые действия полиции или армии ГДР в отношении территории Штайнштюкена рассматривались как прямые вражеские действия против США. Этот пост был снят в 1972 году после того, как между ГДР и ФРГ было заключено транзитное соглашение⁴⁶. Параллельно с возведением стены в 1961 году

⁴⁵ Источник: Kupze (1999, 490–491).

⁴⁶ Исследованию данного анклава посвящена книга Габриэли Лич-Анспах (Leech-Anspach 1990).

Штайнштюкен также был огорожен непроходимой пограничной изгородью. Для жителей такая ситуация была психологически сложной. Они чувствовали себя растерянно и неуверенно, находясь во враждебном окружении. Более того, электричество и вода поставлялись из ГДР; следовательно, зависимость в вопросах жизнеобеспечения чувствовалась там даже более остро, чем в Западном Берлине. С другой стороны, жители анклава обнаружили и позитивную сторону своего странного положения: вследствие установления строгих пограничных постов и отсутствия связей с внешним миром за все годы изоляции в анклав не было зарегистрировано ни одного преступления (Meuer 2004). Соглашение 1972 года разрешило проблему изолированности Штайнштюкена. Анклав получил коридор, связавший его с Западным Берлином. Коридор составлял 1200 м в длину и 100 м в ширину. Создание коридора также позволило осуществлять поставки электричества и воды из Западного Берлина. Вернемся к Айскеллеру. Как помним, он был связан с Западным Берлином коридором. По-видимому, пограничники ГДР в те времена препятствовали проходу из Айскеллера в Берлин, и это, естественно, приводило к тому, что жители не могли чувствовать себя в безопасности. Когда двенадцатилетний мальчик однажды признался, что ему помешали пройти через коридор в школу, британские военные немедленно откликнулись на это и провозжали учеников в Западный Берлин в течение нескольких месяцев⁴⁷.

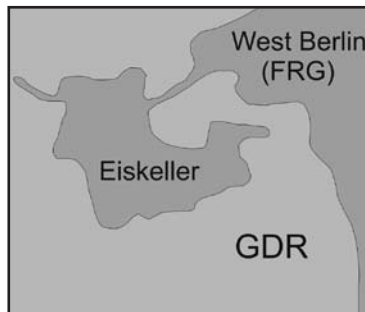

Рис. 6.5. Айскеллер и коридор в Западный Берлин

⁴⁷ Мальчик стал символом свободы. Однако через 33 года он дал интервью, в котором признался, что выдумал эту историю (Berliner Zeitung 09.05.1994. «Freiheits-Kind» enttarnt. Schulschwänzer gesteht nach 33 Jahren seinen Streich). См. фотографию, размещенную в дополнительных материалах к монографии на www.vinokurov.info/enclaves.htm

ГЛАВА 7. ПРОБЛЕМА ДОСТУПА

Проблема доступа

Проблема доступа имеет две стороны — доступ из анклава на основную территорию страны и наоборот. Эта проблема — одна из важнейших для нормального политического и экономического функционирования анклава. Она коренится в самой его природе, в оторванности от основной территории страны. Взаимодействие имеет три компонента: во-первых, передвижение товаров и услуг; во-вторых, передвижение людей; и, в-третьих, передвижение представителей государства, то есть чиновников, военнослужащих и полиции.

Как только анклав возникает, он сталкивается с проблемой физического сообщения с материнским государством. Если между материнским и окружающим государством подписаны соответствующие соглашения, то проблеме можно смягчить на ранней стадии. Однако когда анклав возникает в условиях напряженных отношений и военных конфликтов, проблема может с самого начала приобрести очень серьезный характер. Такой отрицательный фактор может серьезно помешать перспективе экономического и социального развития анклава.

Окусси-Амбено

Окусси-Амбено является эксклавом Восточного Тимора; он расположен с ним на одном острове, но отделен от основной части Восточного Тимора 70-ю километрами территории Индонезии. Окусси является крупным эксклавом в показателях как площади территории, так и численности населения: в нем проживает 50 тыс. человек на 27 тыс. км² площади. Получение Восточным Тимором независимости в 1999 году привело к высокой степени изоляции эксклава.

Образование международной границы в совокупности с сохранением серьезной напряженности в отношениях между Индонезией и Восточным Тимором послужили причиной перебоев в сообщении с материнским государством. Специальная комиссия ООН организовала воздушное и морское сообщение между анклавом и Восточным Тимором для перевозки товаров и людей. Однако оно было недоступно для рядовых граждан Восточного Тимора; более того, с уходом миротворческих сил в 2004 году оно и вовсе прекратилось. В июне 2002 года была открыта паромная линия, но она зависела от крупных и неустойчивых субсидий международных организаций. Путешествие до Дили, столицы Восточного Тимора, занимало 12 часов, паром курсировал два раза в неделю. Пассажирский билет экономкласса стоил 7 долларов (недельная зарплата), перевозка одной головы скота — 11 долларов. Скотоводство является основной отраслью местной экономики, и до того как Восточный Тимор получил независимость, крестьяне выгодно продавали свою продукцию. Однако после закрытия границы индонезийский рынок стал для них недоступен. Им приходится продавать скот либо в анклаве, примерно за 50 долларов, либо перевозить его в Дили, где они могут получить 100 долларов за голову.

Сухопутный доступ дешевле и удобнее. Он делал бы экономические транзакции более эффективными. Однако попытки развить его не принесли результатов.

Средства телекоммуникации также представляют собой проблему. Дорогая и недоступная широким кругам населения спутниковая телефонная связь является единственным средством коммуникации с внешним миром. Жители Окусси не имеют равного доступа к услугам и информации с жителями основной части страны, а отсутствие торговых связей препятствует экономическому развитию анклава. Он остается слаборазвитой территорией, в которой стандарты жизни ниже, чем в Восточном Тиморе, несмотря на то, что последний — одно из беднейших государств мира.

Существует ли разница в рамках проблемы доступа между различными видами анклавов? Уайт выступает со следующей идеей: «Значение позиции окружающего государства состоит в том, есть ли у анклава возможность осуществлять коммуникации с материнским государством, а также пользоваться экономическими и политическими правами. Если анклав окружен более чем одним государством, возможности для осуществления этих целей увеличиваются, а если анклав окружен только одним государством, то рассчитывать приходится лишь на его благосклонность. Относительная сила «своего» и «чужого» государства очень важна, но, при прочих равных условиях, сильное «свое» государство, анклав которого граничит с более слабым государством, имеет меньше сво-

боды в осуществлении доступа, чем слабое «свое» государство, анклав которого окружен двумя и более государствами» (Уайт 2002).

Это объяснение можно перефразировать следующим образом: при прочих равных условиях проблема доступа более актуальна для полных анклавов, окруженных только одним государством, чем для других типов анклавов, особенно для чистых эксклавов. Рассмотрим эту гипотезу на примере Калининградской области. Регион является чистым эксклавом между Польшей и Литвой, имеющим выход к морю. Эксклав имеет множество реальных и потенциальных возможностей для транспортного сообщения с основной территорией страны: наземные пути через Литву и Беларусь, через Литву и Латвию, через Польшу и Беларусь; воздушные линии; морской путь до Санкт-Петербурга. Даже если бы Калининградская область была блокирована другими государствами на суше, как в случае с Западным Берлином, все равно можно было бы установить как воздушные, так и морские пути сообщения. В обычной ситуации экономическая целесообразность ограничивает выбор одного маршрута Калининградская область — Литва — Беларусь — Россия. Все крупные железнодорожные пути, так же как и нефтепроводы и линии электропередач, были проложены в советское время через территорию Литвы, поэтому сейчас доступ через Польшу экономически не оправдывается. Возможность морского сообщения с Санкт-Петербургом также невыгодна с экономической точки зрения: 80–90% всех российских грузов поступает в Калининградскую область из Москвы, Волгоградской области и Сибири, и 80% калининградского экспорта направлены в центральную часть России. Санкт-Петербург и северо-западная часть России не являются для области значительными торговыми партнерами. Паромное сообщение в направлении Калининград — Санкт-Петербург было создано из политических соображений и нуждается в государственном финансировании. Этот вид сообщения мало используется в коммерческой деятельности, так как дешевле пользоваться наземными путями через Литву и Беларусь. Таким образом, несмотря на то, что теоретически эксклав имеет множество возможностей для связи с основной территорией России, в действительности экономически оправдан только один — сухопутный через Литву и Беларусь.

Даже если эксклав граничит более чем с одним государством, это не всегда гарантирует ему больше возможностей и свободы в осуществлении доступа к основной территории страны. Руководствуясь экономическими соображениями, обычно имеет смысл

прокладывать один путь сообщения через одно государство. Для Нахичевани единственный приемлемый путь сообщения с Азербайджаном — через Армению, несмотря на то, что анклав граничит с тремя государствами. Я уже упоминал о весьма развитой железнодорожной инфраструктуре, которая соединяет Калининград с Москвой через Литву. Далее, Демократическая Республика Конго является соединительным звеном между Кабиндой и основной территорией Анголы, так как территория Конго отделяет эксклав от материнского государства. Другое государство, Республика Конго, граничит с эксклавом в северной части Кабинды. Дубровник соединяется с Хорватией через 24-километровый Неумский коридор. Любые другие пути сообщения экономически нецелесообразны. Итак, мы убеждаемся, что факт окружения эксклава более чем одним государством зачастую не влияет на взаимодействие с основной территорией страны.

Теперь давайте представим, что отношения между Россией и ЕС столь напряжены, что напоминают условия времен «железного занавеса». Калининградская область окажется блокированной на суше. Однако анклав будет доступен как через морские, так и через воздушные пути сообщения, которые Россия смогла бы быстро развить.

Хотя пример с блокадой Калининградской области на сегодняшний день чисто теоретический, другие анклавы подвергались блокаде неоднократно:

- Гибралтар блокировался или осаждался Испанией много раз. Большинство блокад проводилось в XVIII веке. Разрыв отношений с Гибралтаром, который сами жители впоследствии назвали «пятнадцатой осадой», был инициативой генерала Франко в 1969 году. Граница между Гибралтаром и Испанией была закрыта 25 июня 1969 года; в тот же день прекратила работу паромная переправа на Альхесирас; 1 октября телефонные и телеграфные службы прервали связь с Испанией. Испанские работники, составлявшие важную часть рабочей силы в Гибралтаре, вынуждены были покинуть его. Граница частично открылась только в 1982 году и полностью — в 1986 году.

- Дадра и Нагар-Хавели были изолированы Индией с целью их поглощения. Блокада имела целью предотвратить доступ португальских колониальных чиновников и войск на территории анклавов.

- Наиболее известная блокада анклава — это, конечно же, блокада Западного Берлина в 1948–1949 годах. Не менее известен

так называемый «Воздушный мост», созданный западными державами, чтобы снабжать город с двухмиллионным населением продовольствием и топливом.

- Дахаграм-Ангарпота, бангладешский анклав в Индии, подвергся блокаде до основания коридора Тин Бигха в 1992 году.

- Анклавные государства еще более уязвимы к блокаде, чем несuverенные анклавы. В XX веке Италия дважды блокировала Сан-Марино: первый раз, когда там намеревались открыть игорные заведения, а окружающее государство не одобрило эту идею; второй раз — во время революции в 1957 году.

Необходимо разделить обычные и чрезвычайные условия осуществления доступа. При обычных условиях экономические соображения имеют определяющее значение. Учет издержек часто ограничивает выбор, как в случае с наземным путем через Литву и Беларусь для Калининградской области. Однако в случае чрезвычайных обстоятельств, таких, как военный конфликт или блокада, могут быть рассмотрены другие варианты, невзирая на высокие расходы. Возьмем в качестве примера Аляску. Для связи с основной территорией страны там всегда использовались морские пути сообщения. В сущности, это был единственный путь, так как западное канадское побережье и Юкон не столь развиты. Во время Второй мировой войны была проложена магистраль из США в Канаду, так как морские пути подвергались угрозе со стороны Японии. Военная угроза оправдывала осуществление проекта, стоимость которого в мирное время не соответствовала потенциальным экономическим выгодам. Другой пример — небольшой полуанклав Эренкой, или Коккина, на Кипре⁴⁸. Он принадлежит непризнанной турецкой республике Северный Кипр. Отношения между ней и Республикой Кипр все еще напряженные, поэтому доступ в Эренкой затруднен. Ввиду того, что Эренкой является центром паломничества для мусульман, турки-киприоты наладили с ним морское и воздушное сообщение, несмотря на то, что это совсем небольшой поселок.

Возвратимся к Восточному Тимору и его западному эксклаву Окусси-Амбено. Даже если отношения между Тимором и Индонезией и далее будут такими же напряженными, анклав все же не будет находиться в абсолютной зависимости от Индонезии. Существует возможность создания морского сообщения с восточной частью страны. Однако морское сообщение экономически не

⁴⁸ Эренкой — турецкое название деревни, а Коккина — название, используемое греками-киприотами.

столь выгодно для перевозки товаров и грузов (так же как и для передвижения людей), как наземный транспорт. Выращивание и продажа скота — основной бизнес Окусси-Амбено вне рамок натурального хозяйства — становится мало или вовсе нерентабельным в силу дополнительных расходов на морской транспорт.

Другое обстоятельство, имеющее большое значение в данной ситуации — это размер. Территория и численность населения имеют значение по нескольким причинам. Во-первых, микро- и малые анклавов не могут иметь аэродром, как по причине небольшой территории, так и из-за экономической нецелесообразности. Таким образом, воздушные пути сообщения с основной территорией государства исключены. В анклавов большого размера воздушные пути остаются наименее приемлемыми для транспортировки грузов в силу высоких затрат, но такой вариант не исключается в чрезвычайных ситуациях. Ситуация с «Воздушным мостом» Западного Берлина — блестящий пример того, что большой анклав может снабжаться тысячами тонн грузов в течение продолжительного времени по воздуху. Во-вторых, небольшие и микроанклавов скорее всего не могут быть автономными в плане электроэнергии и коммунальных услуг (водоснабжение, отопление, утилизация отходов и т. д.). Такие анклавов обычно испытывают трудности в самостоятельном обеспечении продовольствием и другими необходимыми запасами. В-третьих, большие анклавов значимее для национальной политики. Правительство материнского государства уделяет больше внимания нуждам крупных анклавов, чем небольших. Дахаграм-Ангарпота, крупнейший бангладешский анклав в Куч Бехаре, был единственным из 92 анклавов, который имел собственный коридор, так как привлекал внимание общественности и властей.

В условиях напряженных отношений, блокады или вооруженных столкновений между материнским и окружающим государством наличие нескольких возможных путей сообщения, которые могут быть использованы для связи эксклава с основной территорией государства, выходит на первый план. Экономические соображения теряют свою силу. Материнское государство готово платить, чтобы обеспечить связь с эксклавом. Можно начать использовать морские пути сообщения, даже если ранее это не практиковалось. Кроме того, тот факт, что анклав граничит более чем с одним государством, теоретически может позволить сыграть на противоречиях между государствами или наладить пути сообщения через территории тех из них, с которыми материнское

государство поддерживает дружеские отношения. Напротив, полный анклав, полностью окруженный и граничащий лишь с одним государством, обычно лишен всех этих возможностей. Если между материнским и окружающим государством начнется война, судьба анклава будет предрешена — так как у материнского государства нет возможности поддержать анклав, он будет немедленно аннексирован противником.

Свободный и беспрепятственный доступ рассматривается как ключевой и обязательный фактор поддержания власти над анклавом. По этой причине с самого начала европейской истории анклавов данной проблеме уделялось большое внимание в государственных соглашениях. В статье шестой Нименгенского договора⁴⁹ зафиксировано право проезда из Франции во Фрайбург, являвшийся во время правления Людовика XIV французским анклавом. В договоре гарантировался «свободный и безопасный» проезд так часто, как это необходимо. Воспрещалось взимать налоги, сборы, пошлины или транзитные пошлины на снабжение продовольствием гарнизона или жителей. Единственным ограничением, оговоренным в соглашении, было то, чтобы французы попадали в анклав по самому прямому пути. В XX веке проблема доступа стала предметом нескольких постановлений Международного Суда ООН. Позиция международного права является неоднозначной, и обычно права доступа рассматриваются как проблема для окружающего государства/государств, которую они решают путем, удобным для них. Однако д'Оливье Фарран утверждает, что существуют определенные права, заложенные в самом существовании анклава, наиболее важными из которых являются права свободного транзита и сообщения с основной частью государства, или, в случае полностью анклавируемого государства, с другим государством. Он поясняет свою точку зрения следующим образом: «Закон не признает права государства А на отделенный участок его территории, окруженной государством Б, если государство А не имеет возможности использовать такое право. Существование права влечет за собой его использование: не имея права свободного сообщения, государство не будет способно использовать свои права, и, следовательно, они станут недействи-

⁴⁹ Нименгенские соглашения были подписаны в 1678–1679 годах по итогам франко-германской войны рядом стран, включая Францию, Объединенные провинции, Испанию, Бранденбург, Швецию, Данию и Мюнстер. Договор опубликован в многотомной коллекции договоров Васта (Vast 1893–1899, vol. II).

тельными. Отсюда следует, что нет необходимости заключать соглашение между двумя государствами касательно предоставления такого права: оно заложено в самом существовании анклава. Если такой договор заключен, он действительно может регулировать применение такого международного обязательного порядка: но при своем фактическом отсутствии такое право все же будет существовать на практике, так как необходимость его сохранится» (d'Olivier Farran 1955, 304).

Данная статья была написана до того, как дело о Дадре и Нагар-Хавели перешло на рассмотрение в Международный суд ООН. Именно тогда была продемонстрирована вся сложность проблемы доступа для анклавов, вся ее юридическая тонкость и то, что ее можно разрешить не силой закона, а законом силы.

Самый известный спор о праве пересечения территории другого государства стал следствием иска Португалии против Индии в Международном суде, когда Индия запретила доступ в колониальные анклавы Дадра и Нагар-Хавели, принадлежавшие Португалии. Они являлись полными анклавами и находились недалеко от побережья, где Португалия имела полуанклав Даман, из которого она осуществляла доступ в свои доминионы во внутренней части страны по дороге, протянувшейся примерно на 35 км. Нагар-Хавели был сравнительно небольшим, его площадь составляла 7,4 км²; площадь Дадры, простиравшаяся еще дальше вглубь страны, равнялась 480 км². В июле 1954 года Индия запретила доступ к обеим территориям, так как в них одновременно произошло народное восстание, приведшее к свержению португальской администрации. Португалия заявила — возможно, необоснованно — что Индия спровоцировала восстание. Первоначально адвокаты Португалии требовали неограниченного права пересечения территории Индии для осуществления транзита людей и товаров. Позднее они изменили свою позицию и выступили за признание международного права транзита, подпадающего, однако, под юрисдикцию окружающего государства. В своем решении МС ООН разграничил право пересечения территории, с одной стороны, для частных лиц, официальных лиц и товаров в целом, а с другой стороны, для проезда вооруженной полиции и военнослужащих, а также провоза оружия и боеприпасов.

Позднее такое разделение подверглось серьезной критике, так как в действительности в задачу суда не входило разграничивать права гражданского и военного проезда через территорию другого государства. Основываясь на существовании беспрепят-

ственного проезда для частных лиц и гражданских служащих во времена Британской империи, суд постановил, что Португалия обладает правом доступа в свои доминионы; однако это право не распространяется на военный и полицейский транзит. Решение было принято в соответствии с традицией: суд основывался на том, что с 1878 года британские власти требовали получения предварительного разрешения для пересечения территории Индии (ICJ 1960).

С практической точки зрения решение было абсолютно бесполезным для Португалии, но полностью удовлетворяло Индию, так как де-факто анклав уже принадлежали ей, и властям Португалии потребовалась бы военная сила для восстановления своего суверенитета над доминионами, да и это вряд ли помогло бы, так как Индия, скорее всего, стала бы защищать Дадру и Нагар-Хавели, которые только что вошли в ее состав. С теоретической точки зрения суду не удалось подвести фундамент для формирования международного права пересечения территории другого государства. При определении того, существует ли право пересечения территории Индии, ключевая роль отводилась традициям и обычаям.

Проблема транзита из основной части страны в анклав регулируется либо в силу сложившегося обычая, либо посредством заключения правового договора. В этом отношении опыт европейских полных анклавов является особенно ценным. В Ливии проблема была урегулирована посредством заключения соглашений по предоставлению Испании свободного доступа к анклаву. Дозволяется даже передвижение через границу испанской полиции и войск, несмотря на то, что по договору милитаризация анклава запрещена. В Бюзинген, Кампионе и Баарле также разрешен беспрепятственный доступ, но в отличие от Ливии он ограничен исключительно гражданскими. В этой связи произошло несколько крупномасштабных инцидентов. Наиболее известным из них является так называемое «Второе бюзингенское происшествие» 1849 года. В ходе революции 1848–1849 годов гессенские войска вошли в Бюзинген на корабле по Рейну с целью ареста нескольких подозреваемых революционеров. Так как это было сделано без предварительного согласия Швейцарии, последняя расценила инцидент как серьезное нарушение своего суверенитета и нейтралитета. Швейцарские войска были мобилизованы и окружили анклав. Вывод гессенских войска состоялся только после длительных переговоров.

При отсутствии всесторонней интеграции между материнским и окружающим государством вопрос доступа проблематичен и неясен. Такая неопределенность практического толкования права пересечения территории окружающего государства выражена в комментариях О'Коннелла по делу о праве доступа, рассмотренного международным судом ООН. Буквально он пишет следующее: «на самом деле свободный доступ означает ограниченный доступ» (O'Connell 1965, 612). Эта фраза могла бы стать удачным эпиграфом для главы о проблемах доступа. Если транзит в анклав определяется обычаями и традициями, он становится зависимым от изменения политического курса государств. Анклав является заложником текущих отношений между окружающим и материнским государствами, что обуславливает желание зафиксировать право пересечения территории окружающего государства в форме соглашения. Это также ведет к попыткам создать коридор в анклав, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Подведем предварительные итоги. Как правило, проблема доступа актуальнее для полных анклавов, чем для любых других их типов. Однако полуанклавы и чистые эксклавы могут иметь много общего с полными анклавами в проблеме доступа по экономическим причинам. Реальные возможности экономики и экономическая целесообразность часто сводят выбор к минимуму. При этом необходимо разделить обычные и нестандартные условия. При нормальных условиях экономические соображения являются основополагающими в выборе способов и путей сообщения эксклава с основной территорией страны. В случае напряженных отношений или вооруженных столкновений между материнским и окружающим государством любые возможные варианты (морские и воздушные пути сообщения, наземные пути через территорию другого государства) становятся чрезвычайно важными. Материнское государство может начать развивать и использовать такие транспортные способы и пути, в которых нет необходимости во времена мира и стабильности.

Создание сухопутного коридора в контексте проблемы транзита

Создание коридора зачастую рассматривается как один из путей разрешения проблемы доступа в приемлемой для обеих сторон форме. В данном параграфе я подробно рассматриваю проблемы построения коридоров: во-первых, при каких обстоятельствах и как они создаются; во-вторых, как они функционируют; и,

в-третьих, почему они являются эффективными в одних случаях и неприемлемыми в других. Рассматриваются десять коридоров, включая Польский (или Данцигский), Колонский, Западный Берлин и небольшие анклавы вокруг него, Ливия, Калининградская область, Тин Бигха и Неум. Я также разбираю несколько случаев, когда создание коридора предлагалось как один из путей решения проблемы, но не было реализовано.

В географии и политике термин «коридор» имеет различные толкования. Я выделяю четыре определения, третье и четвертое из которых имеют непосредственное отношение к данной работе.

- Во-первых, коридор — участок земли, обеспечивающий государству доступ к морю. Примером тому может послужить Польский коридор, обеспечивший Польшу доступом к Балтийскому морю в промежутке между двумя мировыми войнами. В настоящее время таковым является Неумский коридор, обеспечивающий Боснию и Герцеговину доступом к Адриатическому морю.

- Во-вторых, коридоры — это перешейки, созданные природой или одновременно с образованием государства и связывающие две его крупные части. Перешеек Шилигури возник с образованием государств Индии и Пакистана в 1947 году. При появлении Восточного Пакистана (современного Бангладеш) связь Индии с ее северо-восточным регионом была сохранена⁵⁰.

- С другой стороны, физический коридор может быть создан для того, чтобы обеспечить сообщение материнского государства с его эксклавом уже после того, как такие регионы появились. Коридор передается под власть материнского государства; таким образом, эксклав теряет свой статус (так как он физически больше не является отделенным от материнского государства). Пример — коридор, составляющий 1200 м в длину и 100 м в ширину, который был создан в 1972 году с целью объединения Западного Берлина и его небольшого эксклава Штайнштюкен.

- В-четвертых, термин «коридор» может означать маршрут транзита через суверенную территорию другого государства с

⁵⁰ Северо-восточный регион имеет решающее стратегическое значение для Индии. Его площадь составляет более 255 тыс. км² (7,7% территории страны), а численность населения равна 38,5 млн человек (3,74% населения страны согласно данным переписи 2001 года). Коридор Шилигури, который также называют «куриной шейкой», составляет 33 км в ширину в своей восточной части и 21 км — в западной. Это всего лишь 1% границы северо-восточного региона, тогда как оставшиеся 99% приходятся на международные границы — с Китаем на севере, с Бангладеш — на юге, Бутаном — на северо-западе и Мьянмой — на востоке.

целью связи материнского государства с его эксклавом. В данном случае передачи суверенитета над коридором не происходит. Он может существовать в форме сухопутного или воздушного, если транзит осуществляется воздушным путем.

Третье и четвертое значения термина «коридор» являются релевантными с точки зрения проблемы осуществления сообщения материнское государство — эксклав. Между ними есть существенное различие. В случае физического коридора участок территории передается от окружающего государства материнскому, то есть передается суверенитет. Однако если по какой-либо причине передачу суверенитета осуществить невозможно, государства могут создать транзитный маршрут, находящийся под суверенитетом окружающего государства. Таким образом, рассмотрение коридора как физического участка суши, на котором находится шоссе или железная дорога, неверно.

В большинстве случаев коридор является правовым решением, заключенным в форме двустороннего соглашения между двумя государствами, материнским и окружающим. Соглашение определяет, через чью территорию должен осуществляться транзит. Коридоры, возникшие в результате такого соглашения, представляют собой ряд правил и соответствующих обязательств. Окружающее государство определяет маршрут (или множество маршрутов, как в случае коридора из Западной Германии в Западный Берлин). Такой коридор может использоваться для осуществления сообщения между эксклавом и материнским государством в такой форме, как предписано в соответствующем соглашении. В случае физического коридора подразумевается передача материнскому государству суверенитета над данным участком территории. Это действительно приведет к дезанклавированию анклавной территории, так как коридор обеспечит ее непосредственную связь с территорией материнского государства. Обычно это происходит посредством обмена землями с целью урегулирования проблем анклавов, расположенных недалеко от границы. Следует учесть, что практически урегулировать проблему анклавов таким способом нелегко. Во-первых, любая передача суверенитета с политической и конституционной точки зрения всегда является сложной задачей. Во-вторых, необходимо найти равноценную территорию для обмена землями. В-третьих, такие решения приемлемы только в том случае, если расстояние от эксклава до материнского государства является коротким (как правило, не превышает нескольких километров). В конце концов, связь эксклава с мате-

ринским государством может создать встречную проблему серьезного ухудшения сообщения в рамках окружающего государства. В настоящее время такие проблемы встречаются при рассмотрении предложений, направленных на создание коридора между Нахичеванью и основной частью Азербайджана, а также в функционировании коридора Тин Бигха, связывающего Бангладеш с одним из его анклавов в Индии.

Прекрасным примером, на котором можно рассмотреть различные толкования термина, является Польский (Данцигский) коридор. Передача Германией по Версальскому договору территории только что воссозданной Польше обеспечило последней доступ к морю. Вследствие этого Восточная Пруссия была отделена от основной части Германии и, таким образом, стала эксклавом. Правила по транзиту были согласованы между Германией и Польшей при создании правового коридора, связывающего материнское государство и его эксклав, существовавший с 1920 по 1939 годы.

Можно различить короткие и протяженные коридоры. Количественного критерия не существует: короткими коридорами в основном являются те, которые подходят для пешеходного движения. В качестве примера может послужить коридор Тин Бигха в Куч Бехаре, составляющий 178 м в длину. В то же время Колонский коридор длиной 15 км является примером протяженного коридора. Несмотря на то, что физически пешеход может преодолеть расстояние в 15 км, по практическим причинам очевидно, что такой коридор будет использоваться скорее всего для автомобильного движения. Различия в размере ведут к качественным различиям в правилах, определяющих использование коридора. Пешеходное передвижение требует введения дополнительных мер безопасности и пограничного надзора по всей длине коридора. Длина коротких коридоров, как правило, не превышает одного километра. Они создаются с целью решения проблем осуществления ежедневного сообщения между эксклавом и материнским государством, если первый расположен очень близко к границе. С другой стороны, протяженные коридоры обеспечивают доступ к эксклавам, расположенным на значительном расстоянии от материнского государства. Ширина Польского коридора между Германией и Восточной Пруссией составляла 35–110 км. Длина Неумского коридора 24 км. Западный Берлин был связан с Федеративной Республикой Германией несколькими коридорами от 165 до 340 км длиной. Упомянем транзитное решение, разработанное для Калининградской области, согласно которому передвижение

людей и товаров на основную территорию России осуществляется через 200 км территории Литвы.

Кроме различия между протяженными и короткими коридорами существует основное расхождение по вопросу суверенитета, то есть передан ли суверенитет над коридором от окружающего государства материнскому или нет. Встает вопрос: соотносится ли юридический выбор для коридора — с передачей или без передачи суверенитета — с его протяженностью?

Коридоры без передачи суверенитета

1. Польский (Данцигский) коридор.

В 1919 году Польше был предоставлен коридор шириной в 35–110 км для обеспечения доступа страны к Балтийскому морю. Данный коридор отделил Восточную Пруссию от основной части Германии, что стало причиной серьезных экономических и социальных проблем, так как на пути передвижения товаров и людей между материнским государством и эксклавом встало серьезное препятствие. Согласно Версальскому договору, Польша была обязана предоставить Германии возможность железнодорожного сообщения с Восточной Пруссией (а также телеграфную связь). Как и в случае Западного Берлина, поезда могли использоваться только для транзита. Чтобы закрепить их исключительно транзитное использование, таможенные власти пломбировали вагоны. Парижский договор, подписанный 21 апреля 1921 года, содержал конкретные правила, регулирующие железнодорожное и автотранспортное сообщение между Германией и Восточной Пруссией. Передвижение людей и товаров по польским железным дорогам осуществлялось без паспорта и таможенных постов. Однако такие правила не распространялись на автомобильное сообщение. Люди, путешествующие автомобильным транспортом, были обязаны иметь при себе польскую визу, а товары, транспортируемые по шоссе, в полной мере подвергались сбору таможенных пошлин (Gornig 1995, 66). Транспортировка посредством автодорог была возможна только по определенным транзитным маршрутам⁵¹.

Проблема Польского коридора была поднята нацистской Германией в 1938 году. Одним из требований стало строительство экстерриториальной магистрали из Германии в Восточную Прус-

⁵¹ Следует отметить, что транзитные правила, утвержденные Версальским договором для Восточной Пруссии, несмотря на свою жесткость, были, тем не менее, либеральнее, чем современные транзитные правила для Калининградской области.

сию через коридор, однако ее требования не были удовлетворены. Более того, конфликт по поводу коридора был использован как повод для нападения на Польшу. Вестерплатте, где 1 сентября 1939 года высадились немецкие войска, на самом деле находился на территории Польского коридора.

Рис. 7.1. Польский коридор

2. Коридор в Западный Берлин.

В истории транзита в Западный Берлин можно выделить три этапа:

1. 1945–1949. Транзит в Западный Берлин был возможен только через советскую оккупационную зону. Блокада Берлина в 1948–1949 годах представляет собой отдельную главу в истории транзита Западного Берлина, связанную с организацией союзниками в этот период знаменитого «Воздушного моста»⁵².

⁵² Блокада Западного Берлина Советским Союзом происходила в 1948–1949 годах. Установление систематических препонов для грузового транзита началось с апреля 1948 года, за ним последовала полная блокада на воде и на суше, начавшаяся 24 июня. Кроме того, были прекращены поставки электроэнергии и газа из советского сектора. Блокада сохранялась до 12 мая 1949 года, в общей сложности она продолжалась в течение десяти с половиной месяцев. Союзники нашли выход из ситуации, установив «Воздушный мост» («*Luftbrücke*»), между анклавом и Западной Германией. Миллионы тонн продуктов питания и товаров первой необходимости поставлялись в блокированный анклав воздушным путем.

2. 1949–1971. Транзит в период после снятия блокады и до принятия транзитного соглашения.

3. 1971–1990. Транзит согласно правилам Транзитного Соглашения 1971 года.

Последний этап рассматривается как успешное введение ряда транзитных правил, которое привело к действительному упрощению транзита в сложных условиях конфронтации Восток-Запад. Работавшую тогда систему можно охарактеризовать как «транзитную модель Западного Берлина», представлявшую собой эффективно функционирующий в условиях неблагоприятных отношений между материнским и окружающим государством транзитный коридор.

Таблица 7.1. Транзит Западного Берлина до и после 1971 года⁵³

До 1971 года	Начиная с 1971–1972 годов
Отсутствие формальных правил по транзиту гражданских лиц	Обязательные правила, установленные в международном соглашении
ГДР требует полной самостоятельности в решении проблемы транзита	СССР принимает на себя обязательства по обеспечению транзита
Своеволие пограничников ГДР	Установлены четкие правила и права для лиц, пересекающих границу
Отсутствие права апелляции	Комиссия для рассмотрения спорных случаев — Транзитная комиссия
Длинные очереди на пограничных постах, многошаговые процедуры пограничного контроля (выход из автомобиля, плата за проезд по автомагистрали, проверка паспорта и визы, таможенный контроль)	Нет необходимости выходить из автомобиля, таможенный контроль в исключительных случаях
Сборы за проезд по автомагистрали	Единовременные выплаты от ФРГ согласно договору с ГДР
Опасность ареста без объяснения причин	Общее запрещение ареста, исключения четко определены соглашением
Грузовой транзит: контроль на границах, досмотр груза, вплоть до разгрузки, бюрократия	Грузовой транзит: запечатанные грузовики (таможенные печати перед въездом в коридор), отсутствие контроля и упрощение процедуры

⁵³ Источник: Rühle, Holzweißig (1986, 141–142).

Транзит в Западный Берлин стоил ФРГ сотни миллионов немецких марок в год. После 1971 года эти суммы перечислялись государством (а не гражданами). Расходы ФРГ на западноберлинский транзит в общей сложности составили примерно 10 млрд немецких марок за сорок лет.

(а) Оплата транзита (единовременно вносимая сумма) выросла с 300 млн немецких марок в начале 1970-х до 600 млн к концу 1980-х годов.

(б) ФРГ инвестировала около 2,4 млрд немецких марок в улучшение транзита. Эта сумма включала в себя инвестиции в строительство магистралей, железных дорог и поддержание водных путей на территории ГДР. Одной из самых известных стала инвестиция суммой в 1,2 млрд немецких марок в строительство автомагистрали Берлин — Гамбург.

(в) 110 млн немецких марок в год выделялось на авиабилеты.

Согласно транзитному соглашению 1971 года, транзитные маршруты включали в себя три автомагистрали, три воздушных коридора, два водных пути и три железные дороги.

Таблица 7.2. Протяженность транзитных маршрутов в Западный Берлин (автомагистрали, железные дороги, воздушные коридоры, реки)⁵⁴

Маршрут	Расстояние
Берлин — Гамбург (на север)	281 км
Берлин — Хельмштедт (на запад)	165 км
Берлин — Хоф (на юг)	280 км
Железная дорога Берлин — Гамбург	340 км
Железная дорога Берлин — Хельмштедт	250 км
Железная дорога Берлин — Хоф	330 км
Водные пути сообщения (реки и каналы)	200 км
Воздушный коридор Берлин — Гамбург	120 км ⁵⁵
Воздушный коридор Берлин — Ганновер	100 км
Воздушный коридор Берлин — Франкфурт-на-Майне	180 км

⁵⁴ Источник: Jeschonnek, Riedel, Durie (2002, 123).

⁵⁵ Длина воздушных коридоров указана только по территории ГДР.

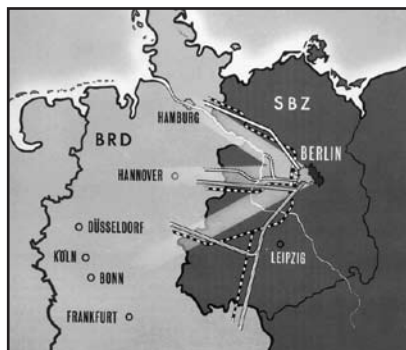

Рис. 7.2. Коридоры в Западный Берлин⁵⁶

Таблица 7.3. Объем пассажирских перевозок между Западным Берлином и ФРГ, млн человек⁵⁷

Год	автобусом	авто- мобилем	железно- дорожным транспортом	воздушным транспортом	итого:
1951	0,66	0,29	0,4	0,32	1,67
1960	1,4	2,78	0,71	1,53	8,05
1965	–	–	–	–	6,91
1970	7,25		1,14	4,12	13,93
1975	12,18		2,07	3,99	18,24
1980	15,97		3,41	4,49	23,28
1985	20,81		2,92	3,85	27,85

Таблица 7.4. Грузовой транзит между Западным Берлином и ФРГ, млн тонн⁵⁸

Год	авто- мобилем	железно- дорожным транспортом	водным путем	воздушным путем	итого:
1970	7,03	3,79	5,48	0,04	16,34
1975	7,76	2,62	3,76	0,02	14,17
1980	9,27	2,48	3,40	0,02	15,17
1985	10,53	2,68	2,87	0,01	16,09
1988	11,06	2,21	2,89	0,01	16,17

⁵⁶ Источник: Delius, Lapp (1999, 97). Воспроизводится с разрешения берлинского земельного архива (Landesarchiv Berlin).

⁵⁷ Источники: Delius, Lapp (1999, 176–179) за 1951 и 1960 годы; Jeschonnek, Riedel, Durie (2002, 123) за 1965–1985 годы; вычисления автора.

⁵⁸ Источник: Jeschonnek, Riedel, Durie (2002, 23).

Данные по пассажирскому и грузовому транзиту в/из Западного Берлина впечатляют. Пассажирооборот возрастал с каждым годом, к концу 1980-х годов составив почти 30 млн человек в год. Это особенно примечательно, если учесть, что численность населения анклава составляла лишь два миллиона. Транзит играл важнейшую роль в обеспечении существования анклава, а также его военных и экономических нужд. После принятия транзитного соглашения в 1971–1972 годах наибольшая доля товарообмена приходилась на автотранспорт. Данные по грузовому транзиту в Берлине в 1970–1980-х годах указывают на стагнацию экономики. Эффективное функционирование коридора способствовало снижению влияния негативных экономических последствий отделенности от основной части страны, таких, как более высокие расходы на транспортировку и электроэнергию. Однако, несмотря на подписание договора, проблеме транзита было суждено остаться на экономической повестке дня. Ее острота определялась двумя основными причинами. Во-первых, протяженные расстояния приводили к росту издержек производства из-за увеличения расходов на поставку промышленных компонентов и сырья, а также на поступление конечной продукции на рынок. Во-вторых, транзит был ненадежен в долгосрочном плане, так как существовал риск установления новых барьеров. И, в конце концов, энергия поставлялась из Западной Германии, следовательно, была более дорогой, чем электроэнергия, потребляемая крупными промышленными предприятиями в материнском государстве.

3. Коридор Тин Бигха в Куч Бехаре.

В анклавном комплексе Куч Бехар в 1992 году был создан один коридор, Тин Бигха, длиной всего 185 м. Он связывает крупнейший эксклав Дахаграм-Ангарпота с основной территорией Бангладеш⁵⁹. В Дахаграм-Ангарпоте проживает около 10 тыс. человек. Коридор функционирует только в дневное время, и поэтому его часто называют «дневным коридором». Он арендован Бангладеш у Индии и охраняется индийскими пограничниками (Whyte 2002).

Необходимость создания коридора привела к тому, что непримиримые споры между странами продолжались в течение 20 лет, начиная с 1974 года. Двусторонние отношения между Индией и Бангладеш стабилизировались почти сразу же после подписа-

⁵⁹ См. карту в дополнительных материалах на www.vinokurov.info/enclaves.htm

ния соответствующего соглашения. Но даже после подписания в 1982 году особого соглашения относительно аренды коридора, планы были реализованы только через 10 лет. Против создания коридора выступали оппозиционные группы Индии и местные жители. Во-первых, ими поднималась проблема суверенитета. Свою роль сыграл важный аспект индийского менталитета, подчеркивающий первостепенную важность территории (земли). Решение Верховного Суда подтвердило, что передачи суверенитета не произойдет. Вторая проблема была связана с Кучлибари, индийским регионом к югу от коридора, доступ к которому из остальной части Индии требовал прохождения по тому самому узкому участку территории, где должен был быть создан коридор. Пятьдесят тысяч жителей Кучлибари боялись, что создание коридора, «открыв» Дахаграм-Ангарпоту, фактически изолирует их. В 1981 году протесты против строительства коридора привели к тому, что полиция открыла огонь против демонстрантов. Один из них был убит. Памятник этому человеку, Судхиру Рою, установлен вблизи функционирующего коридора. Тем временем анклав Дахаграм постоянно патрулировался индийскими пограничниками. Патруль осуществлялся настолько часто, что это позволило представителям средств массовой информации Бангладеш назвать его блокадой. В прессе прошли сообщения о том, что необходимые запасы и лекарства закончились и несколько людей умерли от голода и отсутствия первой медицинской помощи (Whyte 2002, 134).

В качестве альтернативы строительству коридора Тин Бигха выдвигались другие технические предложения. Среди них — возведение моста через реку Тиста, строительство эстакады или туннеля. Предложение о строительстве моста было абсолютно невыполнимым вследствие неустойчивого русла реки и непропорционально высоких расходов на сооружение конструкции длиной в 2 км для сообщения небольшого анклава с материнским государством. Эстакада или туннель также требовали несопоставимых с результатом затрат.

Основные положения Договора об аренде коридора Тин Бигха были согласованы 7 октября 1982 года. В соглашении предполагалась бессрочная аренда. Особо отмечалось то, что территория коридора остается под суверенитетом Индии. Индия отказалась от арендной платы. В соглашении не содержалось никаких требований по уплате таможенных пошлин, как и обязательств по предъявлению паспортов или других документов.

Несмотря на волну протестов, коридор начал функционировать 26 июня 1992 года. Первоначально он функционировал следующим образом: транзит из Бангладеш был открыт в установленные часы в дневное время суток, а в остальное время он действовал только для граждан Индии, направляющихся в или из Кучлибари. Кроме того, если последние хотели пересечь коридор в часы, установленные для Бангладеш, то коридор закрывался для граждан Бангладеш, чтобы позволить пройти индийцу.

4. «Нейтральная дорога», связывающая Ливию с Испанией.

Ливия является небольшим анклавом Испании во Франции с населением в 1200 человек на территории менее 13 км². Анклав расположен всего в одном километре от основной испано-французской границы. До 1990-х годов Ливия была связана с Испанией нейтральной дорогой (D 68), по которой до 1995 года запрещался проезд иностранных автомобилей. Особенно опасным был перекресток с французской магистралью N 20. Испанцы настаивали на беспрепятственном сообщении между Ливией и остальной территорией Испании. Французские знаки остановки многократно сносились, что вошло в историю как «война стоп-знаков» (*la guerre des stops*). В конце концов, было принято решение о строительстве виадука, которое осуществлялось на деньги испанского правительства. Такая же проблема возникла на перекрестке с трассой D 30, но в этом случае в 2001 году была построена окружная автомагистраль. Проблема транзита в Ливии никогда не достигала масштаба других анклавов, а сейчас ее и вовсе не существует, потому что как материнское, так и окружающее государство являются членами ЕС и включены в Шенгенскую зону.

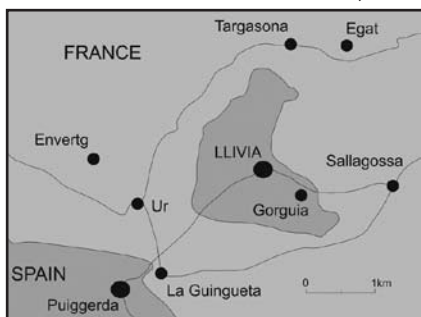

Рис. 7.3. Нейтральная магистраль, связывающая Ливию с основной территорией Испании. «Война стоп-знаков» проходила на пересечении с французской дорогой, ведущей из Ура в Ла Гингету

5. Неумский коридор.

Изменение линии границы между Хорватией и Боснией-Герцеговиной привело к тому, что Дубровник стал хорватским. В Дейтонском соглашении⁶⁰ оговаривалось предоставление Боснии-Герцеговине доступа к морю. В соответствии с соглашением, ей предоставлялся коридор шириной в 24 км⁶¹. Таким образом, отдаленная юго-восточная часть Хорватии, где расположен Дубровник, отделялась от основной части страны. Численность населения региона Дубровник-Неретва⁶² равна 123 тыс. человек, а площадь составляет 1782 км².

Проезд по коридору является безвизовым не только для хорватов, но и для граждан ЕС. Автобусы, курсирующие между обеими частями Хорватии, обычно останавливаются в Неуме, чтобы пассажиры могли сэкономить на сигаретах и алкоголе за счет более низких налоговых ставок, действующих в Боснии-Герцеговине. Правительства Хорватии и Боснии планируют построить скоростную автостраду, связывающую Дубровник с основной частью страны через муниципалитет Неум. Пограничных постов при этом не потребуются.

6. Соглашение по пассажирскому транзиту Калининградской области.

Транзитные соглашения, принятые для организации пассажирского транзита из Калининградской области в основную часть России в 2003 году, представляют собой близкое к понятию коридора решение. Напротив, решения 2004 года по грузовому транзиту не устанавливают особых правовых рамок для коридорного передвижения товаров через территорию Литвы. Грузовой транзит в регион соответствует общим транзитным правилам ЕС.

До 1 июля 2003 года пассажирский транзит через территорию Литвы осуществлялся в безвизовом порядке. Более того, существовало особое правило, позволяющее жителям Калининградской области посещать основную территорию Литвы без визы.

⁶⁰ Соглашение по Боснии и Герцеговине, известное как «Дейтонское соглашение», было достигнуто в декабре 1995 года. Документ доступен на http://www.ohr.int/dpa/default.asp?content_id=380

⁶¹ См. карту в дополнительных материалах на www.vinokurov.info/enclaves.htm

⁶² Данные приводятся по региону Дубровник-Неретва, который также включает в себя небольшую часть основной территории страны, то есть находящуюся к западу от коридора. Таким образом, фактические данные по самому эксклаву несколько ниже.

По оценкам российских властей, общее количество пересечений границы между эксклавом и остальной частью России в 2001 году составило 960 тыс. поездом и 620 тыс. автотранспортом (количество автобусов, пересекающих территорию Литвы, очень незначительно) при населении самого региона в 955 тыс. человек.

Опубликовав коммюнике под названием «Калининград: Транзит» (Commission of the European Communities 2002) 18 сентября 2002 года, Еврокомиссия заложила основу для десятого саммита Россия — ЕС в ноябре 2002 года и для подписания «Совместного соглашения по транзиту между Калининградской областью и остальной территорией Российской Федерации»⁶³.

В данном документе стороны признали «уникальную ситуацию Калининградской области, как части Российской Федерации, отделенной от нее территорией других государств». Стороны пришли к соглашению о принятии пакета мер для упрощения транзита через границы, в частности, для создания схемы упрощенного транзитного документа.

Трехсторонние переговоры Россия — Литва — ЕС закончились весной 2003 года принятием ряда решений по введению упрощенных транзитных схем, вступивших в силу с 1 июля 2003 года. Главный финансовый вопрос — какая из сторон собирается взять на себя расходы Литвы — был решен с подписанием 28 февраля Меморандума по финансированию между ЕС и Литвой (IP/03/301 — Брюссель), по которому 12 млн евро предоставлялось Литве в качестве финансовой поддержки. В порядке исключения из стандартных правил PHARE ЕС согласился финансировать 100% расходов. Основными аспектами и особенностями новых правил являются:

- Новая политика, осуществляемая с 1 июля 2003 года, в соответствии с которой были введены два типа документов, необходимых для осуществления транзита через территорию Литвы как на пути из основной части России, так и в обратном направлении. Этими типами документов стали упрощенный транзитный документ (УТД) и упрощенный проездной документ для железной дороги (УПД-ЖД).

- Для пересечения территории Литвы на машине или на автобусе необходимо получить УТД, который выпускается Литовскими консульствами в России и действует в течение одного года. Любой гражданин России может получить его бесплатно. Тем не

⁶³ http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/summit_11_02/js_kalin.htm

менее, процедура получения УТД напоминает обычную процедуру получения визы.

- УПД-ЖД выпускается для лиц, пересекающих территорию Литвы на российском транзитном поезде. В настоящее время существует два железнодорожных транзитных маршрута — в Москву и в Санкт-Петербург.

УПД-ЖД выдаются бесплатно. До января 2005 года для получения УПД-ЖД требовался только паспорт гражданина России (внутренний). Начиная с 1 января 2005 года для этого необходимо иметь российский загранпаспорт.

Процедура получения одного из данных транзитных документов проходит следующим образом. Покупая билет, путешествующий должен представить свои основные паспортные данные, которые затем в электронном виде передаются в литовское консульство. Минимальный промежуток времени между покупкой билета и отправлением поезда составляет 26 часов. После посадки на поезд пассажиры заполняют специальные бланки, которые затем собираются чиновником литовского консульства. При подъезде к границе литовский чиновник проходит по поезду и раздает пассажирам УПД-ЖД.

УПД-ЖД действителен для обратной поездки в течение трех месяцев, то есть нет необходимости получать новый документ для возвращения на родину. На обратной стороне того же УПД-ЖД ставится вторая печать.

Однако существуют различные ограничения на получение УПД-ЖД. Например, жители СНГ (исключая Россию) обязаны иметь транзитные визы для того, чтобы пересечь территорию Литвы по пути в Калининградскую область. Российские граждане получают транзитные визы, чтобы пересечь территорию Литвы на поездах, не принадлежащих России (то есть идущих из/в Киев, Минск и т. д.).

По итогам первых трех лет существования схемы УПД-ЖД можно отметить, что она действует достаточно хорошо. Процедура оформления документа почти не занимает у пассажира дополнительного времени. За исключением нескольких инцидентов в самом начале, система функционирует спокойно. В противоположность этому схема получения литовских виз и УТД в консульствах не так отлажена, несмотря на то, что функционирует уже четыре года. Получение документов занимает целую неделю, и в течение этого времени человеку приходится проводить многочисленные часы в очередях перед литовским консульством (под-

робнее о транзите Калининградской области см. Vinokurov 2004a, 2004b и 2004c).

Итак, какой же из шести рассмотренных «длинных коридоров» обеспечивает лучшее и более удобное обслуживание транзита?

Таблица 7.5. Длинные транзитные коридоры

По критерию гибкости и эффективности обслуживания (в порядке убывания)	Коридоры
	Неум
	Лливия
	Колон
	Западный Берлин после 1971 года. Введение правил транзита согласно Транзитному соглашению привело к установлению эффективной и упрощенной транзитной системы в сложных условиях Холодной войны. «Западнберлинская транзитная модель» демонстрирует возможность создания эффективного коридора даже в условиях недружеских отношений материнского и окружающего государств.
	Западный Берлин в 1949–1971 годах. Значительно менее совершенная модель по сравнению с более поздней.
	Польский коридор в Восточную Пруссию, 1921–1939 годы. Правила были введены только в отношении железнодорожного транзита людей и товаров. Аналогичных правил относительно дорожного движения не существовало.
	Калининградская область с 2003 года. Решение по Калининграду включает только правила пассажирского транзита. Не было принято никаких особых юридических соглашений по жизненно важному вопросу передвижения товаров через территорию Литвы. Грузовой транзит Калининградской области регулируется общими транзитными правилами ЕС, определенными в Шенгенском соглашении.

Коридоры с передачей суверенитета

1. Небольшие эксклавы вокруг Западного Берлина: Штайнштюкен, Фихтенвизе и Эрленгрунд.

Старшему поколению немцев хорошо известно, что Западный Берлин был окружен двенадцатью крошечными анклавами, принадлежащими ФРГ. Все эти анклавы были небольшими, их площадь составляла от 0,3 до 22 га с численностью населения от 0 до 200 человек. Проблема транзита в Западный Берлин была достаточно серьезной, так как приходилось иметь дело не только с транзитом пассажиров, но и с поставками электроэнергии, продуктов питания и др. Остановимся на нескольких из этих микроанклавов.

Проблема изолированности Штайнштюкена разрешилась в 1972 году, когда анклав был обеспечен коридором, соединившим его с Западным Берлином⁶⁴. Естественно, он охранялся ГДР, как любая другая граница с ФРГ. Полная изоляция Штайнштюкена, продолжавшаяся более двадцати лет, наконец, завершилась. Создание коридора позволило осуществлять поставки электроэнергии и воды из Западного Берлина.

Фихтенвизе и Эрленгрунд также столкнулись с проблемой осуществления сообщения с Западным Берлином. После сооружения Берлинской стены была принята следующая транзитная процедура. Проход для примерно 400 граждан, имеющих разрешение, осуществлялся через дверь в Стене. Эти лица (владельцы дачных домиков в анклавах) сообщали пограничникам ГДР о своем желании пройти в определенные часы. Пограничники ГДР стояли в 50 метрах от двери и проверяли документы. Чиновникам из Западного Берлина запрещалось пересекать территорию ГДР на пути в анклавы. Положительная сторона этого запрета для граждан заключалась в том, что дачники автоматически освобождались от необходимости получения разрешения на строительство либо иных документов. Была и отрицательная сторона: строительные материалы и остальные товары можно было перемещать в анклав только вручную или на тележке⁶⁵.

⁶⁴ Bernhard Meyer. Das kleine Steinstückchen und die große Politik.

<http://home.pages.at/maxifant/Frames/berlin-enklaven.htm#seite119>,
состояние на май 2007 г.

⁶⁵ Карта-схема коридора в Фихтенвизе и Эрленгрунд, а также фотографии размещены в дополнительных материалах к монографии на www.vinokurov.info/enclaves.htm

2. Колонский коридор.

В 1904 году, когда был подписан договор между США и Панамой о действительной передаче США суверенитета над территорией, на которой должен был быть построен канал, Колон, второй по величине город Панамы и крупнейший порт страны на восточном побережье, стал эксклавом в устье Панамского канала. Шестимильная территория, находящаяся под суверенитетом США, отделила город от основной части Панамы. Такая ситуация сразу превратилась в источник проблем. В 1950 году была подписана Конвенция по Колонскому коридору. Коридор, созданный согласно этой тщательно разработанной Конвенции, был предназначен только для осуществления сообщения. Его ширина составляла 30–60 метров. Несмотря на то, что Колонский коридор находился исключительно под суверенитетом республики Панама, его использование было ограничено по данной конвенции до функций грузоперевозок и сообщения. В ней гарантировались унифицированные права доступа; таким образом, коридор не мог отрезать американские территории от остальной части Панамского канала.

В Конвенцию были включены правила транзита. Граждане США, проезжая по коридору, были обязаны следовать правилам дорожного движения Панамы и подчинялись ее уголовному праву. Это не распространялось на другие правила, такие, как, например, система автомобильного лицензирования. США сохранили за собой право строительства дороги или железнодорожных пересечений на любом участке, а также проведения канализационных трубопроводов и телефонных линий через коридор. Были заключены дополнительные договоренности, касавшиеся единственного пересечения коридора с ранее существовавшим американским путем сообщения под названием Рэндольф Род. В этом месте коридор прерывался участком территории США во всю ширину Рэндольф Род. Так как национальное законодательство обоих государств распространялось на их граждан (за исключением дорожного законодательства Панамы, распространявшегося на все дорожное движение), точка пересечения стала небольшим прямоугольником совместно управляемой территории. Согласно Конвенции, в которой были разработаны правила пересечения территории окружающего государства, предпочтение было отдано строительству путепровода на этом месте. Мост стал суверенной территорией Панамы, а дорога, проходившая под ним, осталась под суверенитетом США. В результате этого на территории

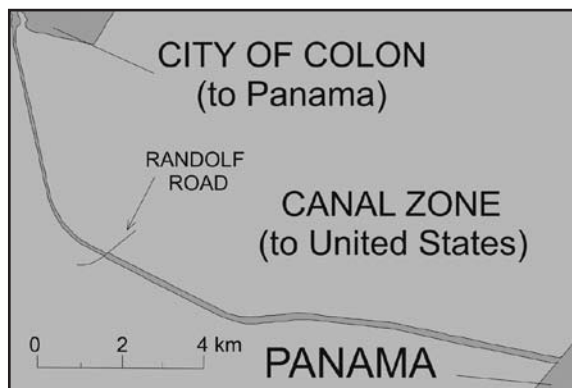

Рис. 7.4. Колонский коридор из основной части Панамы в город Колон через зону Панамского канала

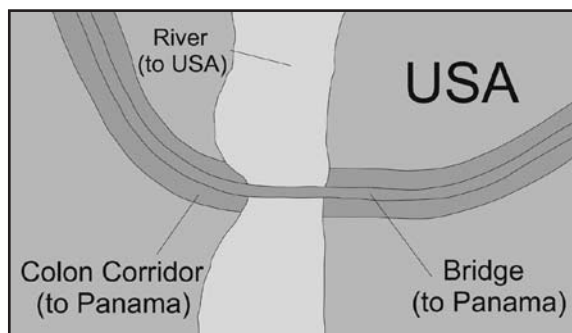

Рис. 7.5. Мост через реку Шагрес: трехмерный подход к проблеме суверенитета

Панама возник своеобразный «туннель», что позволяет говорить о трехмерном понимании суверенитета. Фактически, два таких «туннеля» были созданы согласно конвенции 1950 года, так как Панама получила контроль не только над Колонским коридором, но также над автомагистралью Бойд-Рузвельт, проходящей через зону Панамского канала. Автомагистраль пересекала реку Шагрес, а также шоссе Мэдден, также находившиеся под суверенитетом США. В результате строительства мостов в обоих случаях Панама получала суверенитет над воздушным пространством.

Создание Колонского коридора потребовало длительных переговоров и гибкой концепции территориального суверенитета. Воздушный «туннель» суверенной территории представлял со-

бой «концепцию, которую первоначально было сложно понять вследствие того, что умам, сформированным годами двухмерного понимания суверенитета, плоским и географически ориентированным, было трудно принять трехмерную гипотезу» (Reid 1992, 109–110). Что касается других коридоров, Колонский коридор мог спокойно функционировать только при условии введения особых правил, требовавших более гибкого восприятия понятия суверенитета.

Связь между передачей суверенитета и протяженностью коридора

В начале раздела был задан вопрос: зависит ли правовой выбор для коридора — с передачей либо без передачи суверенитета — от его протяженности? В следующей таблице рассмотренные коридоры подразделяются на две категории в соответствии с критерием передачи суверенитета. В ней также представлены данные об их длине.

Таблица 7.6. Суверенные и несuverенные коридоры

Анклав	Длина, км	Передача суверенитета
Тин Бигха	0,18	нет
Ливия	1	нет
Штайнштюкен	1,2	да
Колон	15	да
Неум	24	нет
Польский коридор	35–110	нет
Калининградская область	200	нет
Западный Берлин	170–340	нет

Передача суверенитета является сложной процедурой как с политической и конституционной, так и с практической точки зрения. К ней прибегают достаточно редко, так как она вызывает сильные протесты со стороны населения. Несuverенные коридоры (которые, впрочем, также непросто создать) в большинстве случаев оказываются более приемлемым выбором. Из восьми рассмотренных коридоров три являются короткими, их длина варьируется от 0,18 до 1,2 км, а пять — протяженные с длиной от 15 до 340 км. Если расстояние от материнского государства до его эксклава является коротким, то приемлемы оба решения. Лишь в од-

ном случае суверенитет над коридором был передан от окружающего государства материнскому (Штайнштюкен). В двух других случаях суверенитет над коридором остался у окружающего государства (Тин Бигха, Ливия). С другой стороны, в четырех случаях из пяти при протяженных расстояниях между материнским государством и соответствующим эксклавом (Восточная Пруссия, Западный Берлин, Неум, Калининградская область — за исключением Колона) передачи суверенитета не произошло, и единственным решением было создание упрощенной транзитной схемы. Таким образом, если оба варианта возможны в случае коротких коридоров, то протяженные коридоры чаще всего создаются без передачи суверенитета. Практически ни один из коридоров, длина которого превышает двадцать км, не подвергся передаче суверенитета. Существует несколько причин этому. Тремя основными, которые объясняют нежелание передачи суверенитета в случае протяженного коридора, являются следующие:

- Короткие коридоры, используемые для пешеходного движения, требуют разработки дополнительных пунктов транзитного соглашения, в том числе по дополнительным мерам безопасности и пограничному надзору по всей длине коридора. Протяженные коридоры обычно используются только для автомобильного или железнодорожного движения. Следовательно, правила по использованию протяженного коридора могут быть гораздо менее сложными как с точки зрения установления пограничных или таможенных постов, так и с точки зрения осуществления надзора на всем протяжении следования.

- Чем протяженнее коридор, тем более вероятно, что он будет отделять часть окружающего государства от его основной территории. Таким образом, дезанклавируя эксклав одного государства, он может изолировать другую, нередко весьма крупную, территорию. Переживания по этому поводу из-за Кучлибари с населением более 50 тыс. человек учитывались в ходе создания коридора Тин Бигха; эта перспектива вызвала протест со стороны жителей Кучлибари. Сходная проблема возникла по отношению предложения о строительстве коридора для Бюзингена, а также из-за коридора, который должен был связать Нахичевань с основной территорией Азербайджана.

- И, наконец, чем протяженнее коридор, тем сильнее целесообразность передачи суверенитета. Это обстоятельство зачастую сдерживает ее, так как площадь территории, подлежащей обмену, может быть значительной.

Уступки и компромиссы при переговорах о создании коридора

Практически невозможно привести полный перечень всех случаев, когда коридор рассматривался как решение проблемы сообщения эксклав — материнское государство. Следующие примеры могут пролить свет на типичные ситуации и на то, почему в одних случаях данная проблема возникала, а в других — нет.

Анклавный статус как таковой может быть потерян вследствие создания физического коридора, связывающего анклав с материнским государством. Однако в связи с созданием и функционированием такого коридора возникают различные проблемы. Примером тому может послужить неосуществленный проект создания коридора между Бюзингеном и остальной территорией Германии. Эксклав расположен неподалеку от границы между Швейцарией и Германией в 0,7–2 км от последней. В течение столетий проблема жизнеспособности эксклава неоднократно возникала на повестке дня, пока в 1967 году не было заключено всеобъемлющее соглашение между Германией и Швейцарией. Данное решение уже рассматривалось до Второй мировой войны, но более официальный подход к проблеме был осуществлен в 1950 году. Вопрос был поднят на обсуждение немецкой стороной, в 1956 году выдвинувшей предложение о создании коридора в Бюзинген: он должен был связать восточную часть анклава с западной частью Гайлингена через швейцарскую ферму «Лааггут». Длина коридора составила бы всего 700 метров (Scherrer 1973, 110).

Таблица 7.7. Аргументы за и против
«Бюзингенского коридора» в конце 1940-х годов

За	Против
Для Германии:	
Основной аргумент жителей города Констанц: анклав постепенно ускользал из-под власти Германии. Коридор предотвратит «швейцаризацию» Бюзингена и усилит его связь с Германией.	Финансовые причины. Расходы на строительство таможенного кордона вокруг анклава превысят сумму обязательных к выплате пошлин.
Упрощенные схемы торговли между эксклавом и материнским государством.	Создание коридора потребует обмена землями. Таким образом, Германия будет вынуждена передать Швейцарии равную территорию.
Отсутствие препятствий для поддержания суверенитета Германии в анклаве.	

За	Против
Для Швейцарии:	
Исчезнет необходимость принятия особых правил для анклава.	По аналогии с Германией: перестройка таможенных постов, нерентабельная с экономической точки зрения.
	Швейцарское сообщество Дорлингген потеряет доступ к Рейну и прямое магистральное сообщение с Шаффхаузенем, столицей кантона.
	Создание коридора потребует произвести обмен землями. Швейцарские сообщества, задетые обменом, будут протестовать против него.
Для Бюзингена:	
Укрепление отношений с материнским государством.	Противоречит главным экономическим интересам анклава вследствие того, что длительно просуществовавшая экономическая структура была основана на тесной связи с Шаффхаузенем. Возникновение таможенного кордона приведет к необходимости всесторонней и очень болезненной переориентации экономики.
Упрощение экономического взаимодействия с материнским государством.	

Преимущество оказалось на стороне выступавших против создания коридора, особенно со стороны Швейцарии. Следует отметить, что положительная позиция окружающего государства — ключевая для создания коридора. План создания коридора для Бюзингена не мог быть реализован без согласия Швейцарии, а так как она была против, то в конце концов от этой идеи отказались.

Создание коридора неоднократно предлагалось в качестве альтернативы для решения проблем сообщения между материнскими государствами и их эксклавами. Например, в 1909–1911 годах возникли дебаты по поводу предложения о предоставлении Баарле-Хертог коридора, связавшего бы его с Бельгией. Несомненно, идея была вызвана установлением новой линии границы и более жесткими таможенными правилами. С 1906 года товары, направляемые в Баарле-Хертог, впервые стали облагаться голландскими таможенными пошлинами. Существовала возможность освобож-

дения от этих пошлин, но для этого требовалось доказательство того, что пунктом назначения товаров являлся Баарле-Хертог, а также осмотр складов голландскими таможенниками. Пассажирский транзит также контролировался Голландией. Однако предложение не было принято вследствие трудностей в поиске адекватной территориальной компенсации для Нидерландов (Malvoz 1986, 24).

Что касается недавних случаев, предложения о создании коридора выдвигались относительно Шальбари, Погири, Саставчи, Нахичевани и Окусси-Амбено. Когда в 1992 году начал функционировать коридор Тин Бигха, такое же двустороннее решение предложили принять относительно Шальбари, крупного индийского анклава в Бангладеш, находящегося всего в 500 метрах от главной границы. Однако данное предложение до сих пор остается на уровне политической рекомендации и не рассматривается на правительственном уровне. В случае Погири предпочтение было отдано обмену землями (см. гл. 5). Не прошло и предложение создать коридор между Боснией и Саставчи.

Уже несколько лет обсуждается создание коридора из Азербайджана в Нахичевань. Он рассматривается в увязке с созданием сухопутного коридора, связавшего бы Армению с Нагорным Карабахом. Азербайджан потребовал сухопутный коридор в Нахичевань в качестве платы за признание суверенитета Армении над Карабахом. Турция проявила сильный интерес в принятии так называемого «варианта Мегри», крайне непопулярного в Армении и Азербайджане: она настаивала на том, чтобы юго-восточный район Армении Мегри был передан под власть Азербайджана в обмен на Лачинский район, который формально перешел бы под суверенитет Армении. Армения выступала против такого решения, утверждая, что ей придется взять на себя ответственность за обеспечение свободного сообщения между Азербайджаном и Нахичеванью через Мегри. Армянские лидеры опровергли заявление президента Азербайджана Гейдара Алиева о достижении договоренности об обмене Мегри на Лачин в ходе мирных переговоров, состоявшихся годом ранее. Они настаивали на том, что принятые там территориальные соглашения были «непропорциональными» и согласно им азербайджанцам разрешалось только «использование дороги Мегри» для сообщения с Нахичеванью. Турция, несомненно, была заинтересована в создании коридора, так как он обеспечил бы прямой доступ к Азербайджану и, таким образом, изолировал бы Армению от ее южной границы с

Ираном. Впервые эта идея была выдвинута Полом Гоблом (Goble 1992). После отрицательной реакции армянской стороны в июне 2000 года Гобл еще раз обдумал свое предложение и написал, что он больше не уверен в том, что «план Гобла» может сыграть положительную роль в процессе мирного урегулирования. В марте 2001 года в декларации, принятой на переговорах в Ки Уэсте, было установлено, что «любое возможное сообщение между Нахичеванью и Азербайджаном не может осуществляться в ущерб территориальной целостности, суверенитета и национальной безопасности Армении», а также что «Турция не может рассматриваться как одна из сторон в переговорах по проблеме Карабаха, так как она, очевидно, заключила союз с Азербайджаном» (Armenia Weekly Online 2002). Проблема коридора в Нахичевань до сих пор остается неразрешенной и вызывает ожесточенные споры.

Подобная проблема стоит также на повестке дня в Восточном Тиморе и его эксклаве Окусси-Амбено. Отказ Индонезии от создания сухопутного коридора между анклавом и основной частью Восточного Тимора, находящейся на расстоянии в 70–80 км, означает, что единственным практическим средством связи остается морской транспорт. Однако он крайне дорогостоящ для бедного населения анклава и не представляет собой практической альтернативы сухопутному коридору. «Создание сухопутного коридора до границы является нашей основной проблемой», — заявил губернатор Окусси Франциско Маркес⁶⁶.

В то же время создание коридора не всегда необходимо. В действительности этим преследуется практическая цель упрощения пассажирского и грузового транзита между материнским государством и его эксклавом. Если эта цель может быть достигнута менее сложным образом, то зачем обременять себя созданием коридора? Примером тому может послужить Тембуронг, восточная часть султаната Бруней. Район Тембуронга отделен от остального Брунея территорией Малайзии (штатом Саравак). Однако Тембуронг не является полностью изолированной территорией, так как у него есть удобный морской доступ к материнскому государству. В Тембуронге, несмотря на значительную площадь его территории (1306 км²), проживает всего 9 тыс. человек и почти не развита экономика. Он живет за счет экотуризма, сельского хозяйства и государственных субсидий. Необходимости в установлении сухопутного транзита нет, так как морской доступ достаточно удобен:

⁶⁶ <http://www.etan.org/et2004/march/21-27/25tiny.htm>, состояние на май 2007 г.

морским путем в Тембуронг можно добраться за 45 минут. Поездка на автомобиле занимает два часа, так как расстояние на суше является более протяженным, чем на море, да и дорожная сеть в дельте реки Лимбанг практически неразвита. Отсутствие необходимости крупномасштабного грузового транзита и удобство морского сообщения сводит к минимуму необходимость подписания особого соглашения с Малайзией по поводу создания сухопутного коридора.

Рис. 7.6. Тембуронг

Если передача суверенитета неприемлема, существуют три альтернативы для разрешения проблемы транзита между материнским государством и его эксклавом, одной из которых является создание коридора без передачи суверенитета. Вторая альтернатива — подписание особого соглашения между материнским и окружающим государством, предоставляющим анклав особый статус относительно всех аспектов его существования, включая таможенные правила, передвижение людей и рабочей силы, обеспечение коммунальных услуг и т. д. Наилучшим современным примером этому является Бюзинген, функционирующий согласно немецко-швейцарскому договору 1967 года, в котором предусмотрено его включение в таможенную территорию Швейцарии и частичное применение швейцарского законодательства в анклаве. Третьей альтернативой является достижение такого уровня интеграции между материнским и окружающим государством, при котором существование анклава больше не является проблематичным и которое эффективно обеспечивает перемещение

людей и товаров между материнским государством и анклавом. Интеграция между материнским и окружающим государством уменьшает проблему транзита между эксклавом и основной территорией страны или вообще ее снимает. Убедительным примером этому могут послужить анклавы в рамках Европейского Союза (Баарле-Хертог, анклавный комплекс Феннбан, Юнгхольц и др.). Однако нет необходимости достигать такого уровня интеграции, как в ЕС. Достаточно иметь, во-первых, двустороннюю/многостороннюю безвизовую схему и, во-вторых, зону свободной торговли. Как таковая, интеграция материнского и окружающего государства является оптимальным выбором, при котором проблема сообщения эксклав — материнское государство решается наиболее удовлетворительным образом.

Можно сделать вывод о том, что не существует однозначного ответа на вопрос о том, как длина коридора влияет на передачу суверенитета. Оба решения приемлемы для коротких коридоров. В то же время протяженные коридоры чаще всего создаются без передачи суверенитета.

Создание коридора и особенности его функционирования могут зависеть от природы двусторонних отношений между материнским и окружающим государством. Коридор — менее эффективное решение по сравнению с достижением такого уровня интеграции между материнским и окружающим государством, которого будет достаточно для обеспечения свободного передвижения людей и товаров между материнским государством и эксклавом. В том случае, если отношения между государствами нестабильные, а перспективы разрешения проблем передвижения людей и товаров посредством общей интеграции ненадежны, несмотря на все потенциальные недостатки и практические трудности создание коридора является второй по приемлемости альтернативой для разрешения проблемы осуществления сообщения между эксклавом и материнским государством. **Передача суверенитета не является обязательным фактором успешной организации и функционирования коридора.**

ГЛАВА 8. ОТНОШЕНИЯ «МАТЕРИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО — АНКЛАВ — ОКРУЖАЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО»

Анклавная политика в треугольнике МАО

Анклав проходит в своем развитии несколько этапов. Зрелость для него означает урегулирование системы политического управления внутри анклава и внешних отношений в треугольнике МАО. В особенности это касается установления отношений с материнским государством и развития взаимопонимания между материнским и окружающим государством. Следовательно, можно выделить несколько аспектов развития анклава.

1. Внутренняя зрелость.

- (а) Формирование внутренней политической системы.
- (б) Формирование экономической специализации (производства и торговых моделей). Адаптация к анклавным/эксклавным условиям.

2. Зрелость отношений с внешним миром.

- (а) Зрелость политических связей с материнским государством (анклав управляется материнским государством).
- (б) Отношения с окружающим государством или государствами.
- (в) Отношения с остальным миром.

Данная глава посвящена исследованию отношений в треугольнике МАО и проблеме отношений «материнское государство-анклав». Их нельзя рассматривать по отдельности. Это единое целое, так как окружающее государство играет значительную роль в политической и экономической жизни анклава. Например, Бюзингенская модель является одной из моделей управления, основанной на высокой степени доверия и сотрудничества между

материнским и окружающим государством. В противном случае нестабильные отношения между ними могут привести к разрушению связей М–А и создать проблемы для анклава.

Основная гипотеза работы Катудала по эксклавам Западной Европы сформулирована следующим образом: «Ключевым моментом эксклавной проблемы является следующее: существование части одного государства на территории другого неизбежно ведет к возникновению напряженности в их отношениях, возникающей вследствие желания окружающего государства включить эти территории в сферу своего экономического и гражданского управления и противоположного желания материнского государства осуществлять беспрепятственное сообщение с эксклавами и управлять ими таким же образом, как внутренними регионами страны» (Catudal 1979, 2).

Гипотеза Катудала фактически состоит из трех отдельных положений. Во-первых, окружающее государство стремится абсорбировать анклав, по крайней мере экономически, но нередко и политически. Во-вторых, материнское государство желает обеспечить нормальное управление анклавом и целостность страны. В-третьих, эти устремления противоречат друг другу, что ведет к неизбежному столкновению интересов.

Со вторым утверждением сложно не согласиться. Желание материнского государства обеспечить нормальное управление частью своей территории вне зависимости от того, отделена она или нет, является естественным. Первое и третье положение спорные. Всегда ли окружающее государство хочет абсорбировать анклав? Не обязательно. Оно может воздержаться от этого вследствие множества возможных причин. Например, экономической выгоды от близости анклава. Окружающее государство может также не захотеть брать на себя ответственность за экономическое развитие анклава и его административное управление. Более того, оно может ценить *статус-кво* анклава и по другим причинам, как в случае Швейцарии, которая не желала присоединять к себе Бюзинген и Ференахоф в целях сохранения своего нейтралитета. Учет издержек может предостеречь окружающее государство от принятия активных мер по присоединению анклава.

«Эксклавная проблема» Катудала перекликается с «проблемой Пойнт-Робертса», сформулированной американским географом Мингхи в 1960-х годах. Особенность пенеанклава Пойнт-Робертс состоит в его географическом положении при относительно высоком уровне интеграции между США и Канадой (передвижение

людей, законодательная конвергенция). Это привело к формированию такой ситуации, когда политическая и экономическая принадлежность анклава не совпадают. С политической точки зрения Пойнт-Робертс сохраняет свою связь с США и является населенным пунктом в округе Уотком штата Вашингтон. С экономической точки зрения он имеет прочные связи с Канадой, в особенности с Ванкувером. Фактически пенеанклав входит в рекреационную зону Ванкувера. Согласно Мингхи, «проблема Пойнт-Робертса» заключается в парадоксальной ситуации, сложившейся из-за наложения двух сфер влияния: во-первых, политической и во-вторых — сложившейся на более позднем этапе экономической сферы, включенности анклава в экономику Ванкувера и его пригородов (Minghi 1962, 31).

Интересно то, что не только анклавы стремятся быть экономически связанными с окружающей страной, но и наоборот, то есть эта связь имеет двусторонний характер. Анклав является неотъемлемой частью материнского государства с политической точки зрения, но экономически он тесно связан с окружающим государством. Двойственность экономических и политических связей анклавов может привести к возникновению напряженности в отношениях соответствующих государств.

Исследуя анклавы, мы говорим о «реальной политике» (*realpolitik*) наряду с геополитикой. Анклавная политика (под ней я понимаю политику в треугольнике МАО) главным образом выражается в форме *realpolitik*. Подходы к проблемам как материнского, так и окружающего государства подчинялись реалистической парадигме не только в первой, но и во второй половине XX века. Анклавная политика наиболее тесно связана с проблемой политических амбиций соответствующих государств. В некоторых случаях они могут получить от нее выгоду, а в других — пострадать. Долгое время Сеута и Мелилья настаивали на определенной степени автономности. Соответствующий законопроект в конце концов был принят 15 февраля 1995 года, но этому предшествовали десятилетия проволочек. Согласно законопроекту, Сеута и Мелилья получили статус автономных городов, но не автономных сообществ. Это означало фактическое расширение прав, но все же городам не предоставлялись законодательные полномочия, сравнимые с провинциями, находящимися в основной части страны. Голд (Gold 2000, 49) отмечает, что, хотя предоставление такого статуса не в полной мере удовлетворило ожидания населения, оно и не повлекло за собой сильной негативной реакции в Марокко: тре-

бования реальной политики диктовали учет мнения Марокко по данному вопросу в ущерб пожеланиями жителей анклавов. Зачастую материнское и окружающее государства используют анклав как орудие или разменную фишку в большой игре международной политики. Например, как Нагорный Карабах, так и Нахичевань участвуют в сложной политической игре между Азербайджаном и Арменией. Эти два анклава представляют собой ключевые проблемы в отношениях между соответствующими государствами (см. гл. 7).

Как отметил Робинсон, проблема выживания анклава всегда являлась трехсторонней, охватывающей материнское государство, окружающее государство и сам анклав. Однако преждевременно делать вывод о том, что успешное существование анклава зависит от постоянных уступок со стороны всех трех участников треугольника МАО. Несомненно главная угроза исходит от окружающего государства, которое может аннексировать или блокировать анклав. С одной стороны, вопрос будет заключаться в том, сможет ли твердая позиция материнского государства, преодолеть даже очень сильное намерение окружающего государства поглотить анклав. С другой стороны, защита анклава, в особенности небольшого, материнским государством, обычно трудноосуществима. Это касается не только полных анклавов, но и анклавов и эксклавов других типов. Вернемся к Армении и Азербайджану, где, кроме Нагорного Карабаха и Нахичевани, по обеим сторонам границы существовало множество микроанклавов. Вот только шесть из них: пять анклавов Азербайджана в Армении, а также армянский анклав в Азербайджане (Арцвашен). Все они были аннексированы окружающим государством. Находясь на другой стороне земного шара, и Португалия, и Великобритания не питали иллюзий, что они смогут защитить Гонконг и Макао в случае нападения Китая или Японии в начале Второй мировой войны. С другой стороны, иногда анклавов следует спасать не от прямой военной атаки, а от условий, сложившихся вследствие блокады или другого вида оказания давления со стороны окружающего государства. Военная защита представляет собой лишь одну сторону проблемы. Соображения безопасности, политики и экономической природы оказывают не менее значительное влияние на политику анклава в треугольнике МАО.

Сложность анклавной политики можно проиллюстрировать историей, которой жители Баарле-Хертога имеют полное право гордиться. Во время Первой мировой войны анклавный комп-

лекс очутился в уникальном положении. Германия соблюдала голландский нейтралитет; таким образом, Баарле, в отличие от большей части остальной территории Бельгии, не был оккупирован. В 1915 году немцы потребовали права пересечения территории анклава посредством главной дороги из Турнхоута в Баарле. Требование было отклонено Голландией, тщательно защищавшей свой нейтралитет. Деревня Баарле стала важной точкой противостояния и использовалась для доставки почты и газет. Наиболее впечатляющим эпизодом войны для Баарле-Хертога было функционирование радиотелеграфной станции, использовавшейся для шпионажа за германскими радиосообщениями. Станция была установлена тайно. Двигатель купили в Нидерландах, а основные материалы, включая 40 секций радиомачт, каждая из которых составляла 18 метров в длину, ввез местный ремесленник якобы для своих нужд. Первый радиоконтакт станция осуществила 17 октября 1915 года. Как только она была пущена в эксплуатацию, она начала перехватывать сообщения немцев, и о ее существовании стало сразу же известно. Однако немцы ничего не могли с этим поделать. Голландия начала осуществлять строгий контроль границы, а позднее, в 1916 году, возвела пятиметровый забор вокруг Баарле с восемью контрольными постами и ввела тщательный дозор всех лиц, въезжающих в анклав, и их имущества. Несмотря на эти меры, радиостанция продолжала работать до конца войны, а бельгийский флаг развевался на вершухе главной антенны на сорокаметровой высоте⁶⁷.

Многие проблемы, не являющиеся серьезными для «обычного» региона, находящегося в основной части страны, в анклаве возрастают до международного уровня. Следовательно, существование анклава в большой степени зависит от мирных, стабильных и благоприятных отношений между материнским и окружающим государством.

Международные конфликты

Конфликты в треугольнике МАО

Множество конфликтов, связанных с существованием анклавов, не является случайным совпадением. Анклавы — потенциальные точки конфликта. Они могут стать причиной возникновения напряженности в отношениях между материнским и окружающим

⁶⁷ Более подробно об этой истории можно прочитать в работах Уайта (Whyte 2004, 29–33) и Мальвоза (Malvoz 1986, 24–27).

государством, что приводит к вовлечению в серьезные столкновения или даже полномасштабные войны. Исследуя международные конфликты, возникающие вокруг анклавов, важно осознать то, что формально анклав не является одной из сторон в конфликте (за исключением тех крайне редких случаев, когда он борется за свою независимость). Такими сторонами становятся окружающее и материнское государства.

Почему вокруг анклавов возникают конфликты? Одна из причин — особая ситуация, в которой существует анклав. Обычно он зависит от окружающего государства по многочисленным показателям: во-первых, в вопросе доступа, во-вторых, в экономике (торговля, экспортные рынки), в-третьих, в поставках необходимых ресурсов (продукты питания, вода, электричество, вывоз мусора и т. д.). Следовательно, окружающее государство обладает мощными инструментами, с помощью которых оно может с легкостью оказать давление на анклав. Китайцы осознали это очень рано, еще в XVII веке, в случае с Макао. Политика оказания давления на анклав может, и обычно так на самом деле и происходит, быть нацелена на материнское государство.

А. Клемешев посвятил теме эксклавной конфликтогенности отдельную монографию, в которой подробно анализируется природа и механизмы конфликтов, связанных со спецификой эксклавов. Автор утверждает, что эксклавность объективно усиливает зависимость территорий от соседей и иностранного законодательства, в особенности касающегося транзитно-визового режима. Кроме того, в случае обострения отношений между материнским и окружающим государствами у последнего появляется соблазн «разыграть эксклавную карту», ограничив доступ в эксклав. Подчеркиваются такие источники конфликтогенности, как вопрос доступа (транзитно-визовый режим) и опасения окружающего государства в контексте мягкой безопасности (нелегальная иммиграция, преступность и т. д.) (Клемешев 2005в, 40–42).

Анклавные конфликты бывают трех типов:

1. Споры по вопросу суверенитета. Конфликты данного типа возникают тогда, когда окружающее государство оспаривает суверенные права материнского государства на анклав. Такие споры имеют самый высокий конфликтный потенциал. Они могут либо привести к войне, либо длиться очень долгое время, десятилетиями или даже веками. Как Гибралтар, так и Сеута и Мелилья стали причиной конфликтов по вопросу суверенитета. Даже в, казалось бы, не вызывающем проблем случае Баарле вопрос су-

веренитета привел к жесткому спору, для разрешения которого потребовалось решение Международного суда ООН (ICJ 1959). Что касается Куч Бехара, то ни Индия, ни Бангладеш никогда не оспаривали суверенитет над анклавами. Однако во время кризиса по поводу коридора Тин Бигха главный вопрос, касающийся в основном предполагаемой передачи суверенитета, стал наиболее взрывоопасным за все пятьдесят лет существования анклавного комплекса. Войны за независимость также относятся к данной группе, но образуют отдельный подтип. Хотя окружающее государство обычно вовлечено в конфликт напрямую или косвенно, в основном он развивается между материнским государством и анклавом.

2. Конфликты, касающиеся сугубо анклавных проблем.

Даже если суверенитет материнского государства над анклавом признается окружающей страной, напряженность в отношениях между ними может возникнуть, хотя и на более низком уровне. Само существование и географическое положение анклава могут стать причиной многочисленных проблем, которые трудно разрешить. Окончательное урегулирование границ может продолжаться в течение десятилетий, являясь причиной трений между материнским и окружающим государством. Непросто разрешить и проблему доступа. Существует также ряд проблем безопасности государства, таких как иммиграция, контрабанда, укрывание преступников, загрязнение окружающей среды. Даже успешные западноевропейские анклавы не защищены от конфликтов данного типа.

До недавнего прошлого контрабанда являлась проблемой для большинства из них (единственный в мире памятник контрабандистам расположен в Баарле!). Проблемы незаконной иммиграции, контрабанды и загрязнения окружающей среды часто поднимаются Европейским Союзом по отношению к Калининградской области.

Конфликт по сугубо анклавным проблемам может быть связан с особенностями экстерналий. Вследствие своего небольшого размера и чрезвычайной близости к территориям другого государства анклавы более подвержены внешним факторам, чем другие регионы. Возможны четыре варианта развития событий: 1) окружающее государство как источник негативных экстерналий; 2) анклав как источник негативных внешних эффектов по отношению к окружающему государству; 3) окружающее государство оказывается источником положительных экстерналий;

4) анклав является источником положительных экстерналий. Окружающее государство может быть заинтересовано в мониторинге производства и потребления в анклаве, чтобы обеспечить достаточный уровень экологической безопасности как для себя, так и для него.

Такие негативные экстерналии могут стать причиной серьезного политического давления и возникновения напряженности в отношениях между двумя или более государствами. Случаи положительных последствий также возможны, особенно в сфере образования и в плане поднятия уровня квалификации рабочей силы. Анклав также может оказать положительное воздействие на экономику окружающего государства (как произошло в случае Гонконга и Китая, когда анклав оказал заметное позитивное воздействие на экономику граничащих с ним провинций КНР), или, наоборот, окружающее государство оказывает положительное воздействие на анклав.

3. К третьему типу относятся репрезентативные или замещающие конфликты. Конфликты вокруг анклавов могут быть замещением крупномасштабной конфронтации между материнским и окружающим государством или между блоками, которые они представляют. Обычно такой конфликт имеет определенное отношение к анклаву; однако реальная причина его находится вовне. Например, миграционные конфликты в Сеуте и Мелилье являются репрезентативными для более крупной проблемы, существующей в отношениях между Испанией и Марокко и, в более широком плане, между ЕС и странами Магриба. Блокада Западного Берлина в 1948–1949 годах, сооружение Берлинской стены в 1961 году и сессии Бундестага в Западном Берлине в конце 1960-х годов были напрямую связаны с глобальным противостоянием западного и восточного блоков.

Конфликты по проблемам суверенитета

Межгосударственные споры первого типа имеют самый высокий конфликтный потенциал. Основной причиной их возникновения является существование сталкивающихся территориальных требований материнского и окружающего государств. Обе стороны считают себя полноправными владельцами анклавов. Конфликты, возникающие вследствие таких споров о территориальном суверенитете, обычно не только напряженные, но и длительные. Примером тому может послужить ситуация вокруг острова Мартин Гарсия, единственного анклава Южной Америки.

Остров Мартин Гарсия: окончание столетнего спора

Мартин Гарсия — остров, принадлежащий Аргентине, но окруженный территориальными водами Уругвая. Площадь его составляет примерно 2 км², численность населения — 200 человек. Остров стал причиной векового спора между Аргентиной и Уругваем, окончательно разрешенного только в 1973 году, когда государства достигли соглашения, вновь подтвердив юрисдикцию Аргентины. Согласно основным пунктам соглашения, Мартин Гарсия должен использоваться исключительно как природный заповедник.

Графство Венессэн

Переданный Папе в 1218 году, Венессэн не принадлежал Франции до 1791 года. Как и Авиньон, он представлял собой папский анклав во Франции. С ускорением консолидации государства короли Франции неоднократно предпринимали попытки подчинить себе анклавы. Причиной стали не только стратегические и военные, но также и экономические соображения, так как в анклавах проводилась самостоятельная экономическая политика, зачастую несовместимая с политикой французских королей. Анклав оккупировался французскими войсками в 1663, 1668 и 1768–1774 годах. Во время правления Людовика XIV первый министр Кольбер наложил на анклав чрезвычайно высокие таможенные пошлины. В 1734 году Людовик XV запретил жителям Венессэна выращивать табак и производить набивной ситец. Только в 1791 году, в ходе Французской революции, буржуазия и купцы Авиньона, заинтересованные в дезанклавировании города, способствовали присоединению анклава к Франции. Закон о переходе анклавов под суверенитет Франции вступил в силу 14 сентября 1791 года. Святой престол признал аннексию анклава только в 1814 году.

Обычно территориальное требование становится делом принципа для обоих государств. В материнском государстве анклав воспринимается как материальное олицетворение его территориальной целостности. Позиция материнского государства становится настолько категоричной, что ее нельзя смягчить никакими аргументами экономической направленности. В таких условиях блокада или любой другой путь оказания давления на материнское государство с помощью анклава будут безуспешными. Удар будет направлен напрямую на жителей анклава даже в том случае, если материнское государство обеспечит ему интенсивную поддержку.

Существование Сеуты и Мелильи не оказывает сильного негативного воздействия на отношения между Испанией и Марокко. Анклавы послужили независимым фактором, способствующим

возникновению конфликтов. Испания занимает твердую позицию по проблеме суверенитета над Сеутой и Мелильей, несмотря на высокие издержки для государства. Марокко продолжает настаивать на своих правах владения обоими анклавами. Таким образом, анклавы представляют собой независимый фактор, играющий значительную роль в двусторонних отношениях между Испанией и Марокко, тогда как окружающее государство использует анклавы как козырь в международной игре. Несмотря на постоянно высказываемые притязания на владение Сеутой и Мелильей, Марокко смирилось с их существованием в качестве испанских плацдармов. Какими бы серьезными ни были территориальные требования Марокко, они все равно воспринимаются как нечто, что вряд ли серьезно испортит отношения с Испанией. Скорее это аргумент для приобретения совсем других преимуществ, таких как кредитные линии или финансовая помощь. Эта история, начавшаяся с 1956 года, когда Марокко получило независимость, показывает, что анклавы вряд ли являются причиной для возникновения серьезных политических расхождений между двумя государствами. Тем не менее, они вызывают локальные конфликты, сдерживающие прогресс в других областях сотрудничества.

Однако история конфликта относительно иранского острова Перехиль, изложенная в гл. 4, показывает, что кажущиеся незначительными конфликты могут стать непропорционально серьезными и приобрести чрезвычайную важность для вовлеченных в конфликт государств.

Борьба за независимость: гражданская война в анклав

Случаи, когда анклав борется за свою независимость, являются исключительными, но когда такое все же случается, это приводит к гражданской войне, так как материнское государство обычно не желает «отпускать» анклав. Единственным случаем, когда эксклав смог получить независимость, стал Восточный Пакистан, современный Бангладеш. Так как Пакистан, делящийся на Западную и Восточную части, был искусственным образованием, напряженность в отношениях между Восточным и Западным Бенгалом постепенно перешла в гражданскую войну, в результате которой в 1971 году Бангладеш получил независимость. Участие индийской армии, выступавшей на стороне мятежников, явилось ключевым фактором их успеха. Сепаратизм Восточного Бенгала, в котором проживало более половины национального населения, рос парал-

лельно с ростом неудовлетворенности федеральным правительством. Затем развитие получило движение в поддержку полной независимости.

Таблица 8.1. Население Западного и Восточного Пакистана в 1950–1970-х гг., млн человек⁶⁸

Год	Западный Пакистан	Восточный Пакистан
1950	39,5	45,7
1960	50,4	54,6
1970	65,7	67,4

Лига Авами во главе с шейхом Муджибом получила подавляющее большинство в Национальном Собрании, заняв 153 места из 163 возможных для Восточного Пакистана. Открытая сессия Национального Собрания, назначенная на март 1971 года, дважды откладывалась Яхья Ханом, который впоследствии отменил результаты выборов, запретил Лигу Авами и заключил в тюрьму шейха Муджиба по обвинению в государственной измене. Двадцать шестого марта 1971 года Восточный Пакистан объявил о создании независимого государства Бангладеш. Незамедлительно в нем было введено военное положение, и оно было оккупировано пакистанской армией, состоявшей исключительно из войск Западного Пакистана. Гражданская война стоила сотен тысяч человеческих жизней. Индия начала поддержку Бангладеш 3 декабря 1971 года, отправив свои войска в Восточный Пакистан. В ходе двухнедельной войны между Пакистаном и Индией войска Западного Пакистана сдались, и на всех фронтах было объявлено о прекращении огня.

Также существуют случаи сепаратистских движений, закончившихся поражением. Кабинда, эксклав Анголы, никогда не прекращала борьбу за независимость. Но, к несчастью для жителей Кабинды, она богата нефтью (считается «Кувейтом Западной Африки»). Крайне бедная Ангола, около половины доходов бюджета которой поступает от продажи нефти, готова сделать все возможное, чтобы удержать Кабинду. Численность кабиндцев оценивается в 300 тыс. человек, хотя действительно проживает в эксклаве не более половины из них. Остальные живут на окружающих территориях, характеризующихся общей стабильностью, то есть в Конго и Заире. Кабинда стала протекторатом Португалии после подписания Симуламбукского договора в 1885 году и

⁶⁸ www.geohiv.com

с начала 1900-х годов известна как Португальское Конго. Жители Кабинды основывают свое требование независимости на том факте, что она никогда не являлась частью Анголы и, в соответствии с Симуламбукским соглашением, является португальским протекторатом. В 1956 году Португалия объединила управление своим протекторатом Кабинда с управлением колонией Анголой. Впоследствии Кабинда была передана Лиссабоном правительству Анголы после получения последней независимости в 1975 году. Сепаратистское движение возглавляется Фронтом освобождения анклава Кабинды (FLEC). За последние 25 лет в результате столкновений в эксклаве погибло около 30 тыс. человек.

Конфликты по сугубо анклавным проблемам

Конфликты второго типа, касающиеся сугубо анклавных проблем, возникают по поводу урегулирования границы, проблем доступа, мягкой безопасности и негативных экстерналий.

- Урегулирование границ может стать очень болезненным вопросом. Даже небольшие, полностью окруженные сушей анклавы обладают протяженной и часто запутанной границей (например, граница в Баарле составляет 35 км, а граница в анклавах Куч Бехара отличается чрезвычайной сложностью). Разрешение проблем пограничного урегулирования может занять десятилетия и потребовать принятия сложных политических решений. Демаркация границы Баарле произошла только в 1995 году. Соглашение по урегулированию границы Оман-ОАЭ, включая полуостров Мусандам и Мадху, было подписано и ратифицировано только в 2003 году. Несколько километров границы на территории Куч Бехара остаются последней неурегулированной частью границы между Индией и Бангладеш.

- Проблемы доступа в анклав (транзит, коридоры, поставки электричества, воды, газа и т. д.). Выше уже рассматривался случай «войны стоп-знаков» на нейтральной автомагистрали D68, ведущей из Испании в Ливию. В качестве компенсации анклавного статуса в собственность Ливии была передана крупная французская территория, предназначенная для фермерства и лесного хозяйства. Строительство на этой территории французской гостиницы привело к многочисленным гражданским судебным искам между Францией и Испанией. В результате стороны договорились о том, что гостиница станет собственностью Ливии в 2030 году. Другая территория — к востоку от озера — в 1831 году по решению суда была передана Франции. Таким образом, очевидно,

что анклавов обладают определенным конфликтным потенциалом даже в настоящее время и могут стать причиной возникновения напряженности в отношениях между двумя странами-участниками ЕС.

- Проблемы мягкой безопасности и негативных экстерналий. Это иммиграция, контрабанда, укрывание преступников и загрязнение окружающей среды, которые можно обобщить как «негативные экстерналии». Некоторые внешние эффекты, такие, как загрязнение окружающей среды, вызывают отрицательные последствия не только для своего собственного сообщества. В случае анклава, если негативные внешние эффекты существуют, то они, скорее всего, распространятся на окружающее государство вследствие его непосредственной близости. Вероятнее всего, окружающее государство не будет терпеть это. А так как оно не имеет власти над анклавом, такая ситуация может привести к возникновению напряженности в отношениях внутри треугольника МАО.

Гибралтар, вечный «камень преткновения Испании», является причиной постоянных конфликтов между Испанией и Великобританией. Можно привести несколько примеров конфликтов, произошедших за последние десятилетия. Например, Испания не признала самоуправление Гибралтара и продолжила обсуждать проблемы анклава исключительно с Лондоном (а иногда через Брюссель). Конфликты возникают снова и снова, даже по незначительным причинам. Например, Испания не хотела признавать водительские права Гибралтара, на которых написано «Соединенное Королевство (Гибралтар)», рассматривая данное выражение как незаконное с точки зрения Испании. Более того, Испания отказалась признать международный телефонный код Гибралтара. Одним из недавних конфликтов явился рыболовный спор 1998–1999 годов. Правительство Гибралтара запретило испанским рыбакам ловить рыбу в территориальных водах анклава, а они ловили ее там веками. Испания не согласилась с этим, и попросила восстановить права рыбаков, указывая на то, что в соответствии с Утрехтским соглашением 1913 года Гибралтар не имел права на территориальные воды. Конфликт перешел на международный уровень, когда испанские рыбаки были арестованы полицией Гибралтара. В ответ на это рыбаки перекрыли контрольный пункт на границе. Позднее Испания усилила пограничные посты, что привело к простаиванию граждан в длинных очередях и к снижению пропускной способности жизненно важной транспортной артерии. Несмотря на то, что конфликт был не

настолько серьезным, чтобы называть его «шестнадцатой осадой», тем не менее он оказал негативное влияние на отношения между Англией и Испанией в целом и стал препятствием для налаживания отношений между Гибралтаром и Испанией в частности.

Особенностью Гибралтара является то, что как Великобритания, так и Испания являются членами ЕС и НАТО. Однако обе организации признали деликатность проблемы и приняли все возможные меры, чтобы не вмешиваться в дело Гибралтара. Вместо этого они оставили проблему на разрешение в двустороннем порядке Великобританией и Испанией. Подобным образом Сеута и Мелилья также исключены из области ответственности НАТО, а также из Единого рынка ЕС.

Репрезентативные конфликты

На примере Берлинского кризиса июня 1948 — мая 1949 годов можно продемонстрировать суть репрезентативного конфликта. Напряжение в отношениях между формирующимися западным и восточным блоками возникло сразу же после окончания Второй мировой войны. Стороны боролись за оккупированную Германию, а Берлин стал эпицентром конфликта на европейской почве. Непосредственной причиной этому послужило проведение союзниками валютной реформы в Западном Берлине. Советский Союз начал блокаду Западного Берлина, который затем был полностью окружен Советской оккупационной зоной. Блокада использовалась для оказания давления на союзников и для того, чтобы заставить их покинуть Западный Берлин. Об этом открыто говорилось в заявлении Советского Союза от 16 июня 1948 года (Heidelmeyer 1962). Но союзники не сделали этого, а организовали знаменитый «Воздушный мост» для осуществления поставок продовольствия и сырья в окруженный город и в гарнизон. В конце концов Советский Союз снял блокаду, длившуюся 11 месяцев, в мае 1949 года и согласился на правила транзита из Федеративной республики Германии в Западный Берлин. Двенадцать лет спустя правительство Восточной Германии закончило срочное строительство Берлинской стены. Несомненно, оба события, блокада 1948–1949 годов и возведение Берлинской стены в 1961 году, связаны с самим фактом существования анклава. Однако главной причиной в обоих случаях являлся конфликт между блоками во время Холодной войны.

Еще одним репрезентативным конфликтом является проблема нелегальной иммиграции марокканцев в испанские анклавы

Сеуту и Мелилью, являющейся частью более масштабной проблемы незаконной иммиграции из Северной Африки в Испанию и в Евросоюз в целом. Главная причина этого — экономическое неравенство. Средний доход в Испании обеспечивал покупательную способность более чем в пять раз выше, чем в Марокко (22 тыс. долларов США против 4 тыс. в Марокко по паритету покупательной способности).

В Сеуту постоянно прибывают переселенцы из Северной Африки. Большинство из них марокканцы, но в последние годы наблюдается рост числа мигрантов из других стран Африки, таких как Сенегал и Камерун, а также из Азии, например из Индии и Пакистана (Wiedermann 2004). В 1998 году вокруг Сеуты было возведено современное высокотехнологичное ограждение. Стоимость этого пограничного периметра в 1998 году составила 36 млн долларов плюс 18 млн было затрачено дополнительно в 2000 году на усовершенствование ограждений, что составляет около 800 долларов на каждого жителя Сеуты.

Конфликты по поводу Гибралтара

Как же много метафор использовалось применительно к Гибралтару! Показательно то, что большинство из них имеют негативный смысл. Гибралтар называли «колючкой в боку Испании», «кровоточащей раной» в отношениях между Великобританией и Испанией и даже «язвой» (Levie 1983, X). Применительно к нему употреблялось выражение «Гибралтар, Гибралтар, испанский Карфаген должен быть разрушен» (речь Васки де Мела 1915 года, цит. по Atkinson 1951, 86). Фелипе Гонсалес, испанский премьер-министр в 1982–1986 годах, охарактеризовал различие в отношении Великобритании и Испании к анклаву следующим образом: «Для британцев Гибралтар — как обычный визит к стоматологу один раз в год. Нам же он мешает, как камень в ботинке в течение всего дня» (Financial Times, 9.05.1991). Последняя метафора была использована Питером Голдом в качестве заголовка для его первой книги по Гибралтару (Gold 1994). В связи со сказанным выше следует сделать два замечания. Гибралтар не только является камнем в ботинке Испании «в течение всего дня». Он все же остается проблемой и для отношений между материнским и окружающим государством, хотя и гораздо меньшей. Даже одно посещение стоматолога в год не доставляет удовольствия. Кроме того, забота об анклавных издержках дорого обходится Великобритании (анклав обрел финансовую независимость только в 1990-х годах, и даже

после этого сохранились многочисленные косвенные издержки, иногда являющиеся довольно значительными)⁶⁹.

В истории Гибралтара обычно выделяют четыре отдельных периода:

1. Ранний период: доисторическая эпоха до 711 года н.э.
2. Мусульманский период: с 711 по 1462 годы.
3. Испанский период: 1462–1704 годы.
4. Британский период: с 1704 года до настоящего времени.

Британская и голландская армии оккупировали мыс в 1704 году в ходе войны с Испанией. «Право собственности» Британии над Гибралтаром было закреплено в Утрехтском договоре 1713 года. Таким образом, период суверенитета Испании длился 242 года — меньше, чем британский. В 2004 году Гибралтар отпраздновал трехсотлетнюю годовщину британского присутствия в анклаве. В течение этого времени конфликт по проблеме суверенитета продолжал оказывать влияние на отношения между Англией и Испанией и, несомненно, на сам Гибралтар. Конфликт разыгрывается в треугольнике МАО, где Гибралтар представляет собой независимого и активного игрока. Являются ли современные отношения между Великобританией и Испанией по проблеме Гибралтара прекращением спора или они представляют собой «только спящий вулкан, готовый к извержению в подходящее время?» (Levie 1983, 2). Исследуя потенциальные решения, Леви приходит к следующему выводу: «... в обозримом будущем Гибралтар будет принадлежать Великобритании. Однако всегда существует вероятность того, что произойдут события, которые изменят ситуацию с невероятной быстротой; и что бы ни случилось, можно прогнозировать, что до конца века Гибралтар перейдет под суверенитет Испании. Но нельзя ответить на вопросы, как задолго до конца столетия? И при каких условиях?» (Levie 1983, 117). Несмотря на это утверждение, и в 2000-х годах Гибралтар остается под властью Великобритании.

Позиция лидеров Гибралтара по данной проблеме всегда оставалась твердой. Джошуа Хассан, лидер Ассоциации в защиту гражданских прав с 1947 года, известен благодаря своим непреклонным взглядам на проблему. Он стал первым премьер-мини-

⁶⁹ Кажется, испанцы вошли во вкус относительно использования «стоматологических» метафор касательно Гибралтара. В 1991 году Хосе Мария Аснар, лидер Народной партии и будущий премьер-министр Испании, сказал: «Совершенно нелогично, что такая крошечная колония вызывает постоянную зубную боль у 40 миллионов испанцев» (El País, 30.10.1991).

стром Гибралтара после принятия Конституция 1964 года и занимал этот пост — с перерывом в 1969–1972 годах — до 1987 года. В 1987 году премьер-министром Гибралтара стал Адольфо Канепа, подчеркнувший в первом же своем публичном выступлении, что Гибралтар не перейдет под суверенитет Испании даже через 100 лет (El País, 11.12.1987, цит. по Gold 2005, 97). Его взгляд на проблему наиболее точно соответствует тому, что предсказывает теория анклавов (см. гл. 5) в случае, если не произойдет кардинальных изменений в составе населения анклава.

Голд поднимает сходный вопрос в названии своей монографии: будет ли Гибралтар принадлежать Испании или Великобритании? Он приводит три фактора (Gold 2005, 2–5). Во-первых, несмотря на то, что Гибралтар — одна из шестнадцати территорий, остающихся в списке ООН в качестве подлежащих деколонизации, условно это не является выбором для анклава, так как в Утрехтском договоре говорится, что если Британия захочет «подарить, продать или любым способом передать» права собственности над Гибралтаром, Испании в этом случае будет предоставлено преимущество. Гибралтар в полном смысле не является колонией, выступающей за независимость (население ее не хочет) или организующей свободную ассоциацию с Великобританией (которую гибралтарцы считают привлекательным выбором), или требующей интеграции с метрополией (что жители Гибралтара также находят привлекательным, но что полностью отвергается Великобританией). Во-вторых, политика изоляции Гибралтара, проводимая Франко, в действительности вызвала отчуждение анклава от Испании. Еще многие годы в будущем, даже если Испания сделает все возможное, чтобы изменить свое отношение к анклаву, жители Гибралтара будут смотреть на своего соседа с недоверием. В-третьих, большое значение имеет длительный срок под британским суверенитетом. В 2004 году Гибралтар отпраздновал его трехсотлетие. Фактически к настоящему времени Гибралтар находится под властью Великобритании гораздо больше времени, нежели он принадлежал Испании. В XVIII веке Великобритания готовилась к передаче Гибралтара по нескольким причинам. Однако с течением времени возникли не только стратегические интересы, но также значительно изменились отношения.

В своей работе Голд также перечисляет географические факторы, присущие случаю Гибралтара. Во-первых, хотя и менее значимый в настоящее время, чем в эпоху морских империй: «Скала» («The Rock», как часто называют Гибралтар) сохраняет свое страте-

гическое значение в качестве важного разведывательного центра НАТО. Один из командных центров НАТО, GIBMED, расположен в Гибралтаре. Во-вторых, небольшой размер анклава также представляет собой важный фактор. Ему будет сложно добиться полной независимости и быть самодостаточным с точки зрения экономики и обороны. В-третьих, Гибралтар, также как его материнское и окружающее государства, расположен в Европе. Это делает его более чувствительным к внутренней политике Великобритании, нежели любую африканскую или азиатскую колонию. Бывший министр иностранных дел Великобритании, Лорд Гэррингтон, однажды сказал: «проблемой для Испании является то, что Гибралтар расположен в Европе... проблема была бы урегулирована, также как проблема Родезии и Гонконга, если бы испанцы были африканцами или китайцами» (El País, 4.08.1987, цит. по Gold 2005, 4). В-четвертых, спорными являются две территории — сам город и перешеек, связывающий Гибралтар с Испанией. В Утрехтском договоре ничего не говорится о правах собственности на перешеек, оккупированный Великобританией в 1814 году.

В конце концов, два других фактора уменьшают энтузиазм Испании в отношении Гибралтара. Испании приходится разбираться не только с Гибралтаром, но также с двумя собственными эксклавами на побережье Марокко, Сеутой и Мелильей. Марокко осложняет ситуацию, каждый раз предъявляя требования на эти территории, когда наблюдается прогресс по проблеме Гибралтара. Однако Испания настаивает на том, что нельзя проводить параллели между ее североафриканскими эксклавами и Гибралтаром. И, в заключение, важным является то, что в игре участвует возрастающий сепаратизм или интерес в самоопределении испанских регионов, особенно Страны Басков и Каталонии. Если Гибралтар перейдет под суверенитет Испании и степень его автономности будет выше, чем аналогичный показатель даже самых автономных испанских сообществ, это неизбежно приведет к возрастанию требований большей автономности нестабильными регионами. Эти два фактора объясняют, почему Испания сдерживает свои попытки вернуть суверенитет над Гибралтаром.

Проведение параллелей между анклавами

При поиске политического и экономического решения для Гибралтара часто проводятся параллели с другими анклавами. Кроме Сеуты и Мелильи, особый интерес в Испании вызвал Гонконг, когда Великобритания начала двигаться в направлении

соглашения по передаче Гонконга КНР в 1984 году. Особенно важным фактом с точки зрения спора по Гибралтару является то, что Великобритания готовилась к передаче (и действительно осуществила ее) не только «новых» территорий, бывших объектами 99-летней аренды по Нанкинскому договору, но также острова Виктории (Гонконга) и полуострова Коулун, переданных в вечное владение Великобритании и не являвшихся объектами аренды. Две последние территории имели равный юридический статус с Гибралтаром.

Однако существует ряд несоответствий. Новые территории, остров Виктория и полуостров Коулун, не включая сам Гонконг, были экономически несостоятельны и несамостоятельны. Более того, Великобритания приняла передачу суверенитета над Гонконгом без прямого учета мнения его жителей. Тем временем два референдума, проведенные в Гибралтаре, однозначно продемонстрировали, что его жители хотят остаться гражданами Великобритании. В конце концов, несмотря на то, что Гонконг имел большую степень экономической свободы, в нем практически не было демократии (кроме полудемократического Совета, инициированного губернатором Крисом Паттенем за несколько лет до передачи суверенитета). В противоположность этому, в Гибралтаре действует демократическая система и демократические выборы в Собрание, его представительный законодательный орган.

Неизбежны параллели между Гибралтаром и Сеутой и Мелильей. Марокко внимательно следит за развитием проблемы Гибралтара и не упускает возможности сравнить два этих случая, чтобы подкрепить свои требования на анклав, находящиеся на побережье Марокко. Великобритания, со своей стороны, проводит такие же сравнения, хотя и с абсолютно противоположного угла зрения. Денис МакШейн, министр иностранных дел Великобритании, в 2003 году прокомментировал ситуацию так: «Гибралтар для Британии является тем же, что Сеута и Мелилья для Испании. Он не является частью нашей территории, но люди, живущие там, ощущают себя по большей части британцами, так же как население Сеуты и Мелильи ощущает себя стопроцентными испанцами» (*El País*, 8.06 2003; цит. по Gold 2005, 322). По мнению МакШейна, гибралтарцы могли бы частично изменить свое отношение только после «длительного периода очень спокойных и дружественных отношений с Испанией», который продлился бы 25–30 лет (там же).

Параллели проводятся и в сфере экономики. И в этом случае также в качестве главного объекта сравнения выступает Гонконг. Это вполне естественно, так как Гонконг бесспорно является историей успеха, которую многие хотели бы повторить. Каждая из сторон проводит параллели в тех аспектах, где сравнение кажется им выгодным. Испанцы сравнивали Гибралтар и Гонконг в сфере политики. В противоположность этому сами жители Гибралтара сопоставляют скорее экономические основания. Например, Гибралтар охотно предлагал себя на роль крупного финансового центра в качестве альтернативы Гонконгу (Gold 2005, 119). Делегация Гибралтара в 1989 году предприняла рекламный тур на Дальний Восток, а справочно-информационное бюро Гибралтара было открыто в Гонконге как попытка привлечь глобальных финансовых игроков Гонконга, ищущих новое место базирования, так как будущее «азиатского тигра» под властью Китая стало неопределенным. Проведение параллелей касается не только Гибралтара. Это типично для тех случаев, когда анклав попадает в провокационные ситуации. Сеута и Мелилья неоднократно ссылались на Гонконг. Это коснулось и Калининградской области 1990-х годов, когда только что образованный анклав находился в отчаянном поиске новой экономической специализации после разрыва экономических связей внутри распавшегося Советского Союза. Зачастую и Гонконг сравнивали с другими анклавами. Губернатор Гонконга в 1883–1885 годах сэр Джордж Бауэн неоднократно утверждал, что «Гонконг является восточным Гибралтаром» (Endacott 1973, 204). После Второй мировой войны министр иностранных дел Великобритании, Эрнест Бевин, однажды назвал Гонконг «Берлином ... Востока» (Welsh 1993, 443).

Решения для Гибралтара

Когда в 1704 году Великобритания завладела Гибралтаром, испанскому гражданскому населению полуострова был предоставлен выбор: уехать или остаться. Около 4 тыс. жителей уехали, увезя с собой столько своего личного имущества, сколько было физически возможно забрать. Большинство из них поселилось вблизи Эрмитажа Сан Рога, в нескольких милях к северу от Гибралтара. Только около 70 человек (главным образом гемуэзские рыбаки) остались, что было разрешено им при условии, что они поклянутся в преданности королю Чарльзу III. Следовательно, почти всё (более 98%) испанское население покинуло город, и он был снова заселен практически с нуля.

Таблица 8.2. Динамика роста населения Гибралтара⁷⁰

Год	Гибралтарцы британского происхождения	Британцы	Не британцы	Итого
1704	–	–	70	70
1787	–	512	2874	3386
1891	14244	2426	2341	19011
1961	17985	4809	1132	24026
1979	19515	6760	3485	29760
2002	22882	2627	1986	28520

Самый быстрый прирост населения произошел в XIX веке, несмотря на вспышки эпидемии желтой лихорадки, каждая из которых стоила городу нескольких тысяч жизней. К 1815 году численность гражданского населения Гибралтара выросла на 10 тыс. человек, частично благодаря притоку иммигрантов, бегущих из Генуи и от набора в армии Наполеона в начале века. К концу XIX века численность населения анклава достигла 19 тыс. человек, подавляющее большинство которых (около 17 тыс.) являлись британскими гражданами, рожденными в Гибралтаре (Jackson 1987, 181, 246). За последние тридцать лет численность населения стабилизировалась. Дальнейший рост стал невозможным вследствие небольшой территории мыса, площадь которого составляет 6,5 км².

В настоящее время население анклава — уникальный конгломерат людей, среди которых британцы, киприоты, французы, генуэзцы, ирландцы, индийцы, евреи, мальтийцы, мавры, испанцы и т. д. Джошуа Хассан, главная фигура политики Гибралтара, в 1986 году сказал: «...мы — организованное сообщество, пришедшее из многих частей Европы, но сегодня идентифицирующее себя как народ. [Мы являемся] смесью средиземноморской и англосаксонской культур, а именно гибралтарцами». Далее он утверждает, что если бы Гибралтар не был таким маленьким, он бы уже стал независимым: «Мы — жертвы географии, а не истории» (El País, 21.09.1986, цит. по Gold 2005, 81).

В 1998 году Великобритания провела реорганизацию сфер ответственности правительства над оставшимися колониями. К тому времени оставалось 13 колоний, общая численность населения

⁷⁰ Источник: Levie (1983, 126) — данные за 1704–1979 годы;

<http://www.gibnet.com/data/facts.htm> — данные за 2002 год.

которых составляла 180 тыс. человек. В будущем все эти колонии должны были стать заморскими территориями Великобритании. Реорганизация касалась всех колоний, за исключением Гибралтара. Официальной причиной исключения Гибралтара из данного списка было его ассоциированное членство в ЕС, которое, как утверждалось, обуславливало особое отношение к нему, хотя, несомненно, спор между Англией и Испанией также сыграл свою роль.

В XVIII веке Испания предприняла несколько попыток возвращения анклава с помощью военной силы. Наиболее знаменательной из них была блокада 1779–1783 годов. С 1960-х годов, когда международный климат благоприятствовал деколонизации, Испания инициировала несколько резолюций ООН с целью разрешения проблемы. В 1969 году Испания, находящаяся под властью генерала Франко, попыталась принудить Великобританию к участию в переговорах путем установления блокады Гибралтара. Граница между Гибралтаром и Испанией была перекрыта 25 июня 1969 года; в тот же день приостановили паромное сообщение из Альхесираса; 1 октября прервалась телефонная и телеграфная связь Гибралтара с Испанией. Испанские рабочие, составлявшие значительную и важную часть рабочей силы Гибралтара, были вынуждены покинуть город. Однако блокада не принесла серьезного вреда экономике мыса, так как материнское государство оказывало поддержку своему эксклаву. Более того, она только укрепила желание жителей Гибралтара остаться под властью Великобритании и способствовала их дальнейшему отчуждению от Испании (Gold 2005, 2). Позднее демократическая Испания признала блокаду серьезной ошибкой. Анклав не только не сдался, но его жители прониклись сильной антипатией и чувством недоверия к Испании. Одна из жительниц Гибралтара, которой в год начала блокады было 18 лет, выступила на референдуме 2002 года: «До блокады мы имели больше сношений с Испанией. Когда граница была закрыта, мы стали ближе к Великобритании, и теперь, даже когда границы открыты, отношения не такие, какими они были прежде» (El País, 3.11.2002, цит. по Gold 2005, 328). Сухопутная граница была частично открыта в декабре 1982 года, а полностью — к 1985 году. Она не функционировала в течение 16 лет.

Какие же решения приемлемы для Гибралтара? Из всех анклавов, существующих в мире, Гибралтар, возможно, привлекал к себе самое большое внимание, даже больше чем в свое время Гонконг, в плане поиска потенциального политического решения.

За многие годы был разработан и исследован ряд вариантов. Основными являются следующие:

1. Суверенитет для Гибралтара. Независимость Гибралтара повлечет за собой многочисленные проблемы. Во-первых, тогда как материнское государство, возможно, не выработает твердую позицию, Испания будет сильно протестовать против такой перспективы. Во-вторых, экономическая несостоятельность суверенитета часто выступает в качестве аргумента «против». В-третьих, членство в ЕС вряд ли будет предоставлено анклаву вследствие его небольшого размера. Обретение суверенитета сделает Гибралтар гораздо менее привлекательным в качестве оффшорного центра. И, возможно, важнее всего то, что жители Гибралтара не хотят суверенитета.

2. Свободная ассоциация с Великобританией.

3. Возможным решением является введение совместного англо-испанского управления Гибралтаром. Одна из проблем в связи с этим решением — то, что Великобритания будет рассматривать любое достигнутое соглашение как постоянное, тогда как Испания не готова отказаться от своего требования полного суверенитета над анклавом. Однако наибольшим препятствием является полное неприятие этой идеи со стороны жителей Гибралтара.

4. Определенная форма интеграции с Великобританией. Согласно данным опроса населения, проведенного в 2003 году, 39% выступили за интеграцию, 32% — за свободную ассоциацию, 12% — за переговорное урегулирование, 9% — за независимость и 6% — за текущий статус-кво (колониальный статус) (Gibraltar Chronicle, 13.03.2003, цит. по Gold 2005, 335). Аргументом большинства политических лидеров Гибралтара является то, что интеграция будет означать снижение нынешнего высокого уровня самоуправления. Также стоит вопрос выгодной налоговой политики, на основе которой построено текущее экономическое процветание Гибралтара. Интеграция — неприемлемый вариант для Великобритании по трем основаниям: это повлечет за собой возникновение сложностей в отношениях с Испанией; возникновение сложностей в отношениях с ООН; это приведет к тому, что другие колонии захотят последовать примеру Гибралтара.

5. «Андоррское решение», при котором суверенитет перейдет в руки Гибралтара, а ответственность за оборону останется за Британией и Испанией.

Министр иностранных дел Испании заявил, что в случае Гибралтара сложилась анахроничная ситуация, противоречащая ло-

гике истории. И наоборот, британская сторона утверждает, что «Испания до сих пор участвует в крестовом походе по возвращению Скалы, и испанская концепция достойна Средних веков» (Muller 2004, 43). Особенно примечательным является то, что Испания использует такой же аргумент по отношению к Сеуте и Мелилье, но меняет в этом случае свою роль на противоположную.

Очевидно, что позиция жителей Гибралтара — неотъемлемая часть любого решения. Мнение гибралтарцев играет ключевую роль при ответе на вопрос, должен ли Гибралтар остаться под властью Британии, быть возвращен Испании или стать независимым. Любое соглашение, достигнутое по этому вопросу между Великобританией и Испанией, будет вынесено на референдум в Гибралтаре. Великобритания, скорее всего, не будет пренебрегать общественным мнением жителей Гибралтара. Уже к концу XIX века британцы развили в себе «эмоциональную, хотя и в некоторой степени иррациональную, привязанность к Гибралтару» (Harvey 196, 129), сохраняющуюся и по сей день. Согласно результатам опроса общественного мнения 2002 года в Великобритании, 79% населения Англии поддержали идею того, что жителям Гибралтара нужно предоставить возможность самим определять свое будущее (The Times, 19.03.2002; цит. по Gold 2005, 289). Что касается Испании, то она неохотно принимает точку зрения жителей Гибралтара, так как, по крайней мере, ее официальная позиция гласит, что «жители Гибралтара не имеют права вето на вопросы, обсуждаемые двумя суверенными государствами» (El Pais, 30.10.2001). Другой проблемой является то, что Великобритании придется сохранить свои военные силы на территории Гибралтара.

Впервые жители Гибралтара дали определенный ответ на вопрос о будущем анклава в ходе референдума 1967 года, в котором участвовали 12237 человек из 12762 имеющих право голоса. Это составляет чрезвычайно высокий уровень участия в выборах — 95,9%, что показывает глубокую заинтересованность жителей Гибралтара вопросом, поднятым на референдуме. За Великобританию проголосовали 99,2% избирателей (Levie 1983, 112).

Несколько лет спустя, 10 ноября 1987 года, 12 тыс. жителей продемонстрировали свое отношение к проблеме, обратясь к британскому правительству с требованием не делать никаких уступок Испании по поводу аэропорта. Демонстрацию возглавляли Хассан и Боссано, лидеры двух крупнейших партий. Несмотря на

расхождения по другим проблемам, их позиции по вопросу суверенитета полностью совпадали.

Жители Гибралтара снова убедительно доказали свое намерение остаться под властью Великобритании в ходе референдума 2002 года. Все политические партии объединили свои усилия, чтобы сорвать любые переговоры между Англией и Испанией. Почти все население анклава вышло на улицы (по оценкам полиции, в демонстрации принимало участие 25 тыс. человек, при том что общая численность населения анклава составляла 29 тыс.). Возможно, эта демонстрация была крупнейшей в мировой истории по показателю процентной доли демонстрантов от общей численности населения. Правительство Гибралтара настаивало, что «данный референдум не предполагает „диалога“ или „приемлемых решений“. Он касается уважения нашей воли и наших политических прав. Он касается отказа от совместного управления в принципе и в качестве концепции» (Government of Gibraltar Press Releases, 207, 5.11.2002). Явка на референдум, состоявшийся после демонстрации, составила 87,9%; 98,97% из них (или 17900 голосов) было отдано в пользу отказа от концепции совместного управления; против высказалось всего 187 человек. Премьер-министр Гибралтара подвел итоги результатам выборов: «Уважаемые жители Гибралтара! Сегодня мы послали миру четкое сообщение, которое можно разделить на три части. Во-первых, Гибралтар является нашей родиной; во-вторых, у нас есть политические права и мы будем отстаивать их; и, в-третьих, эти права включают в себя право на свободный выбор нашего собственного будущего» (обращение премьер-министра, Gibraltar Chronicle, 8.11.2002).

Население Великобритании признает преданность жителей Гибралтара своей стране. Выражение «твердый как Скала» (hard as the Rock) имеет как геологическое, так и географическое значение (Gold 2005, 328).

Анклавы в национальной политике

Обычно анклавы очень малы по сравнению с материнскими государствами в показателях площади и численности населения. Так, 950 тыс. жителей Калининградской области составляют около 0,6% общей численности населения России. Аляска составляет немногим более 0,2% населения США. Несмотря на малый размер, анклавам уделяется значительное внимание в национальной политике. Они требуют особого подхода и особого рассмотрения их уникальных проблем. Их нельзя приравнивать к другим регио-

нам. Это обуславливает высокие издержки в плане юридической, политической и административной работы. Центральное правительство может управлять анклавом напрямую или организовать особую правовую систему для управления им. Кроме того, реализация стандартных государственных задач, таких, как оборона, управление границей, таможенный контроль и т.д., в условиях анклава осложнена. Таким образом, политическое администрирование может стать реальной проблемой для центрального правительства. Анклавы часто вызывают конфликты с окружающим государством и, следовательно, становятся проблемой не только внутренней, но также и внешней политики государства. Одним из главных затруднений, вытекающим из отделенности анклава от материнского государства, является то, что многие вопросы, в том числе и незначительные, нельзя решить на региональном уровне. Они автоматически поднимаются до национального или даже до международного уровня. Даже принятие незначительных решений требует прохождения длительного пути через национальное правительство и министерство иностранных дел.

Вот только один пример. В 2004 году индийская провинция Бенгал отказалась дать разрешение на прокладку линии электропередач из Бангладеш через коридор Тин Бигха в анклав Дахаграм-Ангарпоту. Правительство провинции объяснило свой отказ отсутствием у него компетенции на разрешение этого вопроса, так как такие решения должны приниматься на федеральном уровне в Нью-Дели. Таким образом, анклав остается без электричества, что сдерживает социальный и экономический прогресс и делает его новую больницу бесполезной. Если бы Дахаграм-Ангарпота не был международным анклавом, этот вопрос решался бы в рабочем порядке на муниципальном уровне.

Анклавы часто используются политиками в качестве козыря в политических играх. Дмитрий Рогозин сделал себе имя на проблеме Калининградской области, будучи специальным уполномоченным представителем президента РФ и занимаясь проблемой пассажирского транзита (Vinokurov 2004c).

Несомненно, существуют и другие причины для непропорционального веса анклавов в национальной политике материнского государства. Анклавы вызывают любопытство и, следовательно, представляют собой подходящие объекты для средств массовой информации.

Управлять анклавом сложнее, чем «обычным» регионом материнского государства. Крупнейшие проблемы вытекают из труд-

ностей доступа. Чем серьезнее эти препятствия, тем более сложной является задача управления анклавом. Кроме того, протяженное расстояние между анклавом и основной территорией государства может послужить в качестве препятствия для осуществления управления в обычном режиме. Правда, данный аспект становится со временем менее важным, так как технологии развиваются, а транспортные издержки как для пассажирского, так и для грузового транзита снижаются.

В условиях, когда материнское государство испытывает беспокойство по поводу анклава либо в плане угроз суверенитету, либо из-за неудовлетворительного экономического развития, существуют причины для применения им особых мер обеспечения контроля. Прямое управление может рассматриваться правительством материнского государства как необходимая мера для противостояния сепаратистским тенденциям, а также для обеспечения надлежащего управления правительственной помощью и трансфертами. С другой стороны, центральное правительство может счесть более выгодным предоставление анклаву такой степени автономии, какая только возможна. Отсюда три стратегии, которые может выбрать материнское государство:

1. Меньшая степень автономности для анклава, чем для сравнимых регионов на основной территории страны. Прямое управление.

2. Такой же уровень автономности. Отношение к анклаву как к обычной территории государства.

3. Предоставление анклаву большей степени автономности и самоуправления.

Прямое управление территориями суверенной базы Великобритании на Кипре

Почему территории Суверенных баз Великобритании (СБ) на Кипре включаются в перечень анклавов и эксклавов, тогда как военная база США в заливе Гуантанамо, схожая с ними по функциям, — нет? Решающим критерием является суверенитет. Британские СБ находятся под властью Великобритании, тогда как залив Гуантанамо юридически принадлежит Кубе. СБ Великобритании в Акротири и Декелии составляют те части Кипра, которые остались под юрисдикцией Великобритании, когда в 1960 году образовалась независимая Республика Кипр. В общей сложности их площадь составляет 250,9 км², включая 121,6 км² вокруг Акротири и 129,3 км² вокруг Декелии. Западная база (Акротири) на суше окружена Кипром, тогда как восточная база (Декелия) граничит как с кипрской,

так и с турецкой территорией, и, таким образом, представляет собой чистый эксклав.

Общая численность киприотского населения обеих СБ составляет около 7 тыс. человек. Кроме того, на СБ проживает примерно 7 тыс. человек военного и гражданского персонала и членов их семей из Соединенного Королевства.

Правовой статус и правовая система СБ особые. Суверенные базы на Кипре являются заморскими территориями, но вместо губернатора, как в других аналогичных территориях, ими управляет администратор, назначаемый Министерством обороны. Практически администрация представляет собой гражданское правительство СБ. Сфера его деятельности совпадает с аналогичным показателем любого гражданского правительства, но многие функции, особенно в отношении киприотов, проживающих в СБ, исполняются чиновниками Республики Кипр. Сама администрация выполняет минимальные функции, напрямую связанные с поддержанием закона и порядка. Администратор, одновременно являющийся военачальником британских сил на Кипре, обладает полномочиями губернатора зависимой территории. Компетенция органов управления Суверенных баз определяется тремя основными политическими целями: эффективное использование территории в качестве военной базы, сотрудничество с Республикой Кипр и защита граждан, проживающих или работающих на территории баз.

Правовая система и законодательство СБ отделены и от Республики Кипр и от Соединенного Королевства. Администрация имеет свою собственную судебную систему, правомочную разбирать гражданские и уголовные дела. Гражданское законодательство принимается гражданскими властями Великобритании, но согласно судебным моделям Республики Кипр⁷¹. Когда Кипр получил независимость, было заключено соглашение о том, что законы, применяемые по отношению к киприотской части населения в СБ, будут как можно больше соответствовать законам Республики Кипр.

СБ осуществляют достаточно либеральную политику. Определенная дезориентация возникает при въезде в военные части территории суверенных баз. В отличие от залива Гуантанамо, там есть дороги, проходящие через территорию и даже через сами военные лагеря, открытые для автомобильного движения из Кипра.

На практике, случаи с большей или меньшей степенью автономности являются редкими. В большинстве случаев анклав рассматривается как любой другой регион в основной части страны, несмотря на то, что некоторым, таким как Гибралтар, в большинстве своем являющихся бывшими колониями, была предоставлена очень широкая автономия. Есть и те, которые получи-

⁷¹ http://www.sba.mod.uk/web_pages/legal.htm, состояние на май 2007 года.

ли относительно высокую степень автономности, ограниченную по различным соображениям. Долгое время Сеута и Мелилья настаивали на определенной автономии. В конце концов 15 февраля 1995 года был принят соответствующий законопроект. Этому предшествовали десятилетия проволочек. Согласно законопроекту, Сеута и Мелилья получили статус автономных городов, но не автономных сообществ. Голд (Gold 2000, 49) отмечает, что хотя предоставление такого статуса не в полной мере удовлетворило ожидания населения, оно и не повлекло за собой долговременных прений в Марокко. В конце концов, в большинстве случаев материнские государства предпочитают рассматривать анклав как обычные территории, при этом ни ограничивая их права, ни расширяя их по сравнению с регионами в основной части страны. Это не означает, что правительство не предпринимает особых мер: тогда как особая административная политика, либо прямого управления, либо самоуправления, выбирается редко, часто используется особая экономическая политика. Она будет рассмотрена в главах 9 и 10.

Обычно анклав является отдельной административной единицей на муниципальном уровне, несмотря на свой размер, который в показателях численности населения и площади территории зачастую гораздо меньше размера муниципальных единиц в основной части страны. Однако из этого правила есть некоторые исключения, так как иногда анклав объединены с материнским государством на суше и образуют его административную единицу. Сообщество Баарле-Хертог включает в себя не только анклав, но также территорию Зондерейгена, находящуюся в основной части страны. Подобным образом Дубровник является частью округа Дубровник-Неретва, расположенного по обе стороны Неумского коридора.

Бюзингенская модель

География и история

Немецкий эксклав Бюзинген находится в пределах швейцарского округа Шаффхаузен, примерно в 700–1500 м от границы с Германией. Протяженность границы с округом Шаффхаузен по суше — 12,2 км, по реке Рейн — 4,8 км. Шаффхаузен расположен в 5 км от Бюзингена; немецкие города Зинген и Констанц более удалены — 14,8 и 46,7 км соответственно. Население анклава после Второй мировой войны достигло 1500 человек. Прирост населения Бюзингена отличается от прироста населения как в

Германии, так и в соседнем Шаффхаузене. В 1813 году население анклава составляло 400 человек. В первой половине XIX века оно увеличилось вдвое. Во второй половине XIX века наблюдался отток населения как результат экономической стагнации. К настоящему моменту население Шаффхаузена–Бюзингена значительно увеличилось. Неустойчивость роста населения объясняется экономическими факторами: сложностью развития экономики в анклаве и постоянными кризисами, служившими причинами миграции оттуда (Schegger 1973, 29–30).

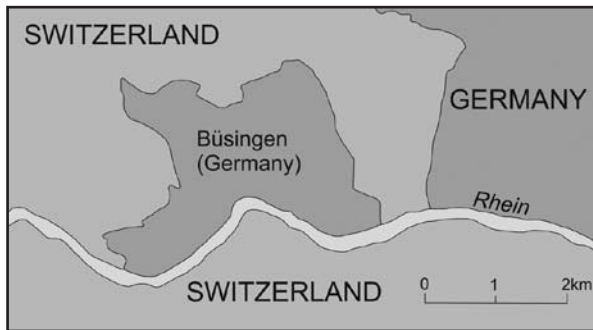

Рис. 8.1. Бюзинген

Жители анклава говорят на шаффхаузенском диалекте немецкого. Дети жителей Бюзингена посещают школу округа Шаффхаузен. Доминирующая конфессия в Бюзингене — евангелизм, как и в Швейцарии. Однако большинство общин Бадена — католические. Это одна из причин, почему браки между жителями Бюзингена и Шаффхаузена встречаются намного чаще, чем браки с жителями основной части Германии.

Развитие Бюзингена в Средние века было типично для Западной Европы⁷². Он был передан в качестве дара церкви, а затем передавался по наследству, менял подданство в соответствии с владельцем и т. д.

Экономика

На протяжении веков важнейшим экономическим сектором анклава было сельское хозяйство. В XX веке большинство рабочих рук было вовлечено в промышленное производство, а затем в сферу услуг. В анклавe нет ни одного промышленного предприятия; его жители работают на заводах в Шаффхаузене. Сель-

⁷² См. описание истории анклава в гл. 5.

ское хозяйство остается более важным экономическим сектором по сравнению с остальной территорией Германии и Швейцарии. Развитие сельского хозяйства отличалось неустойчивостью, поскольку на него влиял анклавный статус и меняющиеся таможенные пошлины.

Ключевыми для Бюзингена были:

1) Виноделие. Площадь виноградников уменьшилась с 36 гектаров в 1920 до 0,06 гектара в 1965 году. Исчезновение этой отрасли в Бюзингене обусловлено несколькими причинами: во-первых, наблюдается ухудшение климатических условий; во-вторых, повышение Швейцарией налогов на ввозимые товары явилось причиной того, что винная продукция Бюзингена стала неконкурентоспособной на швейцарском рынке; и, в-третьих, слишком длинные транспортные пути, связанные с пересечением границ и высокими издержками, постепенно вызвали снижение спроса на продукцию в Германии и Австрии.

2) Злаковые культуры. Производство злаковых культур в первую очередь удовлетворяло внутренние потребности населения. Экспорт пшеницы зависел от таможенных пошлин. Отмена таможенных пошлин Швейцарией в 1947 году привела к росту производства и увеличению экспорта.

3) Животноводство. Количество фермеров, занимающихся животноводством, сократилось во второй половине XX века из-за роста промышленного производства в близлежащем Шаффхаузене.

4) Торговля и сфера обслуживания. В сфере обслуживания на протяжении последних двух веков наблюдается зависимость от таможенных льгот со стороны Швейцарии и Германии. В 1920–1930-х годах в городе жили шесть зубных врачей, которые обслуживали прежде всего клиентов из Швейцарии. Стоматологические услуги были значительно дешевле в анклаве, чем в близлежащих областях Швейцарии. В 90-х годах несмотря на увеличение численности населения осталось всего лишь два стоматолога. Также в городе было пять бензозаправочных станций: их количество обуславливалось тем, что анклав, исключенный из немецкой территории, облагаемой таможенными пошлинами, мог продавать бензин жителям Швейцарии и Германии по цене значительно ниже цен в соседних странах.

Промышленное производство практически не существовало в Бюзингене по причине отсутствия удобных транспортных маршрутов, высоких транспортных тарифов и таможенных пошлин, а также из-за малого рынка рабочей силы.

В целом экономика и социум Бюзингена характеризуются зависимостью от региона Шаффхаузен и стремлением к объединению с ним. Развитие связей с окружающей швейцарской территорией является существенно важным с экономической точки зрения, особенно после исключения Бюзингена из немецкой таможенной территории и включения в швейцарскую. Тесная связь со Швейцарией усилена за счет экспорта сельскохозяйственной продукции, занятости жителей анклава в промышленном производстве в соседнем регионе Швейцарии, а также использования швейцарских франков одновременно с немецкими марками (с 2002 года — евро) в качестве денежной единицы. Тесная связь также обеспечивается возрастающим количеством смешанных браков и поселением жителей Швейцарии в анклав (10% от общей численности). Увеличивается и процент жителей, имеющих двойное гражданство. Общность со Швейцарией объясняется также тем, что во время мировых войн анклав входил в систему распределения Швейцарии. Эта общность усиливается тесными культурными контактами, вовлеченностью в швейцарскую систему образования и большим влиянием евангелистской Церкви.

Таблица 8.3. Положительные и отрицательные последствия анклавного статуса Бюзингена

	Положительные последствия	Отрицательные последствия
		Депрессивное экономическое развитие в целом. Сравнение Бюзингена с окружающими швейцарскими территориями и с близлежащими немецкими регионами указывает на меньшую степень развития анклава. И экономика, и население росли меньшими темпами, чем в Шаффхаузене.
Таможенное регулирование	Короткий период расцвета в 1930-х годах. Низкие цены на картофель и кормовой картофель в Германии привели к усилению позиции бюзингенских фермеров на рынке Шаффхаузена (Voll 1954, 261).	Расцвет 1930-х был непродолжителен. Швейцария отменила ряд преференций для Бюзингена, чтобы защитить своих производителей от нечестной конкуренции.

Выживание в войнах	В течение обеих мировых войн население анклава было прикреплено к швейцарской системе продовольственного распределения.	
Валюта	В течение периода гиперинфляции в 1920-х годах бюзингенцы смогли смягчить удар, используя швейцарский франк.	Изменения курса валют (немецкая марка к швейцарскому франку) добавляет изменчивости в экономическую систему.
		<p>Недостаточное количество рабочих мест в самом Бюзингене вынуждает его обитателей искать работу в Шаффхаузене. Около 40% рабочей силы в начале 1930-х годов было занято в индустрии Шаффхаузена. В период депрессии до 1934 года было уволено 140 человек, так как швейцарские предприниматели увольняли немцев первыми, оставляя швейцарцев. Только немногие бюзингенцы в тот период смогли найти работу в Германии.</p> <p>Анклавность и малый размер препятствовали индустриальному развитию Бюзингена.</p>

В результате анализа таких факторов, как статус анклава (юридический аспект) и расположение (географический аспект), мы можем сделать следующий вывод. С одной стороны, были времена, когда анклав находился в благоприятных условиях благодаря таможенным льготам. Искусственно созданные благоприятные условия позволили жителям анклава занять устойчивое положение на рынке, увеличить производство и экспорт. Кроме того, будучи анклавом в Швейцарии, Бюзинген смог менее болезненно пережить две мировые войны. С другой стороны, он постоянно испытывал негативное влияние статуса анклава. Во-первых, изменения, даже незначительные, в таможенных пошлинах Швейцарии и Германии часто приводили к глубоким экономическим

кризисам. Во-вторых, большое количество жителей анклава работают в Швейцарии. Раньше они были подвержены дискриминации со стороны работодателей и являлись первыми кандидатами на увольнение. Данная ситуация вызывает обеспокоенность населения анклава и желание добиться равноправия с жителями Швейцарии.

Компоненты «Бюзингенской модели»

Германии и Швейцарии удалось создать юридические основы для решения основной задачи анклава: сохранить суверенитет материнского государства и одновременно интегрировать анклав в экономику окружающего государства. Решение было найдено в исключении Бюзингена из германской таможенной территории и включении в швейцарскую таможенную территорию. Это привело к распространению сферы действия части швейцарского законодательства на территории анклава. Таким образом, «Бюзингенская модель» связана с передачей части суверенных прав окружающему государству.

История формирования моделей экономического развития насчитывает несколько этапов. В целом для данной модели потребовалось около 130 лет. Результатом стало решение большинства проблем Бюзингена и отсутствие напряженности в германо-швейцарских отношениях.

Этап I. Исключение из таможенной территории Германии в 1835 году

В 1835 году Бюзинген был исключен из таможенной территории Германии. В результате товары, ввозимые из Бюзингена в Германию, стали облагаться таможенными пошлинами на импорт. Во избежание экономического отчуждения анклава от материнского государства Германией были введены тарифные преференции на экспорт вина и другой сельскохозяйственной продукции из Бюзингена. Эти меры оказались наиболее благоприятными для населения анклава, связанного тесными торговыми отношениями со швейцарским городом Шаффхаузенем. Кроме того, они также оказались и в интересах налоговой службы Германии, т. к. затраты на содержание таможенного контроля превышали сумму выплаченных таможенных пошлин. Неоднократно предпринимались попытки изменения таможенного режима вплоть до полного отказа от особых льгот, предоставляемых анклаву. Несмотря на это данный таможенный режим сохранялся до 1967 года. Уже в 1930-х годах Бюзингену и Йештеттену удается

убедить власти в том, что их вхождение в таможенную территорию Германии приведет к тяжелым экономическим последствиям.

Этап II. Принятие правил свободного транзита
в 1844–1852 годах

Заключение соглашения 1852 года между Швейцарией и графством Баден касательно предоставления взаимных преференций на мелкую пограничную торговлю предвосхитило установление свободного транзита через Бюзинген. Следует отметить, что швейцарские транзитные пошлины были отменены еще восемью годами ранее, в 1844 году.

Этап III. Немецко-швейцарское соглашение 1895 года
по Бюзингену

Повышение швейцарских импортных тарифов произошло в 1886 и 1891 годах. Бюзингенские власти забили тревогу, так как это привело к разрушению практически всех экономических связей. В результате в 1895 году было заключено соглашение по Бюзингену, согласно которому швейцарская сторона обязалась значительно снизить таможенные тарифы на экспорт оттуда сельскохозяйственной продукции (т. е. на ввоз леса, масла, мяса, винограда, коров, телят и свиней). Сертификаты происхождения необходимо было предъявлять на пограничном таможенном посту.

Следует отметить, что пауза между ростом тарифов и заключением соглашения составила девять лет. С исторической точки зрения девять лет — это краткий период; но если мы поставим себя на место жителей анклава, то поймем, что для них означали эти девять долгих лет неопределенности и экономического кризиса. Это, несомненно, усугубило сложность и нестабильность экономического положения, и так являющихся характерными чертами анклава.

Этап IV. Отмена швейцарского таможенного контроля
в 1947 году

Наличие тесных экономических связей Бюзингена со швейцарским Шаффхаузеном стало главной причиной исключения анклава из таможенной территории Германии. Включение Бюзингена в сферу действия швейцарской системы распределения во время Второй мировой войны ускорило процесс присоединения анклава к таможенной территории Швейцарии. Этому также способствовал тот факт, что из-за войны произошел практически полный разрыв экономических связей материнского государства с анклавом. Швейцарские таможенные посты на границе с Бюзингеном были сохранены, что осложняло его экономическое взаи-

модействие с Шаффхаузенем. И снова население анклава стало буквально засыпать Швейцарию просьбами об отмене таможенных пошлин и снятии таможенных постов. Принятие таких мер имело положительные последствия и для швейцарской стороны; ситуация была аналогична положению в Бадене в XIX веке: затраты на содержание таможенных постов со стороны Швейцарии превышали сумму выплаченных таможенных пошлин, так как последние были значительно снижены по сравнению с уровнем 1895 года. Швейцарские таможенные посты были сняты в 1947 году.

Отмена таможенного контроля на границе двух суверенных государств представляет собой достаточно сложный процесс. Следует учитывать тот факт, что в двух независимых государствах действуют различные правовые системы.

Именно с этой проблемой пришлось столкнуться при отмене швейцарских таможенных постов на границе с Бюзингеном в 1947 г. До этого ввозимые коровы, телята, так же как и мясо, подвергались достаточно строгому ветеринарному контролю. После отмены таможенных постов ни о каком ветеринарном контроле не могло быть и речи. Бюзингену пришлось самостоятельно заниматься составлением надлежащих документов в соответствии со швейцарским законодательством.

Соглашение 1947 года содержало еще несколько норм, устанавливающих особый правовой и экономический режим для анклава. Во-первых, немецкий налог с продаж на территории анклава не взимался. Во-вторых, акцизные сборы взимались Швейцарией в одностороннем порядке. Кроме того, в соглашении не были учтены другие характерные черты экономики Бюзингена. Например, несмотря на то, что официальной валютой Бюзингена была немецкая марка (в соглашении не было каких-либо предписаний, касающихся денежного обращения и курса иностранной валюты), швейцарские франки стали основной валютой, обращающейся в анклаве со времени гиперинфляции в Германии в начале 1920-х годов. Впоследствии было разрешено платить налоги Германии в швейцарских франках (Schetger 1973, 95). В сфере почтовой и телефонной связи, напротив, никаких особых мер до последнего времени не предпринималось. Как отправка писем, так и телефонные переговоры с Шаффхаузенем должны были оплачиваться по международным тарифам. Но такая почтовая связь не представляла собой проблемы, так как любой мог добраться до Шаффхаузена пешком и там бесплатно воспользоваться услу-

гами почты. Похожую ситуацию мы можем наблюдать и сейчас в бельгийском Баарле-Хертог, где жителям бельгийского анклава достаточно просто перейти улицу, чтобы сэкономить на почтовых расходах.

Этап V. Немецко-швейцарский договор по Бюзингену, включение его в таможенную территорию Швейцарии

Отмена Швейцарией таможенного контроля в 1947 году раз и навсегда определила ориентацию экономики Бюзингена в сторону Швейцарии. Естественно, это привело к высокой степени зависимости анклава от Швейцарии. В то же время эти отношения, представляя жизненную важность для населения анклава, определялись автономными правовыми нормами Германии и Швейцарии, которые могли быть немедленно изменены в одностороннем порядке. Вместе с тем, вследствие отмены таможенного контроля, Бюзинген был вынужден действовать в соответствии с некоторыми швейцарскими правовыми нормами (главным образом это касалось всего, что связано с экспортом сельскохозяйственной продукции). Швейцарское аграрное право стремительно усовершенствовалось за период 1950–1960-х годов, так что за два десятилетия образовался существенный разрыв между современным состоянием швейцарского законодательства и нормами соглашения 1947 года. Включение Бюзингена в таможенную зону Швейцарии оказалось выгодным для всех сторон: во внимание были приняты финансовые интересы как материнского, так и окружающего государства; сохранились тесные экономические связи анклава со Швейцарией; принятие такого решения привело к установлению стабильности и правовой определенности для всех сторон. Именно на этой основе в 1964 году был подписан немецко-швейцарский договор по Бюзингену, вступивший в силу в 1967 году (Switzerland and FRG 1964).

Также немаловажен тот факт, что, несмотря на необходимость исполнения в анклавe некоторых положений швейцарского законодательства, Бюзинген оставался под полным и неограниченным суверенитетом Германии, что было оговорено в ст. 1 Соглашения⁷³.

В соответствии с соглашением, в перечень швейцарских (федеральных и региональных) правовых и административных норм, необходимых к исполнению в Бюзингене, входят:

⁷³ «Окруженный Швейцарией ... Бюзинген, исключенный из немецкой таможенной территории, включается в швейцарскую таможенную территорию без ущерба для политической принадлежности Бюзингена ФРГ».

- уголовное право в области таможенного законодательства;
- аграрное право (относительно злаков; защиты засеянных площадей; использования сельскохозяйственной продукции и установления цен на нее, молока и молочных продуктов, мяса домашней птицы; аграрного субсидирования);
- здравоохранение (медикаменты, требования к профпригодности, транспортировка трупов);
- некоторые положения швейцарского административного права.

На территории немецкого анклава взимаются налог с продаж и акцизные сборы на табак и пиво. Причину взимания швейцарского налога с продаж и акцизных сборов с анклава можно легко объяснить тем, что Германии Бюзинген аналогичных налогов не платил. Если бы никто не взимал эти налоги с анклава, то его население пользовалось бы несправедливыми по отношению к соседним швейцарским территориям привилегиями. Более того, в таможенном пространстве Швейцарии могла образоваться брешь, так как товары, ввозимые туда через Бюзинген, не облагались бы акцизными сборами.

Включение в таможенную зону Швейцарии завершило процесс формирования модели Бюзингена. Это стало венцом работы по устранению постоянной нестабильности и неопределенности, которые оказывали негативное влияние на Бюзинген и его население на протяжении XIX и XX веков. Неопределенность в данном случае проявлялась двояко. С одной стороны, нестабильность хозяйственной конъюнктуры не допускала крупной, долгосрочной экономической деятельности в какой-либо области. С другой стороны, нестабильность становилась мощным психологическим фактором и оказывала давление на население. Поэтому совершенно естественно то, что жители анклава не переставали подавать прошения как Германии, так и Швейцарии с целью стабилизировать ситуацию в отношении анклава. Это могло быть сделано только в рамках соглашения между двумя государствами.

Модель Бюзингена оказалась эффективной в подобных обстоятельствах. Но целесообразно ли применять ее повсеместно? Эта модель предполагает исключение анклава из таможенной территории материнского государства и его включение в таможенную территорию окружающего государства при условии частичного применения законодательства последнего, что необходимо для эффективного функционирования системы. Суверенитет материнского государства не подвергается сомнению, но некоторые его функции передаются окружающему государству.

Применение данной модели в других ситуациях возможно лишь при выполнении одного неперемного условия. Это исключительно хорошие отношения материнского и окружающего государств, основанные на взаимном доверии, как в случае Германии и Швейцарии. Исторический опыт швейцарского нейтралитета и нежелание воспользоваться удачным случаем, чтобы включить анклав в свою территорию, несомненно, помогли убедить Германию, что частичная передача контроля над анклавом в руки Швейцарии не приведет к постепенному присоединению к ней Бюзингена. Если же между странами не установились долгосрочные доверительные отношения, то у материнского государства всегда найдутся причины опасаться постепенного стирания границ своего эксклава и окружающего государства. Кроме того, материнское государство, в принципе, должно быть способно к принятию суверенитета как многоуровневого понятия.

Размывание анклавности и фактическое дезанклавирование

Рассматривая проблемы доступа, можно придти к выводу, что коридор является менее оптимальным решением по сравнению с достижением такого уровня интеграции материнского и окружающего государств, которого будет достаточно для обеспечения свободного передвижения людей и товаров между материнским государством и эксклавом. Другими словами, глубокая и всесторонняя интеграция материнского и окружающего государства в целом способна снять проблему транзита «эксклав — материнское государство».

Интеграция М–О способна разрешить и многие другие проблемы, вытекающие из анклавности региона. Интеграция снижает и даже устраняет причины возникновения сугубо анклавного конфликтного потенциала, основанного на противоположности интересов государств. Глубокая экономическая интеграция может значительно уменьшить экономические проблемы анклава. Кроме того, она способствует социальному взаимодействию между жителями обеих территорий, и, таким образом, уменьшает вероятность возникновения локального конфликта.

Наилучшими примерами позитивного воздействия М–О интеграции являются небольшие анклавы внутри Европейского Союза: Баарле, Лливия и Юнгхольц. Однако материнскому и окружающему государству не обязательно достигать уровня интеграции Европейского Союза. Интеграция между ЕС и Швей-

царией, основанная на секторальных соглашениях, выгодна для Кампione и Бюзингена, несмотря на ее ограниченный характер. В Северной Америке Аляска, а также Пойнт-Робертс на границе между США и Канадой получают преимущества от тесных отношений материнского и окружающего государств (безвизовый режим и т.д.). Создание в 1992 году Северо-Американской зоны свободной торговли (НАФТА) имело положительное влияние на взаимные товаропотоки.

Опыт этих анклавов показывает, что столь глубокая интеграция, как в ЕС, не всегда действительно необходима. Существуют основные значимые элементы политической и экономической интеграции, наличие которых становится основополагающим для анклавов. Достаточно, когда окружающее и материнское государства обладают:

1. безвизовой политикой, делающей возможным свободное передвижение людей;
2. определенной степенью свободной торговли товарами, вместе со свободными потоками услуг и капитала.

Эти два компонента, плюс (желательно, но не обязательно) свободное перемещение рабочей силы должны быть дополнены общими дружественными отношениями между государствами, без которых они не способны достичь достаточного уровня интеграции.

Несмотря на то, что наличие всех трех элементов ведет к установлению наиболее благоприятной и выгодной политики, даже частичный прогресс может существенно смягчить анклавные проблемы. Анклавы определяются границами. Границы в данном контексте означают не географический феномен, а препятствие для сообщения и потока людей, товаров, услуг и капитала. Когда границы становятся более прозрачными, часть анклавности исчезает. Этот процесс можно назвать «размыванием» анклавности путем интеграции между материнским и окружающим государством. Чем более всесторонней является интеграция между окружающим и материнским государством, тем меньше степень фактической анклавности. Таким образом, М-О интеграция может привести к частичному дезанклавированию де-факто посредством превращения границы в формальность.

В случае Калининградской области проблемы как пассажирского, так и грузового транзита возникают именно по той причине, что отношения между Россией и ЕС (или его странами-участницами Польшей и Литвой) не удовлетворяют ни одному из перечис-

ленных выше условий. Если будет достигнут более высокий уровень интеграции, проблема анклавности и эксклавности области значительно уменьшится.

**Дезанклавирование пенеанклавов:
Пойнт Робертс в контексте интеграции США и Канады**

Особенностью пенеанклавов является то, что они могут быть дезанклавированы благодаря строительству автомагистрали/тоннеля/моста и т. д. Однако это может потребовать значительных инвестиций, часто несоизмеримых с численностью населения и экономической значимостью пенеанклава.

Пойнт-Робертс принадлежит к типу пенеанклавов, которые связаны с основной частью страны территориальными водами, но отделены сушей. Сухопутное сообщение анклава Пойнт Робертс с США осуществляется через территорию Канады. Водные пути сообщения находятся под суверенитетом США. Однако они являются незначительными, так как в Пойнт Робертсе отсутствуют какие-либо причалы, следовательно, этот вид транспортировки вряд ли используется. Во второй половине XIX века Пойнт-Робертс имел военно-стратегическое значение, но его военный статус был потерян с прибытием первых поселенцев. Особенностью расположения Пойнт-Робертса является его близость к Ванкуверу. На машине от центра города до него можно добраться за полчаса. В противоположность этому, до ближайшего крупного города на территории США, Беллингема, ехать около часа. Строительство автомобильного туннеля в дельте реки Фрейзер в 1959 году усилило экономические связи анклава с Канадой. Необычность географического положения наряду с относительно высоким уровнем интеграции между США и Канадой по вопросам передвижения людей и правовой конвергенции привели к ситуации, часто встречающейся в полных анклавах. С политической точки зрения Пойнт Робертс сохраняет свои связи с США и является графством в округе Уотком штата Вашингтон. С экономической точки зрения он тесно связан с Канадой, в частности, с Ванкувером. Он служит в качестве курортной зоны, а также используется как место строительства летних домов. Экономическое доминирование Канады иллюстрируется тем фактом, что канадских собственников жилья в анклаве уже в начале 1960-х было в пять раз больше, чем американских (Minghi 1962, 29). Это происходит не только вследствие близости к Ванкуверу, но также вследствие непомерно высоких издержек из-за отделенности полуострова, на

котором проживает 300 жителей США. Физическая отделенность пенеанклава от национальной территории имеет высокую практическую важность для его жителей. Начнем с того, что непомерно высокие расходы жителей анклава на коммунальные услуги получаются в результате ключевого фактора время-расстояние, отделяющего предложение от спроса. До вступления в силу соглашения НАФТА американские товары приходилось перевозить через территорию Канады без частичной разгрузки фрахта. Из-за малочисленности населения Пойнт Робертса установились более высокие цены. Более того, так как на полуострове нет американских школ, жителям, желающим, чтобы их дети получили именно американское образование, приходится платить за долгие ежедневные поездки в Блэйн (около часа езды на автомобиле). В местной школе дети обучаются с детского сада до девятого класса.

С экономической точки зрения анклавный статус Пойнт Робертса дает ему ряд возможностей, сопряженных, однако, с рядом проблем. Пойнт Робертс представляет собой чистую, незагрязненную и не слишком плотно населенную территорию, близкую к Ванкуверу. Вследствие этого он является популярной рекреационной зоной.

Несмотря на то, что пограничный эффект оказывает незначительное влияние на туристов, которые заезжают туда отдохнуть, он замедляет развитие тенденции к превращению анклава в постоянное место жительства для граждан Ванкувера. Миграционное законодательство США не позволяет такого переселения, так как иностранцы, проживающие в США более полугода, должны иметь постоянный визовый статус. Кроме того, жители канадской Британской Колумбии, проводящие более шести месяцев в год вне провинции, не имеют права на различные пособия округа, которые они обычно получают. Таким образом, граница производит фильтрующий эффект, пропуская инвестиции капитала из Канады в земельную и другую собственность, но препятствуя постоянному проживанию канадских граждан в анклаве. Это способствует сохранению характера анклава как сообщества с преобладанием туристов над постоянными жителями.

Мингхи сформулировал «проблему Пойнт Робертса», возникающую из-за конфликта центростремительных сил, связывающих город с Соединенными Штатами, и растущих вследствие влияния экономики Канады и возрастающей важности издержек, заложенных в физической отделенности Пойнт Робертса от остальной части страны, центробежных сил (Minghi 1962, 31).

Однако данная проблема вплоть до настоящего времени не вызвала какого-либо серьезного конфликта. Это можно отнести на счет смягчающего влияния интеграции между США и Канадой. Глубокая интеграция между материнским и окружающим государством существовала в течение долгого времени и позволила США без проблем осуществлять любой вид транзита в анклав. Почти беспрепятственная для передвижения людей безвизовая политика позволила гражданам Канады проживать в Пойнт Робертсе до ста восьмидесяти одного дня в году. Данное обстоятельство сформировало экономику и общественную жизнь анклава как рекреационной зоны (но не зоны постоянного проживания) для канадских граждан.

ГЛАВА 9. ЭКОНОМИКА АНКЛАВА: ИССЛЕДОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ

Перед тем, как перейти к общему анализу экономики анклава, начнем с исследования нескольких отдельных примеров и анализа их экономического развития. Ниже рассматриваются случаи Сеуты и Мелильи, Гибралтара, Гонконга, Макао, Бюзингена, Западного Берлина, анклавов Ферганской долины, Восточной Пруссии и Калининградской области.

Сеута и Мелилья

Около 15 тыс. марокканцев ежедневно приезжают в Сеуту и Мелилью, в основном с целью мелкой торговли (Gold 2000, 123). Карабаза и де Сантос представили приблизительные цифры, согласно которым в 1987 году около пяти-шести тысяч марокканцев ежедневно прибывали в Мелилью с целью торговли на ее территории. У торговцев можно было приобрести одежду, обувь, продукты питания, парфюмерную продукцию, алкоголь, табак, цемент и топливо. Объем торговли уже в конце 1980-х годов достигал 87–100 млн долларов США в год (Carabaza, de Santos 1992, 294). В рамках теневой экономики доход от продаж гораздо выше. Незаконная торговля включает куплю-продажу краденых машин представительского класса, золота, бриллиантов и валюты. Теневая экономика анклавов включает в себя также отмывание денег. Наркаторговля — еще одна серьезная проблема: в июле 2000 года в Сеуте была раскрыта деятельность наркаторговцев, чей доход за восемь месяцев составил 153 млн долларов США (El Mundo, 06.07.2000; цит. по Gold 2000, 34).

С 1986 года Сеута и Мелилья как часть Испании входят в ЕС, но они исключены из таможенной территории Евросоюза. Они

также не подчинены Общей аграрной политике и регулированию рыбного промысла ЕС. Анклавы пользуются определенным преференциальным соглашением с ЕС и дополнительно преференциальным соглашением с Испанией, предусматривающим освобождение от пошлин товаров, произведенных на их территории. Сеута и Мелилья получают весомые субсидии как от Испании, так и от Евросоюза. Например, на проекты развития с 2000 по 2006 год каждому анклаву было выделено 117 млн евро.

То, что оба анклава исключены из таможенной территории ЕС, позволяет им жить на доходы от продажи товаров, не облагаемых налогом. Этот вид деятельности обеспечивает работой тысячи марокканцев, каждый день приезжающих в Сеуту и Мелилью. По сравнению с основной территорией страны, анклавы получают прибыль от низких налогов и надбавок к заработной плате. Анклавы также освобождены от налога на добавленную стоимость. Кроме того, Испания оплачивает несоразмерное число рабочих мест в сфере государственной службы. Военные гарнизоны в каждом городе из 6-7 тыс. военных (10% населения) также финансируются испанским федеральным бюджетом. Помимо беспошлинной торговли, анклавы получают прибыль от портовой деятельности, которая, однако, не играет большой роли ни для Сеуты, ни для Мелильи. Туристический бизнес развит слабо.

Благодаря экономическим привилегиям оба анклава отличаются относительно высоким уровнем жизни. Однако он все же ниже, чем на основной территории государства. В 1985 году валовой продукт на душу населения составлял 81,5% от национального уровня. Валовой продукт по паритету покупательной способности составлял 91,1%, так как благодаря системе беспошлинной торговли цены в Сеуте и Мелилье в целом были ниже, чем в Испании. К 1999 году эти цифры упали до 75% и 72% соответственно. В 1980-х годах безработица находилась на среднем для Испании уровне. В 1990-х годах она возросла до 26,4%. Это означает, что получение большей автономии в рамках федерального устройства Испании не оправдало ожиданий в плане стабильности и инвестиционной привлекательности, необходимых для более крупных капиталовложений. Так как около 80% рабочих мест были задействованы в сфере услуг, создать новые рабочие места в этой отрасли не представлялось возможным.

Во что обходится содержание анклавов федеральному центру и ЕС? В цену, уплачиваемую Испанией и ЕС за относительное благополучие анклавов, входят:

- Исключение из таможенной территории.
- Весомые субсидии со стороны Испании и Европейского союза на осуществление инфраструктурных проектов.
- Убытки от контрабандной деятельности (наркотики, бриллианты и т. д.).
- 50 миллионов евро (два трети финансирования поступило из ЕС) на строительство пограничного периметра вокруг каждого города плюс расходы по его содержанию.
- До 40% жителей анклавов заняты в сфере государственной службы, оплачиваемой, в основном, из федерального бюджета.
- Из федерального бюджета оплачиваются также 6–7 тыс. военных, или 10% населения, несущих гарнизонную службу в каждом городе.
- Непропорциональное количество рабочих мест в правоохранительных органах.

Так же, как Гибралтар и Калининградскую область, Сеуту и Мелилью неоднократно сравнивали с Гонконгом. Гил-И-Гил, популярный в анклавах в 1980-х годах политический деятель, основал ассоциацию, целью которой было превратить Сеуту и Мелилью в североафриканский Гонконг. Это очень напоминает призывы 1990-х годов: «превратим Калининград в Гонконг на Балтике».

Что касается отношений с окружающим государством, небольшие испанские анклавы имеют непропорционально большой вес в марокканской внешней политике. Официальная позиция Марокко сосредоточивается на требовании передачи анклавов. Это препятствует развитию испано-марокканских отношений во многих сферах, а также нормальным отношениям с самими анклавами.

Одной из серьезных проблем является незаконная иммиграция. В Сеуту постоянно прибывают переселенцы из Северной Африки. Большинство из них марокканцы, но в последние годы наблюдается рост числа мигрантов из других стран Африки, таких как Сенегал и Камерун, а также из Азии, например, из Индии и Пакистана (Wiedermann 2004).

Гибралтар

Проблема экономической зависимости Гибралтара была очевидна для Великобритании с самого начала. Большая часть продовольствия и других предметов первой необходимости для военных и гражданского населения поступала с основной территории страны. Ведение сельского хозяйства на скалистой местности по понятным причинам невозможно. Почти за триста лет существо-

вания анклава промышленное производство было развито незначительно. Основными сферами деятельности оставались адмиралтейство и гражданская служба. В 1979 году из 11593 человек всей рабочей силы в Гибралтаре 2858 были задействованы в судостроительной промышленности и только 204 — в других промышленных производствах. В то же время 579 человек работали в туристическом бизнесе (в отелях и в сфере снабжения). Наиболее интересно доминирование государственного сектора. В том же году в нем работали 7196 человек, в то время как в частном были заняты только 4397.

После открытия Суэцкого канала в 1869 году, экономическое положение Гибралтара улучшилось к концу XIX века, он стал важным центром обслуживания морских перевозок (угольная база для пароходов, снабжение кораблей, судоремонт и т. д.). Уровень жизни там был ниже, чем в Британии — мировом лидере промышленности — но выше, чем где-либо на Средиземноморье. Установившееся соотношение $M > A > O$ (означающее, что доход на душу населения в анклаве ниже, чем на основной территории страны, но выше, чем в окружающем государстве) остается таковым и по сей день, так же как в Сеуте и Мелилье.

В XVIII и XIX веках труд заключенных использовался как дополнение к местной рабочей силе. Как показала практика, он был дорогостоящим и неэффективным, поэтому Гибралтар стал нанимать испанских работников. Так продолжалось почти 90 лет, пока вокруг Гибралтара не начался кризис, который в июне 1969 года привел Испанию к закрытию границы. Во время Второй мировой войны численность испанских работников достигала 13 тыс.; она снизилась до 5 тыс. в 1967 году. Это значительные цифры в сравнении с местной рабочей силой, которая составляла 10–15 тыс. человек. После того как в 1969 году был закрыт пограничный шлагбаум, местная экономика испытала шок. Власти Гибралтара пытались исправить положение, повысив производительность труда. С этой целью была начата техническая переподготовка жителей Гибралтара. Кроме того, на работу были наняты около 3 тыс. марокканских «гастарбайтеров». В течение нескольких лет марокканцы прочно обосновались в Гибралтаре и не пожелали уступать рабочие места испанцам после того, как границу открыли вновь.

Резкий подъем экономики начался после открытия границы в 1985 году. В первое же лето после этого события количество туристов, посетивших мыс, достигало 10 тыс. человек в день. В течение года здесь побывало 2 млн туристов, по сравнению с 150 тыс.

в предыдущие годы. В течение нескольких месяцев количество рейсов из Лондона до Гибралтара удвоилось. Во второй половине 1980-х годов процветающий туристический бизнес стал приносить Гибралтару около четверти общего дохода.

До открытия границы в феврале 1985 года в Гибралтаре было зарегистрировано 2000 компаний; к концу 1986 года их было уже 3800. Однако самым сильным фактором привлекательности стали низкие или вовсе отсутствующие налоги на прибыль. В 1986 году банковские вклады возросли на 68%. Подоходный налог и налог на транспортные средства были снижены, чтобы сделать Гибралтар более конкурентоспособным по сравнению с Испанией. Товары не облагались налогом на добавленную стоимость, так что поездка из Испании в Гибралтар для «шоппинга» окупалась сполна. Таким образом, процветание Гибралтара было частично достигнуто за счет прилегающих регионов Испании. Экономический подъем Гибралтара принес некоторые преимущества и для Испании, но они не были так заметны на фоне территориально сконцентрированных недостатков.

Джо Боссано, занявший пост премьер-министра в 1988 году, разработал долгосрочную стратегию развития экономики. Совместное использование (как Испанией, так и Гибралтаром) аэропорта, расположенного на перешейке, строительство которого в свое время вызывало горячие споры, рассматривалось Боссано как часть долгосрочной стратегии, сосредоточенной на экономическом сотрудничестве с испанским регионом Кампо. Таким образом, будущее экономики анклава виделось, во-первых, в том, что анклав должен быть открыт внешнему миру, особенно в ситуации сокращения присутствия британских вооруженных сил, а также в попытке достигнуть экономической независимости от материнского государства (Великобритании). Во-вторых, экономический рост виделся в развитии экономических контактов с окружающим государством в целом и с пограничными регионами в частности.

В последние годы в Гибралтаре наблюдаются значительные структурные изменения и переход от государственного к частному экономическому сектору, но колебания в государственных расходах все еще имеют большое влияние на занятость. В начале 2000-х годов Гибралтар получал прибыль от довольно развитой морской торговли, оффшорного банковского дела и использования города как международного конференц-центра. Присутствие британских вооруженных сил резко сократилось и сейчас приносит около 7% вклада в ВВП по сравнению с 25% в 1991 году, что

составляло 40 млн фунтов стерлингов. Гибралтар смог преодолеть потрясение, вызванное радикальным сокращением денежных средств, тратившихся Великобританией в рамках оборонного бюджета. К концу 1990-х годов финансовый сектор, судостроительная отрасль и туристический бизнес вносили в ВВП по 25–30%. Телекоммуникации — еще 10%. Таким образом, экономика Гибралтара характеризуется концентрацией, с одной стороны, и балансом, с другой стороны, между тремя ведущими (финансовая система, судоходство и туристический бизнес) и двумя дополнительными (телекоммуникации и вооруженные силы) секторами. В целом это довольно процветающая экономическая структура, сочетающая в себе стабильность и динамизм. Гибралтар не зависит только от одной отрасли в качестве источника дохода. Принимая во внимание присущую анклав уязвимость, ситуация в отдельно взятой отрасли может быстро ухудшиться. Это произойдет, например, с туристическим бизнесом, если возникнут напряженные отношения с Испанией. Ожидаемые изменения в законодательстве ЕС также могут повлиять на финансовый сектор. Однако сбалансированная экономическая структура в состоянии смягчить адаптацию региональной экономики к новым условиям.

У Гибралтара есть своя конституция (Gibraltar Order), действующая с 1964 и сильно переработанная в 1969 году. В соответствии с этим правовым документом, анклав обладает большой степенью автономии, включая фискальную компетенцию. Именно это правило позволило Гибралтару создать оффшорный центр. В 2002 году Гибралтар провел несколько реформ, касающихся уплаты налогов. В список налогов входят:

- Налог на оффшорные компании (ежегодные взносы).
- Налог на доход с недвижимого имущества.
- Налог на прибыль с корпораций для отечественных компаний был упразднен, приравнивая их к компаниям оффшорного сектора, за исключением финансовых обслуживающих компаний, которые обязаны выплачивать 8% от прибыли.
- Совокупный налог не должен превышать 15% от общей прибыли компании или 500 тыс. фунтов стерлингов.

Когда Великобритания 1 января 1973 года официально вступила в ЕС, Гибралтару предоставили особый статус согласно статье 227(4) Римского договора. Он освобожден от налога на добавленную стоимость, на него не распространяется общая аграрная политика и внешний таможенный тариф ЕС. Анклав не имеет политического представительства, в том числе в Европарламенте.

Великобритания имеет право вето на любое решение, изменяющее этот статус.

Споры по поводу развития экономики Гибралтара продолжают затруднять англо-испанские двусторонние отношения. Испания постоянно упрекает Гибралтар и Британию в систематической контрабандной деятельности и отмывании денег. Одним из последних конфликтов был так называемый «рыбный», который длился с августа 1998 по апрель 1999 годов⁷⁴. Правительство Гибралтара приняло закон, запрещающий промышленную рыбную ловлю в Гибралтарских территориальных водах. Испания проигнорировала это требование, и испанские рыбаки продолжили промысел. Ситуация стала накаляться после того, как 29 января 1999 года полиция задержала рыболовное судно «Пиранья». Испания значительно ужесточила пограничный контроль и осложнила порядок пересечения границы. Это негативно сказалось на экономике Гибралтара, так как зависимость от туристического бизнеса к концу 1990-х годов резко возросла. Противоречия ослабели только тогда, когда представители испанских рыбаков подписали соглашение по урегулированию конфликта с правительством Гибралтара.

С точки зрения Испании экономика Гибралтара паразитирующая. Контрабандная деятельность — не давний исторический прецедент, а ежедневная реальность недавнего прошлого. Во время переговоров по поводу Гибралтара в 1704–1705 годах испанское правительство предвидело, что появится такая проблема, как контрабанда. Со временем опасения подтвердились: контрабанда началась сразу после присоединения Гибралтара к Британии и продолжалась до 1990-х годов (на самом деле, даже после этого, но в меньших масштабах). На протяжении столетий контрабанда товаров в Испанию служила Гибралтару основным источником дохода. Это связано со статусом вольной гавани. Применялись два способа контрабанды, наземный и морской. Контрабанда по суше достигла своего апогея в период, когда Гибралтар стал нанимать тысячи испанских работников. Этот вид контрабанды исчез с закрытием границы в июне 1969 года. Морская контрабанда осуществлялась профессионально и в крупных масштабах. Морские контрабандисты оказывали столь сильное воздействие на членов парламента, что в начале 1850-х годов умудрились добиться смещения с должности губернатора генерал-майора сэра Роберта Гардинера, попытавшегося было положить конец их

⁷⁴ «Рыбный конфликт» детально описывает Иборра (Иборра 2000).

промыслу (что было необычно: как правило, власти Великобритании игнорировали контрабанду, справедливо считая ее испанской проблемой). Гибралтарские «торговцы» утверждали, что давление со стороны испанских таможенных правил не должно заботить администрацию Гибралтара. Они воздействовали на членов парламента, привлекали их на свою сторону и, наконец, добились успеха в своих лоббистских усилиях: губернатор был смещен с должности. Контрабанда процветала. В 1875 году при численности населения менее 20 тыс. человек в порту было выгружено 4500 т табачной продукции. Из всего груза только 684 т были проданы на рынке официально; 3800 т, или около 85%, контрабандой вывезли в Испанию (Levie 1983, 98–99).

Контрабанда сохранилась до наших дней. Основными объектами ее традиционно являются табачная продукция, алкоголь и предметы роскоши. Особенно процветает контрабанда сигарет. По подсчетам специалистов, общее количество блоков сигарет, вывезенных в Испанию, ежегодно составляет около ста миллионов. Если бы весь импорт табачных изделий 1994 года расходовался в Гибралтаре, это означало бы, что каждый житель, включая грудных младенцев, должен был выкуривать по несколько блоков сигарет в день. В Гибралтаре пачка стоит 40 центов; контрабандисты, перевозящие сигареты на своих моторных лодках, продают их в Испании за 1,60 доллара. Триста процентов дохода — сильный стимул для риска. В добавление ко всему через Гибралтар провозят в огромных количествах кокаин и марихуану. В 1989 году таможенный пост Кадиса изъял 70 кг кокаина и 3900 кг марихуаны за год, но это только верхушка айсберга. Табак и марихуана постепенно уступают дорогу кокаину и героину. В 1995 году Испания выдвинула официальное обвинение по поводу осуществления контрабанды, укрытия доходов и отмывания денег в Гибралтаре. Это побудило гибралтарские законодательные органы ввести новые, более жесткие правила. На следующий же день полиция Гибралтара конфисковала более 50 надувных моторных лодок, которые предположительно использовались в перевозке наркотиков из Марокко в Испанию. Последовала волна протестов. Однако в целом люди поддержали правительственные действия: почти четверть гибралтарского населения неделю спустя выступили в демонстрациях в поддержку властей и против отмывания денег и контрабанды (Gold 2005, 123, 165–166).

В то время как контрабанда является видом деятельности, ответственность за которую государство официально не несет (хотя

она — результат снисходительной государственной политики), отмывание денег — несомненное последствие слишком мягкого правового регулирования оффшорного банковского сектора. Испания обвиняет Гибралтар в отмывании денег в огромных масштабах. В начале 1990-х годов за месяц границу в обоих направлениях пересекали свыше 160 тыс. пешеходов и 110 тыс. автомобилистов, причем многие из них — по нескольку раз в день, провозя каждый раз максимально разрешимую сумму денег, т. е. 120 тыс. песет (860 долларов США) плюс 300 тыс. песет (2142 доллара США) в иностранной валюте. За пять таких поездок в день курьер мог вывезти из Испании в анклав около 15 тыс. долларов. Банки в Гибралтаре не отличаются строгой системой контроля и не спрашивают о происхождении этих денег. Одна из наиболее часто используемых моделей денежной циркуляции состоит в основании в Гибралтаре оффшорной компании на скрытого владельца. Затем капиталы могут быть вложены в покупку собственности в Испании, где можно пользоваться налоговыми льготами на правах иностранного инвестора. К началу 1992 года количество инвестиций из Гибралтара в Испанию превысило 264 млн долларов США⁷⁵. Около 30 тыс. компаний были основаны в Гибралтаре в начале 1990-х, по скромным подсчетам, их капитал оценивается в 3,3 млрд долларов. К концу 2000 года количество компаний увеличилось еще на 25 тыс. В Гибралтаре зарегистрировано вдвое больше компаний, чем жителей.

Гибралтар дорого обходится как Великобритании, так и Испании:

- С началом блокады в 1969 году Великобритания вынуждена была выделить 4 млн фунтов стерлингов в течение трех лет, чтобы помочь анклаву, так как он лишился 5 тыс. испанских работников. Позже, в период с 1975 по 1978 год, Гибралтару выделили 7,6 млн фунтов стерлингов. Субвенции были направлены на усиление самодостаточности Гибралтара.

- Великобритания попыталась достичь равенства в заработной плате между рабочими Гибралтара и основной части страны после того, как Франко закрыл границу.

⁷⁵ Испанский Закон о реформе налога на прибыль (январь 1992 года) предусмотрел выплату такими компаниями налога на прибыль. Уже в преддверии принятия закона ряд компаний переместились из Гибралтара в другие страны, особенно в Нидерланды, страну с более гибкой налоговой системой, подписавшую с Испанией соглашение об избежании двойного налогообложения.

- Рейсы в Гибралтар считаются внутренними и поэтому обходятся дешевле, чем рейсы из Британии в соседние с анклавом испанские аэропорты, такие как Малага. Это придает конкурентоспособность Гибралтарскому аэропорту в обслуживании туристов, приезжающих на испанские курорты. В 1986 году из 90 тыс. пассажиров, приземлившись в Гибралтаре, 22 тыс. направлялись в Коста дель Соль.

- В 1985 году Гибралтарская судоремонтная компания получила 28 млн фунтов стерлингов от правительства для приобретения доков.

- В 1999 году новая отрасль гибралтарской экономики, тотализатор, стала угрожать британской налоговой системе. Всё началось с того, что Виктор Чэндлер, независимый букмекер из Великобритании, основал центр приема ставок в Гибралтаре, где он платил налог с оборота в размере всего 3% (в сравнении с 9% в Великобритании). Лэдбрукс, самая крупная букмекерская компания в мире, и Корал, другой крупный игрок на рынке, вскоре последовали за Чэндлером. Налоги со сделок ранее приносили Британии до 480 млн фунтов стерлингов в год (11% всей суммы вкладывались в скачки, неотъемлемый элемент британской культуры). Убытки британской налоговой системы стали прибылью Гибралтара. Правительство пыталось противодействовать этому процессу, давая понять, что оффшорные компании лишатся возможности размещать рекламу посредством телетекста и других электронных средств массовой информации. Была также предпринята попытка убедить британские заморские территории, Гибралтар в том числе, изменить их законодательство. Но ничто не сработало. В конечном итоге пришлось отменить налог на тотализатор в 2001 году. Ряд компаний вернулись в Британию. Однако азартные игры и букмекерство в Гибралтаре остались (в 2002 году — 11 компаний и 537 рабочих мест) (Gold 2005, 220–221, 358).

До начала 1990-х годов, когда Гибралтар стал финансово самостоятельным, анклав сильно зависел от расходов Британии на содержание вооруженных сил, а также от больших объемов прямых и непрямых субсидий. Все это заменил особый экономический режим Гибралтара как оффшорного финансового центра. Этому режиму Гибралтар обязан большей долей своего экономического благосостояния, включая практически весь финансовый сектор, телекоммуникации и большую часть судостроительной отрасли. Последний крупный компонент процветания анклава, туризм, в

действительности также сильно зависит от особого экономического режима, как косвенно, так и напрямую. Существуют отрасли, которые функционируют во вред материнскому государству, наиболее яркий пример тому — тотализаторы, перемещенные в Гибралтар в 1999 году.

Обычно мы обсуждаем влияние окружающего государства на анклав. Так как площадь анклава меньше, чем площадь окружающего государства, это кажется вполне естественным. Однако не исключено, что анклав оказывает некоторое влияние, если не на всё окружающее государство, то, по крайней мере, на его пограничные регионы. Это как раз случай с Гибралтаром и пограничными регионами Испании. Жалобы испанских властей в основном касаются товаров, которые облагаются слишком большим налогом — таких, как алкоголь, табачная продукция, топливо, бытовая техника и фирменная одежда, перевозимые через границу из Гибралтара.

Испанский город Ла Линеа де ла Консепсион граничит непосредственно с Гибралтаром. Город до сих пор не вышел из экономического кризиса, вызванного закрытием границы с Гибралтаром в 1969 году. Тогда по этой причине около 5 тыс. людей прекратили там свою работу, важные потоки услуг и информации стали недоступны. После того, как граница в Гибралтар закрылась, не только анклав, но и Ла Линеа испытали тяжелое экономическое потрясение. В отличие от анклава, который справился с кризисом не без помощи основной территории страны, испанский город так и не смог его преодолеть. Изначально в Ла Линеа де ла Консепсион проживали около 100 тыс. жителей. К 2000 году население сократилось до 60 тыс. На сегодняшний день между Гибралтаром и прилегающим испанским регионом существует взаимозависимость, особенно со стороны Ла Линеа. Когда однажды испанское правительство ужесточило пограничный режим на границе, Ла Линеа пострадал не меньше, чем анклав. Это привело к демонстрациям в испанском городке под лозунгом «Меньше ограничений, больше решений!».

Вторая половина 1980-х и начало 1990-х годов были отмечены разгоревшимися в Гибралтаре спорами, касающимися совместного пользования аэропортом, расположенным на перешейке. Так как аэропорт служил не только анклав, но также и пограничным регионам, включая курорт Коста дель Соль, возникла идея его совместного использования. Образцом служил успешно функционирующий швейцарско-французский аэропорт Мюльхаус-Базель.

В нем есть два терминала: один на швейцарской стороне, другой — на французской. Таким образом, пассажирам, следующим в какой-либо из этих пунктов назначения, не приходится пересекать границу. То же самое планировалось создать в Гибралтарском аэропорту. Число пассажиров, ежегодно пользующихся им, могло бы утроиться (с 300 тыс. до 1 млн), в Гибралтаре должны были быть созданы 400 дополнительных рабочих мест, что для анклава является внушительной цифрой. Однако в анклаве идея была воспринята в штыки. Жители побоялись, что подобные действия посягнут на суверенитет. Политические рассуждения и возможный политический риск перевесили экономические выгоды.

Гонконг: модель прибрежного анклава?

Таблица 9.1. Население Гонконга, 1841–1997, тыс. человек⁷⁶

1841	1851	1930	1945	1950
7	31	879	600	2237
1960	1970	1980	1990	1997
3075	3959	5063	5687	6500

Прирост населения Гонконга за 156 лет его существования как британской колонии был поразительным. Это отражало усиление экономической и политической привлекательности анклава.

Самый большой приток иммигрантов наблюдался сразу же после окончания Второй мировой войны. Численность населения за шесть лет увеличилась в четыре раза. Среди иммигрантов было несколько тысяч купцов и представителей промышленной элиты из Шанхая, которые бежали от установившейся там коммунистической власти. Именно они, по большей части, способствовали превращению Гонконга из захолустной колонии в производственную базу легкой промышленности.

В 1980 году валовой внутренний продукт на душу населения Гонконга составил примерно 50% от ВВП Великобритании, а в 1990 году поднялся до 85%. ВВП Гонконга превысил ВВП Великобритании в 1992 году. Гонконг сохраняет преимущество перед Великобританией и по сей день. Гонконг также обогнал Британию по уровню средней продолжительности жизни. Вот лишь некоторые факты, подтверждающие быстрое и успешное развитие Гонконга до передачи его под власть Китая. Средние показатели дохода на душу населения в 1995 превышали 25 тыс. долларов

⁷⁶ Источник: www.geohive.com, администрация Гонконга.

США, тем самым ставя Гонконг в десятку наиболее богатых стран мира наряду с ведущими западноевропейскими странами. Он занял шестое место в мире по уровню покупательной способности населения. Средняя продолжительность жизни у женщин достигла 81 года, а у мужчин — 75 лет, уровень младенческой смертности составлял 5 умерших на 1000 родившихся. К 1995 году в Гонконге проживало около 6 млн человек. Он являлся:

- самым крупным в мире контейнерным транспортным узлом, в котором перегружалось больше контейнеров, чем во всей Великобритании;
- восьмым в мире по значимости торговым центром: сумма экспорта и импорта превышала 250 млрд долларов, в два раза превосходя уровень ВВП;
- одиннадцатым в мире по экспорту услуг;
- шестым в мире по объему рынка ценных бумаг;
- городом с самой дорогостоящей арендой торгово-промышленных площадей, что отражает его привлекательность для бизнеса;
- самым популярным туристическим направлением в Азии.

«Счастье Гонконга заключалось в том, что эффективное и благожелательное колониальное правительство управляло покорными людьми, благодарными за свободу и предоставление возможности зарабатывать деньги. Китай также придерживался политики невмешательства в отношении с Гонконгом. Этому способствовал тот факт, что китайское правительство извлекало огромную экономическую пользу из превращения голы скалы в настоящую золотую жилу в руках британской администрации» (de Mesquita, Newman, Rabushka 1996, 28). Начиная с 1978 года более 75% прямых иностранных инвестиций в Китай были привлечены через Гонконг. Гонконг сыграл немаловажную роль в установлении общественных связей Китая с внешним миром, особенно на раннем этапе. В 1960-х годах денежные переводы китайцев, живущих за пределами родины, своим родственникам в КНР предположительно составили 500–600 млн долларов (для сравнения: общий торговый оборот равнялся 4 млрд). Если к этому прибавить оплату за снабжение Гонконга водой и продуктами питания, Китай получал почти половину своего дохода в свободно конвертируемой валюте от анклава (Yehuda 1996, 23). Анклав служил главными воротами Китая в капиталистический мир: например, соглашения по поставкам зерна из Канады, Австралии и Аргентины для преодоления нехватки продовольствия во время «Великого скачка» были заключены именно в Гонконге.

История послевоенных экономических отношений Гонконга и Китая делится на два периода. Первый, в течение которого Гонконг преимущественно служил торговыми воротами КНР в остальной мир, продолжался вплоть до 1970-х годов. На протяжении этого периода Китай был надежным поставщиком в Гонконг сырья и продуктов питания даже в самые трудные периоды своей послевоенной истории. Лидеры КНР неоднократно подчеркивали, что поставки в Гонконг гарантированы при любых обстоятельствах. Свое слово они сдержали. В то же время Китай сохранял статус-кво Гонконга в целях установления официальных и неофициальных отношений с зарубежными странами и Тайванем (Лао 1986, 236). В связи с тем, что с 1978 года Китай объявил о начале политики «открытых дверей», его экономические взаимоотношения с Гонконгом претерпели коренные изменения. Хотя в абсолютном значении двусторонняя торговля быстро набирала обороты (торговые обороты в 1979–1984 годах возрастали в среднем на 23% ежегодно), объемы ее в относительных показателях сократились, так как Китай начал активно торговать с другими странами напрямую. В то же время, продолжая оставаться чрезвычайно важным торговым партнером, Гонконг превратился для Китая в один из основных источников инвестиций.

Что же является причинами столь стремительного экономического развития Гонконга? В ответе на этот вопрос есть две составляющие.

Первый компонент не связан напрямую с анклавным характером региона. Именно экономическое невмешательство способствовало процветанию Гонконга. Свободная торговля и низкие налоги в сочетании с экономической стабильностью, главенством закона, консервативной финансовой системой, удачным географическим положением и отличным глубоководным портом послужили основой экономического успеха Гонконга, которому удалось воплотить в жизнь «американскую мечту», то есть дать каждому возможность разбогатеть (de Mesquita, Newman, Rabushka 1996, 26). Материнское государство следовало политике «позитивного невмешательства», придерживаясь канонов экономической теории XIX века, и это принесло свои плоды. Уэлш называет гонконгскую экономику 1960-х годов, основанную на минимальном вмешательстве государства в экономику, «Гонконгской школой экономики» (Welsh 1997, 461).

Гонконгское чудо 1950–1970-х годов также можно назвать классическим случаем «вызова-ответа». Установление Кореей в

1950 году эмбарго на торговлю с Китаем послужило причиной сокращения экспортных потоков из Гонконга. Вместе с крупным притоком легальных и нелегальных иммигрантов (Cheng 1986, 174) это вызвало острую необходимость поиска новой специализации. Из-за абсолютного отсутствия природных ресурсов и при закрытости китайского рынка Гонконгу было необходимо полностью переориентироваться. Выбор пал на приоритетное развитие экспортно-ориентированной легкой промышленности. Сочетание экспортной направленности экономики, режима свободной торговли и политики невмешательства (*laissez-faire*) сотворило настоящее чудо.

Второй компонент связан с сугубо анклавной спецификой. В 1950–1970-х годах Гонконг был воротами в Китай и одновременно мог вести торговлю с остальным миром. С введением Кореей эмбарго Гонконг благодаря удачному географическому положению, экономическому статусу и тому, что его население было преимущественно китайским, стал главным связующим звеном между Китаем и остальным миром. Вплоть до этого времени Гонконг был ни чем иным, как перевалочным пунктом на пути в южный Китай. Но даже при таких условиях он оставался в тени Шанхая. Позднее, в 1980–1990-х годах, Гонконг взял на себя роль главного инвестиционного и финансового центра региона.

Макао

Экономика Макао в последние десятилетия XX века по большей части была основана на туризме (включая азартные игры) и текстильной промышленности. Попытки разнообразить специализацию породили новые небольшие отрасли — производство игрушек и искусственных цветов, а также электроники. Текстильная промышленность стала преобладать над другими отраслями к 1960-м годам. Кроме того, в течение столетий важную роль играла транзитная торговля.

Экономика Макао — одна из самых экспортно-ориентированных экономик в мире. От 30 до 40% всего экспорта товаров и услуг приходится на услуги, предоставляемые туристам, приезжающим в Макао. Доход от туризма составляет 25% ВВП. Вместе с 35–40% ВВП, поступающими от игорного бизнеса, существующего благодаря туристам, это составляет 60% ВВП анклава. Остальные 40% поступают из экспортно-ориентированной торговли, основанной на политике, поддерживающей максимальную экономическую открытость.

В Макао сложились долгосрочные традиции игорного бизнеса, усилившиеся еще более с 1960-х годов. Этот факт позволил назвать Макао «восточным Монако». История игорной индустрии ярко демонстрирует зависимость анклава от уровня экономического развития материнской страны — Китая. В 1966 году в связи с китайской культурной революцией игорный бизнес в Макао подвергся серьезному кризису. С другой стороны, КНР оказывала и благоприятное влияние на экономику Макао, например, в начале 1980-х годов, когда постепенное открытие китайских границ вызвало рост потоков туристов, посещающих Макао, а дальнейшее развитие Китая повлекло за собой увеличение количества деловых поездок.

Важную роль играла также приграничная торговля. Соотношение местных жителей и приезжих в Макао составляет 20:1 в пользу приезжих (например, в 1987 году на пограничных переходах было зарегистрировано почти 9 млн человек, в то время как в Макао проживало 434 тыс. жителей) (Ptak, Haberzettl 1990, 105). Большинство из них являются мелкими торговцами, которые курсируют через границу и тем самым зарабатывают себе на жизнь. Мелкая торговля играла важную роль в снабжении средствами к существованию приграничного китайского населения и служила одним из источников доходов для Макао.

На протяжении столетий, в особенности в конце XX века, наблюдалась сильная зависимость Макао от КНР. Зависимость от Португалии, напротив, почти исчезла в 1960–1970-е годы.

В начале 1970-х произошел перелом в отношении основных рынков сбыта: место Португалии заняли ЕС и США. Китай, будучи в основном источником импорта, стал играть значительную роль как экспортный рынок только в 1980-е годы.

Таблица 9.2. Экспорт Макао, в процентах, 1960–1995⁷⁷

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995
Португалия	50,7	29,8	29,3	6,3	3,1	0,5	x	x
КНР	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	6,7	x	9,9
ЕС	0,5	18,1	34,5	49,4	54,2	31,3	x	31,7
США	7,9	11,1	8,7	11,1	19,6	32,4	33	42,1
Гонконг	37,2	27,4	17,9	10,1	12,5	18,2	15	10,0

Одной из причин быстрого экономического роста и относительного экономического процветания Макао являлся свободный

⁷⁷ Источники: Ptak, Haberzettl 1990, 129; CIA World Factbook, разные годы.

экономический режим анклава: специальное законодательство в области налогов, таможенных пошлин и банковского дела. Валюта Макао (патака) была отделена от португальского эскудо и привязана к гонконгскому доллару. Кроме того, Макао был включен в общую систему преференций (ОСП), предоставляемых как ЕС, так и США.

Эти искусственно установленные преференции способствовали росту экспортных потоков из Макао. Однако неопределенность, вытекающая из неясности отношений с Китаем, вплоть до конца 1980-х годов сдерживала экономическое развитие анклава. Экономика Макао начала бурное развитие только после нормализации отношений с окружающим государством. Развитие экономической зоны Чжухай, граничащей с Макао, положительно сказалось на экономических связях, инвестициях и торговле. Нормализация отношений с Китаем позволила начать несколько масштабных проектов в области инфраструктуры: сооружение земляных насыпей, строительство аэропорта и обновление портового оборудования.

Пример Макао можно вписать в систему условий для развития промышленности в анклавах. Процветание отдельных отраслей промышленности здесь было основано на предоставлении особых преференций по сравнению с Китаем и Гонконгом (особые соглашения с ЕС и США), которые были использованы крупными промышленными предприятиями, как Гонконга, так и КНР, для вхождения на те рынки, которые в противном случае были бы для них закрыты. Неудивительно, что в Макао преобладала текстильная промышленность. Мы наблюдаем ту же самую ситуацию в тех анклавах, где со временем развилась та или иная отрасль (например, в Калининградской области, использующей для входа на российский рынок таможенные преференции). Необходимо отметить, что таких анклавов немного. Это связано с объективными причинами: малым объемом местных рынков, наличием таможенных барьеров и протяженными транспортными маршрутами. Тем не менее, необходимым условием развития промышленности в анклаве является предоставление преференций.

Экономика Западного Берлина

До Второй мировой войны Берлин являлся самой крупной в мире агломерацией электротехнической и машиностроительной промышленности. Послевоенный Берлин потерял ведущие позиции в этой области. На это повлияли следующие факторы:

- Разделение города на две части послужило причиной раскола единой промышленной агломерации.

- Человеческие потери за время войны привели к нехватке квалифицированной рабочей силы. Положение с миграцией рабочих в расколоте городе постоянно ухудшалось. В 1961 году, после возведения Берлинской стены, использование рабочей силы Восточного Берлина в Западном было прекращено.

- Ремонтные работы, особенно демонтаж берлинских фабрик советскими войсками в мае — июне 1945 года, еще до разделения города на четыре зоны, ослабили промышленные предприятия.

- Сугубо анклавный фактор возрастания неопределенности. Несмотря на предусмотренные преференции и субсидии для промышленного производства в анклаве, западные компании остерегались включать Западный Берлин в свои производственные цепочки.

- Другим, характерным сугубо для анклава, фактором стал рост затрат на транспорт и энергоснабжение. Проблема транспорта еще долго оставалась на повестке дня. Транзит товаров представлял собой сложную экономическую проблему по двум основным причинам. Во-первых, затраты на перевозку увеличивали конечную стоимость продукции, которая складывалась из расходов на доставку сырья и полуфабрикатов, а также на доставку конечной продукции на рынок. Во-вторых, канал перевозок был ненадежен, так как всегда оставался риск установления новых барьеров. Важно и то, что электроэнергия поставлялась из Западной Германии. Она, естественно, была дороже, чем электроэнергия, потребляемая крупными промышленными предприятиями на территории материнского государства.

Блокада 1948–1949 годов открыла новую страницу в экономической истории анклава. Систематическое установление препятствий на перевозку грузов началось в апреле 1948 года. К 24 июня дело дошло до полной блокады водных и наземных путей сообщения. В общей сложности она продолжалась в течение десяти с половиной месяцев, до 12 мая 1949 года. Главной задачей союзников, безусловно, было обеспечение американских, британских и французских военных гарнизонов и удовлетворение основных нужд населения. Даже уголь приходилось переправлять воздушным путем. Очевидно, что потребности промышленности не были приоритетными среди поставок. Крупные предприятия переживали глубокий кризис, несмотря на запасы сырья и полуфабрикатов. Согласно статистическим данным, уровень промышленного

производства за год блокады сократился на 45,4%. Уровень занятости за то же время снизился на 15%. Таким образом, блокада привела к резкому падению производства (Bähr 2001, 105). Главной задачей города и крупных промышленных предприятий было удержать квалифицированных рабочих любой ценой. Количество рабочих часов снизили до 40 в неделю, руководство города искало выход во всем, вплоть до создания новых профессий. Причиной этого послужила также необходимость сохранения человеческого капитала как основы берлинской промышленности.

Лоббистская мощь берлинской промышленности росла быстрыми темпами. Ассоциация промышленных предприятий (*Industrieausschuß*) развилась в крупную организацию, объединяющую всю промышленность Западного Берлина. Одним из значительных последствий блокады стало структурное изменение экономики. Очевидно, что крупные компании справились с последствиями блокады лучше, чем малые и средние, что подтверждалось в докладе военного управления США за 1949 год: «Блокада показала, что предприятия крупной промышленности оказались в более привилегированном положении и поэтому потерпели меньшие убытки за время кризиса»⁷⁸.

Блокада послужила главной предпосылкой начала новой политики союзников и вновь образованного государства — Федеративной республики Германии (ФРГ) — в отношении Западного Берлина. Кроме того, стало ясно, что западные страны удержат Западный Берлин под своим влиянием любой ценой. Их экономическая политика в течение сорока лет после снятия блокады была подтверждением этого намерения.

В период блокады (с июня 1948 по март 1949 года) Западный Берлин представлял собой уникальную валютную зону. Официальными валютами анклава были деньги западной и восточной частей. Блокада, денежная реформа и образование ФРГ и ГДР создали основу дальнейшего развития экономики анклава. Тяжелейший адаптационный кризис произошел в 1949–1950 годах. Вследствие очевидного отсутствия перспектив в развитии торговых и экономических связей с Восточной Германией анклав присоединился к экономике Западной Германии. Тем не менее от материнского государства Берлин отделяли 165–340 км территории Восточной Германии. Следовательно, проблема транспортировки остро стояла на повестке дня.

⁷⁸ Office of Military Government for Germany (US) (1949) Special Report, p. II/4, LAB, Report 10, ACC. 4253/801.

Изменения к лучшему произошли после принятия долгосрочного плана — части плана Маршалла («Программа восстановления Европы», ПВЕ), специально разработанной для анклава. Проблема заключалась лишь в нехватке ресурсов для крупномасштабных инвестиций. Потребность в капитальных вложениях определялась суммой до миллиарда немецких марок (Bähr 2001, 160). В то же время ни сами крупные промышленные предприятия Берлина, ни город не были способны на это. Не хватало даже оборотного капитала для ежедневных деловых операций. Теоретически деньги в анклав могли поступать от западногерманских частных инвесторов, но этому препятствовал высокий риск.

ПВЕ была практически единственным источником финансирования восстановления западноберлинской экономики. Структурное распределение средств данной программы в Западном Берлине проходило иначе, чем в других регионах ФРГ. Экономика анклава, сильно ослабленная вследствие объективных причин, оказалась неконкурентоспособной даже на внутреннем рынке Германии, не говоря уже о мировом. У программы была также сильная политическая составляющая. Главной целью стало обеспечить занятость населения. В результате ссуды и субсидии предоставлялись анклаву с прицелом на ожидаемый рост занятости⁷⁹. Для этого были приняты следующие меры:

- предоставление инвестиционных ссуд;
- обеспечение оборотным капиталом;
- вход в акционерный капитал предприятий;
- размещение заказов на приобретение продукции западноберлинских промышленных предприятий;
- программа по реконструкции города.

Общая сумма инвестиций по ПВЕ достигла 0,94 млрд немецких марок, что примерно соответствовало спросу на капиталовложения в берлинскую экономику. В промышленность пошел 71% всех инвестиций (в сравнении с 33,9% по всей территории Западной Германии). Основная часть инвестиционных потоков была поглощена крупными предприятиями.

Основная цель ПВЕ, таким образом, была достигнута. Уровень безработицы быстро пошел на спад. Местным отраслям промышленности удалось влиться в русло западногерманской экономики.

⁷⁹ В ФРГ применялась другая стратегия: там, в первую очередь, по ПВЕ финансировалось то, что способствовало восстановлению инфраструктуры (дорог, выработки электроэнергии) и некоторых ключевых отраслей экономики, например, угольной промышленности.

Уже к 1953 году 75% электротехнической продукции продавалось на общем западногерманском рынке. Экспорт электротехнической продукции достигал 15%, а машиностроительной — 32,3%, что соответствовало довоенному уровню (Bähr 2001, 170–173).

Осуществление финансирования по программе ПВЕ также оказало благоприятное психологическое воздействие на население. Запад показал, что не собирается бросать город в трудной ситуации.

Вследствие того, что наибольшая часть финансирования по программе ПВЕ была поглощена предприятиями крупной промышленности, структура экономики Берлина стабилизировалась на ближайшие десятилетия. Экономике этого периода характеризовало преобладание крупной промышленности. Такая структура, вместе со специфическими чертами развития экономики в анклав, послужила причиной стагнации в 1960–1970-х годах. Мировая экономика стремительно менялась, инвестиционные товары утратили свою первостепенную важность, а недостаток малых и средних предприятий оказал негативное влияние на возможности модернизации берлинской промышленности. Постепенно Берлин утратил свои позиции центра по производству электротехнической и механической продукции. В 1960–1970-х годах промышленность потеряла определяющее значение для анклава, уступив место развитию государственных служб, образования и сферы услуг.

Разделенность Берлина на две части создала фактически оптимальные «лабораторные» условия для проведения экономического эксперимента. Особый интерес с научной точки зрения представляет сравнение уровня развития промышленности на территории Восточного и Западного Берлина, которое провел Бэр (Bähr 2001). Сопоставлялся уровень развития электротехнической и машиностроительной промышленности — двух бывших локомотивов берлинской экономики. В результате ученый пришел к выводу, что кризис наблюдался в обеих частях города, но он был обусловлен разными причинами. Восточный Берлин переживал те же кризисные процессы, что и вся Восточная Германия в целом, а Западный Берлин, в свою очередь, развивался значительно хуже, чем остальная Западная Германия, в силу своей анклавности.

Западный Берлин, окруженный Восточной Германией, страной с абсолютно отличной экономической системой, находящейся в состоянии холодной войны с его материнским государством,

интегрировал свою экономику с Западной Германией. Был положен конец старым экономическим связям с Бранденбургом, Саксонией и Тюрингией. Логика замкнутого круга привела к усилению уязвимости Западного Берлина. Так как спрос на инвестиционные товары и другую экспортную продукцию, например, на кондитерские изделия, снизился, недостатки расположения Западного Берлина стали еще более очевидными (Arnold 2001, 46).

Западный Берлин обходился материнскому государству в миллиарды немецких марок. Организация «Берлин-Хильфе» (*«Berlin-Hilfe»*) подсчитала, что за 40 лет Берлин стоил Западной Германии более 100 млрд марок. Деньги были потрачены на экономическую помощь, военные и полицейские службы и на субвенционирование транзита.

1. Экономика. Существование за счет режима преференций было характерно для всех предприятий Западной Германии. Чтобы добиться предоставления этих преференций, в анклаве размещалась лишь часть производственного процесса. После сооружения в 1961 году Берлинской стены, ФРГ начала еще активнее поддерживать экономику Западного Берлина. Во-первых, не облагаемые налогом 10% субсидии предоставлялись на начало производства новых движимых инвестиционных товаров. Во-вторых, формирование частного капитала в Берлине поддерживалось предоставлением льгот на подоходный налог. В-третьих, ссуды под низкий процент предоставлялись специализированными банками. В-четвертых, предоставлялись льготы на подоходный налог и налог на прибыль как стимул для миграции рабочих в Западный Берлин. В-пятых, правила бухгалтерского учета позволяли списать до 75% стоимости строительства новых зданий в течение трех лет (Jeschonnek, Riedel, Durie 2002, 113–114). В-шестых, рабочим из Западного Берлина выплачивали премии, которые в народе называли «премией за трепет» (*«Zitterprämie»*, Arnold 2001, 45). Эти меры помогли преодолеть кризис 1961–1963 годов. Тем не менее, объективные недостатки расположения промышленности привели к новому спаду в 1966 году.

2. Транзит из Западного Берлина в материнское государство обошелся ФРГ в общую сумму, примерно равную 10 млрд марок. Эта сумма складывалась из трех компонентов: во-первых, из ежегодных транзитных выплат ГДР; во-вторых, из приблизительно 2,4 млрд марок, инвестированных в улучшение транзитных путей, в особенности в строительство автомагистралей, железных дорог и водных путей на территории ГДР. Одним из самых из-

вестных капиталовложений такого типа были 1,2 млрд марок, потраченных на сооружение магистральной автодороги Берлин — Гамбург. В-третьих, правительство выделяло около 110 млн марок в год на субсидирование авиабилетов.

3. Расходы на обеспечение внешней и внутренней безопасности, которые включали в себя расходы на оборону, организацию и поддержание стратегических запасов, необходимых населению анклава (пищевых продуктов, угля и т. д.) и на восполнение убытков, нанесенных блокадой 1948–1949 годов.

Несмотря на все усилия, направленные на поддержку Берлина и его экономики, уровень жизни и зарплаты населения анклава был гораздо ниже аналогичных показателей основной части страны. Это можно легко продемонстрировать на примере сравнения уровня зарплаты людей, работавших в ведущих отраслях промышленности, электротехнической и машиностроительной.

Таблица 9.3. Средняя еженедельная начисленная заработная плата в Западном Берлине и ФРГ в 1960-х годах, в немецких марках⁸⁰

Отрасль промышленности	Год	Среднее по ФРГ	Западный Берлин
Электротехническое производство	1960	109	101
	1965	165	152
	1969	210	197
Машиностроение	1960	129	125
	1965	198	179
	1969	256	233

Состояние коммунального хозяйства отражает стремление к автономности анклава по следующим позициям:

- **Снабжение газом.** Его автономное производство с 1960-х годов было дополнено строительством трубопроводов из Западной Германии и Чехословакии. Было сооружено газохранилище вместимостью 645 млн м³.

- **Водоснабжение.** Лишь один район снабжался водой из ГДР.

- **Утилизация использованной воды,** несмотря на политическую обстановку, была предметом сотрудничества Западного Берлина и ГДР. Вода направлялась в Восточный Берлин и Бранденбург.

- **Напротив, утилизация отходов** была автономной вплоть до 1980-х годов. Только после этого времени часть отходов стала направляться в ГДР.

⁸⁰ Источник: Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik, Jg. 1961–1970, цит. по Bähr 2001, 216.

- Стратегические запасы сырья и продовольствия. В Западном Берлине, особенно после блокады, особое внимание уделялось пополнению запасов сырья и продовольствия. Их объем поддерживался на необычайно высоком уровне, достаточном для снабжения города в течение года. Уровень был снижен до полугодичного только в 1980-х годах, при этом углем продолжали запасаться на целый год. Управление и обновление запасов обходилось федеральному бюджету в 100 млн немецких марок в год (Jeschonnek, Riedel, Durie 2002, 111).

Калининградская область: анклавные шоки

С распадом Советского Союза Калининградская область оказалась отделенной от основной территории России несколькими границами. Традиционные экономические связи были разорваны, и уровень промышленного спада в 1991–1998 годы достиг 70%. Регион боролся за экономическое выживание. Статус особой экономической зоны (ОЭЗ), приданный области, стал выходом из положения. Наряду с производственной специализацией подверглась кардинальным изменениям региональная торговля. Географическое положение и правовая структура определили высокий уровень зависимости области от экзогенных факторов и от российской интеграции в мировую экономику⁸¹.

Калининградская область в 1991 году стала российским эксклавом (советским — в 1990). До конца Второй мировой войны эта территория являлась частью Восточной Пруссии, которая, в свою очередь, с 1920 по 1939 годы была немецким эксклавом. Несмотря на более чем пятидесятилетнюю разницу во времени и принадлежность к различным государствам, оба эксклава имеют на удивление много общего в экономическом развитии и в отношениях с материнскими странами. Пример Восточной Пруссии демонстрирует органические недостатки статуса эксклава безотносительно ко времени и независимо от принадлежности к другому государству.

После войны территорию Восточной Пруссии разделили Польша и Советский Союз. Польша получила примерно две трети территории, а СССР — оставшуюся треть, которая теперь носит название Калининградская область. Область стала частью РСФСР, что послужило основанием для ее эксклавноности сорок пять лет спустя. Так как региональная экономика была почти полностью

⁸¹ Детальному анализу проблем экономической специализации Калининградской области посвящена другая книга автора (см. Винокуров 2007).

разрушена в 1944–1945 годы, ее пришлось выстраивать заново. В 1990 году провозгласила независимость Литва, и Калининградская область стала советским и год спустя российским эксклавом. В 1990-е годы регион пережил тяжелейший структурный кризис, в ходе которого промышленное производство упало, как уже было сказано, на 70% по сравнению с 50% в среднем по России. Экономический рост в области возобновился лишь в 1999.

Население Калининградской области не достигает миллионной отметки, и внутренний рынок региона ограничен. Регион также не обладает достаточной материальной базой. Эти ограничения создали существенную дисгармонию между внутренним производством и сферой потребления. Для такого небольшого и отрезанного от основной территории страны региона, как Калининградская область, внешние экономические связи с соседними странами жизненно необходимы для экономического функционирования. Благоприятный внешнеэкономический режим и интеграция в международное разделение труда становятся определяющими факторами успешного развития. Внешние факторы приобретают исключительно большое значение. Жизненно важную роль в такой экономике играет торговля, как внешняя, так и с российскими регионами, так как она поддерживает функционирование экономической системы в целом. Благодаря росту импортозамещения, а также государственным и частным российским инвестициям, в 2000-е годы укрепилась связь с «большой» Россией. Внешние процессы, такие как расширение ЕС или принятие России в ВТО, могут трансформироваться в экономические кризисы и значительно повлиять на региональные торговые потоки. Специфичность Калининградской области требует новаторских подходов к решению проблем экономической специализации. Факторы, определяющие региональную экономику и политическое окружение, только отчасти совпадают с определяющими факторами для других регионов России.

Главный феномен, относящийся к экономическому развитию региона — его анклавность. Это выражено в географическом положении Калининградской области: с одной стороны, она является российским эксклавом, отделенным от материнского государства сотнями километров иностранной территории и тремя границами; с другой — полуанклавом расширенного ЕС. Упомянем только некоторые из связанных с этим специфических проблем.

1. Анклавность региона повышает операционные издержки региональной экономики в плане потерь и дополнительных расхо-

дов. Прямые затраты анклава во многом зависят от дополнительных расходов на транзит. Существуют также косвенные затраты, которые намного труднее измерить.

2. Характерная для анклава уязвимость. Калининградская область намного более подвержена внешним кризисам, чем типичный регион России. Примерами являются кризис 1998 года и расширение ЕС в 2004 году. Кризис августа 1998 года стал тяжелым ударом для всей России. Особая, повышенная реакция Калининградской области на кризис связана с фактором анклавности. Так как ее экономика уже тогда зависела от внешнеторговых потоков, то она была в высокой степени чувствительна к курсу обмена рубля. По этой причине область очень остро среагировала на финансовый кризис 1998 года. Эта реакция имеет четыре важных аспекта:

- Рост цен в два раза превысил соответствующее повышение в большинстве регионов России.
- Производство снизилось на 9,5%, что в пять раз больше, чем в среднем по России (–1,9%).
- Внешнеторговые потоки сократились на 25% за один год. Суммарный внешнеторговый товарооборот упал с 1,617 до 1,207 млрд долларов США. Вместе с этим, пассивный баланс во внешней торговле снизился вследствие уменьшения импорта.
- Иностранные инвестиции резко сократились вследствие общей экономической нестабильности и спада экономической деятельности. Объем иностранных инвестиций упал с 39,4 млн долларов в 1998 году до 18,3 млн долларов в 1999, то есть более чем на половину.

3. Современное развитие региона в основном базируется на особых преференциях, предоставленных федеральной экономической политикой. Принятие нового закона о СЭЗ в Калининградской области в 2006 году создало проблему приспособления к новому экономическому режиму. Закладывается основа для того, что можно назвать «проблемой 2016 года». В законопроекте рассматривается десятилетний переходный период, в течение которого старый режим останется в силе, а основные перемены произойдут в 2015–2016 годах. Кроме того, так как Россия, скорее всего, в 2008–2009 году вступит в ВТО, переходный период должен будет закончиться к середине 2010-х годов. Конечно, процесс адаптации России к членству в ВТО и области к новому режиму СЭЗ будет продолжительным и затянется примерно на десять лет. Тем не менее, вполне возможно рассматривать 2016 год как приблизительный порог адаптации к потрясениям.

4. Калининградскую область справедливо характеризуют как «двойную периферию» (Joenniemi, Dewar, Fairlie 2000) или как «перекрывающуюся периферию» (Emerson et al. 2001, 31–32) России и ЕС. Кроме периферийности относительно основной территории России (расстояние до экономически развитого центрального региона составляет 1000 км), область также расположена на периферии ЕС. Непосредственные соседи региона относительно слабо развиты и испытывают острые экономические трудности. Варминско-Мазурское воеводство Польши, с которым Калининградская область граничит на юге, — наименее развитый регион Польши с двадцатипроцентной безработицей. К северу и востоку от области развитые области Литвы вокруг Вильнюса и Каунаса также находятся далеко от калининградской границы. Для анклавов типично располагаться на территориях, отдаленных от промышленных и коммерческих центров. Двойная периферийность — естественный результат положения анклава в экономической географии материнского и окружающих государств.

5. Будучи частью Российской Федерации, Калининградская область находится между Россией и ЕС. По существу, область, с одной стороны, уязвима в контексте расширения ЕС и динамики европейско-российских отношений. С другой стороны, ее экономическое развитие зависит от динамики российской интеграции в мировую экономику, примером чего является вступление в ВТО.

ОЭЗ в Калининградской области была основана в 1990 году и начала действовать в 1991 году под названием свободной экономической зоны «Янтарь». Идея содействия развитию экспорта первоначально была ядром создания СЭЗ. Только постепенно и, в некоторой степени, непреднамеренно суть программы сместилась в сторону таможенных льгот как механизма содействия импортозамещению. Позднее свободная экономическая зона начала восприниматься как инструмент компенсации недостатков анклавного положения региона. ОЭЗ Калининградской области в редакции закона 1996 года является очень специфичной особой экономической зоной. Как и в типичной свободной таможенной зоне, в регионе нет импортных пошлин, то есть не нужно платить ни таможенных пошлин, ни НДС по внешнеторговым операциям, ни акцизных сборов. Кроме того, не облагаются таможенными пошлинами товары местного производства и товары, предназначенные для экспорта в Российскую Федерацию. Для получения таможенных льгот товары должны удовлетворять следующим условиям: на бытовую технику и электронику 15% добавленной сто-

имости + изменение пяти знаков кода тарифной номенклатуры (ТН ВЭД); на другие товары 30% добавленной стоимости + изменение четырех знаков ТН ВЭД (плюс некоторые дополнительные критерии для автомобилей, тракторов и т. д.).

Таможенные льготы составляют основу режима ОЭЗ. Все другие преференции, включая преференции на инвестирование, упоминались в законе об ОЭЗ 1996 года, но не были включены в другие федеральные законы. Таможенные льготы создали стимул для использования более дешевого импортного сырья в целях его переработки и последующего выхода на российские рынки. С другой стороны, несколько секторов экономики, прежде всего сельское хозяйство, были подавлены режимом ОЭЗ, так как они не могли конкурировать с дешевыми импортными товарами. Еще одной проблемой, часто возникающей в этом отношении, является дискриминация российских производителей в пользу зарубежных. Это происходит потому, что на импорт ставка НДС не взимается, тогда как калининградские производители платят НДС на товары, произведенные в России.

Таможенные преференции, закрепленные в законе, дали импульс к торговому посредничеству и развитию отраслей промышленности, нацеленных на российский рынок; Калининградская область предоставляет возможность удобного «плацдарма» для этого. Около 80% промышленной продукции поставляется в материнское государство с использованием преференций ОЭЗ, и только 20% либо экспортируются, либо потребляются в регионе.

Работа над новым федеральным законом об ОЭЗ в Калининградской области началась в 2002 году, когда была организована экспертная группа во главе с И. Шуваловым, заместителем главы президентской администрации. Основными принципами улучшения режима ОЭЗ были следующие:

1. Соответствие режима ОЭЗ общей международной практике (в частности правилам ВТО, что является особенно важным на пороге вступления России в ВТО).

2. Преимущество текущих и новых механизмов.

3. Переход от таможенных к налоговым преференциям.

4. Максимальное снятие административных барьеров.

Новый федеральный закон об ОЭЗ в Калининградской области был принят в январе 2006 года. В целом, его основное отличие от старого состоит в том, что:

- Калининградская область остается свободной таможенной зоной (беспошлинный импорт).

• Законопроект предусматривает временное сосуществование двух режимов, старого и нового:

– Старый режим сохраняет на 10 лет таможенные преференции, закрепленные в законе 1996 года, но с двумя поправками. Во-первых, предприятиям, производящим электронику, тоже придется производить 30% добавленной стоимости. Во-вторых, производители будут обязаны платить экспортные тарифы и пошлины. Старый режим действителен до 2016 года. Предприятия должны выбирать, какой из двух режимов они будут применять. После переходного периода в силе останется только новый режим.

– Новый режим включает:

(а) освобождение от налога на прибыль на 6 лет для новых предприятий, инвестирующих 150 млн российских рублей (4,4 млн евро) или более, и снижение ставки налога на прибыль на 50% еще на 6 лет.

(б) Аналогичные условия по налогу на имущество.

Чтобы иметь право на работу в условиях нового режима, предприятия должны отвечать нескольким требованиям: (а) за 3 года должно быть вложено минимум 150 млн рублей; (б) минимум 70% оплаты труда, 90% основных средств и 70% фактического объема производства должны находиться в ОЭЗ; (в) инвестиционные проекты не могут быть нацелены на добычу нефти и газа, производство водки и спиртных напитков, табака и табачных изделий, оптово-розничную торговлю, ремонтные услуги и финансовые операции.

• Срок действия нового закона об ОЭЗ — 25 лет с момента его принятия.

Федеральная политика по отношению к Калининградской области включает в себя также Федеральную целевую программу (ФЦП) на период 2002–2010 годов. Программа состоит из 113 инвестиционных программ различного характера, от строительства глубоководного порта в Балтийске до реконструкции стадионов. В программе оговаривается ряд приоритетов: развитие единой транспортной системы, обеспечение стабильного функционирования энергокомплекса, улучшение телекоммуникационных систем, развитие сферы туризма и отдыха, решение экологических проблем, развитие социального сектора и т. д. Фактически перечень приоритетов для инвестиционных проектов так обширен, что они стали размытыми, с двумя исключениями: транспортным сектором и энергетикой, в которые предполагается направить большую долю финансирования.

Кризис 1998 года стал точкой минимума. С 1999 года начался быстрый экономический рост. ВРП вырос на 6,8% в 1999 году, 14,4% в 2000, 6,0% в 2001, 9,5% в 2002, 11,5% в 2003, 12,3% в 2004 и 13,0% в 2005 году. Таким образом, средний рост в течение семи лет составил 10,5%. График на рис. 9.1. содержит данные по динамике ВРП за весь переходный период в сравнении с динамикой российского ВВП. Сравнение двух рядов данных приводит к важному выводу. В целом динамика калининградской экономики соответствует российскому экономическому тренду. Если российский ВВП падает, то же самое происходит с калининградским ВРП. Если национальная экономика растет, растет и экономика региона. Единственным исключением из этого правила стал 1997 год, когда Россия балансировала на грани положительных цифр, а Калининградская область еще не вышла из кризисного пика. Это исключение может быть объяснено определенным временным отставанием, с которым Калининградская область следует общероссийскому тренду. Однако основная особенность заключается не в следовании национальному тренду, а в размахе колебаний: совпадая с общероссийской динамикой по знаку, калининградская экономика отличается значительно более сильной амплитудой. Например, в то время как российская экономика в 1995–1996 годах уменьшалась на 3–4% в год, региональная экономика коллапсировала ежегодно на 15%. И напротив, когда российская экономика начала расти после 1998 года со средним темпом в 6,8%, балтийский эксклав рос в среднем на 10,5% ежегодно.

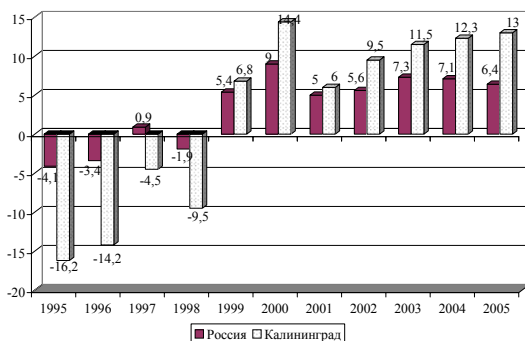

Рис. 9.1. Динамика российского ВВП и ВРП Калининградской области в 1995–2005 годах, в %⁸²

⁸² Примечание: в 2006 году рост ВВП России и ВРП Калининградской области по предварительным данным составил 6,7 и 12% соответственно.

Либерализация экономики и торговли в совокупности с таможенными льготами для Калининградской области привела к резкому увеличению объемов торговли в первой половине 1990-х годов. Совокупный внешнеторговый оборот достиг первого пика в 1997 году, а затем снизился из-за последствий экономического кризиса в 1998 году. Однако кризис послужил толчком к развитию промышленности, что привело к резкому увеличению товарооборота в 2000-х годах.

В целом можно выделить два периода в развитии внешней торговли в Калининградской области: 1991–1998 годы и начиная с 1999 года по сегодняшний день. В первый период общий объем внешнеторгового товарооборота вырос более чем в десять раз благодаря либерализации экономики и торговли. Кризис августа 1998 года ознаменовал начало второго периода в России в целом и в области в частности, так как рост внутреннего потребления послужил импульсом для дальнейшего экономического развития. Регион постепенно наращивает объемы экспорта, в основном благодаря экспорту сырой нефти, но также и целлюлозы, рыбы и продукции машиностроения. Однако наиболее заметным явлением этого периода является впечатляющий рост объемов импорта для нужд импортозамещающей промышленности.

Оба периода имеют общие черты. Начиная с 1995 года, внешний торговый баланс является отрицательным. Достигнув самого высокого значения в 824 млн долларов, или 46,7% в 1997 году, негативное сальдо понижалось в течение четырех последующих лет до того, как в 2002 году опять пошло вверх и пересекло миллиардную отметку. В 2004 году оно равнялось почти двум миллиардам долларов США. Приведу два фактора, которые объясняют возникновение отрицательного торгового баланса. Во-первых, СЭЗ в Калининградской области постоянно использовалась как удобная «лазейка» в Россию; однако относительная значимость этого фактора очевидно снизилась за последние несколько лет. Второй фактор, наиболее сильно влияющий на торговый баланс, — это возрастающий объем промышленной продукции, отправляемой в основную часть России, и новая промышленная специализация региональной экономики, ориентированная на импортозамещение.

ЕС доминирует во внешней торговле региона. В 2004 году на ЕС приходилось 76,5% экспорта и 66% импорта. Объем торговли с Евросоюзом примерно равен объему торговли с «большой» Россией. Торговля с Россией играет большую роль в торговом балансе

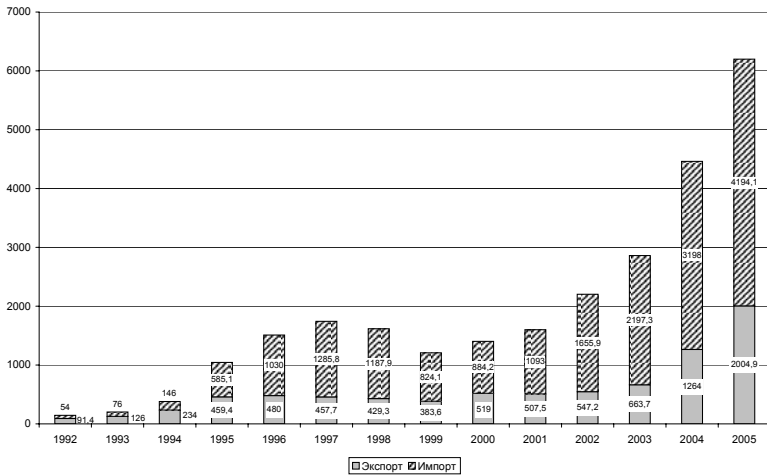

Рис. 9.2. Внешнеторговые потоки Калининградской области, 1992–2005, млн долларов США

Калининградской области, составляя более 40% совокупных торговых потоков. Россия является источником топлива и нефтепродуктов, а также металлов и древесины, то есть сырьевых ресурсов. В то же время это главный рынок сбыта для калининградской импортозамещающей промышленности: бытовой техники, автомобилей, продуктов питания, мебели. Это позволяет нам утверждать, что область играет роль более развитого торгового партнера в торговле с основной частью России, покупая сырье и топливо и продавая свою продукцию (Samson 2000a, Samson, Lamande, Vinokurov 2004). Однако рост объемов торговли начался, в основном, благодаря действию режима ОЭЗ, стимулировавшей развитие импортозамещающей промышленности, ориентированной на российский рынок.

С точки зрения торговли, Калининградская область обладает чрезвычайно открытой экономикой. Высокая степень открытости региональной торговли связана с режимом СЭЗ, а также с посреднической торговой специализацией региональной экономики. Торговая открытость области, если опираться на официальные данные по ВРП, составила 133,5% в 2000 году. Это означает, что общие торговые потоки (как с иностранными государствами, так и с основной территорией России) превзошли ВРП в 2,67 раза. Торговые потоки с Россией значительно увеличивают оценку региональной торговой открытости.

Ключевыми для Калининградской области являются несколько процессов с участием разнообразных субъектов. Наиболее значимыми из них являются Россия (точнее, федеральный центр) и Европейский Союз. Решающая роль определенно принадлежит российскому федеральному центру. Несомненным является то, что, несмотря на оторванность региона от материнского государства, Москва определяет курс, которым следует Калининградская область. Делает она это множеством способов. Одним из основных инструментов является федеральное законодательство по особой экономической зоне, в котором содержатся особые нормы для региона. Другой инструмент воздействия — финансовая и экономическая политика федерального центра, включая финансовые трансферты и Федеральную целевую программу. Прямое политическое влияние Москвы на региональном уровне через назначение губернатора продолжает этот ряд. Калининградская область же имеет очень ограниченные рычаги влияния как на Москву, так и на страны ЕС.

Европейский Союз, в свою очередь, также может по нескольким позициям оказывать влияние на Калининградскую область. Во-первых, договоренности ЕС и России по вопросам региона, а именно по пассажирскому и грузовому транзиту, являются центральными для анклава. Во-вторых, ЕС оказывает прямую экономическую помощь региону. В-третьих, в странах ЕС, в частности в Дании, Швеции и Германии, осуществляются независимые программы по сотрудничеству с регионом. В-четвертых, позиция и действия соседних стран, Польши и Литвы, являются важными в отношении приграничного сотрудничества. Проблема специализации Калининградской области должна рассматриваться в рамках экономического взаимодействия России и ЕС, что полностью соответствует структуре треугольника МАО.

Для Калининградской области нет другой жизнеспособной экономической альтернативы, чем стать территорией для взаимодействия России и ЕС. Проблема состоит из двух основных компонентов:

1. Будущее региональной экономики и ее специализации следует рассматривать в связи с перспективами отношений между Россией и ЕС и их экономической интеграции.

2. Специализация Калининградской области зависит от содержания и динамики торговых потоков между Россией и ЕС.

В 2002 году, когда область оказалась в центре внимания ЕС и России, обе стороны признали уникальность региона, наличие

специфических проблем и необходимость применения особого подхода для их разрешения. Однако до настоящего времени главные усилия концентрировались на разрешении проблем визового режима. Предстоит ответить на ряд более существенных и сложных вопросов, устранить препятствия для формирования необходимых условий внешнеэкономической деятельности в Калининградской области, которые определяют конкурентоспособность местных предприятий на локальном, российском и иностранном рынках.

Текущее состояние отношений между ЕС и Россией не является благоприятным для экономического развития Калининградской области. Недостаточная экономическая открытость, высокие барьеры к рынку ЕС и высокие транзакционные расходы в торговле с регионами России (частично в результате расширения ЕС) мешают переходу к продвинутой и более устойчивой экономике. Глубокая экономическая интеграция высвободит потенциал региона. Конвергенция законодательства, снижающая технические барьеры в торговле, и упрощение передвижения людей являются в этом отношении не менее важными, чем более традиционная торговая интеграция (например, в форме создания зоны свободной торговли). Это следует дополнять политической стабильностью и добрососедскими отношениями, основанными на доверии и понимании. Экономическая интеграция между партнерами повлечет за собой главные положительные изменения для анклава. Она позволит ей достичь двухвекторной промышленной ориентации на рынок ЕС и России и, таким образом, избежать сильной и нездоровой зависимости только от российского рынка. Она действительно будет противодействовать недостаткам небольшого размера анклава, означающего ограниченный масштаб как местного рынка, так и местной базы производства. Самым важным результатом будущей экономической интеграции между ЕС и Россией является то, что она создаст оптимальные условия для реализации анклавного преимущества Калининградской области, состоящего в близости к европейскому рынку. И наоборот, напряженные отношения между ЕС и Россией серьезно помешают экономическому развитию и сделают регион более зависимым от федерального субсидирования.

ГЛАВА 10. АНКЛАВНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Экономическая характеристика анклавов

Анклавность и эксклавность

В исследованиях, посвященных Калининградской области России, регион часто характеризуется как «остров». Эта метафора не случайна, так как между островами и анклавами/эксклавами много общего. Можно ли применять методы анализа островной изолированности к анклавам и эксклавам? Может ли понятие островной изолированности (*insularity*) быть идентичным понятиям анклавности и эксклавности? На наш взгляд, нет. Действительно, общими негативными факторами экономического развития как островов, так и анклавов являются их малый размер, периферийность и изолированность. В то же время эти понятия часто наполнены разным смыслом. Периферийность острова не равна периферийности анклава, так же как изолированность острова не равна изолированности анклава — в силу того, что окруженность острова морем и окруженность анклава другим государством приводят к разным экономическим и политическим последствиям.

Таблица 10.1. Издержки изоляции: сравнение островов и анклавов

Острова	Анклавы
Более высокие прямые затраты на транспортировку по сравнению с регионами, находящимися на континенте	Плюс дополнительный фактор: необходимость пересечения территории иностранных государств. Более высокая стоимость транспортировки, так как к большому расстоянию прибавляются расходы на оплату таможенных тарифов, повышенных ставок страхования, оформления надлежащих документов и т. д.

Ограниченный выбор видов транспорта	Несмотря на то что анклавы расположены на континенте, этот фактор их тоже касается. Железнодорожный транспорт часто недоступен в силу малых размеров и периферийности. Полные анклавы лишены возможности использовать морской транспорт. Даже если такая возможность существует (в полуанклавах), то экономическая целесообразность может свести выбор к железнодорожному и автотранспорту (например, использование морского транспорта для поставок из Калининградской области в Москву может сделать производство нерентабельным).
Потеря времени при транзите	Связана с обязательными процедурами на границе (для железнодорожного и автомобильного транспорта) и с более протяженными расстояниями при использовании морского транспорта.
Более высокая вероятность перебоев в поставках, более высокий уровень неопределенности	Обычно более высокий уровень неопределенности наблюдается в анклавах вследствие того, что основная часть потоков людей и товаров проходит по суше. Это усиливает влияние двусторонних отношений между материнским и окружающим государством или государствами. В отличие от островов, анклавы уязвимы к изменениям в политике окружающего государства и перед лицом потенциальных конфликтов между материнским и окружающим государствами. Одним из стратегических последствий такой уязвимости анклава является необходимость вложения денег в развитие различных дополнительных видов транспорта, тогда как для острова может быть достаточно только наличия морского.

Значительным препятствием в торговле эксклава с материнским государством выступают высокие транспортные издержки. Отдаленность эксклава препятствует межрегиональной торговле, то есть торговле с другими регионами материнского государства. Транспортные расходы часто делают отправку готовой продукции и особенно сырья и промышленных компонентов более дорогой и экономически невыгодной.

Убедительным примером может послужить Калининградская область. Вследствие отделенности ее от центральных областей России 1000–1500 км, тремя границами и двумя государствами, калининградская промышленность столкнулась с тем, что связи с бывшими торговыми партнерами и традиционными поставщиками

ми сырья в основном были разорваны в новых геополитических условиях и при установлении рыночных цен на услуги транспорта.

Таможенные барьеры представляют собой фактор, оказывающий значительное влияние на экономику многих анклавов. Современные тенденции к постепенному смягчению таможенного режима в рамках, во-первых, ВТО, во-вторых, зон свободной торговли и, в-третьих, Европейского союза могут иметь особое значение для анклавов. Вследствие принятия соглашений по понижению тарифных и снятию нетарифных барьеров в международной торговле у анклавов часто появляется возможность значительного роста объемов торговли. Имеется в виду не только международная торговля, но и та, которую анклав осуществляет с другими регионами материнского государства. Последняя будет облегчена вследствие того, что препятствий к транзиту станет меньше. Такие изменения могут привести к процессу импортной и экспортной переориентации: например, от торговли с материнским государством анклав сможет перейти к торговле с окружающими странами, изменив, таким образом, структуру взаимоотношений внутри региональной экономики и ее торговый баланс. В целом процесс снижения уровня тарифных и снятия нетарифных барьеров оказывает позитивное влияние на экономику анклавов. Примером этому могут послужить небольшие анклавные территории внутри ЕС, чья экономическая деятельность значительно облегчилась после объединения Европы. Аляска после принятия Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) — такой же пример позитивного влияния названных процессов. Вместе с тем нельзя исключать возможность и негативного их влияния.

Малый размер

Одна из характерных особенностей анклавов — их небольшой размер. Не являясь решающим фактором анклавности (точнее, анклавности и эксклавности), это все же представляет собой типичную характеристику, оказывающую огромное влияние на экономическое развитие анклавов. Как правило, они — сравнительно небольшие и компактные территории с малой численностью населения. Их промышленным предприятиям приходится сталкиваться с тем, что емкости внутренних рынков недостаточно для того, чтобы служить жизнеспособной домашней базой. Объемы местного рынка мало для того, чтобы он мог стать основой эффективного крупномасштабного производства многих видов товаров и услуг, особенно наукоемких отраслей.

Такая специфика анклавов, схожая с малыми странами, в сочетании с другими факторами может привести к некоторым очень важным последствиям в экономической политике, а именно к неприятию стратегии импортозамещения и, наоборот, предпочтению экспортной ориентации. Малый размер определяет необходимость узкой специализации. Случаи успешных анклавов показывают примеры хорошо развитой, но относительно узкой специализации. Например, Гонконг специализировался на финансах, торговле, транспорте и производстве электротехнической продукции. Макао — на азартных играх и туризме, производстве текстильной и электротехнической продукции. ВВП Гибралтара на 25–30% состоит из доходов трех ведущих отраслей экономики: судоходства, банковского дела и туризма.

Небольшой объем анклавной экономики и недостаточный ассортимент продукции могут привести к значительной асимметрии между структурами внутреннего потребления и производства. Импортные потоки составляют непропорционально высокую долю внутреннего потребления. Успешные анклавы глубоко интегрированы в мировую экономику. Они подвержены серьезной опасности влияния внешних источников нестабильности, таких, как протекционистские изменения со стороны их главных торговых партнеров или экзогенные шоки в мировой экономике. Невозможность значительного расширения ассортимента производимой продукции лишает эти территории возможности относительно безболезненной адаптации.

Одной из проблем для анклава можно считать отсутствие периферии (хинтерланда). Пограничные провинции окружающего государства редко можно отнести к таковым. Гораздо чаще анклавы сами являются периферией как для окружающего, так и материнского государства. Микроанклавы — крайний случай подобного положения вследствие того, что часто они вообще неспособны поддерживать какую-либо инфраструктуру. Доступ к социально-экономической инфраструктуре (школам, больницам, рынкам, почте) материнского или окружающего государства для микро-анклавов — жизненно необходим.

Также малый размер может привести к непропорционально высоким расходам на инфраструктуру. Чтобы не зависеть от Испании, в Гибралтаре построили собственный опреснительный завод для снабжения водой и собственную электростанцию. Повышенные эксплуатационные расходы на электростанцию и завод выразились в чрезвычайно высокой стоимости коммунальных

услуг. Более того, в 2005 году в Гибралтаре закончилось строительство больницы Св. Бернарда. Новая больница оснащена всем необходимым новейшим медицинским оборудованием в целях обеспечения высокого уровня медицинского обслуживания для требовательных состоятельных жителей Гибралтара. Обратной стороной всего этого стало то, что правительству Гибралтара пришлось обременить себя долгами, чтобы реализовать этот проект. Гибралтар, возможно, отличается самыми высокими затратами на медицинское обслуживание на душу населения в мире, так как расходы на больницу распределяются менее чем на 30 тыс. жителей.

Режим «налогового рая» является основой процветания Гибралтара, но это только одна сторона медали. Местные компании, напротив, облагаются налогами, которые намного превышают налоги, скажем, в Великобритании. Об этом также можно судить по завышенным ценам на местные услуги.

Уязвимость

Анклавы уязвимы вследствие нескольких факторов, главными из которых являются, во-первых, усложненный доступ эксклава к материнскому государству, во-вторых, малый размер и, в-третьих, чрезмерная реакция на экономические и политические шоки, в особенности в рамках отношений «материнское государство — окружающее государство».

Проблема доступа в анклав исключительно важна в рамках отношений в треугольнике МАО. Это глубоко укоренилось в самой природе анклава вследствие его встроенности в окружающее государство и оторванности от материнского. В понятие доступа входят три компонента: во-первых, передвижение товаров и услуг, во-вторых, передвижение людей, в-третьих, передвижение военных, сотрудников правоохранительных служб и государственных чиновников.

Как только анклав возникает, он сразу сталкивается с проблемой доступа в материнское государство. Если материнскому и окружающему государствам удастся достичь договоренности по этому вопросу, проблему можно решить еще на ранней стадии. Но если анклав возникает в условиях напряженных отношений и военных конфликтов, то это становится серьезной проблемой с самого начала. К примеру, Западный Берлин называли «сейсмографом» (Hörning, 1992, VIII). Очевидно, это имело отношение к уязвимости Западного Берлина и его характерной особенности —

реагировать даже на незначительное повышение напряженности во время холодной войны.

Помимо уязвимости доступа, экономика анклавов подвергается еще и влиянию различных внешних шоков. Перечислим несколько ключевых сугубо анклавных факторов:

- Обычно анклавы занимают небольшую территорию. Малый объем местной экономики не способен поддерживать развитие промышленности. Если же промышленные предприятия там уже функционируют, то им приходится искать рынки сбыта. Небольшой объем анклавной экономики и ограниченный перечень производимых товаров ведут к значительной асимметрии между структурой внутреннего потребления и производства. Импортные потоки составляют чрезмерно высокую долю потребления. Учитывая этот факт, а также более высокую степень зависимости от доходов экспортной торговли, можно говорить о глубокой интеграции анклава в мировую экономику. Таким образом, анклавы подвержены влиянию внешних источников нестабильности, то есть протекционистских изменений в политике главных торговых партнеров и экзогенных шоков.

- Анклавам приходится специализироваться лишь в некоторых видах промышленности или секторах экономики. Вследствие того, что промышленные предприятия могут сменить дислокацию, анклав сталкивается с задачей «привязать» крупные промышленные предприятия к домашней базе. Возникает замкнутый круг: анклавы могут поддерживать лишь некоторые отрасли, что повышает общую уязвимость в случае кризиса в отдельно взятой отрасли.

- Анклавность препятствует экспорту в материнское государство. С точки зрения экономической географии окружающее государство может предоставить анклаву удобный близкий рынок. Однако многочисленные тарифные и нетарифные барьеры способны сделать продукцию, выпускаемую в анклаве, неконкурентоспособной по сравнению с продукцией окружающего государства, чьи собственные производители защищают этот рынок. Более того, значительное расстояние и транзитные расходы усложняют доступ к потенциальным рынкам материнского государства. Если анклав не располагает уникальным конкурентным преимуществом, он становится экономически несостоятельным ввиду своей изолированности.

Экономическая несостоятельность и повышенная уязвимость объясняют причину, по которой различные виды особых эко-

номических режимов так часто используются по отношению к анклавам. Особый экономический режим может сделать анклав экономически жизнеспособным в ситуации, когда собственные активы выжить не позволяют.

Двойная периферийность

Понятие двойной периферийности часто применяют по отношению к анклавам. Выше говорилось о периферийности Калининградской области. Для анклавов типично расположение на территориях, отдаленных от промышленных и коммерческих центров.

Проанализируем случай французских островов Сен-Пьер и Микелон, находящихся в канадских территориальных водах, и их попытки развивать туризм. Ройл (Royle 1993, 171) объясняет двойную периферийность островов двумя причинами. Во-первых, острова являются периферийными по отношению к материнскому государству Франции. Во-вторых, они расположены на периферии Канады. Рыба здесь — единственный природный ресурс. Заселялись острова в течение трехсот лет с момента прибытия туда первых поселенцев. В настоящие дни рыболовства уже недостаточно для обеспечения стандартов жизни, сравнимых с материнским и окружающим государствами. Развитие сельского хозяйства невозможно из-за сурового климата. При уровне ВВП на душу населения, примерно равном 6 тыс. долларам, острова Сен-Пьер и Микелон сильно отстают как от Франции, так и от Канады и полностью полагаются на субсидии французского правительства (около 60 млн долларов в год). Туризм стал рассматриваться как одна из перспективных экономических альтернатив. От 10 до 15 тыс. туристов ежегодно прибывает на острова. Большую часть из них (80–83 %) составляют канадцы, за ними идут жители США (15–17 %) и Франции (менее 5 %). Большинство приезжающих останавливаются только на один или два дня. Главными средствами привлечения туристов на Сен-Пьер и Микелон являются французская культура и местный колорит. Канадцы и американцы приезжают, чтобы получить впечатления от посещения территории Франции, находящейся так близко к их родине. В течение учебного года на Сен-Пьер часто приезжают канадские студенты, чтобы погрузиться в атмосферу французской культуры и языка. Пограничная торговля также является статьей дохода, так как туристы охотно покупают французское вино и духи по более низкой цене. Природа — походы, рыбалка, тюлени и дикие

лошади — служит еще одним средством привлечения туристов. В 1920–1930-е годы во времена сухого закона в США острова были центром контрабандной торговли европейским алкоголем. Говорят, что часто посещал Сен-Пьер Аль Капоне, управляя своими торговыми операциями (Timothy 2001, 66–67).

Несмотря на постоянные усилия местных властей и предпринимателей, острова не особо преуспевают в превращении туризма в значимую экономическую ветвь. Почему? Причина заключается в том, что такие недостатки, как малый размер, периферийность и изолированность перевешивают преимущества. Основным препятствием является двойная периферийность островов. На самом деле абсолютному большинству канадцев и французов дешевле лететь в Париж, чем на Сен-Пьер, несмотря на то, что последний расположен напротив их побережья. Жители материнского государства Франции предпочитают отдыхать на более теплых тропических французских территориях. Как отмечает местный чиновник: «Зачем парижским французам посещать именно Сен-Пьер и Микелон, если они могут побывать в тропиках, оставаясь во Франции?» (Timothy 2001, 68). Двойная периферийность делает развитие туризма нелегкой задачей.

Сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг: отличительные особенности их развития в анклавах

Существует ли на самом деле у анклавов выбор, что развивать: сельское хозяйство, промышленность или сферу услуг? Наблюдается явное различие в экономической структуре больших и малых анклавов. Только самые большие анклавы и эксклавы способны развивать промышленность (Гонконг, Макао, Калининградская область, Аляска). Меньшие анклавы концентрируются на развитии сельского хозяйства или сферы услуг. Однако некоторые ограничения в развитии промышленной деятельности становятся уделом более гибких экономически крупных анклавов.

Дубровник, большой эксклав с населением в 100 тыс. жителей, недавно переориентировался на развитие туризма. В настоящее время в округе уже около 78 тыс. гостиничных мест. Кроме того, там развивается сельское хозяйство и транспортный узел. Особенно значимыми в этом отношении являются аэропорт и порты Плоче и Дубровника. Оторванность не препятствует быстрому развитию туризма в Дубровнике.

Пятнадцать лет прошло после того, как Азербайджан получил независимость, но Нахичевань до сих пор пытается преодо-

леть кризис, начавшийся из-за распада Советского Союза. Она живет лишь за счет сельского хозяйства и переработки его продукции. Ограничения промышленного развития связаны с изоляцией Нахичевани, оторванностью от Азербайджана и напряженностью отношений между материнским и окружающим государством.

Калининградская область пережила глубокий структурный кризис в 1990-е годы: в 1998 году объем промышленного производства составил только 32% от уровня 1990 года. Кризис был преодолен с помощью создания Особой экономической зоны (ОЭЗ), что позволило калининградским предприятиям стать конкурентоспособными на рынках России. Однако это сделало область в значительной степени зависимой от некоторых отраслей промышленности (сборка бытовой электроники и производство пищевых продуктов), которые, в свою очередь, зависят от режима ОЭЗ. Таким образом, промышленное развитие здесь является уязвимым и в высокой степени обусловленным федеральной экономической политикой.

Для микро- и малых анклавов развитие промышленности не представляется возможным. Самым успешным из них удалось добиться процветания с помощью развития сферы услуг, основанной на характерных особенностях статуса анклава. Те, кто не смог этого сделать, обеспечивают себя сельскохозяйственной деятельностью, но высокого уровня благосостояния на этом пути достичь не удается.

Туризм в анклавах

Туризм является основой экономики многих западноевропейских и североамериканских анклавов, в особенности небольших полных. Существует ряд сугубо анклавных преимуществ и издержек, которые могут либо содействовать развитию туризма, либо сделать его практически невозможным. Можно вывести интересные закономерности относительно национального происхождения туристов, времени их пребывания в анклаве и т. д.

Зачастую туристов отпугивают трудности, связанные с границами, особенно если они являются «реальными», пересечение которых стоит времени и денег. Некоторых, наоборот, можно привлечь границами и всеми атрибутами «другого мира», в который мы попадаем, приезжая в другое государство. Кроме Берлинской стены, пограничные ворота между Макао и КНР в течение долгого времени привлекали туристов сами по себе.

Уникальная политическая ситуация анклавов может создать различные «туристические козыри». Трансграничная торговля также приносит значительные финансовые поступления. Различия в национальных налоговых системах, структурах импортных тарифов, экономических специализациях, а также колебания курсов валют создают многочисленные возможности, которые могут быть использованы пограничными регионами. Анклавы в этой связи являются даже более привлекательными, так как они географически расположены близко к населению окружающего государства. Даже в Европейском Союзе, где различий в импортных тарифах не существует, есть различия в ценах вследствие, например, разных ставок НДС. Интересные возможности могут возникнуть вследствие несовпадения законов в двух государствах. Голландцы совершают свой воскресный шопинг в Баарле-Хертог, так как магазины в самих Нидерландах закрыты. Трансграничный шопинг также является основным средством привлечения туристов в Пойнт Робертс, где канадцы экономят на более низких ценах на бензин и продукты питания. Кроме того, Пойнт Робертс является популярной курортной зоной для жителей Ванкувера и его окрестностей. Подавляющее большинство путешественников в Пойнт Робертс — канадцы.

Если законодательство, определяющее правила азартных игр и продажи алкоголя, в материнском и окружающем государствах разные, и если законы, действующие в анклаве, менее жесткие, существует очевидная возможность того, что туристы из окружающего государства будут привлечены так называемым «порочным туризмом» («vice tourism», Timothy 1996, 104). Существуют многочисленные примеры этого. Наиболее привлекательное экономически предприятием — открытие казино. Однако оно может встретить сопротивление. Например, когда было открыто казино в Кампионе, его владельцы столкнулись с решительным противодействием со стороны Швейцарии, так как казино было нацелено именно на граждан этой страны. В конце концов стороны пришли к компромиссу, и Кампионе согласилось ограничить игорный бизнес для швейцарских посетителей до максимальной суммы ставки в пять швейцарских франков. Игорный бизнес является основным источником доходов для Макао. Интересен тот факт, что в течение последних десятилетий основную клиентуру казино в Макао составляли гонконгцы. Только недавно граждане КНР также стали посещать казино анклава. Ограничения продажи алкоголя в Британской Колумбии способствовало притоку

путешественников из Ванкувера в Пойнт Робертс, где продажа алкоголя регулируется менее жестко.

Возможны и другие формы бизнеса, основанные на различии в законодательстве. Например, в 1990-х годах польские женщины приезжали в Калининград, чтобы сделать аборт, так как законы католической Польши запрещают это.

В Кампионе 90% рабочей силы занято в туризме и сфере услуг (Catudal 1979, 74; Timothy 1996, 106), причем большинство туристов приезжает туда из Швейцарии. В Юнгхольце развивается лыжная индустрия для зимнего туризма, а для летнего существует сеть пешеходных тропинок и дорожек для горного велосипеда. Путешественники из Голландии составляют 60–80% из более чем 50 тыс. туристов, приезжающих в Баарле каждый месяц. Ливия также живет туризмом. Она привлекает большое количество туристов (в сравнении с небольшой численностью местного населения, примерно равной 1200 человек) своими магазинами, оздоровительными курортами, древними зданиями, доступностью по крайней мере 15 лыжных станций в радиусе 45 км (хотя ни одна из них не расположена непосредственно в анклаве) и широко известным музыкальным фестивалем Вилла де Ливия. Такие микро- и небольшие пенеанклавы, как Кляйнвальзерталь, Ос де Сивис, Самнаун и Валь Д'Аран, также стали популярными туристическими курортами. Особенно успешен Кляйнвальзерталь: количество ночей, которые гости провели в местных гостиницах, достигло сегодня уровня в 1,7 млн в год. Делает свои первые шаги навстречу развитию экотуризма эксклав Брунея, Тембуронг. Он отделен от остальной части Брунея территорией Малайзии (штатом Саравак). Однако Тембуронг не полностью отрезан от материнского государства, так как у него есть удобный морской доступ. Несмотря на значительную площадь (1306 км²), в нем проживает всего 9 тыс. человек. Население живет экотуризмом, сельским хозяйством и за счет государственных субсидий, отчисляемых из богатой нефтью западной части страны. Анклавность не стала препятствием для стремительного развития туризма в Дубровнике. Напротив: изолированность и двойная периферийность Калининградской области препятствует дальнейшему развитию в ней туризма. Сравнение этих регионов довольно показательно, так как оно указывает на важность открытости анклава, особенно в плане визового режима, для развития туризма.

Как правило, данные официальной статистики отсутствуют, следовательно, приходится полагаться на оценки турагентств,

администраций и т. д. Эти данные ясно показывают, что подавляющее большинство туристов приезжает в анклав из соответствующих окружающих государств. Существует важное различие между анклавами и другими регионами основной части страны. Их особенность определяется двумя факторами. Во-первых, так как анклавы граничат с территорией окружающего государства, они привлекают путешественников именно из него. Во-вторых, сугубо анклавные «туристические козыри» нацелены на жителей окружающего государства: различия в законодательстве, интересные возможности для трансграничного шоппинга, границы, «особая атмосфера другой страны» и т. д. Таким образом, анклавы привлекательны для путешественников из окружающих государств и относительно непривлекательны для туристов из материнских государств. Второй закономерностью является то, что путешественники предпочитают проводить в анклавах относительно немного времени, как правило, не более одного или двух дней. Обе тенденции ведут к важному последствию. Они требуют гибкого и достаточно свободного пограничного контроля, который не будет отпугивать потенциальных туристов из окружающего государства обременительным процедурами.

Не все анклавы могут стать туристическим раем. Некоторые из них расположены на отдаленных территориях, им нечего предложить с точки зрения туризма и они автоматически исключаются из данного сектора. В Бюзингене наиболее значимым сектором остается сельское хозяйство, в сфере же обслуживания, включая туризм и гостиничный бизнес, занято всего 20% населения. Более того, в настоящее время все анклавы рассматриваются в соответствии со стереотипом мирных и процветающих анклавов Западной Европы и Северной Америки. Однако ситуация далека от идеальной в других частях земного шара, в частности, в азиатских анклавах. Несмотря на потенциальные возможности для развития туризма во многих из них, военные конфликты, напряженность в отношениях между материнским и окружающим государствами, внутренние беспорядки, строгий визовый режим и отсутствие инфраструктуры делают развитие туризма там практически невозможным.

Существует ряд сугубо анклавных проблем, связанных с развитием туризма, которые подробно охарактеризовал Тимоти (Timothy 1996, 107–112; 2001):

- Физическая доступность. Некоторые анклавы расположены в географически сложных условиях, таких, как горы, и доступ туда

часто ограничен единственной дорогой. Кроме того, могут существовать не только естественные, но и политические трудности сообщения анклава как с материнским, так и с окружающим государством. Иногда последние не желают предоставлять дороги в анклав без какой-либо выгоды для себя. С другой стороны, они могут воспрепятствовать материнским государствам в строительстве автомагистрали к их эксклаву не только по экономическим соображениям, но и вследствие того факта, что дорога должна проходить через их суверенную территорию.

- Политическая доступность. Даже если в анклаве ведут удобные дороги, на пути людей, желающих приехать в анклав, могут возникнуть политические препятствия. Эта проблема разрешена в Западной Европе и в Северной Америке, но существует в других анклавах по всему миру, рассмотренных в главе, посвященной проблеме доступа. Она имеет очевидное отношение к развитию туризма, так как может сделать нерентабельными любые намерения и потенциальные инвестиции, нацеленные на развитие туризма в определенном анклаве, делая его практически недоступным для туристов.

- Небольшой размер территории может создать ряд недостатков для туризма в анклавах. Существуют два аспекта малого размера: небольшая площадь территории и численность населения. Территориальные ограничения могут привести к сокращению периода пребывания туристов в анклаве. Как отмечают Дженнер и Смит (Jenner, Smith 1993, 69), «сложно... заставить туристов оставаться долго в тех странах, которые ты всегда сможешь объехать за пару часов». Ограниченный уровень численности населения сужает рынок доступной квалифицированной рабочей силы.

- Несуверенная природа анклавов. Тот факт, что анклавы являются несuverенными территориями, имеет негативные последствия для развития экономики в целом и туризма — в частности. Они не могут принять свою собственную туристическую политику и образовать международные альянсы для содействия туризму. Несомненно, существует возможность развития туризма на местном уровне, но международные варианты ограничены. Политика должна определяться — или по крайней мере координироваться — властями материнского государства. Более того, зачастую материнское государство отказывается дать разрешение анклаву проводить какую-либо независимую международную деятельность, так как, по его мнению, это может угрожать территориальной целостности государства.

- Обеспечение коммунальных услуг. В настоящее время это не очень серьезная проблема для европейских анклавов, но весьма важно для многих других анклавов по всему миру. Крайний случай представляют собой анклавы Куч Бехара, которые отрезаны от окружающего мира и мало-мальской цивилизации.

Экономическое развитие анклавов и эксклавов

Взаимосвязь между экономическими режимами анклавов и их благополучием

Зависит ли успех от открытости и от выбора той или иной экономической ориентации? Наш первый подход к ответу на этот вопрос основан на сравнении доходов на душу населения в анклаве и материнском государстве. Возникает довольно мрачная картина.

Таблица 10.2. Номинальные доходы на душу населения в анклаве в сравнении со средним аналогичным показателем материнского государства и их взаимосвязь с экономическим режимом

Номинальный доход на душу населения:	> М	= М	< М
Количество анклавов:	4	11	12
Из них:			
Экономически открытых (особые преференции и/или низкие барьеры по векторам четырех свобод: передвижение товаров и услуг, людей, капитала и рабочей силы)	4	11	4
Экономически закрытых (отсутствие особого режима, высокие барьеры)	0	0	8

Только 4 анклава из 27 отобранных получают или получали доход на душу населения, превышающий средний показатель материнского государства. К ним относятся современные западноевропейские анклавы Ливия и Кампионе и исторические примеры — Гонконг и Макао. В обоих случаях можно говорить только о незначительно превосходящем уровне дохода (например, доходы Кампионе соизмеримы с наиболее процветающими регионами Италии в северной части страны). В то же время одиннадцать анклавов (40,7%) имеют доходы на душу населения, приблизительно равные уровню материнского государства. Двенадцать (44,4%) находятся на более низком уровне по сравнению с соответствующими материнскими государствами. Следовательно, анклавы с

более высоким уровнем жизни, чем в материнском государстве, являются скорее исключительными случаями.

Открытые и закрытые экономические режимы в первую очередь понимаются в плане открытости внешнему миру в общем и окружающему государству — в частности, особенно в плане передвижения людей, капитала, товаров и услуг. Взаимосвязь уровня доходов на душу населения и наличия/отсутствия режима экономической открытости очевидна. **Все анклавов с доходами на душу населения, превышающими или равными среднему показателю материнского государства, обладают режимом экономической открытости внешнему миру.** В то же время большинство анклавов, где уровень доходов ниже среднего показателя материнского государства, закрыты для внешнего мира. В четырех случаях наблюдается то, что анклав беднее своих материнских государств, несмотря на наличие относительной открытости их экономики (Сеута и Мелилья, Гибралтар, Сен-Пьер и Микелон).

Теперь давайте посмотрим на ситуацию под другим углом зрения и рассмотрим доходы на душу населения в сравнении как с материнским, так и с окружающим государством. В результате было выделено пять групп. Первая, где доходы превышают показатели М и О. Вторая, где доходы превышают уровень одного из государств, но равны уровню другого. Третья, где доходы находятся на уровне как М, так и с О. Четвертая группа анклавов, где доходы на душу населения являются промежуточными между показателями М и О. Пятую группу составляют анклавов с более низким уровнем доходов по сравнению как с М, так и О, то есть явные экономические аутсайдеры.

Таблица 10.3. Доходы относительно М и О

	Полные анклавов (2-1)	Полу-анклавов (2-2)	Чистые анклавов (2-3)	Пене-анклавов (2-4)	Всего:
Превышают уровень как М, так и О	0	2	0	0	2
Превышают уровень М, но равны уровню О	2	0	0	0	2
Равны уровню как М, так и О	4	1	0	5	10
Промежуточная группа	1	3	2	0	6
Экономические аутсайдеры	4	1	2	0	7

В истории было только два случая, когда анклав в показателях дохода на душу населения превосходил как М, так и О: Гонконг и Макао. Даже там это произошло только в течение двух последних десятилетий их существования (в 1980–1990-х годах); до этого оба анклава на китайском побережье характеризовались более низкими доходами. Два других анклава, Ливия и Кампионе, попадают во вторую группу: их доходы на душу населения равны доходам более богатого окружающего государства и превосходят средний уровень материнского. Наибольшую группу составляют анклавы, которые совпадают как с М, так и О (то есть в треугольнике МАО существует полное экономическое равенство). Шесть анклавов попадают в промежуточную группу. Соотношение $M > A > O$ является наиболее типичным для промежуточной группы (Гибралтар, Сеута и Мелилья, Западный Берлин, Восточная Пруссия). Калининградская область является своего рода исключением, так как ее уровень дохода примерно равен уровню дохода материнского государства, но ниже аналогичных показателей окружающего (соотношение $M = A < O$).

И в заключение, семь из отобранных анклавов, или 25%, представляют собой случаи экономического провала, их доходы на душу населения ниже уровня как М, так и О, независимо от разницы между последними.

Анклав может развить экономическую ориентацию либо на материнское, либо на окружающее государство (в большинстве случаев), а также на остальной мир. Следствием изоляции является экономика самодостаточности, натурального хозяйства и слабо-развитости, что характерно, например, для анклавов Ферганской долины. Негативное влияние на них, очевидно, оказало утверждение странами Центральной Азии государственности. Торговые связи были разорваны, границы — нередко блокированы, и анклавам пришлось переходить к натуральному хозяйству. Вынужденная изоляция незамедлительно привела к снижению уровня жизни.

Успешные анклавы характеризуются тенденцией к мульти-векторной ориентации и избеганию односторонних торговых и экономических связей только с материнским государством. Динамичное развитие экономики обусловлено либеральными и открытыми режимами. Можно сказать, что, хотя процветание анклава безусловно связано с ориентацией на окружающее государство и остальной мир, первичной причиной успехов является режим экономической открытости.

Преимущества либерального подхода в политике материнского государства по отношению к анклаву

Экономическая и политическая связь эксклава с материнским государством является естественной. Она требует создания эффективной системы сообщения между ними либо посредством коридора, либо посредством соглашения. Робинсон отметил, что несколько анклавов пошли по другому пути и экономически слились с соседями (Robinson 1959, 291–2). Это может означать включение анклава в таможенную территорию окружающего государства наряду с использованием валюты соседей. Прямые налоги продолжают уходить в материнское государство, в то время как не прямые платятся окружающему. Как Кляйнвальдсерталь, так и Юнгхольц стали субъектами соглашений XIX века, передавших таможенную и валюту от Австрии под контроль Германии. Перечень возможных для анклава экономических режимов, однако, не сводится только к этим двум. Существуют четыре основных пути его экономического развития:

- Укрепление М–А экономических связей, как средство привязать анклав к материнскому государству и обеспечить соизмеримый уровень экономического развития.
- М–О интеграция как программа мероприятий, которая действительно может «размыть» анклавность и решить большую часть сугубо анклавных проблем.
- Экономическое включение анклава в окружающее государство.
- Экономическая открытость анклава внешнему миру.

Усиление экономических связей анклава с материнским государством является решением, выбор которого объясняется, в основном, политическими причинами. Путем обеспечения отлаженного М–А сообщения и укрепления М–А экономических связей достигается еще более высокая степень зависимости экономического выживания анклава от материнского государства. Тем не менее, анклав прочно связывается с материнским государством, и любые попытки сепаратизма пресекаются на корню.

Следующим выходом из ситуации может послужить М–О интеграция, что наблюдается в рамках ЕС. При этом сугубо анклавные проблемы решаются автоматически. Явление размывания анклавности было рассмотрено ранее. При отсутствии М–О интеграции доступны еще два выхода: экономическое включение анклава в окружающее государство (без передачи суверенитета) или экономическая открытость анклава внешнему миру в целом.

Первый вопрос на уровне политики материнского государства — усилить связь М–А или открыть анклав по отношению к внешнему миру? Второй вопрос: если материнское государство выбирает политику экономической открытости для анклава, осуществлять ли интеграцию эксклюзивно с окружающим государством или либерализовать анклав по отношению ко всему миру, не делая никаких очевидных предпочтений окружающему государству? В трех таблицах, приведенных ниже, содержится краткий обзор особых мер и экономических режимов, применяемых по отношению к различным анклавам.

Таблица 10.4. Исключение из таможенной территории (ТТ) М-государства — включение в ТТ О-государства

Анклав	Мера
Бюзинген	Исключен из ТТ Германии (1835), включен в ТТ Швейцарии (1967)
Сеута и Мелилья	Оба анклава исключены из ТТ Испании (и ЕС)
Юнгхольц	Исключен из ТТ Австрии, позднее включен в ТТ Германии (1968)
Кляйнвальдерталь	Исключен из ТТ Австрии (1891), позднее включен в ТТ Германии
<i>Бывшие:</i>	
Йештетген	Включен в ТТ Германии (1936)
Самнаун	Исключен из ТТ Швейцарии (1892)

Таблица 10.5. Валютный режим

Анклав	Режим
Бюзинген	Принимаются как евро (валюта О-государства), так и швейцарские франки (валюта М-государства)
Кампионе	Швейцарские франки (валюта О) являются официальной валютой, принимаются евро
Гибралтар	Гибралтарский фунт наравне с британским фунтом
Юнгхольц	Немецкая марка (валюта О) использовалась до введения евро
Кляйнвальдерталь	Немецкая марка (валюта О) использовалась до введения евро
<i>Бывшие:</i>	
Гонконг	Гонконгский доллар
Макао	Патака, привязана к гонконгскому доллару в 1977 году (вместо существовавшей ранее привязки к португальскому эскудо)

Таблица 10.6. Особый экономический режим, материальные стимулы и поддержка

Анклав	Мера
Кабинда	10% доходов от нефтедобычи реинвестируется в регион
Сеута и Мелилья	Крупные субвенции как в рамках ЕС, так и от Испании. Более низкие налоги наряду с начислением премий к зарплате по сравнению с материнским государством. Отсутствие НДС. Обширный сектор госслужбы как средство поддержания местной экономики
Гибралтар	Оффшорный режим. Отсутствие НДС
Калининградская область	Режим ОЭЗ; Федеральная целевая программа — федеральное инвестирование транспортной и энергетической инфраструктуры
Ливиньо	Отсутствие НДС
Сен-Пьер и Микелон	Поддерживается ежегодными французскими трансферами размером около 60 млн долларов США
<i>Бывшие:</i>	
Восточная Пруссия	Снижены грузовые и почтовые тарифы для Восточной Пруссии; программа помощи Восточной Пруссии (<i>Ostpreussenprogramm</i>): субсидирование и предоставление прямой помощи развитию промышленности и торговли
Гонконг	Аутентичный экономический режим, не совпадающий с режимом материнского государства. Экономика <i>laissez-faire</i> в послевоенный период
Макао	Аутентичный экономический режим, не совпадающий с режимом материнского государства
Западный Берлин	Федеральное субвенцирование транзита; налоговые уступки на развитие промышленности; особый налоговый режим; ссуды промышленным предприятиям и другие виды экономической поддержки, прямое субсидирование и другие преференции

Кампионе

Некоторые анклавные территории зарабатывают тем, что предлагают либо оффшорный режим, либо преимущества налогового рая. Кампионе, малый итальянский анклав в Швейцарии, является одним из них. В Кампионе нет местных налогов на доходы, его жители не выплачивают полную сумму итальянского подоходного налога. На осно-

вании специальной нормы, закрепленной в итальянском законодательстве, первые 200 тыс. швейцарских франков дохода обмениваются на евро по особому курсу обмена. Это приводит к снижению фактического дохода и, соответственно, более низким налоговым ставкам.

Поиск решений для Окусси-Амбено

Окусси-Амбено — полуанклав, лежащий в 50 км на запад от своего материнского государства, Восточного Тимора. Он появился на международном уровне после того, как Восточный Тимор получил независимость от Индонезии в 1999 году.

Основываясь на географической близости, аналитики пришли к выводу, что долгосрочные экономические перспективы развития анклава связаны с индонезийским Западным Тимором. Что же делать с этим изолированным анклавом? В период размещения войск ООН был достигнут незначительный прогресс в обеспечении его долгосрочной экономической устойчивости, но сообщение с Восточным Тимором до сих пор остается проблемой, серьезно препятствующей экономическому развитию. Предпринимались попытки улучшения ситуации в Окусси. В июне 2000 года международная региональная администрация предложила развитие анклава как ОЭЗ, что требовало смягчения пограничного режима с Индонезией, сокращения налоговых и тарифных ставок, и создания для Окусси уникальных земельного и трудового кодексов (Vano, Rees 2002). Однако на практике ничего не произошло. Сохраняющаяся напряженность в регионе подавляет любые попытки добиться экономического перелома.

В большинстве анклавов по всему миру нет особого экономического режима. Режимы таких анклавов ничем не отличаются от стандартных, применяемых по отношению к другим регионам и административным единицам материнского государства, за исключением особых договоров по транзиту, которые иногда принимаются в целях обеспечения действующего М–А сообщения. Тем не менее, во всех успешных анклавах (включая те, чей валовой продукт на душу населения близок к среднему уровню аналогичного показателя материнского государства) действует особый экономический режим. Как уже говорилось выше, взаимосвязь уровня доходов на душу населения и наличия/отсутствия режима экономической открытости очевидна, так как все анклавы с уровнем доходов выше либо равным средним показателям материнского государства поддерживают режим экономической открытости внешнему миру. В то же время большинство анклавов, где доходы ниже среднего уровня материнского государства, являются закрытыми.

По-видимому, особые режимы, установленные как посредством экономической интеграции с окружающим государством, так и посредством включения анклава в мировую экономику в целом, являются необходимыми для того, чтобы анклав был экономически жизнеспособным образованием.

Это относится ко всем типам анклавов, включая полные, полу-и пенеанклавы, также как и чистые эксклавы любого размера. Экономическая несостоятельность вместе с повышенной уязвимостью объясняет, почему в анклавах так часто вводятся особые экономические режимы. Они могут помочь анклаву выжить в ситуации, когда его собственные активы выжить не позволяют. Можно применить два подхода. Компенсационный применяется с целью возместить оторванность от материнского государства. В качестве альтернативы материнское государство может выбрать стратегию либерализации анклава по отношению к окружающему государству и остальному миру, уменьшая, таким образом, степень его изолированности.

1. Компенсационный подход.

Компенсационный подход в политике материнского государства по отношению к анклаву является менее эффективным, чем либеральный. Тем не менее, он часто применяется вследствие различных политических причин и нежелания либерализовать анклав. Компенсационный подход заметен в российской политике по отношению к Калининградской области. Он также очевиден в Сеуте и Мелилье. Компенсационная политика дорого обходится бюджету материнского государства, при этом достигая своих конечных целей — соизмеримого уровня экономического развития и личных доходов — лишь частично. Несмотря на всевозможные меры поддержки, покупательная способность жителей анклава остается ниже аналогичного показателя материнского государства.

Одним из важных типичных элементов компенсационного подхода является существование в анклавном секторе госслужбы, оплачиваемого материнским государством. Большой бюрократический аппарат используется как мера непрямого государственной поддержки. Это характерно для, например, Сеуты и Мелильи, Гибралтара, а в прошлом для Западного Берлина.

2. Либеральный подход.

Можно применять две разновидности политики либерализации. Во-первых, анклав может быть экономически интегрирован с окружающим государством; во-вторых, может поддерживаться политика экономической открытости внешнему миру.

2а. Интеграция с окружающим государством.

Экономическая интеграция анклава с окружающим государством происходит путем его исключения из таможенной территории материнского государства — и, хотя не всегда, — включения в таможенную территорию окружающего государства, что было применено в нескольких случаях в Западной Европе (см. таблицу выше). Часто включение в таможенную территорию окружающего государства сопровождается изменениями валютного режима, вследствие чего валюта окружающего государства становится законным платежным средством в анклаве (см. таблицу выше). Таким образом, ряд западноевропейских анклавов достиг глубокой экономической интеграции с окружающим государством. Подробности и суть этих процедур описаны в исследовании по Бюзингену, где делается вывод о существовании «бюзингенской модели» интеграции. Кратко ее суть состоит во включении анклава в таможенную территорию окружающего государства с условием частичного применения его законодательства, дополненного режимом свободного передвижения людей. Экономическое включение анклава в окружающее государство хорошо работает только по отношению к малым образованиям. Оно не подходит для больших анклавов. Кроме того, такое включение возможно только при О–М-отношениях, основанных на доверии.

2б. Общая экономическая открытость внешнему миру.

В то время, как первый подход является наиболее уместным по отношению к микро- и малым анклавам, второй подход применим к более крупным полуанклавам и эксклавам. В той же степени, как бюзингенская модель — типичный пример первого подхода, Гонконг — пример политики общей экономической открытости второго типа. В такой модели анклав ориентирован вовне. С точки зрения экономической логики (более высокие расходы при торговле с материнским государством), анклавов обязаны поддерживать именно ориентацию вовне. В действительности это единственный жизнеспособный для анклава выход в условиях отсутствия особых правил, напрямую поддерживающих его экономические связи с материнским государством.

Анклавы, так же как малые государства, не могут достигнуть высокого уровня экономического развития и экономии от масштаба без глубокой интеграции в международное разделение труда. Экспортная ориентация (в том числе в сочетании с ориентацией на рынок материнского государства) является единственной жизнеспособной политикой в долгосрочном плане с альтер-

нативой экономической помощи, что делает анклав зависимым от материнского государства. Географическая позиция анклава, его оторванность от метрополии и близость к иностранным рынкам, особенно рынкам окружающего государства, предписывает необходимость экономической ориентации вовне, что делает развитие анклава более стабильным в долгосрочном плане. В целом сугубо анклавная уязвимость снижается: анклав, во-первых, становится менее зависимым от материнского государства в плане рынка и экономической помощи; во-вторых, осуществление сообщения материнское государство-анклав и транзита через окружающее государство перестают быть критическими для поддержания жизни и экономического выживания анклава. Он получает возможность активного экономического роста.

Применительно к анклаву моей любимой аналогией из животного мира является еж. Анклаву, как и ежу просто необходимо быть всеядным: в то время как экономические связи с материнским государством естественны и необходимы, ему следует избегать экономической ориентации только на него. Так как еж постоянно пересекает дороги («границы» между различными частями леса, где он ищет пищу), ему нужно внимательно смотреть по сторонам, чтобы не попасть под колеса: естественная защита не поможет, если его случайно «переедет» окружающее или материнское государство.

Экономическая теория не дает ясного ответа по поводу влияния интеграции на приграничные регионы. В зависимости от обстоятельств, они могут выиграть, проиграть от интеграции или вовсе не подвергнуться ей (Niebuhr, Stiller 2002). Напротив, наш вывод применительно к анклавам совершенно определенный. Экономическая интеграция — независимо, с окружающим ли государством она осуществляется или на недискриминационной основе — оказывает значительный положительный эффект на анклавы. Несмотря на расположенность на периферии, приграничный регион, тем не менее, хорошо связан с другими регионами того же государства. Он может получать прибыль от экономии масштаба и внутреннего рынка. Анклав же, в отличие от типичного приграничного региона, сталкивается с проблемами оторванности, изолированности и более высоких транспортных расходов. Интеграция в той или иной форме способствует размыванию анклавности и эксклавности, действительно убирая или, по меньшей мере, уменьшая сугубо анклавные проблемы экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая то, что на международном уровне насчитывается почти триста анклавов и эксклавов, их вряд ли можно назвать аномалией. Более того: несмотря на их разнообразие — от полных анклавов до чистых эксклавов — можно выделить достаточное количество закономерностей политического и экономического характера, позволяющее охарактеризовать анклав и эксклав как отдельный класс территориально-политических объектов. Оказалось вполне возможным разработать теорию анклавов, допускающую обоснованные гипотезы, которые могут быть проверены на практике.

Значимость не ограничивается только показателями численности населения и площади территории. Анклавы оказывают несоразмерно большое влияние на двусторонние отношения между материнским и окружающим государством. Эти государства и сам анклав составляют треугольник «материнское государство — анклав — окружающее государство». Треугольник МАО стал концептуальной основой исследования политики и экономики анклавов.

Несмотря на малый размер, анклавам уделяется значительное внимание в национальной политике. Они требуют особого подхода к решению своих уникальных проблем, что обуславливает высокие издержки в плане юридической, политической и административной работы. Осуществлять стандартные государственные функции, такие как оборона, управление, таможенный контроль и т. д., в анклаве сложнее, чем в «стандартных» регионах того же государства. Неотъемлемой проблемой анклава, вытекающей из его отделенности от материнского государства, является то, что многие вопросы, в том числе и незначительные, нельзя разрешить на региональном уровне. То, что автоматически решается в «стандартных» регионах, в анклавах зачастую поднимается до

уровня национальных правительств или даже до международного. Принятие решений может потребовать прохождения длительного пути через национальное правительство и министерство иностранных дел.

Анклавы часто вызывают конфликты с окружающим государством и, следовательно, становятся проблемой не только внутренней, но также и внешней политики. Конфликты, связанные с существованием анклавов, неслучайны. Анклавы — потенциальные точки конфликта и причина возникновения напряженности в отношениях между материнским и окружающим государством.

Почему анклавы становятся причиной конфликтов? Одной из причин является особая ситуация, в которой существует анклав. Обычно он зависит от окружающего государства в доступе (транзитно-визовый режим), экономике (торговля, экспортные рынки), поставках необходимых ресурсов (продукты питания, обеспечение деятельности коммунальных служб). Следовательно, окружающее государство обладает рядом мощных инструментов давления. Оказывая давление на анклав, политика окружающего государства может быть нацелена на материнское государство.

Подробнее остановимся на двух главных выводах книги.

Первый из них лежит в сфере политики. Он гласит, что **суверенная принадлежность анклава напрямую зависит от национального (этнического) состава его населения**. В ходе исследования выявлена сильная тенденция: национальный состав современных анклавов вне зависимости от их типа, как правило, совпадает с национальным составом материнского государства. Напротив, как общий язык, так и религия при отсутствии общей национальности не обладают достаточной силой, чтобы обусловить суверенную принадлежность анклава. В группе анклавов, просуществовавших по меньшей мере пятьдесят лет, во всех случаях, кроме одного, национальный состав населения совпадает с национальным составом материнского государства. По-видимому, это ключевой фактор: если национальный состав анклава совпадает с материнским государством, тогда анклав останется под его суверенитетом вне зависимости от других факторов; если же национальный состав совпадает с аналогичным показателем окружающего государства, тогда анклав, скорее всего, со временем станет его частью.

Национальность оказывает решающее влияние на желания и предпочтения жителей анклава и определяет их волю остаться под суверенитетом материнского государства. С другой стороны, она также усиливает национальные чувства населения основной

части страны, зачастую занимающего непреклонную позицию по вопросу сохранения анклава, даже если это может привести к высоким издержкам в экономике и внешней политике. В-третьих, это способствует установлению прочных политических, социальных и культурных связей. Не только анклав стремится к материнскому или окружающему государству, но и население метрополии также чувствует единство с анклавом, не имеющее ничего общего с чисто утилитарным расчетом экономических и политических преимуществ и издержек его сохранения.

Первостепенная важность национального состава является одним из краеугольных камней теории анклавов. Она также имеет практическое применение, так как может помочь в прогнозах относительно будущего. В монографии данная гипотеза было применена к вызывающим ожесточенные споры случаям Сеуты и Мелильи, Гибралтара и Калининградской области:

- Можно с уверенностью сказать, что, в силу идентичности национального состава, Калининградская область останется под российским суверенитетом вне зависимости от других факторов.

- В обозримом будущем Сеута и Мелилья будут принадлежать Испании, несмотря на наличие весомого марокканского меньшинства. Ситуация не изменится, даже если численность марокканского населения будет равна численности испанского. Более богатая Испания способна предоставить анклавам привлекательную экономическую политику, субсидии и т. д., чтобы удовлетворить их население. Таким образом, Сеута и Мелилья останутся под суверенитетом Испании, даже если соотношение национального состава приблизится к 50/50. Перспектива передачи суверенитета станет неизбежной, только если марокканская часть населения станет большинством.

- Жители Гибралтара представляют собой уникальную нацию, тесно связанную с британцами с точки зрения культуры, экономики и политики. Чувство единения очень сильно у обеих сторон. Экономическая привлекательность британского суверенитета также значима. Если бы мыс был передан под власть испанской короны, это означало бы конец экономической политики, которая принесла Гибралтару благосостояние, намного превышающее аналогичные показатели Испании. При таких условиях Гибралтар не перейдет под суверенитет Испании.

В определенном смысле верным является то, что теория анклавов может «успокоить» материнские государства в вопросе сохранения суверенитета. Она может смягчить переживания Испании

по поводу Сеуты и Мелильи, России по поводу Калининградской области, а также чувство неопределенности гибралтарцев по поводу своего будущего. Однако это не означает, что «анклавных проблем» не существует. Во-первых, существование анклавов может привести к возникновению значительных осложнений в отношениях материнского и окружающего государств. Во-вторых, исключительно серьезные анклавные проблемы лежат в сфере экономики.

Именно к экономической сфере относится второй принципиальный результат нашего исследования. Основная идея заключается в том, что в целом анклавность приводит к неблагоприятным условиям экономического развития, и необходимым здесь становится режим экономической открытости.

В результате исследования экономики анклавов можно сделать следующие выводы:

- Высокая степень уязвимости анклавных экономик вытекает не только из их небольшого размера и островного характера (анклавности), но и из их отделенности (эксклавности) от основной части страны.

- Анклавы являются сравнительно небольшими в показателях площади территории и численности населения, и, следовательно, их экономический потенциал зачастую ограничен. Так хотя Калининградская область и один из самых крупных анклавов в мире, ее относительно небольшой размер, бесспорно, ограничивает как местный рынок, так и производственную базу.

- Анклавность ограничивает как экспортный потенциал, так и потенциал поставок в материнское государство. С точки зрения экономической географии, окружающее государство может стать удобным близким рынком. Однако многочисленные тарифные и нетарифные барьеры делают продукцию из анклава неконкурентоспособной на рынках окружающего государства, защищающего своих собственных производителей. Более того: доступ на потенциальные рынки материнского государства осложняют протяженное расстояние и транзитные издержки.

- Двойная периферийность является естественным следствием положения анклава в экономической географии как материнского, так и окружающего государств.

Обычно анклавы при прочих равных условиях находятся в экономически невыгодном положении по сравнению с другими регионами материнского государства. Сугубо анклавные экономические издержки вырастают в сложную проблему. На-

пример, России не следует волноваться по поводу отделения Калининградской области, но она должна принять меры для борьбы с серьезными экономическими трудностями, связанными с анклавностью региона. Более низкие стандарты жизни и далекая от оптимальной экономическая структура в совокупности с высокой зависимостью от государственных субсидий являются проблемами Сеуты и Мелильи, снять которые Испания не может в течение десятилетий. Азербайджану не следует переживать по поводу суверенного будущего Нахичевани, но разрешение проблем экономической отсталости и доступа через территорию Армении представляет собой крайне непростую задачу на ближайшие десятилетия. Индия и Бангладеш не потеряют суверенитет своих анклавов в Куч Бехаре, но пятьдесят лет бедствий, нищеты и отсутствия элементарного правопорядка взывают к принятию мер. Создание здоровой и динамичной экономики в рамках стабильных взаимоотношений М–О, очевидно, является основной проблемой, с которой ежедневно сталкиваются анклавные территории материнского государства.

Хотя панацеи против экономических издержек не существует, экономическая открытость — важная предпосылка для успешного и стабильного экономического развития анклава. Под экономической открытостью мы понимаем либеральный внешнеэкономический режим по векторам четырех свобод: движения товаров и услуг, людей, капитала и рабочей силы. Существует прямое соответствие между относительным уровнем доходов на душу населения в треугольнике МАО и наличием /отсутствием режима политики экономической открытости. Во всех анклавах, где доходы либо выше, либо равны среднему уровню материнского государства, такая политика по отношению к внешнему миру введена. В то же время большинство анклавов, где доходы ниже среднего уровня основной части страны, закрыты для окружающего мира. Введение особой экономической политики обычно делает анклав экономически жизнеспособным в ситуации, когда его естественных активов недостаточно для выживания.

Дополнительный вывод заключается в том, что **интеграция между материнским и окружающим государством оказывает значительное положительное влияние на анклавную экономику. Двусторонняя или региональная интеграция способствует «размыванию» анклавности**, то есть она снимает или, по крайней мере, снижает многие сугубо анклавные проблемы, связанные с узвизимостью доступа, высокими транспортными расходами и не-

достаточным объемом местного рынка. Могут быть применены два подхода: во-первых, компенсационный (компенсация отделенности от основной части страны) и, во-вторых, либеральный. **Компенсационный подход в экономической политике материнского государства по отношению к своему анклаву уступает по своим характеристикам и результатам либеральному подходу.** Тем не менее, по различным политическим причинам и вследствие нежелания материнского государства открыть экономику анклава он часто применяется.

Существует множество путей либерализации экономики анклава. Один из них воплощен в «модели Бюзингена», развивавшейся в течение 130 лет. При разрешении проблемы анклавности Бюзингена Германия и Швейцария договорились об исключении анклава из таможенной территории Германии и его включении в таможенную территорию Швейцарии при условии частичного применения там швейцарского законодательства. Фактически модель Бюзингена предполагает частичную передачу прав суверенитета от материнского государства к окружающему. Однако данный подход осуществим только при выполнении двух условий: анклав должен быть небольшим и сравнительно незначительным, а отношения между материнским и окружающим государством — дружественными и доверительными. Крупным анклавам и их материнским государствам не остается ничего иного, как воспользоваться другими моделями и инструментами.

Оптимальная экономическая стратегия должна быть в состоянии достичь двух результатов одновременно: во-первых, позволить минимизировать анклавные издержки; во-вторых, быть направленной на использование скрытого потенциала анклавности региона, например, в силу его географической близости к рынку окружающего государства. Другими словами, оптимальные стратегии направлены на достижение такой экономической ориентации, которая была бы хорошо адаптирована к специфическим условиям экономического развития, одновременно минимизируя анклавные издержки и раскрывая анклавный потенциал.

Высоким издержкам может быть противопоставлено снижение транспортной интенсивности производства с помощью развития производств с высокой долей добавленной стоимости, внедрения продвинутых технологий и развития сферы услуг. Степень анклавной уязвимости может быть понижена с помощью двух- или многовекторной экономической ориентации: однобокая ориентация только на материнское или только на окружающее госу-

Заключение

дарство может привести к экономической катастрофе. Наконец, недостаткам малого размера анклавной экономики и двойной периферийности противопоставляется режим экономической открытости, который может включать в себя элементы свободного движения товаров, услуг, капитала, людей и труда.

АББРЕВИАТУРЫ

- ВВП — внутренний валовый продукт
ВРП — внутренний региональный продукт
ВТО — Всемирная торговая организация
ГДР — Германская Демократическая Республика
ЕС — Европейский Союз
ИЭЗ — исключительная экономическая зона
КНР — Китайская Народная Республика
МАО (треугольник) — треугольник «материнское государство — анклав — окружающее государство»
МС ООН — Международный суд ООН
МСП — малые и средние предприятия
НАТО — Североатлантический союз
НДС — налог на добавленную стоимость
ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
ООН — Организация Объединенных Наций
ОЭЗ — особая экономическая зона
РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика
СБ — Суверенные базы Великобритании на Кипре
ССР — (Белорусская, Литовская) советская социалистическая республика
США — Соединенные Штаты Америки
ТН ВЭД — товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности
ТТ — таможенная территория
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ЦВЕ — страны Центральной и Восточной Европы

БИБЛИОГРАФИЯ

- Винокуров Е.Ю.* Анклавы в мировой экономике и политике: опыт последних десятилетий // Международная экономика и международные отношения, 2002. № 9. С. 83–88.
- Винокуров Е.Ю.* Калининграду должно быть возвращено его прежнее название // Культурный слой. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. [Вып.] 2. Доступно на www.vinokurov.info
- Винокуров Е.Ю.* Экономическая специализация Калининградской области. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.
- Зверев Ю.М.* Калининградская область в классификации анклавных (эксклавных) территорий мира. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
- Калининградский социологический центр.* Калининградская проблема: фактор общественного мнения // Калининградская правда. 2002. 10 дек. С. 7–8; 2002. 17 дек. С. 10.
- Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в контексте глобализации. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2005. (2005а).
- Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб: Изд-во СПб. ун-та. 2005. (2005в)
- Клемешев А.П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис, 2005. № 4. (2005б).
- Костяшов Ю.В.* Заселение Калининградской области после второй мировой войны. Москва: Гуманитарные науки в России, 1996.
- Рожков-Юрьевский Ю.Д.* О применимости понятий «анклав» и «эксклав» к характеристике Калининградской области // Калининградская область: географические аспекты регионального развития. Калининград: Изд-во КГУ, 1996. С. 74–80.
- Чабанова А.В.* Различия в калининградском социуме: результаты социологического исследования // Калининградский социум в европейском контексте. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

Abbey Ph. Treaty Ports, Foreign Concessions and Colonies in 1920s in China, 2005. <http://www.geocities.com/treatyport01/treatyportlist.html>, состояние на май 2007.

African islands and enclaves / Cohen R. (Ed.). Beverly Hills: Sage Publications, 1983.

Arnold K.-H. Nach Abschottung die Zitterprämie // *Berlinische Monatschrift Heft*, 2001. № 6. S. 42–50. <http://www.berlingeschichte.de/bms/bmstxt01/0106proe.htm>, состояние на май 2007.

Atkinson W.C. Gibraltar: The Spanish Case // *The Fortnightly*, 1951. February. № 169. P. 84.

Auhagen H. Die völkerrechtliche Stellung der Enklaven und Exklaven. Göttingen. 1967. [Diss.]

Bano A., Rees E. The Oecussi-Ambeno enclave. What does the future hold for this neglected territory? 2002. <http://www.insideindonesia.org/edit71/Oecussi.htm>, состояние на май 2007.

Bähr J. Industrie im geteilten Berlin (1945–1990) // *Einzelveröffentlichungen der historischen Kommission zu Berlin*. Berlin, 2001. Bd. 83.

Blua A. Central Asia: Enclave Residents Face Numerous Hurdles // *RFE/RL*, 2004. November. № 4. www.rferl.org

Bolli M. Die Enklave Büsingen // *Geographica Helvetica*. Bern, 1954. IX. № 4.

Bond M.H. Between the ying and the yang. The Identity of the Hong Kong Chinese. Address to the Chinese University in Hong Kong. 1993.

Bond M.H. Intergroup Relations in Hong Kong: the Tao of Stability // *Ethnic Conflict: International Perspective*. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 55–78.

Boockmann H. Ostpreussen und Westpreussen. Berlin: Siegler Verlag, 1992.

Bray J. Ladakhi and Bhutanese enclaves in Tibet // *Recent Research on Ladakh*. 7. Proceedings of the 7th Colloquium of the International Association for Ladakh Studies. Bonn/St. Augustin, 12–15 June 1995. (Ulmer Kulturantropologische Schriften. Universität Ulm. 1997. Bd. 9.)

Brekelmans F.A. De Belgische enclaves in Nederland. Tilburg, 1965.

Brewer M.B. Multiple Identities and Identity Transition: Implications for Hong Kong // *International Journal of Intercultural Relations*, 1999. Vol. 23(2). P. 187–197.

Carabaza de S. Melilla y Ceuta: Las últimas colonias. Madrid: Talasa, 1992.

Carr M. Policing the frontier: Ceuta and Melilla // *Race and Class*. 1997. 39(1). P. 61–66.

- Catudal H.M.* The Berlin Agreements: An exchange of Exclaves and Enclaves // *Geoforum*. 1972. September. № 11. P. 78–80.
- Catudal H.M.* Berlin's New Boundaries // *Cahiers de Géographie de Quebec*, 1974. № 18(43). P. 213–226. (1974b)
- Catudal H.M.* Exclaves // *Cahiers de Géographie de Quebec*, 1974. № 18(43). P. 107–136. (1974a)
- Catudal H.M.* The Exclave Problem of Western Europe. University of Alabama Press, 1979.
- Catudal H.M.* Steinstücken: The Politics of a Berlin Exclave // *World Affairs*. 1971. Vol. 134, 1. P. 51–62. (1971b)
- Catudal H.M.* Steinstücken: a study in Cold War politics. NY: Vantage Press, 1971. (1971a)
- CIA*. The World Factbook. 2004.
<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/>
- Chen T.* Xianggang xuesheng yundong de genyuan, wenti yu fanxiang // *Zhongda xuesheng bao*. 1972. № 4(8). P. 2–5.
- Commission of the European Communities*. Communication from Commission to the Council “The EU and Kaliningrad”. Brussels. 17.01.2001. COM 2001 26 (final). http://europa.eu.int/comm/external_relations/north_dim/doc/com2001_0026en01.pdf, состояние на май 2007.
- Commission of the European Communities*. Communication from Commission to the Council “Kaliningrad: Transit”. Brussels. 18.09.2002. COM 2002 510 (final). http://europa.eu.int/comm/external_relations/north_dim/doc/com02_510.pdf, состояние на май 2007.
- Courlet Cl.* Globalisation et frontière // *Rencontres européennes : discontinuité et cohésion des territoires frontaliers*. Nice-Menton, 1995.
- Delius F.Ch., Lapp P.J.* Transit Westberlin. Erlebnisse im Zwischenraum. Berlin: Ch. Links Verlag, 1999.
- Les Enclaves territoriales aux temps modernes XVIe–XVIIIe siècles*. Actes du colloque international de Besançon. 4 et 5 octobre 1999 / Delsalle P. and Ferre A. (Eds.). (Annales littéraires de l'université 706. Besançon 2001).
- The Encyclopaedia of International Boundaries*. Facts On File / Biger G. (Ed.). The Jerusalem Publishing House Ltd, 1995.
- Encyclopaedic Dictionary of Geography*. 3v. / Rao M.S. (Ed.) New Delhi: Anmol Publications, 1995.
- Endacott G.B.* A History of Hong Kong. Hong Kong: Oxford University Press, 1973.
- EU and Russia*. Joint Statement on Transit between the Kaliningrad Region and the Rest of the Russian Federation, 2002.

- http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/summit_11_02/js_kalin.htm, состояние на май 2007.
- Ferrer A.* Enclaves et contrebande : l'exemple de la Franche-Comté // Les Enclaves territoriales aux temps modernes XVIe–XVIIIe siècles. Actes du colloque international de Besançon, 4 et 5 octobre 1999. P. 143–160. (Annales littéraires de l'université. Besançon, 2001. № 706).
- Ferrières M.* « Au cœur du royaume ». Avignonnais et Comtadins, Delsalle // Les Enclaves territoriales aux temps modernes XVIe–XVIIIe siècles. Actes du colloque international de Besançon, 4 et 5 octobre 1999. P. 39–58. (Annales littéraires de l'université. Besançon, 2001. № 706).
- Fustier B. and Burgarella-Mattei M.-N.* Frontière et isolement : Les cas des petites économies insulaires // Sciences de la société. Territoires Frontalières. Continuité et cohésion. 1996. № 37.
- Gemeenten (Communities) Baarle-Hertog en Baarle-Nassau // Baarle-Nassau, Baarle-Hertog; Proeftuin voor Europa.* Tilburg, 1999.
- Glassner M.I.* Political Geography. 2 ed. New York: Wiley, 1996.
- Goble P.A.* Coping with the Nagorno-Karabakh Crisis // Fletcher Forum of World Affairs. Summer 1992. № 16. P. 19–26.
- Gold P.* Europe or Africa? A Contemporary Study of the Spanish North African Enclaves of Ceuta and Melilla. Liverpool: Liverpool University Press, 2000.
- Gold P.* Gibraltar: British or Spanish? Oxford and New York: Routledge, 2005.
- Gold P.* A Stone in Spain's Shoe: the Search for the Solution for the Problem of Gibraltar. Liverpool: Liverpool University Press, 1994.
- Gornig G.H.* Das nördliche Ostpreussen. Gestern und Heute. Bonn: Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen, 1995.
- Grand Larousse Universel.* Enclave. Vol. 6. 3729. Paris: Larousse, 1989.
- Haller D.* Gelebte Grenze Gibraltar: Transnationalismus, Lokalität und Identität in kulturanthropologischer Perspektive. Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag, 2000.
- Hartshorne R.* The Polish Corridor // Journal of Geography. 1937. Vol. 36 (May). P. 161–176.
- Harver M.* Gibraltar. Spellmount, 1996.
- Dokumente zur Berlin-Frage 1944–1962.* München, 1962.
- Hein P.* Le problème de la spécificité des petits pays insulaire // L'enjeu des petites économies insulaires. Paris: Economica, 1988. P. 15–42.
- Hidden Europe. Tangled Territories // Hidden Europe.* 2005. July. № 3. P. 12–17.

Ho Y.-P. Hong Kong's Trade and Industry: Changing Patterns and Prospects // Hong Kong in Transition. Hong Kong: Oxford University Press, 1986.

Hoerning E.M. Zwischen den Fronten. Berliner Grenzgänger und Grenzhändler 1948–1961. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1992.

Hong Kong Education Commission. Education Commission Report. 1995. № 6. Part 1 (Main Report). P. 7.

Hoover E.M. The Location of Economic Activity. New York: McGraw-Hill, 1948.

Hutchinson G. Foreign Parts. Wanderlust, 2002. February/March. № 50.

Iborra F.A. Gibraltar. Optionen unter Berücksichtigung der internationalen Politik und des völkerrechtlichen Rahmens. München: Universität der Bundeswehr, 2000.

I.C.J. Reports. Case Concerning Right of Passage over Indian Territory, several vols., the Hague, 1960.

I.C.J. Reports. Case Concerning Sovereignty over Certain Frontier Land. 1959. Judgement of June 20.

International Court of Justice. Case Concerning Sovereignty over Certain Frontier Lands (Belgium/Netherlands). 1959 // Several vols., the Hague; partially reproduced in American Journal of International Law 1959, Vol. 53(4). P. 937–943.

International Legal Materials. St. Pierre and Miguelon case, *supra* note. 1992. 287 (31). P. 169–171.

International Legal Materials. Treaty concerning Sovereignty and Maritime Boundaries in the Area between the Two Countries, Including the Area Known as Torres Strait, and Related Matters. December 18, 1978. Australia – Papua New Guinea, 1979. № 18. P. 291.

Jackson W. The Rock of the Gibraltarians. Associated University Press, 1987.

Jenner, P., Smith, C. Europe's microstates: Andorra, Monaco, Liechtenstein and San Marino // EIU International Tourism Reports. 1993. № 1. P. 69–89.

Jeschonnek Fr., Riedel D. and Durie W. Allierte in Berlin 1945–1994. Ein Handbuch zur Geschichte der militärischen Präsenz der Westmächte. Berlin: Verlag Anrno Spitz GmbH, 2002.

Jones S.B. Boundary-Making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. William S Hein & Co, 2000. (Monograph Series of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, № 8.)

Karan P.P. A Free Access to Colonial Enclaves // Annals of the Association of American Geographers. 1960. June. № 50. P. 188–190.

- Karan P.P.* The India-Pakistan Enclave Problem // Professional Geographer. 1966. January. № 18.
- Krenz F.E.* International Enclaves and Rights of Passage. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 1961. [Diss.]
- Kunze G.* Grenzerfahrungen. Kontakte und Verhandlungen zwischen dem Land Berlin und der DDR 1949–1989. Berlin, 1999.
- Lenjeu des petites économies insulaires / Crusol J., Hein P. and Vellas F.* (Eds.) Paris: Economica, 1988.
- Lau P.* Economic Relations between Hong Kong and China // Hong Kong in Transition. Hong Kong: Oxford University Press, 1986.
- Lau S., Kuan H.* The Ethos of the Hong Kong. Hong Kong: Chinese University Press, 1988.
- Leech-Anspach G.* Berlin-Steinstücken. Insel vor der Insel. Erinnerungen 1929 bis 1988 mit einem Nachwort von 1990. Berlin: Colloquium Verlag, 1990.
- Levie H.S.* The Status of Gibraltar. Boulder, Colorado: Westwood Press, 1983.
- Longueville R.* International Enclaves, Maldegem, mimeo. The initial version dates back to 2002. 2006.
- Lösch A.* Die räumliche Ordnung der Wirtschaft. Jena: Fischer, 1944. Издание на английском: The Economics of Location. New Haven: Yale University Press, 1954.
- Luk B.H.-K.* Chinese Culture in the Hong Kong Curriculum: Heritage and Colonialism // Comparative Education Review. 1991. № 35(4). P. 650–668.
- Malvoz L.* Baerle-Duc et Baerle-Nassau, Trente-quatre territoires pour deux communes // Bulletin Trimestriel, Credit Communal de Belgique, 1986. Janvier. № 155. P. 3–58.
- McDorman T.* The Canada-France Maritime Boundary Case: Drawing a Line Around St. Pierre and Miquelon // American Journal of International Law, 1990. № 84. P. 157–189.
- Megoran N.* The Border of Eternal Friendship? The politics and pain of nationalism and identity along the Uzbekistan-Kyrgyzstan Fergana Valley Boundary, 1999–2000. PhD thesis. Cambridge, 2002.
- Megoran N.* To Survive, Villagers Buck Uzbek Border Controls, Eurasianet. 25 May 2004. www.eurasianet.org
- Melamid A.* Enclaves and Exclaves // International Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. 5. New York: Macmillan and The Free Press, 1968. P. 60–62.
- Melamid A.* Enclaves in Territorial Waters // Professional Geographer, 1965. № 17(1). P. 19.

- Melamid A.* Municipal Quasi-Enclaves: examples from Yonkers, N.Y. // Professional Geographer. 1966. № 18(2). P. 94–96.
- Menon V.P.* Integration of the Indian States. Reprint of original 1956 edition, with additions, by Orient Longman, Calcutta. Madras: Orient Longman, 1985.
- de Mesquita B.B., Newman D., Rabuschka A.* Red Flag over Hong Kong. New Jersey, Chatham: Chatham House Publishers, 1996.
- Meyer B.* Das kleine Steinstücken und die große Politik, 2004.
<http://home.pages.at/maxifant/Frames/berlin-enklaven.htm#seite119>, состояние на май 2007.
- Minghi J.V.* Point Roberts, Washington — the problem of an American enclave // Yearbook, Association of Pacific Coast Geographers. 1962. P. 29–34.
- Nationmaster.* Enclaves, 2004.
<http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Enclave>, состояние на май 2007.
- Niebuhr A., Stiller S.* Integration Effect in Border Regions — A Survey of Economic Theory and Empirical Studies. HWWA Discussion Paper 179, 2002.
- Nies S.* Ach, Kaliningrad. Eine ungewöhnlich gewöhnliche Enklave // Osteuropa, № 53, 2–3/2003. P. 394–409. (2003a).
- Nies S.* Les enclaves — volcans éteints ou en activité, Conesa Pierre (dir.) La sécurité internationale sans les Etats // Revue internationale et stratégique. 2003. № 49. (2003b).
- d'Olivier Farran C.* International Enclaves and the Question of State Servitudes // International and Comparative Law Quarterly, 1955. April. № 4. P. 297–307.
- Oxford English Dictionary.* 2 ed. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Pedreschi L.* L'Exclave Italiano in Terra Svizzera di Campione d'Italia // Rivista Geographica Italiana, 1957. March. № 64. P. 23–40.
- Posdnyzkova N., Chernogayev Yu.* Time of trouble around Sokh, an enclave on the Kyrgyz-Uzbek border // Deutsche Welle. 2005. 11 May.
- Prescott J.R.V.* The Maritime Political Boundaries of the World. London: Methuen, 1985.
- Prescott J.R.V.* Political Frontiers and Boundaries. Unwin Hyman, 1990.
- Ptak R., Habertzell P.* Macau im Wandel. Fünf Studien zur Geschichte und Wirtschaft des Territoriums in der jüngeren Vergangenheit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990.
- Raton P.* Les Enclaves // Annuaire français de Droit International, 1958. P. 186–195.

- Ratti R.* Problématique de la frontière et du développement des régions-frontières // Sciences de la société. Territoires Frontalières. Continuité et cohésion. 1996. Février. № 37.
- Reid S.* Canada Remapped: how the partition of Quebec will reshape the nation. Vancouver: Pulp Press, 1992.
- Rézette R.* The Spanish Enclaves in Marocco. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1976.
- Robinson G.W.S.* Exclaves // Annals of the Association of Americal Geographers, 1959. September. № 49. P. 283–295.
- Robinson G.W.S.* Seuta and Melilla: Spain's Plazas de Saberaniá // Geography, 1958. № 43. P. 266–269.
- Robinson G.W.S.* West Berlin: the Geography of an Exclave // Geographical Review, 1953. № 43. P. 540–557.
- Richter Fr.* Ostpreußen und Regierungsbezirk Westpreußen // Handbuch der Geschichte Ost- und Westpreußens. Teil IV. 1997.
- Roos F. van* Personal interview, 11.09.2004.
- Royle S.A.* Only thirty minutes from the Great Circle Route: Canada's peripheral Atlantic islands // Scottish Geographical Magazine, 1993. № 109 (3). P. 171–179.
- Rühle J., Holzweißig G.* 13. August 1961. Die Mauer von Berlin. Köln, 1986.
- Samson I., Lamande V. and Vinokurov E.* Measuring Regional Economic Development in Russia: The Case of the Kaliningrad Oblast // European Urban and Regional Studies, 2004. Vol. 11. January. P. 71–81.
- Schendel W. van* Easy Come, Easy Go: Smugglers on the Ganges // Journal of Contemporary Asia, 1993. № 23(2). P. 189–213.
- Schendel W. van* Stateless in South Asia: the Making of the India-Bangladesh Enclaves // Journal of Asian Studies, 2002. № 61(1). P. 115–147.
- Scherrer R.E.* Der Zollanschluss der deutschen Enklave Büsingen an die Schweiz: zugleich ein Beitrag zur Lehre von der Gebietshoheit. Zürich: Schulthess, 1973.
- Siedentop I.* Büsingen und Verenhof in der Schweiz. Frankfurt: Verlag Moritz Dietsterweg, 1938.
- Siedentop I.* Geographie der Enklaven und Exklaven // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie, 1968. XII (1).
- Simon D.* Strategic territory and territorial strategy: the geopolitics of Walvis Bay's reintegration into Namibia // Political Geography, 1996. Vol. 15. Issue 2. February. P. 193–219.
- Smith B.* The Cognitive Geometry of War // Current Issues in Political Philosophy. Vienna: Hölder-Pichler-Tempsky, 1997. P. 394–403.
- So D.W.C.* Language-based Bifurcation of Secondary Schools in Hong Kong: Past, Present, and Future // Into the Twenty First Century. Is-

sues of Language in Education in Hong Kong. Hong Kong: Linguistic Society in Hong Kong, 1992. P. 69–95.

Switzerland and FRG. Vertrag zwischen der Schweizerischen Eidgenossenschaft und der Bundesrepublik Deutschland über die Einbeziehung der Gemeinde Büsingen am Hochrhein in das schweizerischen Zollgebiet. Abgeschlossen am 23. November 1964, in Kraft getreten am 4. Oktober 1967, Stand 17. July 2001.

<http://www.admin.ch/ch/d/ff/2000/5640.pdf>, состояние на май 2007.

Tam K.-K. Postcoloniality, Identity and the English Language in Hong Kong // *Journal of Asian Pacific*, 1998. Vol. 8(1). P. 69–80.

Tams Ch.J. A sprig of parsley that leaves a bitter taste — The Spanish — Moroccan dispute about Perejil/Leila // *Jahrbuch für internationales Recht*, Berlin, 2002. Vol. 45. P. 268–290.

Timm U. *Johannisnacht*. München: dtv, 1998.

Timothy D.J. Benefits and Costs of Smallness and Peripheral Location in Tourism: Saint-Pierre and Miquelon (France) // *Tourism Recreation Research*, 2001. № 26(3). P. 61–70.

Timothy D.J. Small and Isolated: the Politics of Tourism in International Enclaves // *Acta Turistica*, 1996. № 8(2). P. 99–115.

Vast H. *Les Grands traités du règne de Louis XIV*. Paris: A. Picard et fils, 1893–1899.

Vieweg R. Die böhmische Enklave Schirgiswalde zwischen Österreich und Sachsen von 1809 bis 1845. 1999. [Diss.]

Vinokurov, E. Economic Prospects for Kaliningrad: Between EU Enlargement and Russia's Integration into the World Economy // *CEPS Working Document*. 2004. № 201. http://shop.ceps.eu/BookDetail.php?item_id=1123, состояние на май 2007 года. (2004d)

Vinokurov E. Enclaves and Exclaves of the World. Setting the Framework for a Theory of Enclaves // *ZDES Working Papers*, Bielefeld University/St. Petersburg State University, www.zdes.spb.ru

Vinokurov E. The Enclave-Specific Vulnerability of Kaliningrad // *Liuhito K. (Ed.) Kaliningrad 2020: its future competitiveness and role in the Baltic Sea economic region*. Turku: Pan-European Institute, 2005. P. 56–74.

Vinokurov E. Kaliningrad's borders and transit to mainland Russia: technicalities and remaining bottlenecks // *CEPS Commentary*, February 2004. http://www.ceps.be/Article.php?article_id=264, состояние на май 2007 года. (2004a)

Vinokurov, E. Kaliningrad in the Framework of the EU-Russian Dialogue: Toward Common Spaces // *Chair Interbrew Baillet-Latour Working Paper Series*, 2004. № 20. K.U. Leuven.

- http://soc.kuleuven.be/iieb/ibl/docs_ibl/WP20-Vinokurov.pdf,
состояние на май 2007 года. (2004b)
- Vinokurov, E.* Transit is just a part of it: Kaliningrad and the free movement of people. // Association of International Experts on the Development of the Kaliningrad Region. www.kaliningradexpert.org,
состояние на май 2007 года. (2004c)
- Vorobyov A.* Sankovo-Medvezhye // Russian weekly "Rossija", 2002.
<http://www.russianews.ru/>
- Welsh F.* A History of Hong Kong. London: Harper Collins Publishers, 1997.
- Weltspiegel.* Perejil Report, 21.07.2002. <http://www.swr.de/weltspiegel/ram/20020721/petersilie.ram>, видеофайл, состояние на май 2007г.
- Wetzlaugk U.* Berliner Blockade und Luftbrücke 1948/49. Berlin, 1998.
- Whyte B.* Bordering on the Ridiculous? A Comparison of the Baarle and Cooch Behar Enclaves // The Globe, 2002. № 53. P. 43–61. (2002b).
- Whyte B.* En territoire Belge et a quarante centimetres de la frontière', an historical and documentary study of the Belgian and Dutch enclave of Baarle-Hertog and Baarle-Nassau // Research Paper № 19, School of Anthropology, Geography and Environmental Studies. Melbourne: University of Melbourne.
- Whyte B.* Waiting for the Esquimo, an historical and documentary study of the Cooch Behar enclaves of India and Bangladesh // Research Paper № 8, School of Anthropology, Geography and Environmental Studies. Melbourne: University of Melbourne. Publication of PhD thesis. (2002a)
- Whyteford G.Th.* The Municipal Enclaves of Oklahoma City, an analysis of their functional relationship to Oklahome City. PhD thesis. University of Oklahoma, 1972.
- Wiedermann E.* Hinter dem Zaun, da ist das Glück // Spiegel, 2004. 11 October. № 42. P. 138–143.
- Yahuda M.* Hong Kong. China's Challenge. London, New York: Routledge, 1996.

Предметный указатель

- Авиньон 32, 73, 228
Австрия 30, 31, 33, 39, 40, 46, 75, 100, 138, 172–174, 250, 313, 314
Азербайджан 9, 25, 30, 31, 36, 37, 54, 56, 127, 187, 196, 213, 216, 217, 223, 304, 305, 324
Аляска 34, 39, 41, 56, 57, 59, 108, 188, 244, 259, 299, 304
Ангола 37, 187, 230, 231
Аргентина 31, 228, 275
Армения 25, 26, 30, 31, 36, 37, 54, 56, 111–113, 127, 187, 216, 217, 223, 324
Арцвашен 30, 223
Баарле 6, 8, 11, 19, 23, 30, 50–53, 56, 57, 62, 66, 69, 73, 76–78, 96, 99, 119, 120, 135–152, 192, 215, 216, 219, 223–226, 231, 248, 256, 258, 306, 307
Бангладеш 9, 11, 31, 50–52, 104, 112–114, 127, 151–158, 161–163, 194, 196, 202–204, 216, 226, 229–231, 245, 324
Барак 30, 103, 104, 105
Бархударлы 30
Беларусь 33, 45, 101, 110, 132, 186, 188
Белоруссия. *См.* Беларусь
Белорусская ССР. *См.* Беларусь
Бельгия 31, 33, 46, 76, 136, 138–146, 148, 149, 215, 224
Берлин 10, 25, 32, 45, 51, 60, 62, 63, 67–69, 73, 75, 77, 99, 112, 114, 115, 117, 125, 128, 135, 175, 179–183, 186, 187, 189, 194–202, 208, 209, 212, 213, 227, 233, 263, 279, 280–286, 301, 312, 315, 317
Босния 18, 32, 33, 37, 107, 125, 194, 205, 216
Бруней 23, 24, 28, 35, 217, 307
Бутан 33, 194
Бюзинген 10, 12, 20, 23, 30, 53, 62, 66, 69, 70, 95, 96, 99, 100, 107, 111, 122–124, 135, 144, 192, 213–215, 218, 221, 248–259, 263, 308, 314, 318, 325
Валь Д'Аран 19, 38–41, 307
Ватикан 21, 23, 28, 53, 66, 73, 77, 99
Вейхайвей 34, 109, 164, 165
Великобритания 7, 10, 23, 33, 35, 48, 57, 83, 94, 115, 117, 125, 126, 130, 131, 133, 154–156, 164–170, 192, 223, 232–244, 246, 247, 265–272, 274, 275, 301
Версальский договор 175, 196, 197
Верхняя Аскипара 30
Ворух 32, 56, 57
Восточная Пруссия 25, 37, 68, 77, 99, 112, 132, 135, 175–178, 196, 197, 208, 213, 263, 286, 312, 315
Восточный Берлин. *См.* Берлин
Восточный Пакистан 37, 57, 68, 112–114, 125, 154, 155, 194, 229, 230
Восточный Тимор 23, 35, 36, 73, 98, 99, 184, 185, 188, 217, 316
Гамбия 22–24, 28
Гвадар 34, 109, 110
ГДР. *См.* Германская Демократическая Республика

- Германия 7, 10, 23, 30, 31, 33, 35, 37, 39, 40, 45, 46, 64, 69, 95, 96, 99, 100, 107, 122, 123, 128, 132–134, 155, 164, 165, 172, 175–179, 196, 197, 214, 215, 224, 233, 248–258, 295, 313, 314, 325
- Германская Демократическая Республика 25, 33, 112, 117, 179, 181–183, 199, 200, 209, 233, 281, 284, 285
- Гибралтар 7, 10, 12, 20, 34, 57, 68, 74, 77, 81, 83, 84, 86, 94, 115, 117, 125–127, 129–131, 135, 187, 225, 232–244, 247, 263, 265–274, 300, 301, 311, 312, 314, 315, 317, 322
- Гил-И-Гил 265
- Гонконг 7, 8, 15, 20, 25, 27, 33, 34, 45, 52, 54, 58, 59, 68, 74, 77, 81, 94, 109, 115, 117, 125, 129, 130, 133, 163, 164, 166–169, 171, 172, 223, 227, 237–239, 247, 263, 265–274–279, 300, 304, 310, 312, 314, 315, 318
- Гора Скопус 32, 81, 114
- Данцигский коридор 175, 177, 194, 196–198, 208, 212
- Дархен 32
- Дахаграм-Ангарпота 9, 50, 66, 152, 156, 160–162, 188, 189, 202, 203, 245
- Декелия 30, 31, 57, 246
- Джангайл 30, 103
- Добта и Чумби 32
- Дубровник 23, 24, 37, 56, 57, 187, 205, 248, 304, 307
- Европейский Союз 9, 11, 20, 37, 83, 84, 88, 89, 91–93, 136, 137, 142–144, 147, 151, 172, 187, 204–206, 208, 219, 226, 227, 232–234, 241, 242, 258, 259, 263–265, 268, 278, 279, 287–289, 293, 295, 296, 299, 306, 313–315
- Европейское Сообщество. *См.* Европейский союз
- ЕС. *См.* Европейский союз
- Задар (Зара) 34
- Заир 37, 230
- Западный Берлин. *См.* Берлин
- Йештетген 39, 253, 314
- Израиль 33, 37
- Индия 11, 31–33, 35, 37, 45, 47, 50–52, 59, 62, 68, 76, 104, 113, 114, 117–119, 127, 151–158, 160–163, 187, 188, 191, 192, 194, 196, 202–204, 226, 230, 231, 234, 265, 324
- Индонезия 35, 36, 98, 99, 145, 184, 185, 188, 217, 316
- Иран 36, 37, 217
- Испания 7, 10, 19, 23, 31, 35, 39, 41, 57, 83–94, 96, 115, 126, 127, 131, 187, 190, 192, 204, 227–229, 231–238, 241–244, 263–271, 273, 300, 314, 315, 322, 324
- Италия 28, 31, 35, 39, 82, 83, 95, 133, 188, 310
- Ифни 34
- Кабинда 20, 37, 56, 57, 74, 187, 230, 231, 315
- Калача 102, 125
- Калининград 132, 186, 187, 206, 265, 307
- Калининградская область 7–9, 19, 20, 24, 37, 38, 45, 54, 56, 57, 62, 74, 75, 77, 115, 125–129, 132–134, 175, 186–188, 194, 196, 197, 205–208, 212, 213, 226, 239, 244, 245, 259, 263, 265, 279, 286–298, 303–305, 307, 312, 315, 317, 322–324, 328
- Кампионе 8, 20, 30, 53, 62, 66, 69, 82, 95, 96, 99, 119, 192, 259, 306, 307, 310, 312, 314, 315
- Канада 18, 22, 23, 33, 35, 39, 40, 42, 71, 76, 100, 105, 107, 108, 133, 188, 221, 222, 259–262, 275, 303
- Кванг-Чоу-Ванг 34, 164, 165, 169
- Квантунг 34, 164, 165, 169
- Квебек 71, 105, 106–108
- Кипр 35, 37, 48, 57, 125, 188, 246, 247
- Китай 7, 8, 25, 33, 35, 45, 59, 115, 117, 125, 129, 130, 133, 135, 163–172, 194, 223, 227, 238, 239, 274–279, 305, 306

- Кляйнвальзерталь 39, 40, 64, 307, 313, 314
КНР. *См.* Китай
Коккина. *См.* Эренокй
Колон 34, 112, 208, 210–213
Конго 37, 41, 187, 230, 231
Коулун 32, 52, 59, 125, 164, 169, 170, 238
Ксилотимбу 30, 31
Куч Бехар 6, 8, 9, 11, 19, 24, 30, 47, 50–52, 56, 57, 63, 73, 77, 78, 97, 104, 120, 127, 135, 137, 147, 151–155, 163, 189, 196, 202, 226, 231, 310, 324
Кыргызстан 9, 31, 33, 101–105, 125
Кьярки 30
Лесото 21, 22, 24, 27, 28, 77, 82, 83
Ливиньо 39, 315
Литва 19, 24, 33, 37, 38, 45, 75, 110, 128, 186–188, 197, 205–208, 259, 287, 289, 295
Литовская ССР. *См.* Литва
Лливия 8, 23, 29, 30, 62, 66, 69, 96, 100, 192, 194, 204, 208, 212, 213, 231, 258, 307, 310, 312
Мадха 30, 51, 52, 231
Макао 7, 15, 25, 27, 34, 45, 54, 68, 74, 77, 81, 94, 115, 163, 164, 166–168, 170–172, 223, 225, 263, 277–279, 300, 304–306, 310, 312, 314, 315
Малави 31, 43
Малайзия 28, 35, 217, 218, 307
Марокко 7, 10, 35, 84–87, 90–94, 115, 126, 222, 223, 227–229, 234, 237, 238, 248, 265, 270
Мартин Гарсия (о-в) 18, 30, 227, 228
Мелилья 7, 8, 10, 12, 24, 34, 54, 57, 68, 74, 77, 81, 84–94, 115, 119, 126–128, 131, 135, 222, 225, 227–229, 233, 234, 237–239, 243, 248, 263–266, 311, 312, 314, 315, 317, 322–324
Мозамбик 18, 31, 43
Монако 22, 23, 28, 53, 77, 83, 96, 99, 278
Мусандам (п-ов) 34, 51, 57, 231
Нагорный Карабах 25, 30, 62, 74, 112, 113, 127, 216, 217, 223
Намибия 35
Нахва 32, 51, 52
Нахичевань 9, 20, 36, 37, 56, 57, 127, 187, 196, 213, 216, 217, 223, 304, 305, 324
Неумский коридор 187, 194, 196, 205, 248
Нидерланды 23, 31, 48, 135, 136, 139, 140–146, 148, 149, 216, 224, 271, 306
ОАР. *См.* Объединенная Арабская Республика
ОАЭ. *См.* Объединенные Арабские Эмираты
Объединенная Арабская Республика 37, 112
Объединенные Арабские Эмираты 31, 33, 35, 51, 52, 231
Окусси-Амбено 34, 36, 57, 98, 99, 184, 185, 188, 189, 216, 217, 316
Ормидия 30, 31
Ос де Сивис 39, 307
Пагирий. *См.* Погири
Пакистан (*см. также* Восточный Пакистан) 21, 35, 37, 109, 110, 113, 114, 154–157, 161, 194, 229, 230, 234, 265.
Палестина 37
Панама 35, 107, 112, 210, 211
Панамский канал (*см. также* Колон) 34, 35, 109, 112, 210, 211
Перехиль (о-в) 7, 85, 94, 229
Погири 24, 32, 110, 124, 216
Пойнт Робертс 8, 39, 40, 100, 221, 222, 259–262, 306, 307
Польский коридор. *См.* Данцигский коридор
Польша 19, 37, 38, 75, 112, 128, 175, 186, 194, 196–198, 259, 286, 289, 295, 307
Российская Федерация. *См.* Россия
Россия 7, 9, 33, 35, 37, 45, 46, 101, 126–128, 132–134, 164, 165, 177,

- 178, 186, 187, 197, 205–207, 244,
259, 286–290, 292–298, 305, 323,
324
РСФСР. См. Россия
Самнаун 19, 38–41, 307, 314
Сан-Марино 21–23, 28, 53, 66, 82,
83, 99, 188
Саньково-Медвежье 32, 54, 101
Сао Жоао Баптисто де Ахуда 32,
117
Сарваксой 32
Саставчи 24, 32, 125, 216
Сен-Пьер и Микелон (о-ва) 18, 32,
42, 43, 59, 76, 303, 304, 311, 315
Сенегал 22, 28, 91, 234, 265
Сербия, Сербия-Черногория 32,
33, 37, 125
Сеута 7, 8, 10, 12, 24, 34, 54, 57,
68, 74, 77, 81, 84–89, 91–94, 115,
119, 126–128, 131, 135, 222, 225,
227–229, 233, 234, 237–239, 243,
248, 263–266, 311, 312, 314, 315,
317, 322–324
Сикким 33
Сирия 37, 112, 125
Сох 9, 32, 56, 57, 59, 102–104, 125
СССР (Советский Союз) 8, 24, 37,
45, 54, 62, 98, 99, 101, 102, 132, 198,
199, 233, 239, 286, 305
Стровилия 37, 57
Суверенные базы Великобритании
31, 34, 37, 48, 57, 125, 246, 247
США 8, 22, 35, 39–41, 48, 84, 87,
91, 100, 101, 107, 108, 112, 133,
161, 165, 172, 182, 188, 210, 211,
221, 222, 234, 244, 246, 259–263,
271, 275, 278, 279, 281, 288, 293,
294, 303, 304, 315
Таджикистан 30, 33, 101
Тембуронг 24, 34, 57, 99, 217, 218,
307
Тин Бигха 9, 50, 104, 156, 157,
161–163, 188, 194, 196, 202, 203,
212, 213, 216, 226, 245
Турция 35–37, 216, 217
Узбекистан 21, 31, 33, 101–105,
125
Уолвис Бэй 34
Уругвай 18, 31, 228
Федеративная Республика Герма-
ния 22, 25, 33, 112, 114, 117, 128,
180–182, 195, 196, 199–202, 209,
233, 256, 280–285
Феннбан 32, 51, 56, 57, 99, 106,
219
Ферганская долина 8, 54, 57, 62,
101–103, 125, 135, 263, 312
Ференахоф 32, 69, 70, 100, 111,
122–124, 221
Фихтенвизе 181, 209
Франция 23, 28, 29, 31, 33, 35, 39,
42, 44, 76, 83, 86, 96, 100, 118, 119,
133, 139, 140, 164, 165, 169, 190,
204, 228, 231, 303, 304
ФРГ. См. Федеративная
Республика Германия
Чингдао 34, 164, 165, 169
Чисумулу и Ликома (о-ва) 30, 43,
51, 59
Шахимардан 32, 125
Швейцария 10, 19, 30, 31, 33, 39,
40, 46, 69, 71, 75, 82, 95, 96, 100,
106–108, 111, 122–124, 192, 214,
215, 218, 221, 249–258, 306, 307,
314, 315, 325
Ширгисвальде 32, 135, 172–174
Штайнштюкен 32, 45, 69, 112,
181–183, 194, 209, 212, 213
Эренкой 34, 57, 188
Эрленгрунд 181, 209
Югославия 24, 48, 54, 73, 98, 99,
106, 108
Южная Африка 27, 28, 35, 83
Юкон 39, 41, 188
Юнгхольц 8, 18, 19, 30, 64, 119,
219, 258, 307, 313, 314

Научное издание

Винокуров Евгений Юрьевич

ТЕОРИЯ АНКЛАВОВ

Редактор В.Ю. Курпаков. Корректор Л.В. Сыроватко
Оригинал-макет подготовлен О.Ю. Токаевой

Подписано в печать 15.10.2007 г.

Бумага офсетная. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Гарнитура «Баскервиль». Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 22,5.

Тираж 500 экз.

Издательство «Терра Балтика»

236029, г. Калининград, ул. Гаражная, 2-Б, 208